ВЛАДЫКА ДЖУНГЛЕЙ

www.dmitriyzhitenyov.com

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ВЛАДЫКА ДЖУНГЛЕЙ

(Тигр, его распространение, численность, экология, практическое значение. Охота на тигров)

Издательство «НАУКА»
Казахской ССР
Алма-Ата — 1969

599
В—578

В книгу включены рассказы о тигре — одном из крупнейших хищников, сохранившихся до наших дней. Этот свирепый зверь, обладающий колоссальной силой, в течение тысячелетий вызывал суеверный страх у многих народов, его обожествляли, ему поклонялись и приносили жертвы. В таких странах, как Индия, Китай, появлялись даже тигры-людоеды, уносившие сотни человеческих жизней и наводившие ужас на население целых районов. Об одном из них рассказывает Дж. Корбетт. В рассказах наших известных писателей-натуралистов (Смирнова, Байкова, Арсеньева, Сысоева и др.) увлекательно описываются полные опасностей и приключений случаи охоты на тигров в Средней Азии, Казахстане, на Алтае и Дальнем Востоке.

Заканчивается книга большим очерком о тигре, написанным доктором биологических наук А. А. Слудским. В очерке говорится, чем интересен этот хищник, почему его теперь охраняют, в каких странах он еще живет и в каком количестве, когда и где появлялись тигры-людоеды, как живет тигр, почему о ним связано много суеверий.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями и рисунками лучших художников. Она интересна каждому любознательному читателю.

Под общей редакцией
доктора биологических наук
А. А. СЛУДСКОГО

2—10—6 / 9—65 доп. ; 4—8 / 9—65 доп.

ЧЕМ ИНТЕРЕСЕН ТИГР И ПОЧЕМУ ЕГО ТЕПЕРЬ ОХРАНЯЮТ

Тигр — один из крупнейших наземных хищников, сохранившихся до наших дней. Этот огромный свирепый зверь, обладающий колоссальной силой, нападая на крупных диких и домашних животных, а иногда и на людей, тысячелетия вызывал суеверный страх у жителей Дальнего Востока и Средней Азии, Китая, Кореи, Бирмы, Лаоса, Вьетнама, Индии, Непала, Малайи, Индонезии и других стран. В большинстве этих государств его обожествляли, ему поклонялись и приносили жертвы. Многие народы считали, что души умерших вождей и начальников вселяются в тигров и что эти хищники будто бы являются предками некоторых родов.

Даже в настоящее время в восточной медицине (Китай, Корея, Бирма и другие азиатские страны) для изготовления сильнодействующих лекарств от различных заболеваний применяются отдельные части тела тиг-

ра — кости, внутренние органы, глаза, кровь. Во многих странах тигр — один из наиболее распространенных персонажей сказаний и других произведений народного творчества.

Охота на тигра всегда считалась большим геройством, воспитывающим мужество. Там, где тигра усиленно преследовали, как, например, у нас, он почти не вредил людям. В странах же, где этих хищников боялись и на них охотились мало, нередко появлялись тигры-людоеды, наводившие ужас на население целых районов и уносившие сотни человеческих жизней. Тигры-людоеды раньше особенно часто появлялись в Индии, Непале, Вьетнаме и Китае.

Тигр — удивительный памятник природы, дающий представление о прошлом разнообразии животного мира. Изучение жизни этого хищника и его взаимоотношений с животными-жертвами представляет большой научный интерес. Вот почему в деле охраны природы сохранение таких интересных зверей, как тигр,— первоочередная задача.

Изучение биологии тигра в последние десятилетия, особенно в пределах Советского Союза, показало, что в малонаселенных районах, где есть дикие копытные звери, служащие этому хищнику добычей, он на скот нападает очень редко и животноводству практически не вредит. Не трогает тигр и человека, если тот его не преследует.

В настоящее время количество тигров во многих странах, в том числе и в СССР, быстро сокращается, и на обширных территориях он уже исчез, поэтому как у нас, так и за рубежом, например в Индонезии, Китае и Корее, принимаются меры, чтобы сохранить этого интереснейшего зверя.

Пока тигры кое-где еще встречаются или истреблены недавно, необходимо собрать о них наиболее полные сведения, чтобы сберечь их на будущее,— это одна из задач настоящей книги. Вторая ее задача — познакомить широкие круги читателей с замечательным зверем нашей фауны, рассказать о нем правду и привлечь к нему внимание с тем, чтобы общими силами изучать и охранять его. Одновременно мы выполняем поступившие к нам многочисленные просьбы советских охотни-

ков и любителей природы, а также зарубежных специалистов Китая, Кореи, Индии, Англии, ГДР, Чехословакии и других стран подробно рассказать о тигре, обитающем в СССР.

Материалы для настоящей книжки собирались более двадцати лет. Работая и охотясь в 30-х годах в дельте реки Или на юго-востоке Казахстана, где тогда еще обитали тигры, я, как и многие охотники, мечтал встретить этого замечательного зверя. Вечерами, сидя на стане у костра, мы внимательно слушали рассказы старых охотников о встречах с тиграми и об охоте на них, но нам этот сказочный зверь долго не попадался. Однажды мне повезло. В 1940 г., охотясь на кабанов в дельте р. Или на протоке Топар, я наткнулся на свежий крупный след тигра. Сжимая в руке ружье, я пошел по этому следу, пробираясь через гигантские камыши высотой в 4—5 *м* и все время ожидая, что вот на ближайшей поляне увижу полосатого красавца. Много волнующих минут пришлось пережить во время этой первой охоты на тигра, и я понял страсть, с какой искали встречи с этим хищником наши известные натуралисты-охотники Н. М. Пржевальский, В. К. Арсеньев, Н. А. Байков, Л. Г. Капланов, К. Г. Абрамов, В. П. Сысоев и многие другие.

С тех пор, работая в районах, где живут или недавно еще встречались тигры — в обширных зарослях камышей и в тугаях Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи, Или и Вахша, у озер Балхаша и Алакуля, в горах Тянь-Шаня и Прибайкалья, наконец, в Китайской Народной Республике в провинции Юньнань и в других местах, я везде собирал сведения об этом звере и знакомился с условиями, в которых он обитал. Этот материал послужил основой для второй части книги. Кроме того, я использовал большое количество опубликованных данных, найденных мною в отечественной и зарубежной литературе.

Весьма ценные материалы об этом хищнике получены также от ряда зоологов и других специалистов: К. Г. Абрамова, Г. Ф. Бромлея, В. И. Чернышева, Н. А. Суханова (СССР), Вон Хон Гу (Корейская Народно-Демократическая Республика), Тзен-Хуан Шоу, Чжу Бо-пинь, Ян Ли-цу (Китайская Народная Республика)

и И. К. Рая (I. С. Rai — Индия). Всем перечисленным лицам я выражаю свою глубокую благодарность.

Книга иллюстрирована оригинальными рисунками одного из лучших художников-анималистов заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Н. Комарова.

Сборник состоит из двух частей. В первой части помещены увлекательные рассказы об охоте на тигров отечественных и зарубежных авторов-натуралистов, собранные и отредактированные мною. Эти очерки, ставшие, как правило, большой библиографической редкостью, помогут читателю познакомиться с замечательным зверем, которому посвящена эта книга, и не раз подивиться исключительной смелости и геройству наших охотников на тигров,— равных им по отваге нет ни в одной из многих стран, где живет этот хищник.

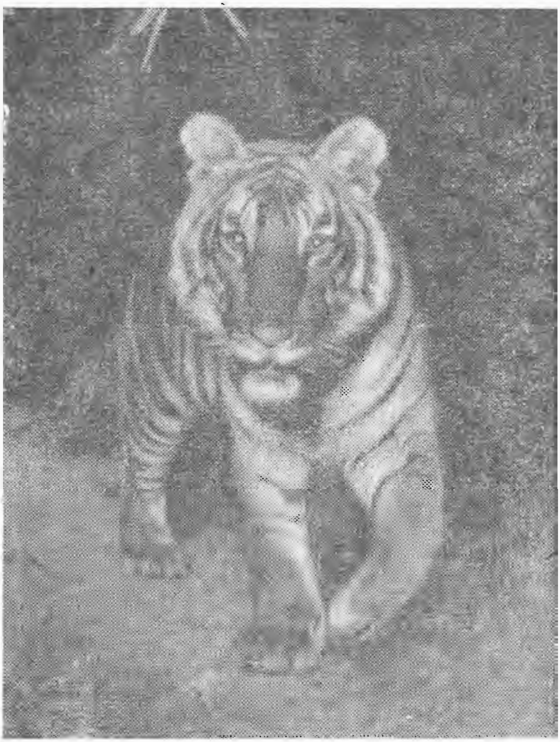
Во второй части подробно описываются прошлое и современное распространение тигра, его численность, экология, хозяйственное значение, суеверия, связанные с этим зверем, и мероприятия по его охране.

Автор просит читателей все сведения о тигре и его фотографии посылать по адресу: г. Алма-Ата, 57, Институт зоологии АН КазССР, Слудскому Аркадию Александровичу.

г. Алма-Ата

Доктор биологических наук
А. А. Слудский

РАССКАЗЫ ОБ ОХОТЕ НА ТИГРА



Д. КОРБЕТТ

ЧАМПАВАТСКИЙ ЛЮДОЕД[1]

Я был на охоте в Малани с Эдди Наульсоном, когда впервые услышал о тигре, впоследствии получившем официальное наименование чампаватского людоеда.

Эдди, которого долго еще будут вспоминать в нашей провинции как охотника «par excellence»[2] и автора неиссякаемого запаса охотничьих рассказов, был одним из немногочисленных счастливцев, которым всегда везет в жизни. Ружье его было несравненным по точности и силе боя; один из его братьев слыл первым ружейным стрелком в Индии, второй — лучшим игроком в теннис в индийской армии. Поэтому, когда Эдди сказал мне, что его молочный брат, «лучший шикари[3] в

[1] Из книги Д. Корбетта «Кумаонские людоеды», Географгиз, М., 1957, стр. 11—36.

[2] Par excellence — идеальный (*фр.*).

[3] Шикари (от индийского слова шикар — охота)— профессиональный охотник в Индии.

мире», был командирован правительством, чтобы застрелить чампаватского людоеда, я был совершенно уверен, что деятельности людоеда будет скоро положен конец.

По каким-то непонятным причинам тигр все же не был убит и доставлял много хлопот еще четыре года спустя, во время моего посещения Найни-Тал. Были назначены премии, посланы шикари и даже команды гурков[1] из гарнизона в Алмора. Несмотря на все эти меры, число человеческих жертв продолжало возрастать.

Тигрица (впоследствии выяснилось, что это была именно тигрица) появилась в Кумаоне из Непала уже вполне сложившимся людоедом. Оттуда ее прогнал целый отряд непальцев после того, как она унесла 200 человеческих жизней. В течение четырех лет в Кумаоне она добавила к этому числу еще 234 человека.

Так обстояли дела вскоре после моего приезда в Найни-Тал, где я встретил Бертауда. Бертауд был тогда заместителем уездного комиссара и пользовался всеобщей любовью и уважением. Поэтому неудивительно, что когда он сообщил мне о страхе, внушаемом людоедом населению уезда, и о той тревоге, которую ему причиняли сложившиеся обстоятельства, я обещал выехать в Чампават немедленно после его сообщения о новой человеческой жертве.

Я поставил при этом два условия: отмену премии и удаление шикари и алморских солдат. Мотивы этих условий, в сущности, не требуют объяснения, так как всякий охотник поймет мое нежелание быть причисленным к категории охотников за премией и так же, как и я, не хочет быть случайно застреленным. Условия мои были приняты; неделю спустя рано утром Бертауд посетил меня и сообщил, что гонцы-скороходы принесли ему ночью известие о том, что тигр убил женщину в Пали, деревне между Деби-Дхура и Дунагхатом.

Рассчитывая на кратковременное пребывание там, я нанял шесть человек, которые должны были нести мой багаж и снаряжение. Выступив после завтрака, мы

[1] Гурки, или гуркхи, — народность Северной Индии, живущая на южных склонах Гималаев.

в первый день прошли семнадцатимильный путь до Джари. Позавтракав следующим утром в Морнаула, мы заночевали в Деби-Дхура и прибыли в Пали на следующий вечер, через пять дней после гибели женщины.

Население деревни, примерно пятьдесят человек мужчин, женщин и детей, было объято ужасом. Хотя солнце стояло еще высоко, я застал всех жителей в домах за прочно закрытыми дверями. Только после того, как мои люди развели костер и я сел выпить кружку чаю, двери стали тут и там открываться и начали появляться испуганные крестьяне.

Мне сказали, что в течение последних пяти дней никто не решался выйти за порог своего дома. Антисанитарное состояние двора, где я остановился, ясно подтверждало это. Люди говорили, что продовольствия не стало хватать и что им грозит голодная смерть, если тигр не будет уничтожен или удален из этого района.

То, что тигр все еще находился где-то по соседству, было очевидным. Последние три ночи рев слышали на дороге, ярдах в ста от домов, а в день моего прибытия тигра видели в нижнем конце деревни.

Староста уже приготовил мне комнату, но нас было восемь человек и единственная дверь открывалась в очень грязный двор. Я предпочел поэтому провести ночь под открытым небом.

После легкой закуски, которая должна была заменить мне обед, я, удостоверившись, что мои люди находятся в безопасности в закрытом помещении, занял пост на краю дороги, прислонившись спиной к дереву. Жители деревни рассказывали, что тигр обычно ходит по этой дороге. Было полнолуние, и я надеялся, что мне представится случай сделать удачный выстрел, если я увижу тигра раньше, чем он меня.

Много ночей мне пришлось проводить в джунглях, когда я подстерегал диких зверей. Но это была первая, когда я имел дело с тигром-людоедом. Дорога передо мной была залита ярким лунным светом, и нависшие над ней справа и слева деревья бросали большие тени. Ночной ветерок шевелил ветви, тени перемещались, и тогда мне казалось, что приближается целая дюжина тигров; я горько жалел об увлечении, которое отдавало меня на милость тигра-людоеда. У меня не

хватало смелости вернуться в деревню, хотя я понимал, что был слишком напуган для того, чтобы выполнить задачу, которую сам себе поставил. Так я провел долгую ночь. Зуб на зуб не попадал и от страха и от холода. Серый рассвет, поднявшийся над видневшимися передо мной снежными вершинами, застал меня в полусне: я сидел, уткнувшись головой в колени. В такой позе застали меня пришедшие через час мои люди. Тигра я не видел и не слышал.

По возвращении в деревню я хотел попросить жителей (они были изумлены, как я остался живым в эту ночь) указать места, где нападал на них тигр. Желающих не нашлось. Крестьяне только показывали мне со двора те направления, которые вели к местам гибели людей. Последний случай произошел на склоне горы к западу от деревни; сюда меня все же проводили. Женщины с детьми (всех их было около двадцати) занимались сбором листьев для скота, когда одна из них была убита. С волнением передавали мне они детали этого происшествия. Женщины вышли из деревни часа за два до полудня. Пройдя около полумили, они стали влезать на деревья и срезать листву. Жертва людоеда и две другие женщины выбрали себе дерево, растущее у края оврага. В дальнейшем я выяснил, что овраг этот имел в глубину около четырех футов, а в ширину — от десяти до двенадцати. Срезав листья, женщина стала спускаться с дерева. Незаметно подкравшийся тигр схватил ее за ногу. Женщина после неимоверных усилий выпустила из рук сук, за который держалась при спуске, и тигр сбросил свою жертву в овраг. Когда женщина пыталась встать, тигр, схватив ее за горло, убил, а потом выскочил по склону оврага и исчез со своей добычей в густых кустах.

Все это произошло на глазах двух других женщин, находившихся на том же дереве, на расстоянии нескольких футов. Как только тигр со своей жертвой исчез из поля зрения, испуганные женщины и девушки побежали в деревню. В это время мужчины только что вернулись на обед. Вооружившись барабанами, металлическими кастрюлями — всем, чем можно произвести шум, отправилась спасательная партия — мужчины впереди, женщины сзади.

Дойдя до оврага, где была убита женщина, люди остановились и стали совещаться, как быть дальше. Но все споры прекратил тигр, громко заревевший в кустах, отстоявших ярдах в тридцати. Как один человек, вся партия повернула и побежала в деревню. Когда отдышались, посыпались взаимные упреки: кто побежал первым, кто вызвал панику? Долго спорили, пока, наконец, кто-то заметил, что если никто не испугался и все были храбры, как утверждали, то зачем же терять время и почему не вернуться, чтобы попытаться спасти женщину. Предложение было принято, и еще три раза спасательная партия приближалась к оврагу. На третий раз один из ее участников (у него было ружье) выстрелил — тигр в кустарнике заревел. После этого всякие попытки спасти женщину были «благоразумно» оставлены. На мой вопрос владельцу ружья, почему же он стрелял в воздух, а не в куст, последовал ответ, что тигр был очень разъярен и если бы он, стрелок, к несчастью, попал в тигра, тот его, конечно, убил бы.

В это утро я три часа пробродил вокруг деревни, надеясь на встречу с тигром и в то же время ее опасаясь. Обходя кусты в лесистом овраге, я поднял стайку темноспинных серебряных фазанов[1], которые закричали. Сердце забилось в надежде на удачу.

Мои люди расчистили место под ореховым деревом, устроив там для меня столовую. После завтрака староста деревни попросил меня охранять жителей при уборке пшеницы. Он прибавил, что если урожай не будет собран в моем присутствии, то его совсем не соберут — население слишком напугано, чтобы выходить из домов. Через полчаса все жители деревни с помощью моих людей горячо принялись за работу, а я с заряженным ружьем стоял на страже. Вечером урожай был собран с пяти больших полей; неубранными остались два небольших участка у строений; с ними, по словам старосты, нетрудно было справиться на следующий день.

Санитарное состояние деревни также улучшилось. Для моего личного пользования было отведено еще одно помещение. И в эту ночь, защитив от тигра откры-

---

[1] *Gennaeus hamiltoni* — индийский темноспинный серебряный фазан, по-местному калиджи (caleege).

тую для вентиляции дверь плотно вкопанным кустом колючки, я смог, наконец, хорошо отдохнуть.

Присутствие мое ободрило население: люди перестали бояться и приступили к обычным своим занятиям. Все же я не настолько заслужил их доверие, чтобы они согласились провести меня по окрестным джунглям. А я придавал этому известное значение. Крестьяне знали каждый фут местности на несколько миль вокруг деревни и при желании могли указать мне место, где я мог бы встретить тигра или по крайней мере увидеть его следы. Что людоед — тигр, это было твердо установлено, но оставалось неизвестным, самец или самка, старый или молодой зверь. Эти сведения были необходимы для выслеживания зверя, но я мог получить их, только осмотрев следы тигра.

После раннего чаепития я заявил, что мне нужно добыть продовольствие для моих людей, и попросил крестьян указать места, где я мог бы застрелить горалов[1]. Деревня была расположена на вершине большого гребня, тянувшегося от нее на восток и на запад. Прямо под дорогой, где я провел предыдущую ночь, гора, образуя несколько поросших травою террас, круто обрывалась к северу. Мне сообщили, что там было много горалов. Несколько мужчин высказали желание проводить меня туда. Я выбрал троих и отправился, предупредив старосту, что если я найду так много горалов, как мне говорили, я застрелю одного для моих людей и двух — для жителей деревни.

Перейдя дорогу, мы спустились по крутому склону. Хотя мы внимательно глядели вправо и влево, но ничего не увидели. На полмили ниже холма было место соединения двух оврагов, откуда открывался чудесный вид на каменистый склон, заросший травой. Я оперся спиной на одинокую сосну и в течение нескольких минут зорко осматривал местность.

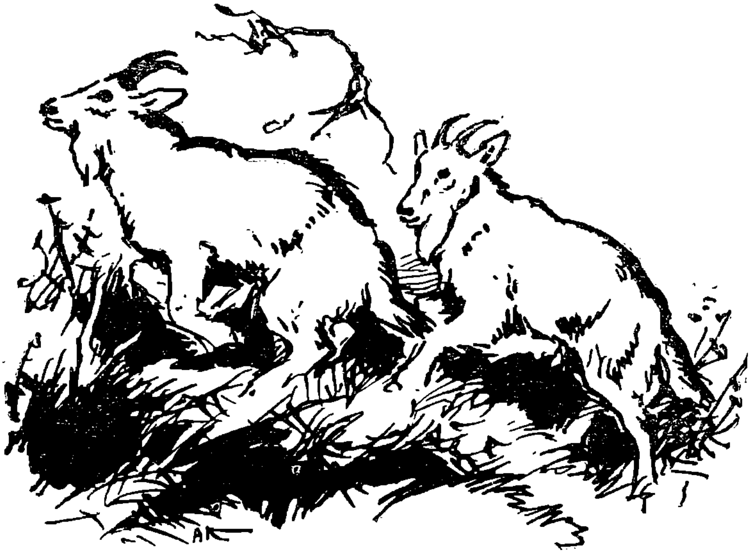
Вдруг мое внимание привлекло какое-то движение на вершине холма. Движение повторилось, и я мог рассмотреть, что это горал, шевеливший ушами. Животное стояло в густой траве — видна была только его голова.

---

[1] *Nemorhaedus goral* — горная антилопа, распространенная в Южной и Восточной Азии, в СССР — в Приморье в небольшом количестве.

Спутники мои горала не заметили, и так как голова его оставалась теперь неподвижной и сливалась с окружающей местностью, я не мог направить их, чтобы они гнали на меня зверя. Указав людям, в каком направлении находится горал, я приказал им сесть и ждать, пока я не выстрелю. Я был вооружен старой винтовкой, которая искупала свою сильную отдачу мертвым боем на любую дистанцию. Расстояние примерно в двести ярдов не составляло непреодолимого препятствия. Я лег на землю, оперев ствол ружья о корень сосны, тщательно прицелился и выстрелил. Дым от черного пороха затянул воздух; мои спутники не видели результата выстрела и думали, что я стрелял в скалу или в кучу сухих листьев. Я остался на месте. Перезарядив ружье, я заметил, что трава немного ниже того места, куда я выстрелил, зашевелилась, из нее появилась сначала задняя часть тела горала, а потом и весь зверь. Он покатился по крутому склону, на полпути от вершины опять исчез среди густой травы, напугав лежавших там двух горалов. Оба они вскочили с тревожным криком и побежали вверх по склону. Расстояние до них сократилось; я прицелился, дождался, пока более крупный горал замедлил бег, и выстрелил ему в спину; когда другое животное поскакало поперек склона, я прострелил ему плечо.

Бывают случаи невероятных удач. Лежа в неудобной позе, я стрелял на двести ярдов под углом в шестьдесят градусов по такой малой цели, как белое пятно на горле зверя; казалось бы, я имел не более одного шанса из миллиона попасть в цель, однако тяжелая свинцовая пуля при заряде из черного пороха ни на волос не уклонилась от цели и положила зверя на месте. А затем по крутому склону, пересеченному небольшими оврагами и выступами скал, убитое животное скатилось прямо туда, где лежали два других горала. Не успел первый подстреленный зверь выпутаться из густой травы, как два других в свою очередь покатились вниз по склону. Все три зверя лежали теперь на дне лощины. Забавно было видеть изумление и восторг моих спутников, которые в первый раз видели стрельбу из ружья. Спускаясь за добычей в лощину, они даже перестали думать о тигре.



Два горала вскочили с тревожным криком и побежали вверх по склону.

Вылазка была успешной во многих отношениях. Я не только добыл продовольствие для жителей деревни, но и заслужил их доверие. Всякому известно, что охотничьи рассказы ничего не теряют при их образном изложении. Когда с горалов были сняты шкуры, а туши их разделаны, мои спутники дали полную свободу своему воображению. А потом, сидя за завтраком на свежем воздухе, я мог наблюдать удивление собравшейся толпы при рассказах о том, что горал был застрелен на расстоянии более мили и как заколдованные пули не только убили зверей, но и принесли их к ногам саиба.

После обеда староста спросил меня, куда я хочу идти и сколько мне нужно провожатых. Из возбужденно теснившейся вокруг меня толпы я выбрал двух из моих прежних спутников и направился с ними на место последней трагедии.

Индийцы здесь твердо придерживаются своих обычаев. Если кто-либо похищен тигром-людоедом, долг

родственников разыскать хотя бы часть трупа, будь это кусочки костей, и предать их сожжению. В отношении последней жертвы эта обязанность все еще не была выполнена, и когда мы уходили, родные обратились к нам с просьбой принести какие угодно останки, если только мы их найдем.

С раннего детства моей страстью было чтение следов в джунглях. В настоящем случае я слышал рассказы очевидцев смерти женщины, но на свидетелей не всегда можно положиться, а следы дают точную картину того, что произошло в джунглях. При первом же взгляде на местность я убедился, что тигр мог подойти незамеченным к дереву, только поднявшись по оврагу. Спустившись в овраг ярдах в ста от дерева, я нашел на рыхлой почве между двумя камнями отпечатки лап. Следы указывали, что зверь — тигрица, едва вышедшая из молодого возраста. Немного далее по склону оврага, ярдах в десяти от дерева, тигрица залегла за камнем, видимо, в ожидании того, когда женщина начнет спускаться с дерева. Когда женщина, нарезав листьев, стала слезать, держась за сук толщиной около двух дюймов, тигрица подползла и, встав на задние лапы, схватила ее за ногу и сбросила в овраг. На суку видны были следы, показывающие, какие отчаянные усилия делала несчастная, чтобы задержаться: на твердой коре дуба и даже на пучках листьев, которые женщина пыталась захватить, оставались полоски содранной с пальцев и ладоней кожи. На том месте, где тигрица убила свою жертву, были видны следы борьбы и пятно высохшей крови. Оттуда кровавая дорожка, уже засохшая, вела на противоположную сторону оврага. Выйдя по этому кровавому следу из оврага, мы нашли место, где тигрица съела свою добычу.

Широко распространено мнение, будто тигры-людоеды не трогают головы, рук и ног своих жертв. Это неверно. Если людоеда не тревожат, он ест все, включая пропитанную кровью одежду, как я наблюдал в одном случае.

На этот раз мы нашли одежду женщины и несколько кусков костей, которые и завернули в чистую ткань, захваченную с собой для этой цели. Как ни жалки бы-

ли ничтожные остатки, их было достаточно, чтобы выполнить обряд сожжения.

После чая я посетил место другой трагедии. Небольшой хутор в несколько акров был расположен за дорогой, отделявшей его от деревни. Прямо над дорогой на склоне холма владелец хутора построил себе хижину. Жена его — мать двоих детей, мальчика четырех лет и девочки шести,— была младшей из двух сестер. Как-то раз обе сестры заготовляли траву на холме, когда внезапно появилась тигрица и схватила старшую. Младшая целых сто ярдов гналась за тигрицей, размахивая серпом и умоляя тигра-людоеда отпустить сестру и взять ее взамен. Вся деревня была свидетелем этого невероятного героизма. Протащив мертвую женщину сто ярдов, тигрица бросила ее и обернулась против своей преследовательницы. С громким ревом зверь бросился на храбрую женщину. Та повернулась, побежала вниз по холму, перебежала через дорогу, очевидно, в намерении сообщить жителям о случившемся. Но те все видели сами. Непонятные звуки, которые издавала прибежавшая женщина, приписаны были сначала тому, что она запыхалась, была взволнована и испугана. Только после того, как быстро организованная спасательная партия вернулась, не добившись никакого успеха, выяснилось, что женщина утратила способность речи. Всю эту историю мне рассказали в деревне. Когда я впервые увидел эту женщину, она была абсолютно немой уже целый год.

Если не считать тревожного выражения глаз, женщина казалась совершенно нормальной. Когда я остановился, чтобы поговорить с ней, и сообщил, что прибыл для того, чтобы попытаться застрелить тигра, убившего ее сестру, немая сжала руки, опустилась на землю и коснулась моих ног,— я почувствовал себя негодным обманщиком. Правда, я прибыл с твердым намерением застрелить тигра. Но шансов на выполнение этого намерения было не больше, чем при поисках иголки в двух стогах сена: я имел дело со зверем, относительно которого было известно, что он никогда не убивает два раза подряд в одной местности, никогда не возвращается к добыче, а район его действий простирается на несколько сотен квадратных миль.

По пути из Найти-Тал я обдумал множество планов. Один из них я испробовал, и никакие силы не заставили бы меня повторить подобную попытку. Другие варианты, после того как я попал на место действия, казались мне теперь такими же непривлекательными. К тому же здесь не было никого, кто мог бы помочь мне советом,— это был первый случай появления в Кумаоне тигра-людоеда. Но все же надо было что-то предпринимать. Поэтому в течение трех последующих дней я с восхода до заката солнца бродил по джунглям, обойдя в окрестностях все те места, где, по рассказам жителей, можно было бы встретить тигрицу.

Я вынужден тут несколько прервать свой рассказ: мне хочется опровергнуть распространившиеся в наших горах слухи, будто бы я переодевался в женскую одежду и, уходя в джунгли, подманивал тигров-людоедов, убивая их серпом или топором. Единственно, что я действительно делал для маскировки,— это надевал сари (женское покрывало) и в таком костюме резал траву или взбирался на дерево и обрывал листья. Но такая хитрость не принесла мне успеха.

Впрочем, как я мог установить, тигры следили за моим деревом из укрытия (в одном случае из-за скалы, а в другом из-за упавшего дерева), так что стрелять мне не было возможности.

Возвращаюсь к моему рассказу. Тигрица, по-видимому, оставила эту местность, и я, к большому огорчению жителей Пали, решил перейти в Чампават, в пятнадцати милях восточнее Пали. Выступив ранним утром, я позавтракал в Дунагхате и к заходу солнца достиг Чампавата; дороги в этих местах считались весьма небезопасными, и люди шли из деревни в деревню или на базар только большими компаниями. При выходе из Дунагхата со мной было восемь человек, в пути количество людей увеличилось, и в Чампават нас прибыло уже более тридцати. Некоторые из моих спутников были из числа тех двадцати человек, которые ходили в Чампават два месяца назад; они рассказали мне печальную историю: «По эту сторону от Чампавата дорога на протяжении нескольких миль проходит у южного склона гор вдоль долины и примерно ярдов на пятьдесят выше ее дна. Два месяца назада компания

из двадцати мужчин шла на базар в Чампават. Проходя этот участок дороги около полудня, мы вдруг услышали крики человека, доносившиеся снизу, из долины. Столпившись у края дороги, люди с ужасом заметили, что крики все приближаются. Вскоре появился тигр, несший обнаженную женщину. Волосы ее волочились по земле с одной стороны тигра, ноги — с другой. Тигр держал женщину за поясницу, а она била зверя в грудь и призывала бога и людей на помощь. Все это мы хорошо видели: тигр прошел от нас на расстоянии в пятьдесят ярдов. Когда крики вдали стихли, мы стали продолжать свой путь».

— И вы, двадцать мужчин, ничего не предприняли?

— Нет, саиб, ничего, так мы были перепуганы. А что может сделать испуганный человек? И даже если бы мы сумели отнять женщину, не разъярив тигра и не навлекши тем самым беды на самих себя, это все равно не помогло бы ей.

Позднее я узнал, что жертвой тигра тогда была жительница одной из деревень в окрестностях Чампавата. Тигр схватил женщину, когда та собирала валежник. Ее подруги побежали в деревню и подняли тревогу. Двадцать мужчин, шедших в Чампават, пришли в эту деревню как раз тогда, когда оттуда отправлялась «спасательная партия». Так как пришедшие знали, в каком направлении тигр унес женщину, они присоединились к этой партии. Вот продолжение их рассказа:

«Нас было пятьдесят или шестьдесят сильных мужчин, когда мы выступили на помощь женщине; некоторые из нас имели ружья. Примерно в одной восьмой мили от места, где лежал собранный валежник и где жертва была схвачена людоедом, мы нашли разорванную одежду. Тут люди забили в барабаны и стали стрелять. Так мы прошли еще более мили напрямик и вошли в долину. Там мы и нашли женщину — это была почти девочка, она лежала мертвой на большой каменной плите. Тело покойницы было совершенно целым; тигр не тронул его, он только облизал стекавшую кровь. Среди нас не было женщин, и мы, мужчины, отвернув лица, завернули мертвое тело в белье, которое сняли с себя некоторые из пришедших. Девушка лежала на

спине, как спящий человек, и нам казалось, что она проснется от стыда при прикосновении мужчин».

Подобного рода истории часто рассказываются в деревнях в долгие бессонные ночи за плотно запертыми дверями. Понятно, что в конце концов и характер и быт людей, проводящих годы в местности, где действует тигр-людоед, изменяются. Человеку, попавшему туда со стороны, начинает казаться, что он очутился в мире далекого прошлого, в царстве зубов и когтей, когда саблезубый тигр загонял человека в укрытие глубоких пещер.

В те далекие дни Чампавата я был молод и неопытен, но полученное мною убеждение после немногих дней пребывания в Чампавате только укрепилось в результате последующего тридцатидвухлетнего опыта; нет ничего более ужасного, чем жить во власти тигра-людоеда и сознавать, что в таком же положении находятся все близкие люди. Чампаватский тахсилдар[1], которому я предъявил свои рекомендации, посетил меня ночью в почтовой конторе, где я остановился. Он посоветовал мне перейти в другое помещение — сторожку, расположенную в нескольких милях от конторы. В ближайших ее окрестностях тигр убил несколько человек.

Рано утром на следующий день я в сопровождении тахсилдара прибыл в сторожку. Когда я завтракал на веранде, пришли двое мужчин и сообщили, что тигр убил корову в деревне, отстоявшей отсюда миль на десять. Тахсилдар просил извинения — спешные дела требовали присутствия его в Чампавате; он сказал, что вернется вечером и проведет ночь с нами. Мои проводники оказались хорошими ходоками; дорога шла вниз по склонам, и мы в рекордно короткое время прошли десять миль. В деревне меня привели к загону для скота, где произошло нападение: теленок примерно недельного возраста был убит и частично съеден леопардом. Не имея ни времени, ни намерения застрелить этого леопарда, я расплатился с проводниками, а сам вернулся в сторожку. Оставался еще час светлого времени, когда я с чоукидаром[2] пошел осматривать место,

---

[1] Тахсил — административная единица, соответствующая волости. Тахсилдар — волостной начальник.

[2] Чоукидар — сторож.

где, по его словам, тигр имел обыкновение пить воду. Это была головная часть оросительного канала. На мягкой почве у водоема были следы тигра, оставленные несколько дней тому назад, но эти следы были совершенно отличные от отпечатков лап, которые я видел и внимательно изучал в овраге, где была убита женщина из Пали.

Вернувшись в сторожку, я застал там тахсилдара. Мы расположились на веранде, и я рассказал о результатах дня. Тахсилдар, выразив сожаление, что мне напрасно пришлось предпринять дальнюю экскурсию, встал и сказал, что ему предстоит еще длинный путь и поэтому надо выходить немедленно. Это меня очень изумило, так как раньше тахсилдар дважды говорил, что проведет ночь у меня. Дело, конечно, было не во мне, но я понимал угрожающую тахсилдару опасность. Он остался все же глух к моим убеждениям. Когда тахсилдар сошел с веранды среди мрака ночи с единственным спутником, несшим чуть светящийся фонарь, и отправился по дороге, где и днем люди отваживались появляться только большой группой, я, прощаясь, снял шляпу перед весьма смелым человеком.

На следующее утро я осмотрел фруктовые сады, чайные плантации и выкупался в ручье. Около полудня благополучно вернулся из Чампавата тахсилдар, рассеяв мою тревогу за него.

Я беседовал с ним, смотря на пологие горные склоны и деревню, окруженную полями, и вдруг увидел, что какой-то человек выходит из деревни и двигается прямо по направлению к нам. Когда человек стал приближаться, я увидел, что он то идет, то бежит,— очевидно, он нес важные известия. Сказав тахсилдару, что вернусь через несколько минут, я побежал вниз по холму навстречу гонцу. Человек присел, чтобы перевести дыхание. Как только я приблизился на расстояние, с которого можно было расслышать голос, он крикнул мне: «Скорее, саиб, тигр только что убил женщину». «Сиди»,— ответил я и побежал обратно в сторожку. Схватив ружье и несколько патронов, я сообщил об этом тахсилдару и попросил его следовать за мной в деревню.

Гонец принадлежал к той досадной категории лю-

Вдруг появился тигр и схватил молодую женщину лет шестнадцати-семнадцати.

дей, у которых язык и ноги не могут действовать одновременно. Если он раскрывал рот, то останавливался, а если шел, то закрывал рот. Приказав ему молчать и продолжать путь, я молча бегом спустился по склону.

В деревне нас встретила возбужденная толпа мужчин, женщин и детей. Как бывает обычно в таких случаях, все стали говорить одновременно. Один из присутствующих тщетно пытался успокоить это вавилонское столпотворение. Я отвел этого человека в сторону и предложил рассказать, что случилось. Он показал мне на одинокий дуб, стоявший на низком склоне, примерно в восьмой части мили от деревни, и сказал, что у этого дуба человек двадцать жителей занимались сбором сухих сучьев. Вдруг появился тигр и схватил молодую женщину лет шестнадцати — семнадцати. Все бросились бежать в деревню, и так как было известно, что я остановился в сторожке, ко мне отправили гонца с донесением.

Жена человека, с которым я говорил, участвовала в сборе сучьев, и она показала мне дерево за поворотом склона холма, где была похищена девушка. Однако никто из участников сбора не решился при бегстве оглянуться, чтобы узнать, унес ли тигр свою жертву, и если да, то в каком направлении.

Приказав толпе не шуметь и оставаться в деревне до моего возвращения, я направился к дереву. Местность была совершенно открытой, и трудно себе представить, что такое животное, как тигр, могло подобраться незамеченным к группе из двадцати человек и его присутствие было обнаружено лишь после того, как девушка закричала.

На месте убийства была видна кровь, а вблизи, составляя резкий контраст с багровой лужей, валялось разорванное ожерелье из ярко-голубых бус. Отсюда следы вели вверх и за поворот склона.

Следы тигрицы были хорошо заметны. С одной их стороны, там, где свисала голова женщины, были большие брызги крови, а с другой — борозда от ее ног. В полумиле выше я нашел женское покрывало, а на вершине холма — юбку. Опять тигрица несла обнаженную женщину, но в этом случае жертва по милости судьбы была мертвой.

На вершине след повел в колючие кустарники; на отдельных колючках висели длинные пряди иссиня-черных волос девушки. Дальше тигрица прошла через заросли крапивы. Когда я пытался обойти это препятствие, за моей спиной послышались шаги. Ко мне подходил человек с ружьем. Я спросил его, зачем он пошел за мной, раз я приказал, чтобы никто не выходил из деревни. Он ответил, что тахсилдар велел ему сопровождать меня и он боялся ослушаться этого приказа.

Было ясно, что человек решил точно выполнить данное ему поручение, а споры с ним привели бы к потере драгоценного времени. Я сказал ему, чтобы он снял свои тяжелые сапоги, и после того, как он запрятал их в кусты, посоветовал держаться ближе ко мне и тщательно следить за всем, что происходит позади нас.

На мне была пара тонких чулок, короткие, с открытыми коленями брюки и обувь на резине, несмотря на это, пришлось все же пойти по следу тигра через крапиву, так как обходного пути не было.

Из зарослей крапивы следы крови поворачивали влево, а потом спускались прямо вниз по очень крутой горе, густо поросшей папоротником и рингалом (горный бамбук). Ста ярдами ниже след приводил в узкое и глубокое речное ущелье, по которому тигрица продвигалась с большим трудом — это видно было по сдвинутым камням и комкам осыпавшейся земли. Я прошел по этому ущелью пятьсот или шестьсот ярдов. Чем дальше мы шли вперед, тем более встревоженным казался мой спутник. Раз двенадцать он схватывал меня за руку и шептал слезливым голосом, что слышит тигра то с одной стороны, то с другой, то позади.

Преодолев половину спуска, мы дошли до скалы футов в тридцать вышиной, и, так как моему спутнику казалось, что за ним гонятся все тигры мира, я приказал ему взобраться на эту скалу и ждать там, пока я не вернусь. Он очень охотно сделал это, осмотрелся и сообщил мне, что все в порядке. Я же продолжал идти вдоль родника, который огибал скалу, а потом на протяжении сотен ярдов тек прямо вниз, исчезая в глубоком овраге. В том месте, где ручей впадал в овраг, вода, разливаясь, образовала небольшой водоем; на бе-

регу этого водоема я увидел несколько кровавых пятен.

Тигрица донесла девушку до этого места, и мое приближение потревожило ее за едой. Осколки костей были разбросаны между глубокими отпечатками тигровых лап, постепенно наполнявшимися чистой водой. У края водоема я рассмотрел предмет, привлекший мое внимание еще при спуске вдоль родника. Это была часть человеческой ноги. Во все дальнейшие годы при моих охотах за тиграми я не видел ничего более потрясающего, чем эта стройная нога молодой женщины, отхваченная немного ниже колена так, как будто ее отрубили острым топором. Из ноги струилась кровь.

Осматривая ногу, я забыл о тигрице и вдруг почувствовал, что мне грозит большая опасность. Быстро вскинув ружье и положив пальцы на оба спуска, я поднял голову и увидел, как с противоположного берега родника высотой пятнадцать футов медленно посыпались комья земли, скатились вниз и упали в водоем. Тогда я был новичком в охоте, иначе я не подверг бы себя такой опасности. Возможно, я спас себе жизнь тем, что быстро вскинул ружье,— тигрица, задержав прыжок или придав ему иное направление, сбросила землю с высокого берега.

Берег был очень крут, единственный способ очутиться на нем был прыжок. Поднявшись немного вверх по течению, я разбежался, перепрыгнул через водоем, уцепился за куст на противоположной стороне ручья и подтянулся на береговой обрыв. Заросли стробилантов, примятые стволы которых только что начали выпрямляться, показали, что здесь еще совсем недавно прошла тигрица, а немного дальше, под нависшей скалой, я увидел место, где она оставила свою добычу, когда начала следить за мной.

Теперь следы — тигрица опять унесла девушку — вели в пересеченную скалистую местность площадью в несколько акров, где преследование становилось трудным и опасным. Трещины и расщелины в скалах были замаскированы папоротником и кустами ежевики. Каждый неверный шаг, результатом которого могла быть сломанная нога, привел бы тем самым к роковым последствиям. В такой обстановке мое движение вперед

по необходимости было медленным, и тигрица пользовалась этим, чтобы продолжать еду. Раз двенадцать я доходил до места ее остановки, и каждый раз след становился более и более заметным.

Это была четыреста тридцать шестая человеческая жертва тигрицы, и она привыкла уже к тому, что во время еды ее беспокоят спасательные партии. Но, повидимому, это был первый случай, когда ее преследовали так упорно, и она выразила свое недовольство рычанием. Чтобы в полной мере представить себе, что значит рычанье тигра, надо находиться в местности, подобной той, где был тогда я: кругом скалы с густыми зарослями; каждый неверный шаг может увлечь в расщелину или пропасть.

Я не могу рассчитывать, что мои тогдашние переживания будут вполне понятны читателю. Рев тигра и перспектива его нападения и пугали меня, и внушали надежду на успех. Если бы тигрица потеряла терпение и совершила нападение, моя задача была бы выполнена, я смог бы положить конец всем мукам и страданиям, причиняемым зверем-людоедом.

Рычанье, однако, оказалось только угрозой, и тигрица, поняв, что она меня не отпугнула, а только понудила еще быстрее идти по ее следам, прекратила рев.

Уже целых четыре часа я шел по следу. Хотя я много раз замечал, как шевелились заросли, но ни разу не видел самого зверя. Тени, отбрасываемые противоположным склоном, показали мне, что пора идти обратно, чтобы вернуться в деревню до наступления темноты.

Погибшая от тигра женщина была индуска, следовательно, часть тела нужна была для сожжения. Поэтому, проходя мимо родника, я закопал на берегу ногу, чтобы сохранить для исполнения обряда.

Мой спутник, оставшийся на скале, был чрезвычайно обрадован, увидев меня. Долгое мое отсутствие и доносившееся сюда рычанье тигра заставили его предположить, что тигр получил новую добычу. При этом он откровенно признавался, что больше всего боялся необходимости одному возвращаться в деревню. Спускаясь по течению родника, я думал, насколько опасно идти впереди нервного человека, держащего в руках

заряженное ружье. Мне пришлось, однако, переменить мнение, когда мой спутник, шедший впереди, поскользнулся и упал назад; его ружье — калибр 450, без предохранителя — повернулось при этом дулом против меня. С этого дня я установил твердое и непреклонное правило (исключение делалось только для Ибботсона) ходить на охоту за тиграми в одиночку, так как если спутник безоружен, его трудно охранять, а если он вооружен, трудно уберечься самому.

Дойдя до вершины горы, где мой спутник спрятал сапоги, я присел закурить и стал обдумывать план действий назавтра.

Тигрица, несомненно, должна была доесть ночью свою добычу и залечь на день в скалах.

Условия местности давали мало надежды взять зверя с подхода[1]. Если бы я при этом поднял тигрицу, не получив возможности стрелять, она, вероятно, исчезла бы, уклонившись от встречи со мной. Единственно правильным решением задачи была организация облавы, если бы только удалось набрать достаточное количество загонщиков.

Я сидел на южном краю широкого амфитеатра скал, в поле зрения не было ни одного жилья. С запада тек ручей, пересекая широкую долину; на востоке ручей, подойдя к большой скале, поворачивал к северу и, вступив в узкое ущелье, покидал амфитеатр.

Передо мной поднималась гора до 2000 футов высотой, покрытая низкой травянистой растительностью, среди которой тут и там росли сосны. На востоке высилась другая гора, по своей крутизне доступная только для горалов. Если бы я сумел набрать достаточное количество людей, чтобы занять хребет на всем его протяжении от ручья до этой крутой горы и поднять тигра, ему оставался бы лишь один путь отступления — через ущелье.

Загон, конечно, был очень трудным, так как обращенный на север крутой горный склон, где я оставил тигрицу, был покрыт густым лесом и тянулся примерно на три четверти мили в длину и полмили в ширину.

---

[1] С подхода (охотничье выражение) — приближаться к зверю, не ожидая его на месте.

Все же, если бы загонщики выполнили мои указания, я мог бы рассчитывать на хороший выстрел.

Тахсилдар ожидал меня в деревне. Я разъяснил ему положение и попросил немедленно принять меры, чтобы собрать как можно больше людей, назначив встречу у дерева, где была убита девушка, в десять часов утра завтрашнего дня. Пообещав мне сделать все возможное, тахсилдар ушел в Чампават, я же направился в сторожку.

На следующее утро, встав на рассвете, я приказал своим людям собираться и ожидать меня в Чампавате, а сам пошел еще раз взглянуть на место намеченной облавы.

Все расчеты показались мне правильными. За час до времени сбора я был на месте, где было назначено свидание с тахсилдаром.

Для меня было ясно, что перед тахсилдаром возникнут при сборе людей большие трудности: страх перед тигром глубоко укоренился по всей местности, уговоров было недостаточно, чтобы заставить людей покинуть дома. В десять часов появился тахсилдар, а с ним только один-единственный спутник. Но затем люди стали подходить по двое или по трое, потом по десять человек — к полудню набралось 298 человек.

Тахсилдар сообщил загонщикам, что он не только не возражает против взятого некоторыми огнестрельного оружия, на которое у них не было разрешения, но даже снабдит владельцев боеприпасами. Впрочем, принесенные ружья были таковы, что лучшим для них местом был бы какой-нибудь музей.

Когда люди собрались и получили боеприпасы, я направил их к холму, на котором нашел юбку девушки. Указав им на сосну, пораженную молнией и лишенную коры, я приказал загонщикам двигаться вдоль хребта. Мы договорились, что, когда я дам знак платком, стоя под этой сосной, они должны будут начать стрелять, бить в барабаны, кричать и бросать камни. Никому не разрешено было сходить с места до тех пор, пока я не вернусь и не дам соответствующего распоряжения. Убедившись, что все меня слышали и поняли, я отправился вместе с тахсилдаром, который заметил, что будет чувствовать себя со мной в большей безопасности, чем с

загонщиками: ружья людей, наверное, будут рваться, а от этого приходится ждать много несчастий.

Сделав большой обход и перейдя верхний конец долины, мы поднялись на лежащий напротив холм и двинулись к засохшей сосне. Спуск отсюда был очень крут; тахсилдар, обутый в легкую обувь из патентованной кожи, заявил, что не в состоянии идти в ней далее. Пока он ее снимал, люди, находившиеся на хребте, подумали, что я забыл дать им условный сигнал и стали стрелять и кричать. Я же в это время был еще в ста ярдах от ущелья и не сломал себе шею, спеша на условленное место, лишь потому, что родился в горах и поэтому держался на ногах так же твердо, как любое горное животное.

Сбегая вниз по склону, я заметил у края ущелья заросшую густой травой площадку. Искать более удобного места не было времени, и я сел на траву спиной к горе. Трава была примерно фута в два высотой и закрывала меня в сидячем положении до половины. Оставаясь неподвижным, я мог рассчитывать быть незамеченным. Передо мной высилась гора, где находились загонщики, а ущелье, откуда я ожидал появления тигрицы, было сзади слева.

На горе начался адский шум: стрельба из ружей, бой барабанов и крики сотен людей. Когда шум достиг апогея, я увидел, как тигрица выскочила на травянистый склон справа от меня, примерно в трехстах ярдах. Она прошла короткое расстояние, и за это время находившийся под сосной тахсилдар разрядил оба ствола своего дробовика. Тигрица круто повернула назад и побежала; когда она исчезла в кустарниках, я вскинул ружье и послал ей вдогонку безнадежный, в сущности, выстрел.

Услышав три выстрела, находившиеся на хребте люди, естественно, подумали, что тигрица убита. Они разрядили свои ружья, раздались крики торжества. Когда я с замирающим дыханием прислушивался, не означают ли крики появления зверя на гребне горы, тигрица внезапно вышла из кустов слева от меня, перепрыгнула через ручей и двинулась прямо по ущелью.

Ружье 500 калибра с патроном бездымного пороха, пристрелянное в нормальных условиях, в горах дает

перелет. Когда тигрица внезапно остановилась, мне показалось, что выстрел дал перелет. На самом деле я целил правильно, но взял немного сзади. Опустив голову, тигрица сделала полуоборот в мою сторону, предоставив мне возможность выстрелить ей в лопатку на расстоянии менее тридцати ярдов. При втором выстреле тигрица вздрогнула, но продолжала стоять с прижатыми ушами и оскаленными зубами, а я сидел с ружьем на вскидку и думал, как было бы хорошо, если бы оно было заряжено. Но ружье было пустым, а патронов у меня больше не было: я захватил с собой только три патрона, так как не предполагал, что мне придется стрелять более двух раз, третий заряд предназначался на крайний случай.

К счастью, раненый зверь по каким-то причинам не решился на нападение. Он медленно повернулся, перешел через поток, поднялся по осыпи и остановился на узком выступе, отходящем перпендикулярно от крутой скалы у места, где лежал большой плоский камень. Здесь, на камне, рос небольшой куст, и я заметил, что тигрица при подъеме на выступ его раздвинула. Отбросив всякую осторожность, я крикнул тахсилдару, чтобы он принес мне свое ружье. В ответ он мне что-то долго кричал, но единственное, что я мог расслышать, было слово «фут». Положив свое ружье, я бегом бросился по склону, схватил ружье тахсилдара и возвратился обратно.

Когда я приблизился к ручью, тигрица вышла из куста на скалу, находившуюся передо мной. Я был от нее в двадцати ярдах, поднял ружье и, к своему ужасу, увидел, что между его казенной частью и стволами было расстояние примерно в три восьмых дюйма. Когда тахсилдар стрелял из обоих стволов, ружье не разорвалось; я надеялся, что оно не разорвется и теперь, но опасность ослепнуть от пороховой вспышки имелась. Однако пойти на риск было необходимо; глядя на бусинку, заменявщую мушку, я выстрелил в открытую пасть тигра. Возможно, что я промахнулся, возможно, что и это ружье не стреляло точно цилиндрической пулей на двадцатифутовую дистанцию. Во всяком случае, мой заряд не попал тигру в пасть, а проник ему в правую лапу (оттуда я впоследствии извлек его пальцами).

К счастью, тигрица находилась уже при последнем издыхании, попадания в лапу было достаточно, чтобы остановить ее на месте.

С того момента, как тигрица появилась, пытаясь пройти по ущелью, я забыл о загонщиках; об их существовании мне внезапно напомнили доносившиеся откуда-то выше по горе крики: «Он здесь, на скале. Сбейте его оттуда и дайте нам разорвать его на части». Я сначала не верил своим ушам, когда мне послышалось «разорвать его на части», но я не ошибся; теперь и другие загонщики увидели тигрицу, и крики повторились по всему горному склону.

Выступ, по которому раненый зверь взобрался на скалу, был, к счастью, расположен с противоположной от загонщиков стороны и достаточно широк, чтобы позволить мне подкрасться вдоль его края. Когда я взобрался на скалу и стал над тигрицей, горячо надеясь, что зверь мертв, у меня не было времени выяснить это обычным путем, бросая в зверя камни,— загонщики появились из леса и побежали по открытому пространству, размахивая ружьями, топорами, ржавыми копьями и мечами.

У скалы — высота ее была футов двенадцать или четырнадцать — движение людей приостановилось, так как склон был гладко отполирован селевыми потоками и не давал точек опоры даже для босой ноги. Ярость толпы при виде злейшего врага превосходила всякое воображение. Среди народа не было ни одного человека, так или иначе не потерпевшего от тигрицы. Какой-то мужчина — он казался безумным и действовал как подстрекатель — все время кричал, размахивая мечом: «Это шайтан, убивший мою жену и двух моих сыновей». Как иногда бывает в толпе, возбуждение так же внезапно улеглось, как и разгорелось. К чести человека, потерявшего жену и детей, надо сказать, что он первым положил свое ружье. Он подошел к скале и сказал: «Мы обезумели, саиб, увидев нашего врага, но теперь безумие прошло, и мы просим саиба и тахсилдара простить нас». Вынув неиспользованный патрон, я положил ружье на тигрицу и, повиснув на руках, с помощью присутствующих спустился со скалы. Я сказал людям, как подняться на скалу, и мертвый зверь

был с нее снят и перенесен на ровное место. Там могли собраться и видеть тигра все присутствующие.

Когда тигрица встала на скалу и посмотрела на меня, я заметил, что в пасти ее что-то было не в порядке. Теперь я увидел у зверя сломанные правые клыки на верхней и на нижней челюстях, при этом на верхней челюсти — наполовину, а на нижней — целиком до кости. Повреждение зубов — результат пулевого ранения — не позволяло ей убивать свою естественную добычу, и в этом была причина того, что тигрица стала людоедом.

Люди умоляли меня не снимать шкуру с тигрицы на месте и просили разрешения пронести зверя до заката солнца по всем деревням, говоря, что их жены и дети только тогда поверят в смерть ужасного врага, когда убедятся в этом своими глазами.

Срезав два молодых деревца, прочно привязали к ним труп тигрицы снятыми чалмами, поясами и набедренными повязками. Когда все было готово, носилки подняли, и мы двинулись к подножью крутого склона. Люди предпочли нести тигрицу по горе, на противоположном склоне которой располагались деревни, а не идти по густо заросшему лесом склону, где происходил загон. При помощи простого способа образовались две людские цепи: каждый шедший позади крепко держался за пояс или другую часть одежды идущего впереди.

Когда я решил, что людей для переноса тигра достаточно, они окружили носилки, чтобы при надобности поддерживать носильщиков и служить им опорой. Вся процессия двинулась вверх по горе.

Это шествие напоминало мне муравьев, переносящих жука через какое-нибудь препятствие. За главными силами шел арьергард под руководством тахсилдара. Если бы людские цепи порвались на тысячефутовом подъеме, несчастные случаи были бы неминуемы. Но цепочки не порвались. Жители вышли на гребень и с песнями направились на восток, а мы с тахсилдаром повернули на запад и пошли в Чампават.

Наша дорога шла вдоль гребня. Возле кустарников, на колючках которых зацепились длинные пряди волос девушки, я задержался на некоторое время и бросил

последний взгляд на амфитеатр гор, где недавно разыгралась трагическая сцена.

На пути, вниз по горе, загонщики нашли голову несчастной девушки. Узкий столб дыма, подымавшийся в тихом воздухе из ущелья, указывал, что родные исполняли обряд над последней жертвой чампаватского людоеда на том самом месте, где зверь был убит.

После обеда, находясь во дворе тахсилдара, я увидел большое факельное шествие: процессия зигзагами спускалась по склону горы. Множество людей пело песни горцев, разносившиеся в тихом воздухе. Часом позже к моим ногам была положена тигрица.

Среди теснившейся вокруг толпы содрать шкуру со зверя было трудной задачей. Чтобы ускорить работу, я обрезал голову и лапы, рассчитывая заняться отделкой их позднее. Полицейская охрана была выставлена у туши, а на следующий день, когда собралось все население окрестностей, лапы и хвост тигрицы были разрезаны на мелкие куски и распределены. Эти кусочки мяса и костей были употреблены для ожерелий, которые носят на шее дети горцев. Прибавление кусочка тигра к другим талисманам должно придать храбрость носителю ожерелья и к тому же обезопасить его от нападения диких зверей.

Пальцы девушки — тигрица проглотила их целиком — присланы мне были тахсилдаром в банке со спиртом. Я опустил их в Найниталское озеро неподалеку от храмов Нандадеви.

Пока я снимал шкуру тигрицы, тахсилдар со своими подчиненными при участии старост и почетных стариков соседних деревень и купцов чампаватского базара занимался выработкой программы большого празднества на следующий день. Около полуночи, после того как ушла последняя большая группа людей, издававших громкие крики радости по поводу того, что дороги и тропы между деревнями, закрытые последние четыре года тигром, вновь стали свободными, я покурил на прощанье с тахсилдаром и сообщил ему, что не могу больше оставаться. Поручив ему представлять меня на празднестве, я с моими людьми решил отправиться в путь, рассчитывая проделать семьдесят миль за два дня.

На рассвете, приторочив тигровую шкуру к седлу, я поехал вперед, чтобы успеть заняться в Деби-Дхура отделкой шкуры. Там я рассчитывал заночевать. Проезжая мимо хижины на холме у Пали, я подумал, что могу доставить известное удовлетворение немой женщине, сообщив ей, что ее сестра отомщена. Оставив лошадь покормиться (она родилась близ снеговой линии и ела все — от дубовых веток до крапивы), я поднялся по холму к хижине и разложил шкуру тигрицы перед дверью, положив под ее голову камень. Дети, жившие в хижине, смотрели на это зрелище расширенными от изумления глазами. Услышав мой голос, в дверях показалась мать.

Я не рискую вдаваться в теоретические рассуждения по поводу шока и противошока, так как ничего не понимаю в этом вопросе. Все, что я знаю,— это то, что женщина, которая считалась немой в течение двенадцати месяцев и четыре дня тому назад не делала даже попыток отвечать на мои вопросы, побежала от хижины к дороге, приглашая мужа и соседей придти и посмотреть, что привез саиб. Это внезапное восстановление речи очень озадачило детей, которые не могли оторвать глаз от лица матери.

Пока готовился чай, я рассказал жителям деревни, как был убит тигр-людоед. Через час мы снова двинулись в путь; целых полмили меня провожали благодарные крестьяне Пали.

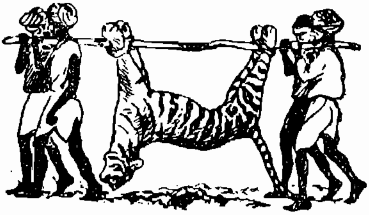
На следующее утро мне пришлось столкнуться с леопардом. Упоминаю об этой встрече только потому, что она задержала мой отъезд из Деби-Дхура и потребовала от меня и моей маленькой лошадки дополнительной траты сил. К счастью, мой пони был так же тверд на ногах, как и силен. Держась за хвост на крутых подъемах, сидя в седле на ровных местах и следуя за ним бегом при спусках, я сумел покрыть дорогу до Найни-Тал — расстояние в 45 миль — за время с девяти часов утра до шести часов пополудни.

Несколько месяцев спустя на дурбаре[1] в Найни-Тал губернатор Соединенных провинций сэр Джон Хьюитт

---

[1] Официальный прием.

наградил чампаватского тахсилдара ружьем, а человека, сопровождавшего меня при розысках девушки,— прекрасным охотничьим ружьем. На оружии были выгравированы соответствующие надписи, оно заняло почетное место среди семейных реликвий обоих домов.



А. КОПТЕЛОВ

КАК 25 СИБИРЯКОВ НА ТИГРА ХОДИЛИ[1]

Тигр — обитатель жарких стран, однако он иногда заходит и далеко на север умеренного пояса. У нас на Алтае тигр — большая редкость. Пройдут десятки лет, а охотник может так и не встретить здесь этого зверя.

В 1839 году крестьяне деревни Сетовки Бийского уезда убили тигра; он оказался весом 8 пудов 10 фунтов, длина его с хвостом $3^3/_4$ аршина, а без хвоста $2^1/_2$ аршина, высота от лап до хребта около $1^1/_2$ аршина, окружность живота 1 аршин 10 вершков.

Ввиду интереса этой единственной борьбы с тигром на Алтае мы расскажем, как это было.

15 октября крестьяне деревни Сетовки Алтайской заводской волости Егор и Степан Майдуровы поехали охотиться на диких коз. В трех верстах от деревни они заметили крупный след. Приняв его за волчий, охотники пошли по нему. Вскоре им попалась корова, зарезанная зверем, а через несколько сажен — вторая, но

[1] Из журнала «Охотник и пушник Сибири», № 7—8 за 1925 г., стр. 23.

эта была оттащена со следа в кусты. Охотники остановились в раздумье: кто же это мог сделать? «Волку корову не утащить!» — решили они. Тут к Майдуровым подъехал хозяин задавленных коров Федор Замятин. Вместе они определили, что это медвежий след.

Федор Замятин съездил в деревню за своим отцом, братом Александром и Корнеем Опеньшиным. Вся пятерка с ружьями и собаками двинулась по следу.

Братья Замятины пустили собак в согру и сами пошли за ними, остальные трое двинулись в обход согры. Вскоре послышался дрожащий, как бы боязливый лай собак. Замятины в нескольких саженях от себя увидели зверя, невиданного в здешней местности, название зверю тому мужики не знали. Это был тигр. На их глазах он поймал одну из собак и разорвал ее.

Целился Александр Замятин в невиданного зверя — руки дрожали безудержу. Выстрелил. Зверь кинулся прямо на братьев Майдуровых, сбил с ног Степана, бросил его между кочками лицом в воду и начал грызть левую руку, прокусив ее наскозь. Федор Замятин закричал на весь лес, чтобы испугать зверя, но зверь не испугался, а бросился на него, сшиб его между кочками тоже лицом в болото (такие уже, видно, приемы у тигра были) и начал кусать левую руку и бок и изгрыз их до того, что у руки раздробил кости, а на боку сделал внутрь сквозную рану.

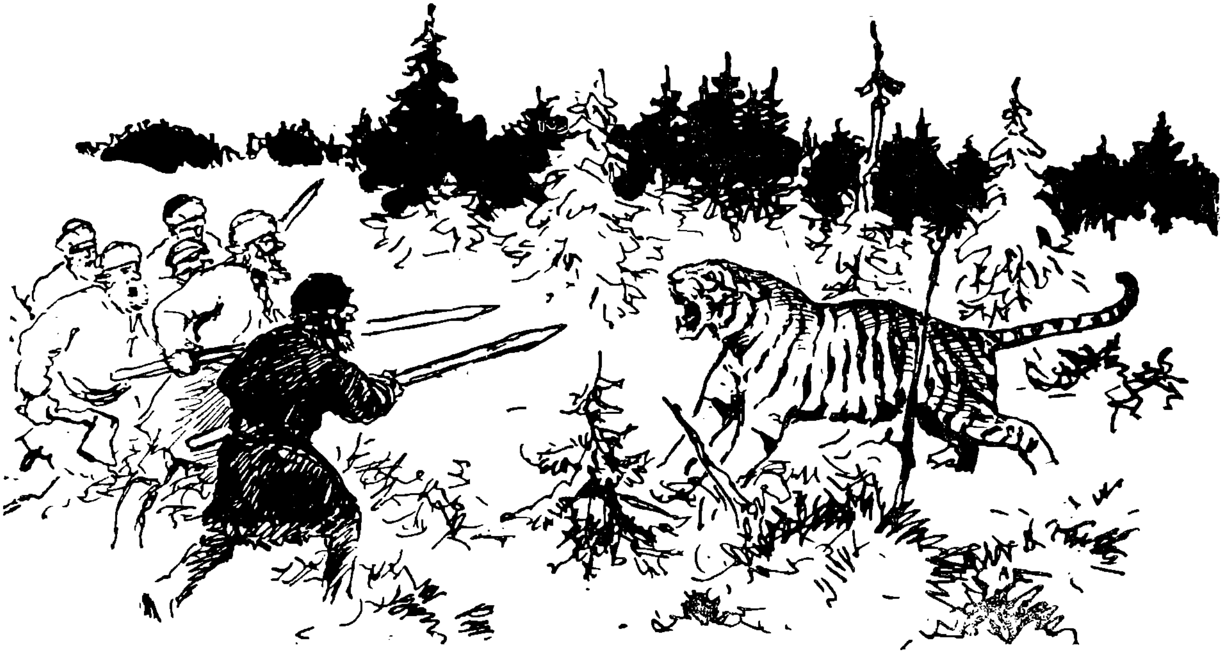
Остальные охотники бросились на помощь, но завязли в болоте. Стрелять боялись, чтобы не попасть в своих же товарищей. Александр Замятин, считавший себя метким стрелком, три раза нажимал спусковой крючок и три раза ружье осекалось (хороши же ружья у них были!). Тогда он бросился на зверя с криком. На этот раз тигр испугался и убежал в ту же забоку.

Вечером того же дня на охоту за неизвестным зверем вышло уже 20 сетовских мужиков. Долго они ходили, но тигра не встретили.

На утро отряд пополнился пятью мужиками из соседних деревень, вооружился пешнями, топорами и даже плохонькими ружьишками и выступил за деревню.

У согры разделились: семь человек пошли прямо, остальные — в обход.

Не допустив до себя людей сажен на 20, тигр с боль-



Опять зверь выскочил из кустов. Дрогнули пешни, схватились за топоры мужики...

шой быстротой выскочил из кустов и, поймав зубами крестьянина Федора Майдурова за правое плечо, искусал его до самого локтя. Не дремали в это время и мужики — они начали колоть зверя пешнями и рубить топорами.

Но тигр, расправившись с одним охотником, набросился на другого, схватил его за правую руку и искусал ее выше локтя, сделав сквозные раны. Вовремя подошел крестьянин Красиков. Он ткнул пешней тигру в пасть, отчего тигр от них и убежал.

На лужайке за болотом собрались все охотники и обсудили дальнейшее наступление. Решили действовать сообща и идти на зверя «стеной».

Опять зверь выскочил из кустов. Дрогнули пешни, схватились за топоры мужики, блеснул огонек, и три выстрела эхом рассыпались по лесу (три ружья, значит, было у них), отчего тигр, хотя и кинулся на них, но не с такой уж быстротой. Охотники пуще сплотились (каждый боялся и лез в середину) и щетину пешней направили перед собой.

Несколько пешней вовремя воткнулись в пасть зверя, а Герасим Лихачев всунул туда даже ствол ружья. Навалились на пешни, общими силами придавили голову тигра к земле. В грудь против сердца уперлась пара ружейных стволов. Вспыхнули огоньки, и железные стволы плюнули в зверя свинцовыми комочками.

Прошло несколько минут. Мужички по дороге в Сетовку улыбались победе, крестились, вздыхая, жалели пострадавших и радовались, что не им тигр «сделал сквозные раны».

Бежали ребятишки, спешили бабы, мужики, семенили старухи, спотыкаясь, тащились старики — все хотели посмотреть невиданного в этих местах зверя.

По докладу корпуса горных инженеров «царь-батюшка» высочайше повелеть соизволил выдать крестьянам, участвовавшим в убийстве тигра, вознаграждение — одну тысячу рублей ассигнациями (на серебро это было тогда около 300 рублей). До Барнаула уже в следующем году из этих денег дошло только 900 руб. Сколько рубликов осело в Алтайском округе и сколько выдано их участникам битвы,— неизвестно, как неизвестно и то, куда девалась шкура с этого тигра. На-

чальник округа в докладе писал, что он распорядился сделать чучело и поставить его в «Барнауским музеуме», однако в музее чучела не было. Любило алтайское начальство пожить, любило стены украшать!

Люди нашего времени удивляются, как мог первобытный человек камнями убивать крупных зверей. Вот вам сетовский случай — на тигра ходили с пешнями и победили.

Е. Т. СМИРНОВ

ОХОТА НА ТИГРОВ НА СЫР-ДАРЬЕ[1]

За несколько часов до заката солнца из форта 3-го[2], расположенного на р. Сыр-Дарье, выехала оживленная толпа всадников в разнородных костюмах с казачьими винтовками и охотничьими двустволками за плечами; позади врассыпную ехало человек десять конвойных казаков в белых летних рубашках и в щеголеватых красных чембарах (штаны из козлиной шкуры). Сзади кавалькады трясся на шершавой приземистой киргизской лошаденке пехотный солдатик в грязной рубашке и кепи, постоянно сползавшем на затылок. Перекинутые сзади седла объемистые куржумы[3] были битком

---

[1] Опубликован в «Журнале охоты» за 1875 г. № 1, стр. 16—24; № 2, стр. 1—7.

[2] Форт № 3 находился на левой стороне р. Сыр-Дарьи, в нескольких верстах от главного рукава ее, или 70 верст юго-восточнее Перовска.

[3] Азиатские переметные сумы, которые приторачиваются сзади к седлу. *Ред.*

набиты разной провизией и бутылками, гремевшими на каждом шагу шершавого маштачка; спереди седла был прицеплен закопченный медный чайник — неизменный товарищ путешественника по степям Средней Азии.

— Эй, Фомка, давай джигитовать! Да что у тебя, поштрели-те, лошадь-то об четырех ногах? — трунили над ним молодцеватые казаки.

— Где ему! Вишь, его, братцы, как куренка на нашесть взворотили!...

— Ну, вы, кошешники! — отгрызался тот, а сам думал: «Эх, жисть анафемская! То-ли дело пешком-то»...

Все изобличало в этом залихватском джигите, уцепившемся обеими руками за луку высокого бухарского седла, несчастного офицерского денщика — безответнейшее существо на свете.

Ехавшие впереди были офицеры, или, по-здешнему, просто господа; они принадлежали к разным родам оружия, с ними был даже неизвестно к чему замешавшийся, тоже с ружьем, сутулый, с красным корявым лицом интендантский чиновник из полковых писарей. Некоторые ехали на простых киргизских или казачьих лошадях, другие красовались на породистых кокандских карабаирах[1] — лучшая порода среднеазиатских лошадей по неутомимости и быстроте бега, соединенных с внешнею красотою и умом. Всадники были весьма оживлены; заметно было, что они пропустили уже, по степному положению, не одну капельку для куража. Они беспрерывно перекидывались фразами и зло трунили над подпившим интендантским чиновником, который никак не мог справиться с бойкой киргизской лошаденкой, постоянно пускавшейся мелким скоком.

Жаркое июльское солнце стояло раскаленным шаром на западной стороне ярко-голубого южного неба. Окружавшие форт сплошные заросли зеленого камыша с серовато-белыми метелками едва волновались от слабого ветерка, тянувшего с реки Дарьи. В нем среди неумолкаемого хора миллионов лягушек раздавались резкие голоса камышовок и других мелких птиц; где-

---

[1] Карабаиры не составляют особой породы, это помесь от киргизских кобыл с бухарскими или туркменскими аргамаками. *Ред.*

то в глухой трущобе бухал водяной бык (выпь), да резко вскрикивали бойкие рыбалки, торопливо сновавшие над рекой; речные скопы и камышовые луни медленным плавным полетом носились над необозримым морем метелок. Вдали, на песчаном откосе реки, виднелись ряды белых пеликанов и черных бакланов, а высоко в небе, неподвижно распластав широкие крылья, кружилась стайка белых цапель; снизу они казались на голубом фоне неба ярко-белыми крестиками. Было невыносимо тихо и душно в знойном, пропитанном парами воздухе: вдали на горизонте начала образовываться сероватая мгла.

Всадники вступили в колючку, которая росла вперемежку с кустами саксаула, покрывавшими верхушки небольших песчаных барханчиков. Эти леса колючки от 3 до 5 аршин вышины, начинаясь от прибрежных камышей, тянутся непроходимыми зарослями далеко в степь и постепенно переходят в саксауловые леса, занимающие сыпучие степные пески. По берегам озер и потным местам колючка сильно перемешана с камышом и джидой, образующей густые уремы. Эти чащи, перепутанные разными ползучими растениями и составляющие то, что англичане в Индии называют джунглями,— место пристанища тигров и бесчисленного множества фазанов, маленьких степных зайцев, караганок и волков. Зимующие здесь ежегодно киргизы проложили узенькие тропинки, которые и служат единственным путем сообщения.

Офицеры с заметным любопытством слушали рассказ молодого вертлявого казака, ехавшего с ними. Казак говорил безумолку, быстро размахивал руками и при каждом обращении к нему собеседников прикладывал руку к козырьку.

— Прибегал намеднясь на кордон киргиз Иткара; аул тут у него недалеко в степи; смотри, говорит, ребята, джульбарс (тигр) из-за Дарьи пришел; берегите, говорит, коней. Барана, вишь, он у него унес с загороди. Да, думаем себе, врет собака, потому что как только пришли мы с табуном туда, так он раз десять приезжал, сказывал все, что тигра эта в камышах круг нас проживает. Береглись тогда, одначе, слава богу, ничего. Ну, думали, что и теперь врет. Только этта мы

...Федоркина лошадь-то шла впереди, смелый был конь, а она, тигра-то, как рявкнет, да махнет на нее, та, было, на дыбы...

вогнали табун в камыши, что на берегу Дарьи начинаются, Федоркина лошадь-то шла впереди, смелый был конь, а она, тигра-то, как рявкнет, да махнет на нее, та, было, на дыбы, а она как ударит ее оземь, так аж земля кругом заходила! Табун как шарахнет назад, так только трескототь пошел... Мы насилу на конях удержались: чисто было сбили! «Тигра! Тигра!» — кричу, а меня так и бьет, как в лихорадке, схватился было за винтовку, да и ту уронил наземь. А Торпушин Лукашка выхватил шашку да и порет целиком по камышу, сам не знает куда!... Уморил! А сам все орет: «Тигра! Тигра!». Смеху сколько после было, как рассказали на кордоне; а что поделаешь, оробели... А она вишь как бьет, что твоя молонья ударила — и как нет ее... Опомнились мы тем временем, да за табуном: верст за пять в барханах нагнали; стали считать — все. Хорошо, что лошади наши, казачьи, дружны, а то бы беда. Сказывали киргизы, что если джульбарс ударит по киргизскому табуну, так в месяц не соберешь коней, потому что у них табуны на косяки разбиты: у каждого косяка свой жеребец — а лошади как брызнут от тигра в разные стороны, каждый жеребец и поведет свой косяк куда глаза глядят, после и ищи его!... За р. Сарысу в песках иной раз находят.

— Собрали мы табун, ваши благородия,— и рассказчик сделал под козырек,— да на кордон. Докладываем там, а урядник почал нас ругать: «Чего,— говорит,— глядели; лошадь-то хоть и казачья, а все будто казенная — отвечать будете». А где тут ее углядишь; она в камыше лежала, тигра-то, и как махнет, так почесь выше метелок — только спина зажелтелась. Страх, как прыгает ловко, словно ок-джилан-змея[1]. Напоили мы лошадей в арыке — урядник нам и говорит: «Чего-же, ребята, нужно будет ехать, поглядеть: може лошадь-то жива, да винтовку твою нужно сыскать, а то киргизы утащут неравно». Ну, мы взяли с собой собак и поехали. Приехали мы, глядим вдоль тропы, что лошади пробили сквозь камыш к реке,— нет лошади; науськали собак, они пошли ничего, глядим — встали в кружок на том месте, где тигра ударила лошадь, ждут чего-то. Вот мы осмелились, изладили винтовки, да к

[1] Ок-джилан — стрела-змея.

ним — смотрим, а тут только лужа крови стоит, да земля взрыта, как секач (кабан) жировал, а лошади нет, унес — и дорога по камышу проложена: чисто как возом проехано — поломал камыш-то. Вот-то силища!.. У нас волосы дыбом так и становятся! Вот мы по следу и айда, а он нас вскорости вывел из камыша к барханам, в колючку. Тут мы и лошадь нашли — лежит на полянке. Правая ляжка переломлена как фальконетной пулей; зад выеден почесь до костей, холка тоже; на шее шкура порвана в клочки, как ножами изрезана. Поглядели, поглядели мы, хотели хоть шкуру содрать, да урядник говорит: «Не трогайте, ребята, надо в форт дать знать командиру, да вот вашему благородию, може на тигру поохотиться пожелают,— обратился он к казачьему офицеру,— потому, говорит, ихнее благородие первый у нас в сотнях охотник; а лошадь пущай лежит так — вечером тигра жрать придет, а со шкуры немного выручишь,— как ножами изрезана».

— Вот и послали меня к вашим благородиям, — закончил казак, прикладываясь к козырьку.

— Ладно, вот мы угомоним вашу тигру,— заметил хвастливо артиллерист.— Эй, Фомка! Пить хочу!— крикнул он денщику, который отстал на версту и не помышлял ни о каких тиграх. Все внимание его сосредоточено было на том, как бы сохранить равновесие на непривычном для него сиденьи.

— Вон и табун наш,— сказал казак и показал кнутовищем нагайки на видневшийся вдали между песчаными барханами большой косяк лошадей. Всадники прибавили шагу.

Охотники шумно подъехали к кибитке; на приветствие начальства послышалось неизменное «здравия желаем, ваши благородия!» Офицеры прошли в кибитку. Вслед за ними вошел широкоплечий, приземистый киргиз в замасленном, дырявом ситцевом халате и в порыжевших сапогах с высокими, острыми каблуками. Скорчив улыбающуюся, претендующую на любезное выражение скуластую физиономию, он быстро и низко кланялся во все стороны и при этом считал непременною обязанностью прикладывать два пальца к грязной тюбетейке на бритой голове; заметил, умница, как солдаты отдают честь офицерам!...

— Аман, аман, тюря[1], аман!— говорил он, подавая руку всем без исключения.

Это был часто упоминаемый казаком киргиз Иткара, кочевавший неподалеку; он приехал на кордон сообщить казакам новость, но, узнав, что прибыли господа на охоту, он без дальних околичностей затесался к ним, чтобы лично передать свой хабар, за что по киргизскому обычаю его непременно нужно было угостить.

— Ой-бой, джульбарс!—говорил Иткара, скорчив печальную рожу и сдвинув брови.— Казак ат ашай, кой ашай, шайтан джульбарс![2]

— Коп джульбарс?[3]— спросил его казачий офицер, тот самый, которого казак назвал первым охотником в сотнях, и бойко заговорил с ним по-киргизски.

Иткара чинно подсел к нему на корточках и повел какой-то длинный рассказ, сопровождаемый энергичной жестикуляцией и уморительными гримасами на плутоватой физиономии; при этом он беспрерывно сплевывал жеваный табак в угол кибитки. Киргизский язык очень беден, поэтому то, что русский может выразить в десяти словах, киргиз будет рассказывать с полчаса. Офицер внимательно слушал его, перебивая по временам короткими вопросами. Это был молодой сотник К-ев — кутила, весельчак и страстный охотник; это была натура, в основу всех действий которой было положено русское авось. Вооруженный своей дрянной тульской двустволкой, он перебил сотни секачей и на этой чрезвычайно опасной охоте не раз только чудом спасался от верной смерти. Не придавая никакого значения охоте на разную пернатую дичь, он уважал только серьезную, т. е. опасную, охоту и предавался ей со всей беззаветной страстью истинного охотника.

Пустынная и дикая местность, окружающая форт, при полном отсутствии оседлого населения изобилует необыкновенным множеством всякого рода птицы и зверя. По камышам, покрывающим прибрежные болота и сыроватые пески сплошной массой, местами на сотни квадратных верст (например, урочище Кара-Узяк), по колючке и джидовым уремам водится в бесчислен-

---

[1] Здравствуйте, господа!...

[2] Дурной тигр! Лошадей жрет, баранов жрет, дьявол тигр!...

[3] Много здесь тигров?...

ном количестве фазан; по полянам, частью возделанным киргизами, и по высохшим ложам степных лиманов — множество дудаков, стрепетов, степных и горных рябков, спускающихся на жировку с Каратауских гор; в степи и саксауловых лесах пасутся стада диких коз (персидская антилопа)[1] в песках — стада сайгаков и куланов. Шум, производимый водяной птицей на озерах и разливах р. Дарьи, иногда слышен за несколько верст. В лесах и камышах множество тигров, кабанов, диких кошек и прочих зверей. Вообще эта местность может удовлетворить самые пылкие ожидания охотника. На охоте совершенно теряешься, к кому подходить, в кого стрелять: из-под ног выскакивают с звонким коканьем облитые золотыми перьями красавцы фазаны; над головой несется, как пушечная картечь, стая рябков — этих первоклассных летунов пернатого царства; на озере, задернутом черной массой уток и лысух, разговаривают гуси и мелодично перекликаются красивые бойкие утки-карагатки; в грязи болота роется кабан, а вдали, между редкими кустиками саксаула, пасутся косячки диких коз или горбоносых быстрых, как ветер, сайгаков. Знает охотник, что первый его выстрел быстро изменит эту картину, и вот он поневоле принужден ломать голову над вопросом: в кого выгоднее стрелять? Горячий, неопытный охотник редко выдержит такое искушение и первым же выстрелом испортит все дело. Тут нужно знание характера и привычек всей этой дичи, знание местности, а главное, невозмутимое хладнокровие, иначе при таком изобилии нередко остаешься в накладе и приходишь восвояси с пустым ягдташем. Опытные же, присмотревшиеся охотники возвращаются с баснословной добычей.

К-ев внимательно слушал рассказ Иткары, попивая чай из маленькой полоскательной чашки,— такие чашки киргизы употребляют вместо стаканов.

Наконец, рассказчик кончил, сплюнул в угол и потянулся, было, за голенище, где у него хранился насвой (табак, который киргизы кладут за нижнюю губу) в маленькой желтой горлянке, но К-ев подал ему стакан водки. Иткара ухмыльнулся и, скорчив умильную рожу, одним духом опрокинул стакан. Полумагометане,

[1] Автор говорит, вероятно, о джейранах. *Ред.*

полуязычники, киргизы великие охотники до урус-арак (русской водки), несмотря на запрещение корана, известного им, впрочем, только по названию.

— Ну что он тебе врал? — спрашивали К-ева товарищи.

— Черт его разберет, врет ли он, нет ли; только рассказывает, что у него тигр стянул ночью теленка; он и место разыскал, где тот завтракал. Я думаю, что это другой тигр; он говорит, что много их тут появилось в последнее время. С Кара-Узяка, говорит, пришли с тигрятами. Я думаю ехать с ним, да залечь покараулить, а то с вами, полагаю, толку мало будет...

— Ну да, толкуй!... Казаков возьми на всякий случай.

— Пойду один, так удобнее будет.

— Ну, смотри! Это ведь не кабан.

— Чего смотреть? Бьют же другие. Мантык[1] всегда один охотился.

Весьма резонные замечания товарищей, что между Мантыком и им громадная разница и что поэтому не мешает взять в резерв человека три казаков, только раздражали самолюбие молодого охотника. Без дальних разговоров К-ев сел на лошадь и ускакал в сопровождении Иткары. «Я сам Мантык», — самонадеянно рассуждал он дорогой, — «Не промахнусь; цель-то не маленькая, что твой забор! Что Мантык заговоры разные знал, так, верно, все врут; не трус только был, так это правда».

— Врет, вернется, — говорили про него товарищи, — это ведь не поросят душить в камыше, струсит! — и начали собираться сами.

Через полчаса езды по узким извилистым тропинкам, пробитым в зарослях, Иткара привел его на место.

Между тем солнце уже село, бросив от себя сноп ярко-красных лучей, сквозь камыш закат казался каким-то гигантским заревом, голубое небо густо потемнело на востоке. Мириады комаров с глухим жужжанием поднялись в воздух.

---

[1] Мантык — уральский казак — известный тигровый охотник на Сыре; про его подвиги в Туркестане ходит множество рассказов и даже легенд. Он охотился всегда один, скрадывая тигра по следу, и встречался лицом к лицу с зверем, как Жюль Жерар. Погиб на охоте в конце 60-х годов.

Место было не совсем удобно для охоты: изуродованный труп теленка лежал среди глухой заросли колючки на широкой тропинке, пробитой скотом и кабанами. С восточной стороны, шагах в двадцати, возвышался небольшой песчаный барханчик, увенчанный, по обыкновению, кустом саксаула. Тропинка шла мимо него шагах в десяти и далее круто поворачивала в соседние камыши. С барханчика было удобно стрелять зверя возле приманки, но только днем; ночью-же это место должно было представляться темною канавою, дно которой мог различить только весьма острый глаз. С надеждой на успех можно было стрелять и ночью, но только в том случае, если тигр придет с восточной стороны; при этом он должен пройти мимо барханчика очень близко и чтобы его было хорошо видно. В противном же случае К-еву ничего не оставалось делать, как быть только тайным свидетелем королевского ужина и дожидаться утра, так как стрелять в темноте, не видя цели, было чересчур рискованно. Другого же места, кроме барханчика, для засады не было. Сообразив все это, К-ев выбрал барханчик местом засады; ему непременно хотелось настоять на своем, чтобы избежать насмешек товарищей. При помощи Иткары он нарезал множество колючки, построил на барханчике небольшой шалашик и забрался в него. Для засады здесь обыкновенно роют ямы и закрываются сверху хворостом, но из-за недостатка времени и инструментов К-ев не мог этого сделать и ограничился шалашом, который едва ли мог хорошо защитить от нападений зверя, в особенности при двух пулях, находящихся в распоряжении стрелка. Иткара завалил его сверху и с боков колючкой, пожелал успеха и всякого благополучия и поехал домой.

К-ев начал прилаживаться, как бы усесться поудобнее: ему было очень неловко, острые иглы колючки неприятно покалывали со всех сторон; тучи комаров, почуяв живое, лепились на лицо и руки. После продолжительной возни он, наконец, устроился, переменил на ружье пистоны, просунул его в амбразурку и начал изучать местность.

Быстро темнело; дневные звуки постепенно ослабевали и заменялись другими. Кругом раздавалось звон-

кое, медленное коканье фазанов: вот один показался на тропинке, быстро замотал головкой снизу вверх и с шумом взлетел на куст, за ним другой, третий... После непродолжительного шелеста один петушок громко кокнул, и все затихло. Сквозь неумолкаемый гвалт лягушек и жужжание круживших в воздухе комаров с соседнего озера доносился серебристый говор лебедей и приятный голос чем-то недовольной карагатки. Цапля-кваква потянула на степные лиманы; повсеместно высоко в воздухе слышалось отрывистое неприятное карканье. Голодный волк пробовал где-то свой голос для ночного концерта; летучие мыши резко вскрикивали в высоте.

Приятную и раздольную область представляют для тигра местности по реке Сыр-Дарье: есть где поохотиться, отдохнуть в летний зной и укрыться в зимний буран и вьюгу. Камыши и кустарные леса — удобный дом для тигра и, вместе с тем, его неистощимая кладовая; он полновластный владыка и тиран окружающих его разумных и неразумных тварей. Весь свой век скитается он то в обществе нескольких товарищей, то совершенно один по своей обширной области и много передушит на веку поросят, козлят, гусят и прочей неприрученной твари, а еще больше вынесет ругательств от киргизов, когда с глухим ревом врывается в скученные на ночь табуны лошадей или баранов и пускает их по ветру, доставляя ленивым хозяевам бесконечные хлопоты в розысках угнанной скотины.

Тигр — чистый разбойник в полнейшем смысле этого слова. Обладая громадной силой, ловкостью, хитростью и умом, он проводит всю свою жизнь в самом резком разладе с общепринятыми понятиями о чужой собственности: он то ловко ворует, то грабит открытою силою. Вот он полезет, как змея, к табуну кабанов, чтобы незаметно стянуть вкусного поросенка, или громадным скачком сбивает оторопевшего киргиза с быка, на котором он ехал, и, не обратив никакого внимания на хозяина, взваливает скотину на спину и уносит в глухую трущобу. Киргизы преклоняются перед этой дикой силой и при внезапной встрече с грозным джульбарсом почтительно становятся на колени и отвешивают три низких поклона. Замечательно, что здешние тигры

очень редко нападают на людей; чем это объяснить — не знаю. Очевидно, в объяснении этого факта играет не последнюю роль привольная жизнь в камышах, наполненных множеством всякого рода зверя, птицы и рыбы. До рыбы он великий охотник, как и все кошачьи породы, и ловко ловит ее в мелких канавах и озерах, где она кишит, как в лоханке рыбного торговца. На кочевья же киргизов сильно нападает только зимою. Голодный зверь врывается иногда в середину аула и наводит ужас на беспечных, всегда безоружных кочевников; во время этих нападений, вынужденных только крайностью, рвет и людей, но уносит по большей части все-таки какую-нибудь скотину. Судя по рассказам, тигров-людоедов, вроде индийских, в Туркестанском крае нет.

Специальной охоты на тигров в Туркестанском крае до прихода русских не существовало, да и до сих пор, несмотря на заботы администрации, поощряющей охоту денежными наградами по 25 рублей за голову, еще не выработано никаких правил. Самые употребительные способы охоты основаны на обыкновении тигра приходить есть убитое им животное до тех пор, пока не кончит, что, впрочем, бывает весьма скоро при усиленной помощи волков, черных ворон и прочей нищенствующей братии. Туземные охотники ставят около убитого животного несколько настороженных протянутыми от спусков бечевками и прицеленных в одну точку ружей так, чтобы тигр, подходя к трупу, непременно тронул бечевки. При удаче ружья стреляют все разом, и зверь падает под градом пуль и картечи. Но этот способ удается весьма редко, потому что тигр осторожен и отлично видит в темноте; заметив подозрительное, он, как летучая мышь, проберется между ружьями и бечевками и унесет добычу в безопасное место. Кроме того, выстрелы достаются зачастую волкам, корсакам и даже фазанам.

В камышах рек Или и Чу смелые кара-киргизские охотники, заметив место отдыха тигра в полдневный зной, подползают к нему и бьют из своих фитильных винтовок с прямыми нарезами. Но такие удальцы чрезвычайно редки, а в южном Туркестане не встречаются вовсе. Строго же говоря, специальных охотни-

ков на тигров до прихода русских не было, поэтому тигры были весьма смелы: преспокойно разгуливали они по улицам кишлаков и даже взбирались на крепостные стены вновь построенных русскими фортов: их, вероятно, разбирало любопытство посмотреть, что-де тут понастроено не по-нашему... Понятное дело, начальство обратило внимание на незваных ревизоров, вызваны были охотники, преимущественно из уральских казаков, и образованы охотничьи команды. Эти охотники немного поубавили число тигров, очистили окрестности фортов и поселений, но так как при этом они сильно очищали карманы киргизов, то вскоре были расформированы; подобная команда осталась только в Семиреченской области. Несмотря на это, тигры все-таки держатся в почтительном отдалении от русских населенных пунктов, благодаря беззаветной удали солдатиков и казаков, которые рискуют пускать в них заряды при первой встрече или просто в порыве бесшабашной удали. Например, представляю на суд читателей следующий вполне достоверный случай. Выпросил солдатик у заведующего артиллерийским складом бракованное гладкоствольное ружье, забил в него соответствующий калибру заряд самодельной катаной дроби и пошел в камыши за фазанами. «Ходил, ходил я по камышу,— рассказывал он после,— фазанов множество, да никак его не приспичишь на земле: только наведешь ружье, а его, глядь, уже и нет, сбежал, а там и зашумит; а в лет-то я не мастак. В России чирят все с козелков, бывало, пощелкивал. Иду так камышом, кругом густель такая, вдруг слышу, около меня как будто кто голосом позевывает: что за притча? Раздвинул я камыш, гляжу потихоньку, а шагах в десяти от меня лежит страшенная тигра, потягивается... Я так и обмер... Гляжу эдак на нее, глаз оторвать не могу, а сам думаю: а что если да выпалить? Вынул я сейчас из кармана боевой патрон винтовочный, что от практической стрельбы остался. Спасибо товарищ посоветовал взять: возьми, говорит, на случай, неровно что..., потому места глухие, на секача как раз наскочишь... Не хотел и брать, а спасибо, что послушался! Оторвал я это порох, бросил, а пулю — в ружье, она зашуршала за стенки, да и села на пыж,

и шомпола не нужно. Ну, думаю, дробь вывертывать некогда, может стволинка-то и не лопнет, а лопнет — все одно... Проделываю я это, а сам все поглядываю: а она то ляжет на брюхо и голову между лап положит, то приподнимется да потянется, а сама на меня так глазищами-то и косит и косит, аж волосы дыбом становятся. Только она приподнялась, я сейчас изловчился, прицелил под лопатку да как ахну!... Что тут было после, я уж и не помню: ружьем-то мне всю рожу так и разворотило, потому заряд-то я положил большой, а тут еще пуля семилинейная — шибко отдало! Опамятовался я, слышу — в камыше что-то хлипает: ну, думаю, убит! Приподнялся я немного, гляжу сквозь камыш, а тигра-то уж издохла; знатную дыру просадил ей в боку — языки какие-то белые выглядывают, должно быть легкие».

Казаки-охотники не прибегали ни к каким хитростям, а брали прямо по-русски, на ура...
(Борьба семиреченских казаков с тигром под Илийском в 1892 г. Репродукция с картины художника *Е. Тихменева.* Из собраний Центрального музея Казахстана в г. Алма-Ате).

А чаще случалось совершенно иначе.

Казаки-охотники не прибегали ни к каким хитростям, а брали прямо по-русски, на ура: найдя тигра, они били его на месте, стреляя один за другим. Если зверь бросался на кого-нибудь, то другие стреляли в упор, и сбитый с ног охотник отделывался только незначительными ранами. Это напоминает охоту на льва арабов Центральной Африки.

Чтобы защитить себя хоть несколько в случае неудачи первого выстрела, семиреченские охотники в последнее время начали брать с собою длинные рогатины. Насколько рогатины практичны в охоте на этого необыкновенно ловкого зверя — еще неизвестно, это покажет опыт. По крайней мере, был один случай охоты с рогатинами, и они сослужили свою службу как нельзя лучше. Найдя зверя, охотники встали так, что рогатчики были впереди. После выстрела смертельно раненный тигр бросился на рогатчика и насел на острие, стоявший рядом рогатчик вонзил свою рогатину в бок, а очередной стрелок раздробил череп тигра выстрелом в упор.

Упомянутый раньше Мантык всегда охотился один, с глазу на глаз, и бил без промаха.

Основываясь на привычке тигра приходить к убитому им животному иногда несколько раз для утоления голода, придумали стрелять из засады. Для этого роют около приманки яму и покрывают сверху хворостом и колючкой; охотник садится в яму и стреляет в нарочно проделанные амбразурки. Этот способ напоминает охоту на черную пантеру в Северной Африке, только для приманки привязывают козленка, для тигра же живой приманки никогда не употребляют. Эта охота тоже не всегда удачна, как и киргизская с настороженными ружьями. Тигр отлично бережет свою шкуру и нередко сам до утра караулит охотника. Вообще, по рассказам охотников, тигр умен, как человек: почуяв за собою погоню, он сам начинает скрадывать охотников по следу, чем будто бы нередко пользовался Мантык, подкарауливая тигра на своем же следу.

Нельзя не заметить, что для открытой борьбы с этим зверем нужны необыкновенное мужество и присутствие духа. Раненый тигр ужасен: в тот же момент после

выстрела он со страшным ревом бросается прямо на дым, рвет когтями тело и ломает кости промахнувшегося стрелка. При этом нужны вполне надежные товарищи, иначе смерть неизбежна. Тут не спасут ни револьвер, ни кинжал.

Зная по рассказам о чуткости тигра, К-ев сидел неподвижно, зорко всматривался в темноту и внимательно прислушивался к разнородным звукам. Приманку было почти совсем не видно; ее покрывала густая тень окружающих кустов: едва можно было различить небольшую черную массу.

Заря совершенно потухла и заблистали яркие ночные звезды. Вдруг раздался глухой удар; звук с рокотом раскатился по реке и зыбучим, засыпающим берегам прибрежных озер и, рассыпавшись на тысячу отголосков, замер вдали. Это ударила заревая пушка крепости. В стороне что-то зашевелилось, сверкнули две блестящие точки. «Тигр»,— подумал К-ев и взвел курки. На тропинке показался какой-то небольшой зверек, понюхал воздух своей тупой мордочкой и мелкой рысцой побежал вдоль тропинки, за ним показался другой, третий. «Волчишки проклятые!» — сказал с досадою К-ев и опустил курки. Около теленка началась возня и чавканье. Это были действительно маленькие степные волки, слабые и трусливые, но хитрые и кровожадные звери, как наши лесные герои. Они усердно возились около падали, ворчали и ссорились между собою.

Наступила глубокая ночь; в воздухе потянуло холодом и резкой сыростью. Комары начали умолкать и падать в камыши; кругом было совершенно тихо, только с болот несся неумолкаемый гвалт лягушек да высоко в воздухе послышался зычный крик серой цапли. К-ев отсидел себе ноги; лицо и руки, искусанные комарами, страшно чесались. Мало-помалу он начал выходить из того напряженного состояния, в котором находился сначала, в сущности он не думал ни о чем и беспечно следил за беззвучным, эластичным полетом болотных сов. Вдруг совершенно нечаянно взгляд его упал на дорожку: по ней двигалась какая-то длинная, черная масса. «Вот он!» — подумал К-ев. Это был действительно тигр; он шел своим быстрым, совершенно беззвучным шагом, расставляя ноги. Вот он поравнялся с

К-евым, быстро прилег и тихо заворчал: волки с визгом и ворчаньем бросились во все стороны, только мелькнуло в темноте несколько ярких точек; в соседней колючке звонко кокнул встревоженный фазан. К-ев совершенно растерялся: широко раскрыв глаза, безмолвно смотрел на зверя, который был от него шагах в десяти. Он видел его отлично, видел сероватые полосы по бокам и белый подбой шерсти на брюхе. «Неужели упущу?» мелькнуло у него в голове, он быстро прицелился и нажал спуск — выстрела не последовало, даже курок не щелкнул по брандтрубке... У него задрожали руки. Оказалось, что курки не были взведены. Догадавшись, в чем дело, он быстро взвел правый курок. Тигр между тем медленно приподнялся и хотел было идти, но, услыхав резкое щелканье курка, остановился и быстро повернул голову. В это самое время грянул выстрел, блеснул яркий бок громадного зверя. Смертельно раненный тигр быстро приподнялся на задние ноги, глухо ударился об землю и громко заревел. Ослепленный блеском выстрела, К-ев несколько времени всматривался в темноту. Тигр быстро катался на месте, ломая кусты и взрывая песок; дикий рев его покрывал собою ночной шум. Вот он порывисто приподнялся на передние ноги; блеснул второй выстрел, голос тигра мгновенно оборвался, послышалось предсмертное хрипение и глубокие вздохи. Через минуту все затихло, только тревожно перекликались кругом распуганные фазаны. К-ев, зарядив наскоро ружье, вылез из-под колючки и опрометью бросился на кордон. Здесь, между тем, шел пир горой.

— Ну что, были на охоте?— спросил К-ев казаков.

— Быть-то были, да...

— Не удалось?...

— Какое, ваше благородие, она и лошадь-то у нас, кажись, уперла...

— Вот-те и раз! Как так? Господа в кибитке?

— Точно так, ваше благородие.

В кибитке шел дым коромыслом: охотники пьянствовали по степному положению... Одни лежали без задних ног, другие, посильнее, проводили время так, как его проводит обыкновенно сильно пьяный человек, т. е. дебоширили.

Оказалось, что они были на охоте, но с ними приключилась следующая история. На охоту они отправились всем кагалом и довольно поздно. Убитая лошадь лежала на небольшой полянке, к которой с одной стороны примыкал заброшенный глубокий арык, заросший по берегам густым камышом. Артиллерист и стрелок К-ский, распоряжавшиеся охотою, условились поместить в канаву для засады казаков, а для себя приказали несколько впереди копать яму, но из-за недостатка инструментов яма была вырыта весьма мала, так что одному едва можно было поместиться. К-ский и артиллерист заспорили, кому садиться в яму, потому что обоим хотелось, так как это место представляло две выгоды: честь первого выстрела и совершенную безопасность от нападений зверя.

Быстро темнело; кругом спорящих, опершись на винтовки, стояли казаки и другие охотники. Вдруг шагах в двадцати от этой группы послышалось глухое и сердитое ворчанье — все обомлели... Громадным скачком тигр перелетел через кусты, бросился на охотников и... Но это, впрочем, им только так показалось... Пролетев мимо них в нескольких шагах, тигр прилег около убитой лошади и страшно зарычал. Можно себе представить, что сделалось с охотниками! Храброе оренбургское воинство, забыв про винтовки, бросилось в сторону со всех ног и полегло рядами в грязную канаву... Интендантский чиновник, придавленный насевшим на него в канаве массивным урядником, орал во всю глотку и божился всеми святыми киевских святцев, что его душит тигр.

Смертельно перепуганные, грязные и оборванные явились они на кордон, оставив винтовки в канаве и по дороге. Яркий огонь, глоток очищенной и приятное чувство отсутствия смертельной опасности скоро, однако, привели их в себя, и, как это зачастую бывает даже после опасной неловкости, начались шумные рассказы, хохот и шутка над грязными, исцарапанными лицами и одеждой, изорванной во время постыдной ретирады.

На другой день, подобрав разбросанные винтовки, охотники отправились на то место, где стрелял К-ев. Почти саженный тигр лежал на взрытом вершковыми когтями песчаном грунте тропинки; он был убит двумя

пулями: одна прошла несколько наискось под правую лопатку, другая перебила спинной хребет. Теперь только при взгляде на этого могучего зверя К-ев сообразил, какому страшному риску подвергался он, стреляя из своей дрянной тульской двустволки. Но такова уже русская натура: тысячи медведей убиты из дрянных гладкоствольных ружей и тысячи охотников покоятся вечным сном со свороченными черепами в глухих дебрях дремучих лесов северной России. Россия — страна не шикарного спорта, а смелых и отважных охотников.

Укрепление Аулие-Ата,
8 декабря 1873 года.

ВЕРНЕНСКИЙ ГРАЖДАНИН

МАНТЫК — ИСТРЕБИТЕЛЬ ТИГРОВ[1]

(Из воспоминаний об охоте на Сыр-Дарье)

I. РАИМ

Прежде чем начать рассказ об охоте на Сыр-Дарье, я поясню, что такое Раим. Этого ничтожного местечка, не указанного даже на карте, немудрено не знать вовсе. В те времена, в которые мы там охотились, русские в первый раз встали твердою ногою на реке Сыр-Дарье. Тогда место это имело важность стратегическую и политическую. Теперь, когда русские продвинулись далеко на восток, оно потеряло свое значение и оставлено совсем.

Раим — озеро на разливах правой стороны Сыр-Дарьи; близ него — могила киргизского батыра Раима, сооруженная на материке, вдающемся мысом в разли-

---

[1] Сокращенный рассказ, опубликованный в журнале «Природа и охота» за 1880 г., том IV, № 10, стр. 65—83; № 11, стр. 81—96 и № 12, стр. 80—102.

вы Сыра верстах в 70 от Аральского моря. На этом мысе в 1847 году Оренбургский генерал-губернатор Обручев построил для защиты наших киргизов от набегов хивинцев и кокандцев русское укрепление, названное Раимским. В 1850 г. оно было переименовано в Аральское, а в 1855 г. его перенесли в урочище Казала, верст с 50 вверх по Сыру, и назвали фортом №1. Под этим именем оно значится и поныне на всех картах, хотя в 1868 году форт этот произведен уже в город Казалинск. Казала — название киргизское и значит катец, катцы[1].

От Раима вверх по Сыру было построено в то время еще несколько крепостей до кокандской крепости Ак-Мечеть, которая, как вертеп разбойников, в 1853 году была взята штурмом графом В. А. Перовским, занята русским гарнизоном и поименована фортом «Перовский», а с 1868 г. — город Перовский[2]. Ряд этих крепостей в то время составлял сырскую линию до учреждения Сыр-Дарьинской области, которая вместе с Семиреченской областью составляет ныне Туркестанское генерал-губернаторство.

Укрепление Раим занималось гарнизоном — пехотою, артиллериею и уральскими казаками, — в числе 1500 чинов. В таком глухом, отдаленном месте, оторванном от остального мира необозримыми песчаными и безжизненными степями, нам жилось не только скучно, но даже грустно до тошноты; каждый чувствовал тоску одиночества и смертельную скуку; никакие изобретаемые развлечения не помогали. Окрестности Раима представляют унылую картину: это край тропической жары летом и полярных морозов зимою; нет ни единого дерева, которое давало бы хотя ничтожную тень; все печально, однообразно, пустынно и наводит грусть и тоску; здесь человек перестает заботиться о себе и лишается способности мыслить.

Самым лучшим развлечением была охота. Зверей и птиц вдали от Раима было бесчисленное множество. Разливы Сыр-Дарьи образовали обширные, темные, непроходимые камыши, которые в некоторых местах тя-

---

[1] Сделанная из тростника ловушка для рыбы, употребляемая в стоячих водоемах.

[2] Ныне г. Кзыл-Орда. *Ред.*

нулись вдоль Сыра верст на семь шириною. Плоские возвышенности поросли колючим кустарником «подожди немного». Все эти камышовые и кустарниковые заросли составляли царство фазанов, кабанов и тигров, которыми эти места были битком набиты.

Охота на Раиме была не только развлечением, но и полезным упражнением для гарнизона как боевой навык. Охотники составляли группу, которая пользовалась особым вниманием начальства и общества; им отпускался казенный порох и свинец бесплатно, их увольняли на охоту всегда, как только они проявляли желание. Охота составляла для нас истинное наслаждение. Верстах в 15—20 от Раима фазанов была такая гибель, что в зимние дни мы вчетвером убивали их по 80 штук.

Охотников за зверями, особенно за кабанами, у нас было немного. Иногда случалось, что за кабанами мы ездили человек по 12, рыскали по 7 и 10 дней и убивали, считая и поросят, штук по 50 в один выезд. Охота за кабанами — дивная охота, увлекательная и ни с какою другою не может быть сравнима. После охоты на диких свиней какою ничтожною и жалкою кажется охота на зайцев и птицу. Можно утвердительно сказать, что страстный охотник на зайцев и уток, раз побывавши на охоте за кабанами, о первых не будет думать никогда. Во всю жизнь мою не находил я лучшей и более благородной потехи, чем охота за кабанами. На этой охоте в открытом поле бьешься с кабаном вчистую; это своего рода турнир. Охота на лесного кабана совсем иная: там есть возможность укрыться от раздраженного зверя за пень, за дерево, убить врага из засады. Здесь, в степи, укрыться не за что, бой идет открыто и не раз случалось — врукопашную. В камыше кабан еще опаснее; он в нем нападает с двух — трех шагов и так стремительно, что можно не успеть принять его, и выскакивает с такой стороны, с которой охотник совсем его не ожидает и видеть не может; здесь все выгоды на стороне кабана. Поэтому за ушедшим кабаном в камыш один охотник идти не решается, а всегда идут по два и по три вместе самые отчаянные и закаленные в бою охотники; здесь кабан дешево не продаст свою жизнь: он непременно кого-нибудь ранит и может положить насмерть, чему немало примеров.

...Выбираем кабана и на своих скакунах, имея в руках по пистолету с взведенными курками, мчимся за ним, как вихрь.

Отрадно вспомнить, как, бывало, с моим добрым товарищем П. П. Осиповым, выгнав на поляну из камышей стадо голов в сорок этих диких животных, выбираем кабана,— преследовать свинью или поросенка мы считали за бесчестье и оставляли возиться с этой мелочью другим,— и на своих скакунах, имея в руках по пистолету с взведенными курками, мчимся за ним, как вихрь. На полуострове нагоняем его непременно. Тут начинается опасная борьба, требующая ловкости и хитрости, если не удастся во время погони одним выстрелом из пистолета в шею или ухо положить кабана на месте, а это удавалось нам нередко, этим мы щеголяли, это была наша гордость. Кабан скачет быстро, и из казачьих лошадей догоняла его разве сотая; наши же с товарищем лошади были далеко не казачьи. Много позже моего коня во время охоты растерзал тигр у меня на глазах. Я не выдержал своего горя, и оно выразилось слезами: я упал на труп коня и плакал долго, как о тяжелой потере; сожаление о потере превратилось в тоску. Коня этого я любил беспредельно, я был к нему привязан, как ни к кому; помню — нередко я приходил съедать свой скромный завтрак к нему в стойло, у его головы; я приходил в его тесное стойло ночью и спал у ног его, не боясь, что его подковы могут успокоить меня навеки; помню, как, холя его по гриве, я разговаривал с ним, а он, как вкопанный, стоял, склонив ко мне красивую голову, и слушал, будто понимая меня, а может быть, и понимал. Я звал его Ксанфом, как Ахилл звал своего коня под Троей. Мир праху твоему, мой благородный конь! Теперь у меня совсем иные страсти, совсем иные привязанности, более сильные, но это не мешает мне помнить тебя, мой умный конь, хотя двадцать пять лет прошло с тех пор, как я зарыл тебя.

Охота за кабанами так сложна, так разнообразна и так была на Раиме богата эпизодами, что стоит особого рассказа, что я и сделаю потом. Правда, удовольствие охотиться за кабанами сопряжено с немалою опасностью: сильный и озлобленный зверь может не только лошадь, но и самого охотника изуродовать и запороть клыком насмерть; но все-таки шансы успеха на стороне последнего. Я хочу говорить об охоте, где уже удовольствие самого смелого и ловкого охотника

вытесняется той страшной опасностью, с какой сопряжена охота за тигром; тут же на место удовольствия выступает отчаянная удаль и дерзкая отвага; здесь вероятностей на успех охотнику очень мало, здесь шансы на победу почти все на стороне тигра: один момент, одно мгновенье пропущено — и охотник растерзан в клочки. На подобную охоту уже никто не ездит из дилетантизма: плохое удовольствие побывать в когтях у тигра! Многие, бывало, храбрились в стенах крепости, пока не видели зверя, но как приходилось встретиться носом к носу с тигром, так тотчас и «лапка задрожит». В Раиме, где было полторы тысячи чинов гарнизона, всего и был только один настоящий охотник, уральский казак из калмыков, дивный Мантык, чертовски сложенный физически; человек этот был одарен такою силою воли, таким хладнокровием и присутствием духа, что вызывал невольное удивление. Из двуствольного ружья, с ножом в руке он бил тигров один без всякой помощи. Жаль его — он давно спит в сырой земле, сраженный тринадцатым тигром. Его схватки с тиграми беспримерны в летописях охоты, если не учитывать каледонскую охоту и охоту на немейского льва Геракла. Решиться идти на тигра одному и одержать тринадцать таких побед — это не безделица. Единственный современный пример такой отваги — француз Жерар, истребитель африканских львов; но Жерар не столько взял с бою славу, сколько ему сделали ее французы, трубя во всех газетах и по всему свету о его подвигах. Французы и плен своего барабанщика Эскофье у арабов воспели стилем Одиссея и не находили, кажется, слов для выражения удивления и похвалы истребителю львов — Жерару. Будем же и мы петь Мантыка, как нашего Мелеагра, как нового Геракла. В моих записках имеется несколько случаев боя Мантыка с тиграми, и я расскажу о них. Лебединую же песнь, победу его над тринадцатым тигром, я поберегу для финала.

Мантык редко бывал на месте, в укреплении, а всегда бродил по камышам, степям и охотился за кабанами и птицей. Однажды он собрался вдвоем с казаком на диких свиней, однако на всякий случай взял принадлежности на тигра, потому что в тех местах встречи

с тигром тотчас по выходе из жилья случались довольно часто. Два дня ходил он без всякой добычи. Пешему кабан дается не скоро, и то случайно или подкарауливанием, а это было не в природе Мантыка: ему терпения не дал бог; на тигра он тоже не натыкался, хотя находил свежие следы лап, отпечатанные на солонцах. Солонцы в тех местах лежат небольшими прогалинами среди плодородной земли, совершенно голые, без малейшей растительности, рыхлые, пухлые, цветом белые, блестящие, так что на них явственно отпечатываются следы даже маленьких птичек. Чтобы отдохнуть, поесть, напиться, поразведать, Мантык зашел в кибитку одного киргиза и начал с ним разговор, как водится, с Адама. По-киргизски Мантык говорил отлично. Во время разговора вдруг они слышат отчаянный крик. Бросаются из кибитки и видят бегущего к ним с воплем киргизенка, пасшего неподалеку баранов хозяина кибитки; в киргизенке просто души нет: бледный, как покойник, все лицо обезображено ужасом, слов разобрать было нельзя; наконец кое-как поняли, что тигр напал на его стадо, схватил козленка и унес в камыш. Вбежать в кибитку, схватить ружье было для Мантыка делом одного мгновения, и он вылетел из кибитки с быстротою ядра из пушки. По указанию киргизенка, потом по следам тигра и крови козленка Мантык с товарищем пустились бежать во весь дух в густоту камыша. Сажен через полтораста или двести от места, где паслись бараны, в камыше была чистая поляна; на этой поляне тигр, услыхав погоню по пятам, бросил добычу. Мантык, увидев козленка, остановился, задержал товарища и тотчас отступил назад, в камыш.

— Тигр не покинет добычи и вернется за козленком сейчас же — я это знаю, подождем, покараулим,— прошептал товарищу Мантык.

На цыпочках пробрались и скрылись они в густом камыше, саженях в пятнадцати от козленка. Направление, по которому ушел тигр, осталось от них влево. Позиция чудная! Сели рядом, осмотрели курки, пистоны, а Мантык — и нож, который имел размеры кинжала, и приготовились попотчевать тигра иным блюдом. Сидят и ждут, затаив дыхание, лишь подергиванием бровей подают один другому нужные знаки.

Ничто не шелохнется, тихо, как в могильном склепе. Через полчаса послышался легкий треск слева. Тигр по камышу ходит мастерски, редко хрустнет что-нибудь у него под лапой.

— Идет! — шепнул Мантык.

В это время показался из камыша тигр всею головою до плеч и остановился. В разливах Сыра камыш растет густой, толстый, аршин шесть вышиною и оканчивается на полянах не опушками, а в обрез, точно деревянный забор или стена; из такой стены и вышел тигр; голова его с плечами и лапами была видна нам. Тигр посмотрел во все стороны, на минуту остановил глаза на козленке и со всею осторожностью, медленно, но важно, со свойственною ему только одному гордою осанкою, подошел к нему, один раз рявкнул и остановился правым боком к охотникам и таким образом подставил верную цель. Тигр обнюхивал козленка.

Медлить более нельзя.

Мантык спустил оба курка разом.

Этим выстрелом из двух стволов тигра отбросило в противоположную сторону и свалило с ног; жеребья попали ему в переднюю лопатку и вылетели в другую. Рана неотразимо смертельная. Однако же тигр тотчас встал, страшно рявкнул и после маленькой паузы заревел, как только может реветь один тигр, взмахнул хвостом и пошел прямо по выстрелу на охотников.

— Стреляй! — шепнул Мантык товарищу.

Казак спустил курок — осечка!

Минута была страшная! Осечка ружья в пятнадцати саженях от раненого тигра — вещь ужасная. Трудно сохранить самообладание и закаленному охотнику. У казака потемнело в глазах. Но Мантык не смутился ни на одно мгновение; его ничто не могло заставить потерять присутствие духа; он и не мигнул от осечки, он даже и не заметил, как сказывал потом, он весь превратился во внимание и, заметив, что тигр шел на них и шатался, разом смекнул, что тигр в предсмертных судорогах, что он идет к ним, обеспамятев, бессознательно. В нападениях своих тигр проворен и быстр, как выстрел, а тут...

— За мной! — закричал Мантык и мгновенно ки-

Мантык мгновенно кинулся к тигру, схватил его за хвост и, чтобы свалить, начал дергать из стороны в сторону...

нулся к тигру, схватил его за хвост и, чтобы свалить, начал дергать из стороны в сторону, крикнул товарища, который хотя и оторопел, но прибежал на помощь; вдвоем они свалили тигра и ножом покончили с ним.

После казак сказывал, что в тот момент, как осеклось ружье его, он начал читать себе отходную и не видел, как побежал Мантык к тигру: он был убежден, что тигр растерзает их в куски, и опомнился уже тогда, когда услыхал крик Мантыка, звавшего его на помощь.

Оказалось, что это была тигрица; по соскам заметили, что у нее есть дети, и киргизы сказывали, что они видели на днях маленьких тигрят. Однако же двухнедельные поиски не привели ни к чему: тигрят не нашли нигде.

Другой подвиг Мантыка был еще опаснее и еще резче выказывает присутствие духа у этого замечательного охотника. Мантык от кого-то получил весть, что в окрестностях урочища Арык-Балык появился тигр и наводит ужас на кочующих там киргизов: он поедал не только киргизский скот, но не давал спуску и самим киргизам. В один какой-то черный день этот тигр подкрался к киргизу, воровавшему рыбу из чужой, расставленной в Сыр-Дарье сети. Киргиз был так занят выпутыванием рыбы из сети, которую он вытащил для этого на берег, что и не заметил, как подкрался к нему тигр, который схватил его и поволок на расправу в камыши. Таким образом, хищник хищнику достался на обед. На другой день от бедного киргиза нашли только одни кости. Через несколько дней после этой оказии два киргиза ехали верхом на одной лошади по тропинке в густом камыше. С быстротою молнии выпрыгнул из густоты камыша тигр, схватил заднего киргиза с лошади, а оставшийся на ней, передний, дал стречка — и был таков, благословляя аллаха, что тигр схватил не его. Киргизы переполошились; они боялись выйти на два шага из своих кибиток в одиночку: окрестность тигр держал в блокаде. Слух о проказах этого тигра имел на Мантыка действие, равносильное действию искры на порох: он спрыгнул с места, выслушав этот рассказ, как будто под ним загорелась земля, и подговорил какого-то казака помочь ему отыскать

тигра. Минут через десять в казарме их уже не было. В первый день они не нашли тигра, даже не видели свежих следов его; на другой день они напали на следы хищника и по направлению их пошли ускоренным шагом. Камыш становился все гуще и гуще, так что охотникам трудно было проходить и различать на снегу отпечатки лап. И удивительно! В такой густоте камыша, где человек с усилием пролезает и едва может пройти несколько сажен без отдыха, тигр уходит от вас в 5 или 6 саженях впереди, и ни одна камышинка не поломается, и ничто не хрустнет под его ногой. Прислушиваться в подобных случаях решительно бесполезно: тигр пройдет около вас — и вы не услышите; лишь только глаза, и то с трудом от темноты камыша, видят отпечатки лап на снегу; к тому же от густоты камыша след уже сам по себе неясен.

Наконец охотникам стали попадаться все признаки недавнего присутствия тигра; следы показывали, что он только что прошел здесь. Вот следы начали кружить: это значит, что тигр заметил охотников, это его обычный маневр к нападению: тигр имеет обыкновение, когда его преследуют, выходить на следы преследователей, идти сзади них и нападать с тыла. Для нападения на кабанов он прибегает к иной тактике. А очень интересно видеть, как ловит он этих животных. Мне удалось быть свидетелем боя тигра с кабаном на открытом месте, но рассказ об этом будет еще впереди. Заметив, что след тигра вышел на их собственный след, который даже потоптан тигром, Мантык остановился и обернулся налево-кругом — в ту сторону лицом, откуда шел.

— Видишь?— шепнул Мантык товарищу, показывая на следы тигра, отпечатанные поверх их следов.— Тигр хитрый, надо его перехитрить. Ты ступай дальше, вперед, по следам, а я присяду и подожду тигра; при первом моем выстреле беги ко мне.

Мантык не ошибся. Едва казак отошел от него сажен на двадцать, как неслышно появился тигр, остановился и поднял голову, увидав Мантыка. Хвост замотался из стороны в сторону, глаза готовы выскочить из орбит. В такой позе он был бы необыкновенно красив, если бы не был так величественно страшен. Через

минуту он прилег к земле, как кошка, и принял ту позу, с которой обыкновенно делает решительный скачок на свою жертву. В этой позе он может поколебать недостаточно решительного охотника; надо иметь необыкновенную силу воли, чтобы не дрогнуть. Бойцов на смерть разделяли четыре аршина. Тигр сделал движение... В этот роковой миг Мантык спустил оба курка разом. Тигр упал кувырком головою под себя, не рявкнув. Алая кровь полилась по снегу. Когда прибежал казак, товарищ Мантыка, все было кончено: тигр был распростерт бездыханный. Две пули прошибли тигру лоб, одна от другой на том самом расстоянии, на каком лежали в камерах. У Мантыка рука не дрогнула!

Я был далеко от Сыр-Дарьи, на другом конце нашей обширной России, когда получил из Раима от одного из моих друзей письмо, где он писал мне, что один киргиз принес в укрепление небольшого живого тигренка, которого посадили в клетку; мать его убил Мантык с помощью этого киргиза, потом вскоре убил в товариществе со многими охотниками и отца. Но,— писали мне,— последний недешево уступил свою шкуру: он изранил семь человек — самого Мантыка, одного казака, одного солдата и четырех киргизов, солдата и казака смертельно, они умерли на четвертый день.

II. ТАЛБУГУТ

На бывшей сырской линии, вошедшей в настоящее время в Сыр-Дарьинскую область Туркестанского края, в 1848 году на берегу Сыр-Дарьи был построен форт Талбугут для охранения в этом месте переправы караванов из Средней Азии в Россию. Гарнизон форта состоял из 50 уральских казаков, двух урядников и одного офицера, начальника форта. Строений никаких не было: люди помещались зимою и летом в кибитках и домашнюю жизнь вели решительно по-киргизски, т. е. посреди кибитки стоял таган, на тагане котел, в котором варилась пища, очень разнообразная и изобильная. Сыр-Дарья здесь кишмя кишит рыбою и поэтому в ней недостатка никогда не было. Главнейшей рыбой были сазаны, лещи, сомы и осетры. Киргиз из проруби саком при разведенном камышом огоньке, около кото-

рого он и греется и оттаивает сак, ловит от 400 до 600 лещей в одну ночь. В котле рыба чередовалась с дичью — кабанами и фазанами. От изобильной свежей пищи и здорового климата люди в форте всегда были полны и здоровы. В течение бессменной двухлетней стоянки в форте больных не было ни одного.

Единственным развлечением была охота за фазанами, кабанами и тиграми, особенно последняя. Один только сбор на предстоящую охоту был в гарнизоне настоящим праздником. Зимою в кибитках казаки отогревались разложенным посредине огнем, а у есаула, у которого помещался и я, посреди кибитки стояла чугунная печка, в которой весь день поддерживался огонь; поэтому в кибитке было тепло, так что мы проводили день в одних рубахах, когда снаружи температура была до 25°, а иногда и до 30° мороза. По ночам же, в которые воздух в кибитке остывал всегда до уровня наружной температуры, мы укрывались тулупами и спать было тепло и здорово; но зато по утрам, или по какой-нибудь надобности ночью, не совсем-то было приятно вылезать из-под теплых одеял. Случай, о котором я хочу говорить, был зимою, снег был неглубокий и выпал дня за два. Обстоятельство это важно в последующем рассказе.

В одну из особенно морозных ночей с вечера показался туман и ночью настолько сгустился, что в пяти или шести шагах различать предметы было довольно трудно. Мы улеглись спать. Я уже порядочно выспался и спросонок слышу, что наши лошади в стойлах, сделанных из камыша около самых кибиток, стоят тревожно и фырчат — как они обычно делают, когда видят или чуют опасность,— чего прежде с ними не было. Меня взяло сомнение. Вдруг слышу, что часовой у фаса при реке прокричал учащенно три раза: «Кто идет!» и потом: «Убью, кто идет!». Я приподнял голову, чтобы явственнее слышать, и стал вслушиваться. Часовой с кем-то вполголоса переговаривался, у нашей кибитки кто-то приподнял дверь и стал дергать меня за ногу: «Сударь, сударь, встаньте, в форте тигр».

Если бы семьдесят труб апокалипсиса разом грянули в ту минуту, они не произвели бы на меня того впечатления, какое произвела фраза «в форте тигр». Я

спрыгнул с постели, как бы под действием гальванического тока. Надеть калоши, накинуть на плечи тулуп и выскочить из кибитки было делом одного мгновения. Смотрю — туман гуще, чем с вечера; через него едва заметно светит луна; слышу — за задним фасом на берегу Сыра тревожный говор казаков; я к ним.

— Где же тигр?

— Вот здесь прошел впереди меня по льду Сыра, шагах в шести или семи,— ответил мне часовой.

— Да как ты узнал, что это тигр?

— Я полагал сперва, что это человек, и хотел, было, совсем стрелять, но он на оклик мой и на приближение к нему рявкнул, я и догадался, что это за веща.

— Ну теперь мы ничего не поделаем; чтобы поймать птичку, не нужно пугать ее. Утро вечера мудренее. Идем, друзья, спать, а ты, часовой, держи ухо востро, а то как раз достанешься тигру на завтрак.

Вошел в кибитку, укутался в тулуп, но под впечатлением случившегося никак не мог заснуть. Зажег спичку, посмотрел на часы — ровно два, а это было в последних числах января и рассветало в семь часов. Слышу в казачьих кибитках оживленный говор и трескотню огонька. Я встал и пошел к казакам, мимоходом взглянул на термометр: ртуть стояла ровно на 23° ниже нуля. В кибитке все сидят вокруг пылающего огня, подкладывают камыш и ведут речь о посещении тигра.

— Просто срам, сударь,— говорил один, увидев меня,— тигры на форту у нас шляются, скоро станут таскать нас из кибиток, как овец из овчарни.

— Да, действительно, одолжил, каналья; эта дерзость не должна быть ему прощена. Поутру нужно будет грянуть к нему в гости по неостывшим следам.

— Завтра же с него шкуру долой! — отчеканил один из сидевших.

— Не хвались идучи на рать, говорит мудрая пословица,— выпалил другой.

Пока шел подобного рода разговор, показалась заря. Я пошел будить есаула.

— Вставайте, П. И-ч, рассвело; я вам скажу важную новость.

— Уж не кокандцы ли? — пробормотал есаул, поднимая голову.

— Нет, почище кокандцев: изволил посетить нас тигр; должно полагать, высматривал лошадок наших.

— Ну?

— Пока ничего больше; перемолвился с часовым, который едва не послал ему пулю и хорошо сделал, что воздержался. Вставайте и пойдемте осмотрим след.

— Идем, только прикажите, чтобы приготовили чай.

Мы вышли. На дворе было полное утро, солнце подходило к небосклону, а туман поднимался массой и образовывал облака. Пошли прямо на след. Оказалось, что тигр вышел из камыша по замерзшим болотам на первый фас, постоял некоторое время около контрэскарпа, перепрыгнул ров на берегу, отсюда вскочил на вал, около которого стояли в сделанных из камыша стойлах лошади, тут немного посидел на корточках и, убедившись, что до лошадей ему не добраться, тем же следом перепрыгнул ров обратно. Почуяв близко страшного зверя, лошади зашевелились, зафыркали и тем возбудили внимание часового. Это самое фырканье слышал и я спросонок.

— Изволите видеть, он к лошадям подходцы делал,— сказал есаул.— Недурно!

Далее тигр пошел вдоль фаса к Сыр-Дарье, где спустился на лед саженях в десяти от часового и вдоль реки прошел мимо последнего саженях в пяти, когда и окликнул его часовой; от этого оклика тигр пошел прочь, на середину реки, откуда правым плечом повернул кругом и параллельно переднему пути ушел восвояси, в камыш.

Далее следить невооруженным было бы бестолку. Мы вернулись в форт.

— Не идти за этим тигром было бы непростительной ошибкой; надо отправиться на поиски сейчас же. Вахмистр, прикажи-ка охотникам собраться на охоту, предварительно позавтракав поплотнее, и пойдем платить тигру за визит.

Отдав такое приказание, есаул вошел в кибитку, и мы принялись за чай. В сборах на охоту прошел добрый час. Мы выступили группой в четырнадцать человек. Есаул скучил около себя охотников и сказал им наставление.

— Не забывайте, молодцы, что успех такой охоты зависит от исполнения следующих условий: идти тише тени; в случае нападения самого тигра на охотников ближайший товарищ должен стрелять в упор; в камыше не расходиться поодиночке, а непременно вдвоем. Ну, теперь с богом вперед.

Мы пошли по следам. У Мантыка ушки на макушке! Глаза у него так сверкали, что он, казалось, никого не видел; он пошел передовым, остальные за ним, один за другим.

Местность, по которой нам предстояло отыскивать тигра, каждый из нас знал до мельчайших подробностей. Для пояснения рассказа оговорка эта необходима. Сначала след тигра вел нас по небольшому камышу, но чем далее, тем камыш становился выше и гуще и, наконец, до того стал густ, что передовому охотнику идти без устали двадцать или тридцать сажен не было возможности. Мы стали меняться, не останавливая движения вперед, так, что передовой свернет в сторону и примыкает сзади, следующий за ним идет впереди далее. Следы тигра едва можно было разбирать. Тигр шел камышом не по прямой линии, а постоянно сворачивал в стороны, как бы блуждал. Мы почти все утомились, когда передовой закричал «здесь!» и шарахнулся назад, свалив с ног шедшего за ним,а этот — следующего, так как шли рядами плотно. Мы, задние, разумеется, бросились вперед, на небольшую прогалину, поросшую кугою.

— Где тигр? — спросили чуть не все в один голос.

— Я видел, как он встал из куги и ушел вот в эту сторону,— ответил испуганный передовой.

Оказалось, что тут было его логовище. Я приложил к постели руку: она была теплая, тигр встал сию минуту.

— За мной,— сказал Мантык,— не надо давать ему опомниться, а держать его в страхе и напасть стремительно.

Указания такого веского авторитета, каким был для нас Мантык в деле охоты, всегда производят магическое действие. Все быстро тронулись с места и пошли по пятам тигра. Пройдя этак сажен около ста, мы услыхали писк какого-то животного и ворчанье тигра.

На этот раз я был передовым. Собрав все оставшиеся силы, я стремительно бросился вперед и через десять или пятнадцать шагов, на небольшом просвете, увидел трепещущую выдру, из шеи которой каплями точилась горячая кровь. Удирая от нас, тигр мимоходом, одним махом лапы, задавил на завтрак подвернувшуюся выдру, но мы помешали ему. Я поднял выдру; серебристый отлив ее шерсти показал нам всю ценность ее шкуры. Впоследствии мы продали ее за 50 рублей. Выдра показала нам, что тигр голоден, следовательно, особенно опасен для охотника. Нужно было не дремать. Очень голодный тигр бросается на человека со страшным остервенением, и кровожадности его тогда нет меры; смятого под себя охотника он терзает с ожесточением. Я сообщил это охотникам.

Рассматривая выдру, мы вместе с тем немного отдохнули и сообразили, что из преследования тигра по пятам путного ничего не выйдет. Мы знали, что по направлению, куда ушел тигр, камыш прерывался узкою полосою чистого места и сажен через десять начинался снова; промежуток этот порос небольшой кугой и кустами — отличное место для засады. Мы решили разделиться на две партии и одну послать на это место, отрезав таким образом тигру путь для отступления, и принудить его принять бой, если не удастся из-за куста положить его наповал. Влево от нас было открытое чистое поле, направо тянулась Сыр-Дарья. Следовательно, тигру другого выбора не было, как идти через этот перешеек. Есаул обратился ко мне:

— Возьми ты с собою вот этих семь человек, беги на то место, чтобы предупредить тигра, и займи подходящие пункты, а я с остальными охотниками пойду по пятам; но только смотрите, молодцы, не зевайте.

Думать больше было нечего. Мы вышли в степь и беглым шагом, что только было силы, побежали к назначенному месту; добежав до него, повернули направо, к Сыру, идя медленным шагом, осмотрели снег до берега и убедились, что тигра мы опередили. Обернувшись лицом в ту сторону, откуда шли, мы заняли пункты по двое рядом, так чтобы быть скрытыми от тигра, и стали ждать. Я повесил кинжал на руку, на привязанный к рукоятке темляк, осмотрел курок кара-

бина и встал на одно колено. Минут через десять послышался треск по камышу с той стороны, в которой мы оставили есаула. При треске этом забилось не одно сердце. Пустить пулю в преследуемого тигра — это не то, что пустить заряд по зайцу. Трескотня идет все ближе — и вот, наконец, вышел есаул с охотниками и при виде нас закричал:

— Где же тигр?

— Он здесь не проходил,— отвечаю я.

— Быть не может,— возразил есаул и вместе с этим бросился к месту, на котором оставил следы. Оказалось, что тигр, уходя от преследования охотников, наткнулся на одного из наших, караулившего под кустом, которого он заметил прежде, чем тот его, отретировался на десять шагов и обошел нашу цепь к степной стороне так мастерски, что фланговая пара казаков его не заметила.

В одну секунду пролетело соображение, что тигр впереди нас только на десять минут, что должны мы еще раз предупредить его — и мигом с моими охотниками я пустился бегом опять в обход, оставив есаула преследовать тигра. Так как путь нашего обхода шел по чистому месту параллельно камышу, которым шел тигр, то мы бежали кучкой. Рассчитывая, что мы уже опередили его, повернули вправо на более чистое место, где было больше куги, чем камыша, и только, было, начали делиться попарно, как вдруг один из передовых казаков закричал: «Вот он!» Я взглянул по тому направлению, куда смотрел закричавший, и увидел в саженях четырех от себя тигра, стоявшего к нам левым боком, с повернутой в нашу сторону и поднятой вверх головою, похлестывавшего себя хвостом по ребрам. Я не успел еще достаточно налюбоваться им, как крикнувший казак бросился к нему, чтобы выстрелить в упор. Но тигр сделал то же, и в тот момент, когда он приподнялся на задних лапах, чтобы перепрыгнуть куст для нападения, казак выстрелил почти в упор: пуля вошла тигру в грудь навылет в спину. Однако он моментально смял казака под себя — и пошла зубная расправа. Рев тигра и отчаянный крик казака были ужасны. Окрестность, спокойно дремавшая доселе в ненарушимой тишине, может быть от века, вдруг была

потрясена страшным шумом боя. Кто-либо в стороне, внезапно услыхавши этот крик, не мог не заключить, что тут идет спор о жизни и смерти. Казак, ближе всех стоявший к этой свалке, дал стречка, но отчаянный крик охотника, терзаемого тигром, и наше приближение заставили его вернуться; он выстрелил, но не в упор, как бы это следовало истинному охотнику, а издалека, как негодный трус, и, разумеется, промахнулся. Бросается Мантык и, приложив дуло своей двустволки к передней лопатке тигра, спускает курки, в тот же момент мой кинжал вошел в грудь между ребрами по самую рукоятку. Как теперь смотрю на эту картину: у тигра подкосились ноги, он опустился и придавил всей массою своего тела лежащего под ним казака, глухо застонал, медленно стал валиться и, наконец, упал правым боком на землю; только бессознательные вздрагивания мышц были последним признаком уходящей жизни. Это произошло так быстро, что когда вышли из камыша преследовавшие тигра охотники, все было уже кончено.

Мы тотчас высвободили из-под тигра истерзанного казака; он был весь в крови, жалобно стонал и поминутно говорил: «Не шевелите руку». Оказалось, что кость левой руки повыше локтя была зубами зверя расколота в куски; около кисти на теле кровавые раны от зубов, на правом боку четыре раны от четырех когтей лапы. Изуродованный и сильно потрясенный нравственно, казак идти не мог. Нужно было подумать о доставлении его в форт. Казаки сняли с себя ременные пояса, опутали ими два ружья и таким образом устроили носилки, на которые уложили страдальца и донесли до форта, откуда в телеге отправили в военный госпиталь в укрепление Раим, где руку ему отрезали, раны вылечили, потом дали чистую, и казак без руки жив и здоров поныне.

Когда подносили к форту израненного казака, остававшиеся в нем высыпали из кибиток встретить пришедших.

— Кого это так несут?

— Потапычева,— был ответ.

— Вот видишь, говорил я тебе: не хвались идучи...

— Да, правда, товарищ,— простонал раненый ка-

зак,— меня выдал Лагашкин: я бросился на тигра с надеждою, что он поддержит меня, а он, как баба, изменил мне.

Охота кончилась, и охотники вернулись в форт в 3 часа пополудни. За тигром послали телегу, на которой поздно ночью и доставили его в форт, а поутру следующего дня увезли в укрепление Раим. Это был самец, длиною от ушей до хвоста $2^1/_2$ аршина, вышиною 1 аршин 7 вершков.

Из этой охоты всего живее остался у меня в памяти факт, относящийся не столько к области физиологии, сколько психологии. Нам вздумалось попробовать, вкусно ли мясо тигра. В Раиме служил мой приятель, у него был хороший повар, и мы попросили его сделать нам из задней части тигра котлеты. За стаканом хорошего вина тигровое мясо показалось нам не только сносным, но далеко лучше говяжьего; может быть, это казалось только на первый раз, как разнообразие — не знаю, потому что пробу повторить не удалось. Но все-таки котлеты мы ели с удовольствием. Вдруг нелегкая несет в нашу компанию казачьего офицера А. М. Бородина, заклятого старовера екатерининских времен, по счастливым обстоятельствам забытого смертью.

— А ну-ка, старина, пройдись-ка по водочке, сглотни котлетку и скажи, хороши ли?

Бородин выпил водки и съел, по-видимому, с удовольствием целую котлету.

— Ну что, каковы?— спрашиваю его.

— Великолепные котлеты,— отвечал Бородин.

— Угадай, старина, из какого они мяса?

— Что тут гадать, конечно из говяжьего.

— Вот и не угадал; это от тигра, что вчера убили.

— Неужели?— с ужасом спросил Бородин. На лице его выразилось страшное омерзение, как будто он проглотил тарантула.

Ему поклялись.

Он кинулся к двери, на двор, и там мгновенно произошла с ним рвота и настолько сильная, что по выходе котлет его тянуло желчью. Мы удивлялись силе предубеждения, всосанного человеком с молоком матери. Не скажи мы правды, рвоты, конечно бы, не было. Бородин после этого никогда не приходил ко мне и, встречаясь, не кланялся.

IV. КОС-АРАЛ

Одновременно с укреплением Раим, в 70 верстах от него, в устьях реки Сыр-Дарьи, на одном из образуемых ее рукавами островов, называемом Кос-Арал, на берегу Аральского моря был построен форт для охранения кочующей там очень богатой орды от набегов хивинцев, которые собирали с нее зякет (подать), а вдвое более того грабили. Кос-Арал — название киргизское и означает в переводе птичий остров: кос — птица, арал — остров. Гарнизон состоял из 500 солдат пехотинцев, 100 казаков и из нескольких десятков артиллеристов, потребных для трех орудий.

Разливы Сары в восточной части острова образовали множество больших и малых озер, топей, которые поросли сплошной массой камыша — единственной крупной растительностью тамошней местности. Камыши эти были битком набиты дикими свиньями, около которых держались и тигры; воды острова, равно как и все устье Сыра, были заняты, в буквальном смысле слова, мириадами водяной птицы. Гуси, лебеди, пеликаны, различные породы уток положительно покрывали воды, и шумный крик их не умолкал ни днем, ни ночью. Красные фламинго встречались здесь только на перелете, но красавец фазан был коренным жителем. По всей плоской возвышенности острова кочевали киргизы-игинчи (хлебопашцы), главным образом возделывавшие ячмень и просо. Климат здесь здоровый. В течение двух лет моего здесь комендантства не заболел ни один человек, чему, конечно, много способствовала изобильная и вкусная пища из говяжьего и свиного мяса и рыбы; свежая осетровая икра за солдатским обедом была таким же обыкновенным явлением, как черный хлеб с мякиной у крестьян в некоторых великорусских губерниях. С упразднением сырдарьинской линии и с уничтожением Аральского укрепления уничтожен и Кос-Аральский форт.

В 1851 году, осенью, я был назначен начальником этого форта. В первые дни мне показалось здесь скучно до тоски. Книги и журналы приходили сюда очень поздно; не было никаких служебных занятий, ни одного офицера, вообще образованного человека, с кем бы

можно было поговорить, не говоря уже о женщинах. Аральское море зимою не мерзнет, форт выстроен шагах в тридцати от берега, и неумолкаемый прибой морских волн наводит страшную тоску. Единственным развлечением в нашей монотонной жизни была охота за зверями и птицами.

Дождавшись прочных заморозков и снега, я стал формировать партию охотников. В Кос-Аральском форте мне пришлось, однако, иметь дело с людьми иного закала; охотниками оказались только солдаты 4-го батальона, т. е. народ пеший, следовательно, охота теряла половину своего интереса. Я стал посылать на разведки и вообще наводить справки о звере. Оказалось, что киргизам отбоя нет от свиней; они подходят к аулам, вырывают ячмень и просо из ям, в которых киргизы сохраняют весь летний сбор, ходят вместе с киргизским скотом в табунах коров и баранов и самих киргизов решительно не боятся. Тигры, напротив, к аулам не подходят, скот киргизский не трогают, что весьма естественно: легко ловя свиней, они не нуждаются в более трудно добываемой пище.

Темные, беспредельные камыши, терявшиеся на горизонте, не допускали облавной охоты; в таких камышах можно бить свиней, только подкарауливая их. Но такого рода охота казалась моим сотоварищам слишком скучною: тут не было возможности выказать им свою удаль. Я стал выжидать такого случая, который и не замедлил представиться. В один счастливый день я получил известие, что вблизи форта на льду замерзшего залива, по которому летом росла куга и осока кучками — кулигами, были замечены следы одиночного тигра и другого с детенышем! Меня так и подмывало ехать на охоту, но не было ни одного охотника, на которого бы можно было положиться. Говорили мне, что в гарнизоне есть солдат Григорьев, смелый и ловкий охотник, но я что-то плохо этому верил, а потому ради более верного успеха охоты послал тройку лошадей в Раим за Мантыком. Это было в 2 часа пополудни, а к 10 часам утра следующего дня тройка вернулась назад с Мантыком, сделав 140 верст без отдыха.

Так как Мантык, спеша ко мне, не спал более суток, то я дал ему добрый стакан водки, сытную закуску, и

он завалился спать. Тем временем я собрал охотников, которых явилось восемь человек, снабдил их всем, в чем они нуждались, и выдал свинец на жеребья. Жеребьями мы называли цилиндрические пули одинакового калибра с ружьем и от $^3/_4$ до 1 вершка длиною. Такие пули не годятся для дальней стрельбы, но на близком расстоянии летят верно и производят весьма разрушительное действие.

В два часа пополудни я разбудил Мантыка. Мне хотелось вместе с ним осмотреть местность, в которой жили тигры. Взяв на всякий случай одни ружья, я, Мантык и еще один вызвавшийся охотник отправились туда на лошадях. Настоящие, густые камыши начинались верстах в двух от форта; в соседстве они были все вырублены на дрова. В камышах и по опушкам мы нашли много свежего свиного рытья и в двух местах следы тигров. Камыши были обширные и настолько сплошные, что об охоте на свиней нечего было и думать. Это было бы все равно, что гоняться за щукой в море. Свиньи быстро шмыгают по камышам, погладить себя не дают, а иногда кабан, свинья, особенно же поросенок, так крепко затаиваются, что охотник может пройти в двух шагах и не заметить их; случается, впрочем, хотя и очень редко, что охотник сметит притаившуюся свинью и положит ее на месте. В таких обширных камышах успешнее можно охотиться за тиграми. Тигр при виде охотника уходит медленно, с некоторою важностью, с полным сознанием своей силы, а если заметит, что его преследуют, то при удобном случае и сам переходит в наступление. Но подобная охота возможна только зимой, когда мороз подернет все твердою коркою; к тому же на лето тигры на острове не остаются или встречаются весьма редко.

Мы подъехали к кибиткам, расположенным на кряже, из которых вышли навстречу нам два киргиза и тотчас узнали во мне коменданта.

— Не видали ли вы где по близости тигров? Не знаете ли где-либо здесь тигровое логовище?

— Тигры всегда устраивают свои пристанища в глубине камышей, мы ходить туда боимся,— отвечал один из киргизов,— но мы часто видим, как они выходят в степь. Сегодня по направлению к форту про-

шел один тигр, очень большой, сёз жок, калай улькун (слов нет, какой большой).

— Ну они ничего вам дурного не делают, не трогают ваш скот?

— Нет, в этом году не нападают, а все-таки мы от них настороже: от жены и от тигра всегда нужно иметь за поясом кинжал.

Солнце подходило к небосклону; до форта было версты три. Мы поехали по льду, разливами Сыра, которые поросли кугою. Я поднял голову, чтобы посмотреть, далеко ли до форта. Солнце готовилось скрыться за горизонтом; впереди нас, саженях в шестидесяти, между кулигами куги, паслась киргизская лошаденка, стреноженная на подножном корму; мы ехали тихим шагом. Вдруг из одной кулиги с ревом выпрыгнул тигр и бросился на лошадь. Мы инстинктивно остановились и схватили ружья. Лошадь шарахнулась от тигра, но на льду поскользнулась и упала на колени. В одно мгновение тигр ловко схватил ее левою лапой за голову между ушей, а правою за горло около груди. Лошадь поднялась на ноги и силилась вырваться, но ноги ее скользили по гладкому льду. Тигр, упершись задними лапами, скользить которым мешали его когти, так ловко перебросил через себя лошадь, описав ею в воздухе дугу, и с такою силою ударил ее об лед, что, с минуту подрыгав ногами, она испустила дух. Тигр немедленно вырвал несколько кусков мяса из загривка; кровь полилась на снег и забила фонтаном из артерий. Лошади наши все это время тревожно фыркали, порываясь дать тягу. Мы попробовали прогнать тигра и пустились, было, к нему вскачь, но лошади уперлись, не желая повиноваться, а при ударе нагайки бросились в стороны и опрокидывались назад, так что трудно было удержаться в седле. Заметив нас, тигр отошел от лошади сажен на десять и лег в куге, приподнимая по временам голову. Стрелять с лошадей было немыслимо; затеять бой пешими мы не осмелились, так как не имели холодного оружия и поэтому не считали себя достаточно сильными; тигр занимал очень выгодную позицию для обороны и наступления, притом был голоден, следовательно, очень опасен. А самое главное — настолько стемнело, что было невозможно ручаться за

верность выстрела. Нам оставалось только ехать в форт. Что тигр не бросит своей добычи, пока всю не съест, в этом не было ни малейшего сомнения, так же как и то, что мы найдем его завтра невдалеке. Обменявшись с Мантыком такими мыслями, мы тронулись в обратный путь. Первым приказанием по приезде было — не давать моему боевому коню в ночь сена, а ограничить дачу корма тремя гарнцами овса. Жирная лошадь с пустым желудком всегда быстрее и выносливее.

Отобранные мною семь человек охотников были совсем наготове. Условились с восходом солнца быть уже на конях. Обыденная казарменная жизнь мгновенно изменилась; приготовления к охоте отразились на всем гарнизоне, рассказы о тигре с лошадью слышались в разных вариантах во всех углах. В надежде, что вместо определенных семи охотников я могу взять и больше, стали приготовляться и некоторые другие. Движение в казармах сделалось почти общим. Осмотрев необходимое вооружение, я лег спать, но долго проворочался в постели, пока заснул. Едва посветлел восток, как меня разбудил Мантык.

Я вышел во двор. Было совершенно тихо, и в этой тишине отчетливо слышался только прибой волн, как будто они били прямо в стены форта; небо было совершенно ясно; звезды начинали гаснуть; охотники приготовили оружие и седлали лошадей.

Одевшись, я вышел во двор. Охотники сидели на лошадях; у двух из них были рогатины, у Григорьева — карабин с тесаком вместо штыка; все они выглядели молодцами и, видимо, горели нетерпением сразиться с тигром. Мы тронулись прямо к вчерашней лошади, задавленной тигром. Солнце только что показалось из-за небосклона. Подъехали к лошади сажен на десять. Я, чтобы не затоптать следы тигра, остановил охотников и вместе с Мантыком освидетельствовал лошадь: правая ляжка оказалась вся съеденной; снег кругом был истоптан только следами тигра; значит, он держал волков на почтительной дистанции.

— Теперь вопрос в том, куда ушел тигр, где мы его должны искать? — обратился я к Мантыку.

— Он где-нибудь лежит близко, — отвечал Ман-

тык.— Первое — сыт, а потом он ни за что не расстанется с лошадью, пока всю не съест; уж волкам он ее не оставит — шалишь.

— Да, это верно. Но все-таки где он теперь? Разъедемся в разные стороны, сделаем круг и обрежем след. Ты поезжай направо, я поеду налево. Если заметишь сегодняшний выходной след, свистни; я сделаю то же.

Следы вчерашний и сегодняшний на снегу различить легко, не так, как летом, на песке и другой мягкой земле. Мы разъехались. Минут через пять я услыхал свист, на который и поспешил. Мантык напал на следы тигра, которые шли от лошади по направлению к видневшимся вдали камышам. Кругом было обширное ровное место, кое-где покрытое большими и малыми кулигами куги.

— Уйдет в камыши, и тогда прощай, тигр! — сказал я.

— Пусть превращусь я в улитку, если тигр это сделает; он где-нибудь лежит тут в куге; только надо ехать очень осторожно.

Здесь кстати заметить, что Мантык как калмык был буддийского вероисповедания, в котором переселение душ после смерти людей в животных есть основной догмат.

Я дал знак остальным охотникам подъехать к нам. Необходима была крайняя осторожность, о чем и были предупреждены подъехавшие. Тотчас же все сняли ружья и взвели курки, Мантык и я повесили на руки кинжалы, и все тронулись по следам. Кулиги тигр обходил, по-видимому, направляясь в камыши; наконец, вошел в одну кулигу, которую мы тотчас же окружили, но, найдя выходной след, поехали по нему дальше. Тигр, как надо было полагать, выбирал место отдыха потеплее и помягче. Пройдя около ста сажен, он стал поворачивать к тому месту, где лежала убитая им лошадь, и вошел в другую кулигу, которая имела в окружности не менее ста пятидесяти сажен, или около сорока сажен в поперечнике. Объехали кругом эту кулигу,— выходных следов не было. Не оставалось никакого сомнения, что тигр тут, в этой кулиге. Куга была высокая, густая, но от гололедицы и инея нагнулась, переломалась и так перепуталась на уровне груди че-

ловека, что пробираться по ней было чрезвычайно трудно.

— Что делать? — спросил я Мантыка.

— Тигр тут, — ответил он.

— Это я знаю без тебя.

— Надо идти к нему в кугу пешим; на лошадях ничего не сделаешь.

— Место боя для нас крайне невыгодно, — возразил я, — тигр растреплет нас в клочья.

— Может быть и так, — ответил Мантык, — но ничего больше не придумаешь. Надо решиться.

Позвав остальных охотников, мы слезли с лошадей, стреножили их и оставили одних в отдалении от места действия. Затем все мы расположились кругом кулиги, попарно, по возможности на равном расстоянии. Я стал вместе с Мантыком, и по условному знаку все двинулись по направлению к центру. Со всех сторон послышался треск ломаемой и выдергиваемой куги. Были видны головы и плечи почти всех охотников. Подвигались медленно; куга так перепуталась и смерзлась, что каждый шаг вперед доставался не без усиленной работы. Вдруг вижу — над кугою показывается голова тигра, затылком ко мне. Чтобы предупредить Мантыка и не отдать ему славу первенства на этой охоте, я поторопился взбросить ружье к щеке и, рассчитывая, что коническая пуля со стальным наконечником из дельвиновского карабина положит тигра наповал, выстрелил. Но неуместная ревность, похожая на зависть, на этот раз, как, впрочем, и всегда, не послужила ни к чему: я промахнулся. В одно мгновение с выстрелом тигр быстро бросился на охотника Григорьева, шедшего прямо к нему и бывшего у него перед глазами и ближе других; Григорьев подставил ему нож, примкнутый к ружью вместо штыка, на который тигр и сел с разбега всею своею тяжестью; нож вошел в него, как в тесто, по самую трубку. Тигр зарычал, метнулся, сломал нож, который и остался в нем, одним взмахом лапы вышиб ружье у Григорьева, смял его под себя, и пошла, как нам казалось, зубная расправа. Быстро подбежать на выручку мешала куга, стрелять было тоже нельзя — тигр с охотником как бы утонули в куге; слышно было только свирепое ворчание зверя и возня. Мгновенно

выхватив из рук одного охотника рогатину, Мантык явился перед тигром и уже готовился заколоть его рогатиной, как тигр предупредил его: оставив Григорьева, он быстро бросился на Мантыка и наткнулся на подставленную рогатину, которая вошла между передними ногами, отчего он потерял равновесие и упал на лед, увлекая в своем падении и Мантыка. Оба, однако, быстро вскочили на ноги; тигр с ревом и разинутою пастью так стремительно кинулся снова на Мантыка, что последний не успел схватить кинжал, снова сбил его с ног и, перепрыгнув через него, выскочил на чистый лед и побежал в другую кулигу. Вслед ему раздалось несколько выстрелов, и все охотники кинулись за ним, забыв о Григорьеве. Тигр вбежал в другую кулигу, обширнее первой, и там лег, как бы утонул в ней. В минуту кулига была окружена со всех сторон. Мантык крикнул, чтобы охотники не входили в нее, а ограничились одним наблюдением. Подбежал окровавленный Григорьев, из правой щеки у него сочилась кровь и капала на полы полушубка, все лицо было вымазано кровью, шаровары изорваны.

— Я думал, что тигр тебя совсем изуродовал и что нам придется тебя отсюда унести,— сказал я Григорьеву.— Что он тебе повредил?

— Пустяки: когтем проткнул щеку, на голове ссадил шкуру и на правом бедре сделал несколько ран зубами.

И это пустяки! Вот каковы были люди, составлявшие партию охотников!

— Позвольте нам, ваше благородие, только вдвоем с Григорьевым идти к тигру, а остальные охотники пускай настороже, а то стрелять опасно — можно убить своих.

Я согласился. Мантык и Григорьев взвели курки и пошли в кугу, где встретили их те же затруднения. Они шли медленно, с крайнею осторожностью, в настоящем случае вполне руководствуясь правилом: «один раз шагнуть и десять раз оглянуться». Вдруг, почти из-под ног охотников, выскочил тигр и бросился на Мантыка; последний выстрелил, за ним Григорьев; мы успели только увидеть, как тигр с разинутою пастью сел передними лапами на плечи Мантыка спереди, а тот

схватил его левой рукой за горло, и оба свалились в кугу! Послышалась оттуда возня, рявкнул тигр, и через секунду или две все стихло. Разумеется, в тот же момент все охотники бросились на место свалки. Когда мы подбежали туда, то увидели тигра, лежавшего в предсмертных судорогах, и вылезавшего из-под него Мантыка. Во время падения тигр перевернулся к ногам Мантыка, который, имея, таким образом, руки свободными, схватил висевший на руке кинжал, запустил его в брюхо тигра, распорол его нараспашку и затем быстро ударил около лопатки. Все это было делом одной секунды. Мантык отделался только порванной одеждой и двумя царапинами от когтей на правой ноге.

Я по опыту знаю, что в то время, когда зверь бросается на охотника из-под ног, последнему очень трудно сделать верный выстрел. Этим также объясняется, почему выстрелы Мантыка и Григорьева, сделанные почти в упор, не положили тигра на месте. Верный выстрел возможен, только когда стреляешь не торопясь.

Такому благополучному исходу битвы в неблагоприятной для нас местности мы обязаны именно тому обстоятельству, что тигр был не в меру сыт, голодный он наделал бы нам много хлопот. Разумеется, не менее верно и то, что в удобной для нас местности с этим количеством охотников мы сразу положили бы любого тигра.

Когда я приехал в форт, тигр уже лежал посредине площади. Это был один из самых больших зверей: он весил 11 пудов 22 фунта и имел в длину от хвоста до ушей 2 аршина 14 вершков. Более крупных тигров я в жизни не видал. Снятая с него шкура отослана была мною раимскому коменданту, который отправил ее в Оренбург к графу В. А. Перовскому.

Постоянная охота на Сыр-Дарье за кабанами и тиграми превосходно влияла на дух местного гарнизона; охота развила в солдатах отвагу и боевую ловкость; привыкнув к борьбе с опасностью, они сделались неустрашимыми и впоследствии прославили себя во многих знаменитых битвах на сырской линии. Это были те солдаты оренбургского линейного № 4 батальона, которые при осаде форта «Перовский» кокандцами в

1854 году громко потребовали, чтобы их вели в бой.

— Солдаты! Нас очень мало: не более 600 человек могут выйти из крепости,— с нескрываемой грустью сказал им комендант осажденной крепости подполковник Огарев.

— Нужды нет в большем, ваше высокоблагородие; на завтрак нам их только хватит, допустите только,— отвечали воодушевленные солдаты.

Я не позволяю себе округлять фразу, а помещаю буква в букву, так, как она сорвалась с языка солдата.

Подполковник Огарев очень умно воспользовался этим порывом солдат, сделав вылазку,— и 600 человек в два часа положили 18 000 кокандцев. Солдаты сдержали свое слово: в 6 часов утра началось сражение, а в 8 часов, т. е. ко времени солдатского завтрака, оно кончилось. Большая часть этих охотников из казаков угодила потом в серовскую сотню под Иканом. В борьбе на открытом поле против 22 000 кокандцев они пали почти до единого человека, не сдаваясь в плен на унизительных условиях. Леонид под Фермопилами против полчищ Ксеркса остался в тени.

Такова сила влияния охоты на боевой дух солдат!

Весной 1852 года я был назначен в рекогносцировочный отряд. В то же время мне поручили триангуляцию пространства между реками Куван-Дарьей и Сыр-Дарьей. Меня сменил майор Плюснин, человек мне совершенно незнакомый, которого я видел при сдаче ему форта в первый и последний раз: он скоро умер от когтей тигра.

Со съемочным отрядом мы стали лагерем около хивинской крепости Хаджа-Нияз. Здесь я получил известие о смерти Плюснина. В июне Плюснин шел пешком в одной рубахе на сенокос, где работали солдаты гарнизона. Путь его лежал густым камышом по узенькой тропинке. Не дошел он сажен пятидесяти до стана косцов, как вдруг из чащи камыша выпрыгнул тигр, бросился на Плюснина и смял. На отчаянный крик последнего и рев тигра в ту же минуту явились солдаты и увидели своего начальника плавающим в крови. Тигр изорвал на нем рубашку, сжав когтями одной лапы правое плечо, перерезал плечевую артерию, из которой кровь забила фонтаном, и был таков. Разумеется, не

поспеши солдаты, от Плюснина остались бы одни кости. С перепугу майор не мог встать; его подняли и на руках принесли в форт. Все усилия остановить кровь не привели ни к чему. Оставалось последнее, но безнадежное средство — скорее везти раненого в Раим. Снарядили лодку, уложили в нее майора и лямкою потащили в крепость. Через несколько часов, на полдороге, Плюснин умер и в Раим доставили его труп.

Съемка пространства между реками Сыр-Дарьей и Куван-Дарьей кончилась; отряд в начале июля вернулся в Раим. При встрече нашего отряда комендант крепости подошел ко мне.

— Отдыхайте, К., у меня для вас есть небольшое дело. Наверное, вы не откажетесь побывать на Кос-Арале?

— Хоть на Барса-Кельмес[1], полковник!

Меня очень заинтересовало, зачем я нужен коменданту на Кос-Арале. Три дня спустя я был позван.

— Я хочу поручить Вам убить тигра, который заел Плюснина. Для этого возьмите любых охотников, баркас и плывите. С Вами намеревается ехать турист, немец Левенталь, с которым я Вас познакомлю.

Такое поручение мне показалось более чем странным. Хорошо ли я расслышал, так ли я понял слова полковника? Убить тигра, который заел Плюснина,— да как узнаю, что тигр, которого, положим, я убью, будет тот самый, который загрыз Плюснина. Это недоумение я высказал полковнику.

— Я все успел узнать,— ответил он,— теперь на острове только и есть один этот тигр. Вы знаете, что на Кос-Арале летом тигры не живут, этот же тигр опоздал уйти на материк. Вода кругом острова теперь очень высока и тигру уйти с острова нельзя.

На следующий день, в 10 часов утра, Левенталь, Григорьев, Мантык и я сели в баркас. День был жаркий, ветер дул ровно и сильно. В жарких странах на безбрежных равнинах ветер не приносит прохлады: он там так же зноен и жгуч, как раскаленная атмосфера. Мы подняли парус и раскинули палатку. По быстрому течению Сыра баркас летел со скоростью 15—

[1] Остров на Аральском море: барса — пойдешь, кельмес — не воротишься.

20 верст в час. От Раима до моря река течет по совершенно гладкой равнине. Оба берега поросли стеною густого и высокого камыша, на темной зелени которого отдыхали наши глаза. Иногда из камыша выплывала лебедка с серыми лебедятами или пара гусей с гусятами и, завидя нас, тотчас скрывались обратно; по временам слышался крик фазана, призывающего свою самку. Сомы, стоявшие у берегов и на поверхности посреди реки, при приближении баркаса с шумом волновали воду, ударяя по ней широким плёсом, и быстро опускались на дно.

— Кос-Арал видно! — воскликнул рулевой.

Мы встали на ноги и увидали, что входим на косаральский рейд. Ровно в 2 часа пополудни мы причалили к пристани, сделав семьдесят верст за четыре часа. На острове в это время созревал хлеб. На пашнях киргизам от свиней не было отбоя, по ночам они большими стадами производили значительные опустошения; на пространстве какой-нибудь десятины стояло несколько киргизов-караульщиков, которые отгоняли свиней. Узнав, что мы приехали поохотиться, каждый из киргизов звал нас на свой хлеб. О тиграх отозвались, что замечают иногда в разных местах свежие следы, но где они постоянно живут — не знают, так как скот они не трогают.

— Мне не верится, чтобы здесь был только один тигр, — сказал я Мантыку. — Разве можно обшарить такие огромные камыши, чтобы с уверенностью сказать, что здесь один тигр или два?

— Разумеется, нет — отвечал Мантык. — Какое нам до этого дело? Нам бы только поохотиться. Не убьем тигра — жалко, а подвернется какой, убьем и скажем, что тот самый, который съел Плюснина.

Мы решили в эту же ночь идти на киргизские хлеба и караулить свиней. Но для этого нужно было отправиться пораньше, чтобы до сумерек осмотреть пашни, обозреть окрестность и выбрать приличные места для засады. Плотно пообедав, я, Левенталь и Григорьев в 4 часа оставили форт. Мантык пошел один искать следы тигра. Пашни начинались верстах в двух. По приходе мы увидели кругом пашен бесчисленные следы свиней; около краев, а частию в середине, колосья бы-

ли сборваны, обгрызены, и местами хлеб был сильно помят. С ожесточенными ругательствами показывали нам это киргизы. Мы принялись искать места, удобные для подкарауливания. Нужно было выбрать такое место, с которого не было бы видно головы сидящего охотника, для чего требовалось или чтобы хлеб был выше человека в сидячем положении, или чтобы был куст; кроме того, разумеется, необходимо, чтоб с этого места было удобно стрелять. Немчурка не хотел занять отдельное место и упросил меня пустить его на одно место со мною. Я согласился, хотя весьма неохотно, так как это очень невыгодно: свиньи поразительно чутки; от постоянной опасности быть схваченными тигром они делаются чрезвычайно осторожны. Два охотника вместе поэтому имеют вдвое более шансов быть замеченными. Выбрал себе место и Григорьев. Понятное дело, мы должны были хорошенько заметить направление другой засады, чтобы из опасения убить вместо свиньи товарища не стрелять в этом направлении.

Солнце скрылось; было тихо, вокруг все замерло; месяц как бы не двигался среди неба. Вот, наконец, потухла и заря, совсем смерклось и наступила глухая ночь. В южных странах день быстро сменяется ночью, не так, как в северных, где летний вечер сменяется не ночью, а утром. Месяц светил, однако, так ярко, что можно было читать книгу. Мы разошлись. Левенталь и я взвели курки и уселись на углу пашни, в густом и высоком просе, лицом к полю, так что могли наблюдать обе стороны угла. Я просил немчуру, чтобы он сидел со мною, как мертвый, так как не только малейшее движение, но даже слишком громкое дыхание могло испортить все дело. Если же это покажется трудно выполнимым, то я предложил ему занять отдельное место, но не пенять на меня, если я, не зная, где он сидит, пущу заряд по тому направлению, и пуля вместо кабана попадет в него. Все нужные наблюдения я принял на себя.

Прошел час в томительном выжидании; на небе показались облака, которые по временам закрывали месяц; я начал чувствовать боль в согнутой спине. Вот что-то в правой стороне щелкнуло, как будто что сломалось, потом послышалось пыхтенье. Осторожно по-

вернув голову в ту сторону, я увидел две точки, двигавшиеся вдоль пашни прямо к нам; ухо различало уже два пыхтенья, одно впереди другого, по временам шум срываемых кистей проса и чавканье. Вот послышались шаги, ближе и ближе. Я притаил дыхание. Мимо нас, так близко, что я мог бы достать стволом, прошла свинья, но сзади ее раздавалось более громкое пыхтенье, по которому я признал кабана. Левенталь хотел поднять ружье к щеке, но я дернул его за локоть и приложил указательный палец к носу. Пройдя пять или шесть шагов, свинья остановилась и начала рвать и есть просо; немного не доходя нас, остановился и кабан. Я уже стал раскаиваться, что пропустил свинью, как услыхал его приближение; перестав дышать, подавил локтем Левенталя, давая знак сделать то же. Почти около моего уха кабан сорвал ветку проса; вот он начал огибать угол и, пройдя прямо перед глазами, остановился. Живая двенадцатипудовая масса едва не задевала меня: нас разделяло пространство в три шага. Вдруг кабан поднял морду и подозрительно фыркнул: своим тонким чутьем он услыхал незнакомый запах. Еще мгновение, и он бы улизнул. Но я поспешил предупредить его и, подняв ружье, пустил заряд ему в бок около лопатки. Эхо выстрела загрохотало далеко, перекатываясь по степи. Кабан сделал два прыжка и растянулся. Жеребий изломал ему ребро и разорвал сердце. Мы подбежали к кабану; его массивное тело еще слегка вздрагивало в предсмертных судорогах, но через минуту все кончилось.

Прибежал Григорьев. Он тоже готовился выстрелить в крупную свинью, но мой выстрел испугал ее. Оставаться далее на этом месте было бесполезно: свиньи в эту ночь сюда уже не придут. Следовало идти или домой, или на другие хлеба. Левенталь и Григорьев избрали последнее, а я отправился в форт, куда и пришел в 11 часов ночи. Поутру следующего дня, пока я спал, Григорьев распорядился привезти убитого кабана и свинью, которую убил после меня, оставшись с Левенталем. Я потребовал к себе Мантыка.

— Ну сказывай, что узнал о тигре?

— Ничего не слыхал, нет и признака. Слышал ваш первый выстрел, думал, не отзовется ли на него тигр,

долго прислушивался, наконец, услыхал второй выстрел перед рассветом, пошел на этот выстрел, нашел Григорьева, от него отправился в форт, взял телегу с лошадью и втроем привезли кабана и свинью.

В этом не было ничего утешительного. Оставалось дать выспаться охотникам и тогда подумать, что делать. Два дня искали мы тигра, видели его свежие следы, но были ли то следы того тигра, которого нам велено убить, узнать было нельзя. Что тигры на острове есть — это не подлежало сомнению, но как найти их? Ведь теперь не зима, непрерывного следа нет, а камыши обширны, как море. Я стал терять всякую надежду и готов был вернуться в Раим. На четвертый день часов в 10 утра вошел ко мне Мантык и попросил меня позволить ему сходить в один недальний камыш около пашен, в котором он видел свинью с поросятами; он надеялся поймать, если не всех поросят, то несколько штук. Охота была слишком заманчива, чтобы не соблазниться ею, и я пошел с Мантыком. Как и все охотники, мы пошли не прямым путем, а заходили на осмотр мест, лежащих в стороне. Свинья с детьми от своего гайна не уйдет, следовательно, мы могли охотиться на нее, когда захотим.

Остров Кос-Арал прорезывают несколько оросительных канав. Вдоль одной такой канавы мы направились в дальнейший путь. Вал, образовавшийся из этой канавы, был на той стороне, по которой мы шли, канава за валом, а за канавою начинались темные, непролазные камыши. Пройдя этим валом с версту или полторы, мы вдруг услышали впереди саженях в двадцати страшный рев тигра, отчаянный визг свиньи и громкий треск камыша.

— Тигр напал на свинью,— сказал мне Мантык.

Что только было силы, пустились мы бежать на крик, немного нагнувшись, чтобы не быть замеченными. Подбежав к месту боя, мы легли поперек вала и стали понемногу поднимать головы. Нам представилась интересная картина: тигр грыз кабана, кабан сажал на клыки тигра. Кабан очень ловко увертывался и, видимо, старался вырваться из могучих когтей кровожадного врага, но не мог; они не раз становились на дыбы; кабан все норовил дать стречка, но тигр, на-

Тигр грыз кабана, кабан сажал на клыки тигра.

конец, схватил его левою лапою за голову около ушей, а правою за спину и начал грызть затылок; таким образом, кабану было невозможно пустить в ход клыки, все усилия его вырваться были напрасны, и сражение, видимо, было им окончательно проиграно. Рев тигра и визг кабана были ужасны. Силясь. вырваться, кабан возил на себе тигра кругом, и камыш на этом месте был совершенно притоптан. Клочья щетины и мяса, вырываемые из шеи кабана пастью тигра, летели во все стороны; весь камыш был окрашен кровью. Кабан изнемог, стал возиться все тише и тише и, наконец, упал. Тигр прогрыз ему шею и позвоночный столб, так что голова совсем отделилась от туловища. Умаялся и тигр; он лег на брюхо около окровавленного трупа своего противника, высунул язык и усиленно дышал.

— Так вот ты где, приятель, предмет наших поисков! — подумал я и подал знак Мантыку. Осторожно положили мы стволы на вал, прицелились, я щелкнул языком — условный знак — и два выстрела раздались, как один. Когда рассеялся дым, мы увидели тигра, трепещущего на месте в предсмертной агонии. Одна пуля пронзила голову, другая вошла через переднюю лопатку. Можно было поручиться, что тигр не слыхал наших выстрелов. Тигр и кабан были привезены в форт.

— Тот ли это тигр, который загрыз Плюснина? — спросил я Мантыка, улыбаясь.

— Разве тот тавреный был? Если не поверит комендант, пусть справится.

V. СМЕРТЬ МАНТЫКА

Постоянные, почти беспрерывные охоты имели следствием то, что звери в окрестностях Раима стали редки и приходилось ездить на охоту за сотни верст. Свиньи удалились в непочатые еще камыши в устьях Куван-Дарьи и Джаман-Дарьи и в верховья Сыра к Ак-Мечети, в 1853 году взятой штурмом и переименованной в форт Перовский. Тигры, неизменные спутники свиней, последовали за ними. В 1856 году, в котором я по обстоятельствам службы навсегда оставил Сыр-Дарью, охота на свиней и тигров была здесь уже редкостью.

В 1858 году, в ноябре, в форте Перовском выпал пер-

вый снег. Мантык после двенадцати геройски убитых им тигров собирался искать тринадцатого. А слухи были, что тигры сильно пошаливают: то где-нибудь корову задушат, то барашка унесут. Но в темных частых камышах отыскать тигра без следов было столько же трудно, сколько и опасно: не зная, где тигр, легко попасть к нему в когти. Понятно, насколько обрадовал Мантыка выпавший снег. В тот же день поутру прискакали в форт два киргиза и потребовали, чтобы их допустили к коменданту. По поспешности и настойчивому требованию киргизов было заметно, что случилось что-то необычное,— и их повели к начальнику форта. Через пятнадцать минут туда же позвали Мантыка, от которого все узнали следующие вести.

В камышах озера Кутан расположился на зимовку аул, в котором находились и кибитки прискакавших киргизов. Жена одного из них, беременная в последнем периоде, пошла рано поутру рубить камыш на дрова. Киргизы ближний к кибиткам камыш не вырубают на дрова, а берегут как защиту от буранов и ветров, поэтому за дровами ходят дальше; здесь напал на нее тигр, разорвал у нее живот в тряпки и съел восьмимесячного ребенка со всеми внутренностями матери. Тигр съел бы ее всю, но вслед за нею шла, тоже за дровами, другая женщина, меньшая ее сноха; услыхав рев напавшего тигра и отчаянный крик его жертвы, она тотчас побежала назад и рассказала об этом киргизам, которые с топорами и мотыгами отогнали зверя.

Комендант форта, генерал Дебу, предоставил Мантыку отыскать этого тигра. Заранее готовый к такой охоте, Мантык, конечно, только и ждал подобного случая и сопутствуемый казаком и двумя солдатами через полчаса оставил форт. На том месте, где тигр растерзал женщину, снег был окрашен кровью. Осмотр следов показал, что тигр пошел в глубину камыша. Тигр от места, на котором ему удалось сытно поесть, далеко не уходит, а ложится поблизости, чтобы спокойно переварить съеденное. По следам, ясно отпечатавшимся на свежем снегу, охотники прошли с полверсты и, наконец, вошли в такой густой, толстый и высокий камыш, что идти в нем было весьма трудно. Вдруг на небольшой прогалине, поросшей густой кугой, охотники

увидели тигра; он сидел на задних лапах и, по-видимому, прислушивался. Прежде чем Мантык успел взбросить к щеке свою двустволку, тигр одним прыжком скрылся в камыше. Надо заметить, что тигр никогда не бросается на охотников, если их несколько, но одному не дает пощады; на троих или четвертых он кидается только в крайнем случае, когда очень голоден или когда ему преграждены все пути отступления. В этих случаях нападения его неотразимы, и нужно иметь много мужества и ловкости, чтобы не потеряться и вступить в бой с таким страшным врагом. Стоит пропустить одно мгновение — и сражение проиграно.

Мантык с товарищами пустился за тигром. Отвязаться ли вздумал тигр от преследователей или был еще недостаточно сыт, только он прибегнул к своему известному маневру, т. е. начал кружить, вышел на следы охотников и поменялся с ними ролями — из преследуемого обратился в преследователя. Лишь только Мантык заметил, что тигр кружит и что его след уже находится поверх их следов, как остановился и предупредил своих спутников, что дело приближается к развязке и что тигр сам напрашивается на нее.

— Тигр хочет кинуться на нас сзади, но если он увидит, что мы ждем его вчетвером, то уйдет, и опять начнется бесконечное преследование. Отойдите вы в сторону, спрячьтесь так, чтобы вас не было видно, а я подожду его здесь один. Но как только услышите мой выстрел, немедля бегите ко мне. На верность выстрела я надеюсь, но всяко бывает...

Не так говорил прежде Мантык. Его слова всегда были уверенны, решительны; в этом же наставлении товарищам звучала неприятная нота сомнения. Сердце — вещун, оно предчувствовало у Мантыка что-то недоброе.

Охотники удалились, а Мантык обернулся лицом в ту сторону, откуда пришел, и опустился на правое колено. Минут через пятнадцать послышался легкий треск, и глазам Мантыка предстал во всем величии царственный обитатель сырских камышей — могучий тигр — и остановился. Зубы его оскалились, глаза загорелись, хвост захлестал направо и налево. Вот он прилег на брюхо и затопал задними ногами, т. е. при-

готовился к прыжку. Мантык держал ружье у щеки и ни на одно мгновенье не спускал прицела с широкого лба зверя. Тигр сделал движение... Мантык спустил оба курка разом... Взял ли он неверно лоб тигра на цель, или дрогнула рука, только пули вошли тигру в грудь, пониже горла, т. е. сделали раны, ничтожные для него. Со всею стремительностью тигр смял Мантыка и с бешеным ревом стал терзать его, так что он не успел даже схватиться за книжал, висевший сбоку. Прибежавшие охотники струсили: у них не хватило духу вмешаться в бой и выручить товарища. Мантыку, однако, удалось привстать из-под тигра на колени, обнять обеими руками врага около задних ног и бросить его о землю, но через мгновение борьба закипела снова.

— Гибну, братцы, стреляйте; если заденете меня — ничего, только стреляйте!— кричал Мантык.

Но трусы медлили, и уже когда тигр, снова опрокинув Мантыка, стал с остервенением грызть его и когда Мантык отчаянным голосом закричал: «Помогите, спасите!», подбежал казак Ранеев и выстрелил в тигра в упор. Таким выстрелом следовало бы сразу уложить хищника, но этого не случилось: выстрел был неверен. Тигр бросил Мантыка, кинулся на Ранеева и смял его. По крику Мантыка солдаты запустили в бока тигра примкнутые к стволам ружей ножи и тем положили конец бою. Тигр издох на Ранееве, который встал из-под него невредим. Мантык же был не в состоянии подняться: тигр раздробил ему в куски бедреную кость правой ноги, измял правое плечо в бесформенную массу и содрал на голове местами кожу. Бедный Мантык весь, с головы до ног, обливался кровью. Каким-то чудом кинжал, висевший у Мантыка на бедре, оказался сорванным с пояса и был найден далеко в стороне.

Немедленно дано было известие в форт, и вскоре явился комендантский тарантас. Бережно уложили Мантыка и привезли в госпиталь. Усиленные старания докторов и отеческие заботы генерала Дебу не повели ни к чему: через пять дней Мантык скончался.

Так кончил славные дни свои знаменитый Мантык, помрачивший славу прославленного Жерара. Французский охотник бил львов из засады, из-за камней и скал, так сказать, из-за угла. Этот же русский

охотник уничтожал тигров в открытом бою, в единоборстве, о чем Жерар не смел и думать. Эти два знаменитых охотника имели только одинаковую участь: Жерар растерзан львом, Мантык загрызен тигром.

Последний тигр, брошенный на весы, потянул 9 пудов 12 фунтов. Чтобы поднять и бросить о землю такую живую массу, нужна была силища не французская!..

Уральск,
22 января 1880 года.

НАТАЛЬЯ П.

ТРИ ОХОТЫ НА ТИГРА[1]

ОХОТА ВТОРАЯ

Придя в Нукус, где, по слухам, хозяйничал тигр, приносивший громадный вред населению, охотничья команда тронулась вниз по Аму-Дарье. Люди шли цепью, впереди бежали собаки.

Местность представляла собой довольно открытую поляну, поросшую большими кустами колючки, которая образовывала как бы небольшие островки в окружности от 50 до 100 шагов. Справа была степь, а слева протянулись пустынные заросли туранги, тала и джиды вдоль берега Дарьи.

Идя третьим с правого фланга, охотник Марышев увидел, как из одного куста колючки выбрался тигр и, перебежав открытое пространство, скрылся в другом островке колючки. Недолго думая, охотник подал условный сигнал, сообщая о появлении зверя, и сам бросился к колючке. Вскоре вокруг нее собралась вся

[1] Сокращенный рассказ, опубликованный в журнале «Туркестанский охотник», №№ 4—7 за 1923 г.

команда и собаки, которые стали пробираться в кусты; было ясно, что зверь там; но работать в густых зарослях собакам было несподручно, а потому тотчас же оттуда послышались взвизгивания и болезненные стоны их. Очевидно, зверь расправлялся с ними по-своему.

Древовидная колючка представляет собой куст, достигающий 4 аршинов в высоту, весь усыпанный мелкими маленькими листочками и длинными, острыми и крепкими иглами, которые легко прокалывают подошву сапога. У основания колючки игл нет, и этим пользуются кабаны, делая в них такие же тропы, как и в камышах. Пройти колючку прямо нет никакой возможности, и перед такою преградой останавливается все живое.

Охотники, стоя вокруг островка, ожидали появления зверя на открытом месте, но он не выходил, а визг и стоны собак начали усиливаться.

Это забрало за живое начальника команды Созонова. Жалея собак и забыв опасность, он бросился к кустам и полез на корточках по тропинке. Не прополз он и пяти шагов, как наткнулся на левую заднюю ногу тигра и хвост его; зверь пробирался влево от охотника. Тогда Созонов крикнул:

— Матвеев, тигр влево, не зевай!

Матвеев не заставил себя ждать и быстро очутился в колючке левее, шагах в десяти от начальника команды, и тоже пополз, держа винтовку в правой руке перед собою. Немного и ему пришлось проползти, но он был счастливее Созонова и в упор столкнулся с тигром. Был страшный, решительный момент: с одной стороны охотник, почти лежащий в узком и низком коридоре, где нельзя приподняться, а с другой — перед ним, менее чем на шаг расстояния, царь пустыни, огромный тигр, в таком же положении. Прыжок он сделать не мог, да, вероятно, и не успел бы, —так быстро сработал лихой и не теряющийся ни перед чем охотник-туркестанец. Моментально сообразив, что медлить нельзя, а отступать ему и на ум не приходило, Матвеев протянул вперед правую руку и, приставив винтовку почти в упор к левой стороне груди зверя, спустил курок. И зверь был убит.

Наступила тишина... Окружающие ждали с напря-

женным нетерпением результата... С разных сторон по тропинкам продолжали подползать другие смельчаки, чтобы тоже попробовать свои силы в борьбе со зверем... Но вот задом выполз из кустов Матвеев — бледный, но веселый, и объяснил, что все кончено. С трудом вытащили зверя. Тигр оказался великолепным самцом 16 четвертей длины. Команда потеряла восемь собак.

ОХОТА ТРЕТЬЯ

Но еще поразительнее третий случай охоты, когда отвага, выдержка, привычка не теряться в серьезные минуты и взаимная помощь еще рельефнее проявились в команде при встрече с тигром.

Команда шла по левому берегу Аму-Дарьи, недалеко от старого канала Дарья-Лык. Собаки подняли тигра, которого и начали преследовать. Целый вечер хлопотали охотники, чтобы перехватить зверя, скрывавшегося в густых зарослях камыша, но вследствие обширности непокрытых льдом разливов, а также из-за зарослей взять его не могли и грустные вернулись на стан с твердым намерением преследовать зверя на другой день.

С утра начались поиски...

Не прошли и двух верст, как собаки снова погнали тигра, который уходил от них вдоль арыка. Когда раздался гон, люди команды рассыпались цепью, пробираясь сквозь густой камыш. Мы с Созоновым, опередив охотников, обошли заросли. Он направился по гребню возвышенности, а я правее, вдоль арыка. Перед нами оказалась площадка, заросшая низкою осокою, сквозь которую Созонову, наблюдавшему сверху, очень хорошо была видна вся местность. Он выдался вперед шагов на двадцать от меня.

Вдруг я вижу, что Созонов целится по прыгнувшему от собак тигру. Я тоже насторожился, приготовился и стал наблюдать, где зверь. Раздался выстрел. Прошел какой-нибудь момент, и передо мной шагах в пятидесяти появилась голова тигра. Не успел я поднять винтовку к плечу, как тигр уже сделал прыжок. Я выстрелил в упор в зверя, но тотчас же полетел в Дарья-Лык, сбитый могучим ударом лапы.

Сделав прыжок, раненый тигр на мгновенье приостановился, как бы осматриваясь и удивляясь, куда делся противник; затем, видя приближающихся охотников, громадным прыжком, распластавшись над камышами, скрылся в чащу. В «лет» по тигру последовал второй выстрел Созонова... Видя это происшествие, охотники Шнейдер и Константинов, с трудом выбираясь из зарослей, без выстрела бросились на зверя, желая ударить на него в штыки; с другой стороны к тигру бежал Созонов.

Получив удар и свалившись в глубокий арык, я старался выбраться из него, но это оказалось не очень-то легко. Берега арыка были крутые, правая рука была занята винтовкой, выпустить которую из рук значило потопить ее, оставалась левая рука, но она отказалась действовать и висела беспомощно. Положение мое было незавидное, однако кое-как мне удалось вылезти и сесть на берег арыка.

Выбившись из зарослей, одна группа охотников спешила к тигру, но, увидев, в каком положении находился я, остановилась около меня и стала оказывать мне «первую помощь». Однако я немедленно предложил группе спешить в направлении, где собаки задержали опять тигра.

В камышах слышался рев, лай, вой. Зверь был ранен, а потому страшно озлоблен.

Цепь охотников, двигавшаяся на тигра, наконец, охватила его. Тигр оказался между охотниками прижатым к разливу. Сейчас же за стеной камыша, в котором укрывался зверь, затаились Созонов, Шнейдер и Константинов, на случай если бы тигр вздумал уходить по разливам, и зорко следили за его появлением. Другие охотники энергично продвигались вперед.

Тигр, рассвирепевший от раны и атак гончих, страшно рычал, стараясь захватить какую-либо из самых дерзких собак; ударами лап он поднимал тучи пуха из головок «куги» (тростниковое растение). Охотники подошли так близко, что каждый момент всякий ожидал встречи лицом к лицу с разъяренным зверем.

Подпустив охотников почти вплотную, тигр прыжком через камыш бросился на Созонова и охотников Шнейдера и Константинова, но залп из трех ружей по-

ложил его. Тигр упал. Он лежал между Созоновым и Шнейдером. Отстранившись в сторону при падении тигра, охотники повалились на камыш по бокам проторенной колеи дороги, при этом одна из собак, проскочив между стеной камыша и тигром, попала под Созонова. Тигр, уже не имея сил встать, лапой старался захватить Созонова, но по счастливой случайности не достал его, а поймал из-под него морду собаки и разорвал поперек, отхватив верхнюю челюсть когтями почти прочь. Упади зверь вершка на два левее, и он покончил бы с Созоновым. Ближайшая группа охотников тотчас же бросилась вперед и взяла зверя в штыки. Агония еще продолжалась, так что пришлось докончить зверя выстрелом в упор.

Охота была окончена, нервы успокоились, и все собрались около зверя, который был вытащен на чистое место. Тигр оказался самцом 14 четвертей длины. Во время охоты потеряли восемь собак.

Нанеся мне удар, тигр, как оказалось, ранил меня: своими когтями он разорвал мне одежду и задел мышцы у правого плеча. Рана была не опасна, хотя кровь била ключом, и в этом, может быть, было мое спасенье. Надо заметить, что тигр, как всякая кошка, имеет способность прятать свои когти в особые мешки пальцев. Вот эта-то способность и заключает в себе страшную опасность для раны; питаясь мясом и падалью и раздирая ее когтями, тигр прячет их затем с остатками падали и крови в мешки; мясо, загнивая, выделяет трупный яд; а потому раны, наносимые такими когтями, очень трудно излечимы и в большинстве случаев приводят к смерти, причем смерть происходит не от раны, а от заражения крови и рожистого воспаления. Я отделался счастливо, если не считать, что рука стала ограничена в движениях.

К. КУЗНЕЦОВ

РАЗВЕДЧИКИ 3-ей СОТНИ 4-го ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА НА ТИГРОВОЙ ОХОТЕ[1]

Джульбарс! Джульбарс!— Из шума базарной толпы отчетливо выделялось это слово. Шум увеличивался все более и более; все старались говорить одновременно.

Трудно было разобраться, что так взволновало правоверных. Я проезжал по базару как раз в то время, когда он был в полном разгаре; на площади толкотня и давка, а в караван-сараях пили зеленый чай и дожидались жирного пилау.

День был ясный, вполне похож на наш весенний. Это было 6 января 1895 г. в день большого базара в г. Кунграде Хивинского ханства.

Джигит[2], сопровождавший меня, видимо, уловил несколько очень интересных фраз из разговора толпы,

---

[1] Из журнала «Природа и охота», 1896, № 1, стр. 128—137.
[2] Молодец, конный проводник.

собравшейся у возов рыбы, что заметно было по его ерзанью в седле; но так как я ехал молча, то он не счел удобным сообщить мне заинтересовавшую его новость.

Возвратясь к себе, я застал на дворе моей квартиры довольно большую толпу людей, сидевших на корточках и слушавших рассказ одного почтенного старика. Он же мне и сказал, что сейчас по их делу приедет бек.

Кутлумрат-Бай-Худа-Нияз-Даван-бек уже въезжал в ворота двора и, к моему удивлению, без многочисленной свиты джигитов, а только с писарем и переводчиком, он же и стремянной. Хотя бек видел, что я стою на крыльце, он все-таки послал переводчика доложить о своем приезде.

— Проси бека в комнату, Якуб,— говорю переводчику.

Не тут-то было! Якуб кланяется, рассыпается в похвалах гостеприимству, а потом уже бежит к беку, снимает его с лошади и ведет в дом.

— Здравствуйте, бек! Расскажите, что Вас оторвало сегодня от дел базара?

Зная по опыту, что бек раньше, чем приступить к делу, повторит то же, что Якуб, но только в увеличенном размере, я приказал подать самовар.

Так и было, а когда налили чай, то бек начал так:

«В трех парсанах[1] к востоку от города есть аул Бай-Кара; лежит он на рукаве реки Аму-Дарьи, который носит название Алых-Дарья. Живут там каракалпаки, народ непослушный, нечестный, не исполняющий заветов Магомета и обрядов правоверных, за что аллах прогневался и послал в наказание им джульбарсов: отца, мать и двух детей.

«Пришли ко мне сегодня старики, вот те, что у тебя на дворе, и рассказывают: джульбарсы-де заняли их камыш, сложенный в копны для скота и топлива, рыщут по всему тугаю, где пасется скот, а от водопоя на арыке совсем отбили; не только скот, но и люди три дня уже не пили.

«Не запомнит никто такого наказания аллаха, чтобы джульбарсы подкрадывались к проруби и разрывали людей, а тут,— подкрались к проруби, схватили

[1] Парсан равняется нашим 8 верстам (верста — 1,0668 *км*).

и разорвали единственную дочь Ишмурат-бека, потомка Махмуда святого, который в одном из набегов на текинцев достал в жены себе красавицу ханым, сестру месяца.

«Букым, так звали умершую от джульбарса, была стройна, как тополь, румяна, как заря, а слова ее были слаще дыни нашего ханства.

«Два смельчака пошли убить тигров, но аллах не допустил: один вовсе не вернулся, а другого без челюсти и руки отыскали мертвым.

«Сколько скота унесли эти звери, не перечесть!»

Замолк и поник головой бек, не дотрагиваясь до остывшего чая в стакане. Долго сидел бек, опечаленный горем каракалпаков, и может быть еще долго просидел бы он в таком состоянии, но я поторопил его вопросом:

— Что же думают предпринять далее жители этих аулов?

— Просят тебя с казаками избавить их от такой беды. Мы знаем, что русские перебьют тигров.

— Что же, с божьей помощью мои разведчики справятся и с тигром. Завтра приедем в их тугай, передайте старикам.

Бек успокоился и передал мое решение каракалпакам.

На следующий день (7 января) в 8 часов утра я с одним офицером К. и 24 разведчиками отправился в тугай Бай-Кара; вооружены мы были, как всегда, берданками, у многих были ножи, несколько кинжалов; с собой мы забрали всех валеток и султанок.

Верст 14 ехали по песчаной дороге. По сторонам — ни кустика, ни прутика, как поют казаки, а только барханы сыпучих песков. Наконец, спустились в лощину, когда-то заливавшуюся водой; дорога пошла узкая; по обе стороны камыш, да такой, что казака с маштаком и пикой скрывает.

Сколько раз я сам срывался с дороги, чтоб потравить кабанов (сердце — не камень), но возвращался, зная, что впереди предстоит серьезная охота.

В одном месте дороги через тростники передние лошади фыркнули и стали поворачивать обратно.

— Что за диво? — спрашиваю других.

— Позвольте, позвольте! Вон кабан высунул пятак, а лоб камышом плохо прикрыл, ждет салюта.

Говоривший это успел сбросить с плеча берданку, выстрелил, и через несколько секунд кабан в девять с половиной пудов красовался на сотенной арбе, ехавшей вслед за нами.

Довольно долго ехали мы этим ущельем; наконец, открылся большой тугай, сплошь поросший колючкой, бурьяном и деревьями, похожими на наш черемушник.

Сделан расчет на карте; разведчикам дано маленькое наставление, как вести себя по отношению к зверю и товарищам.

Видны были следы тигров, но давнишние, успевшие обледенеть и засориться. Мы доехали до густой и высокой колючки, из-за которой как будто выросли кибитки — незатейливое жилище каракалпаков.

Там наши валетки уже успели сцепиться с кровными себе, чем дали знать обитателям аулов о нашем прибытии, а главное, дали сигнал женщинам спрятаться подальше от взглядов неверных. Мы быстро собрали своих собак; люди снялись с лошадей, вошли в юрты, где был заказан им чай.

Встреча в ауле, неизбежный достархан, чай, пилау и снова чай обещали задержать нас надолго; мы с сотником уселись на разостланный ковер в переднем углу, если можно так выразиться. Около огня, на котором варили пилау, хлопотал молодой хозяин, а у порога разместилось десятка два черноглазых зевак — соседи хозяина. Но не суждено нам было долго посидеть так удобно. За кибиткой старый хозяин тревожно с кем-то вел разговор, отчеканивая каждое слово; наконец говор смолк, и в кибитку просунулась сначала седая борода хозяина, а потом и коренастая его фигура, поддерживавшая камышовую дверь рукой; когда он выпрямился, то у двери за спиной его показался небольшого роста, коренастый, с значительной проседью в бороде каракалпак.

— Вот Саит имеет дело к командиру,— говорит хозяин, указывая на своего спутника.

— Что скажешь, дружище? — спрашиваю вновь пришедшего через переводчика.

— Джульбарс был у нашего аула, взял верблюда и унес в камыш. След есть с кровью.

— Да! Скажи Саиту, переводчик, что сейчас едем на след,— одновременно проговорили мы с сотником, поднимаясь с ковра.

Скомандовано: «К коням, садись!», и все было готово, только чай в чашках остался недопитым.

Саитов аул в трех верстах от нашей остановки. Дорога идет все время недалеко от реки, берег которой сплошь порос колючкой. Отъехали версты две — поляна: вправо колючка, а влево камыши. Попалось несколько следов тигра; по одному из них, свежему, мы все и направились, держась ближе к камышу. Каракалпак, видимо, соглашался с нами, он все время ехал вдали от нас по гладкому месту. Потребовалось войти в заросли тростника, в которых на коне действовать очень трудно, поэтому разведчики были сняты с лошадей и направлены по следу пешком, имея впереди собак.

Идем вперед — осматриваемся. Камыш не шелохнется. Собаки впереди и идут без опаски.

— Значит, или отдыхает после сытного обеда, или ушел к детям,— думают вслух более нервные разведчики.

— Слышите, Султанко взлаял?— заговорили разом несколько человек.

Все остановились, выслушали еще раз совет опытных охотников: на следу тигра не стоять, стрелять залпами из группы, а главное не теряться — выручать товарища. Затем подвинулись далее — и что ж мы увидали?— Султанко и пять-шесть других собак лакомятся остатками того верблюда, которого сегодня унес тигр, а остальные псы лежат немного поодаль.

«Нет. Ушел!»— послышались возгласы в партии. Саит, бывший где-по позади, подъехал и указал на аул, что, дескать, ушел туда. След, действительно, сначала шел в ту сторону, а затем затерялся в песке. Пошли дальше, обогнули аул, повернули обратно по самому берегу Алых-Дарьи, подошли к проруби, посмотрели место, где была растерзана красавица Букым. Трубач сыграл коноводам. Сели на лошадей и решили ехать в аул ночевать.

— Да, очень старый и хитрый джульбарс! Он нас караулит,— сказал Саит и повернул лошадь к аулу.

— Ты разве не поедешь с нами в тот аул? — спрашиваю его.

— Поеду только до того камыша, что у поляны.

Все двинулись; к нам присоединилось еще человек шесть молодых каракалпаков: кто на лошади, а кто на ишаке. Разведчики завязали разговор: одни трунили над конницей каракалпаков, другие серьезно говорили об охоте.

В одной партии, слышу, говорит молодой Подкорытов:

— И чего его бояться? Я нисколько его не боюсь, хоть как ни на-есть.

Завзятый охотник Болютов мотнул головой, придержал за поводья лошадь, взглянул на него:

— Серяк ты этакий! Как же не бояться тигра? Конечно, трусить не надо, а опаску надлежит держать, а то придется твоей Акулине за тебя срок отслуживать.

Партия прыснула, а «серяк» сконфузился.

— Вот свежий, так свежий след! Видимо, она, тигра-то, попить выходила? — обратился к партии один из бывших впереди. — Те остановились все разом и смотрели на след. Действительно, на песке вырисовывались следы бархатной лапы.

— Эки лапищи-то, — повторил тот же словоохотливый разведчик.

— Долой с коней!

Спешились. Коноводы отвели лошадей за Дарью, а охотники разделились на три партии. Собаки спущены. Охотникам указано направление и ориентировочные пункты.

— С богом, вперед!

Сразу от реки пришлось влезать в колючку, на первый взгляд казавшуюся густым лесом. Кусты колючки переплелись сплошь травою, называющейся поместному «лианы». Однако каждый куст, как бы для собственной охраны, выставил тонкие ветки, унизанные иглами. Пробираясь между этими кустами, думаешь только о спасении своей физиономии и глаз, так как иглы цепляются за что попало.

Сначала пошли быстро, отмахиваясь ружьем от надоедливых щетин растений, но потом — с остановками, чтобы прислушаться к лаю собак.

— Чу! Как будто собаки лают,— заметил кто-то громко.

Убавили еще шаг, а в это время молодая ненатасканная жучка шмыгнула под ноги вахмистру Мельникову.

— Фазана испугалась,— говорит Мельников.

Только успел он сказать это, как вся партия (семь человек) отчетливо услыхала лай собак и фырканье, напоминающее кошачье. Собаки кружили тигра, но он из колючки не выходил, видимо решился ждать нас. Так и случилось. Когда я впереди всех вышел на небольшую площадку, то заметил, что тигр направился в мою сторону.

Здесь будет кстати заметить одну особенность тигра. На главной тропе, по которой тигр приходит к логовищу, он намечает ряд скрытых мест. Позиции эти он оставляет тогда, когда охотники издали дают знать о себе. В этом случае он сначала уходит вперед, а потом сворачивает в сторону и выходит позади охотников снова на тропу, непременно к одной из позиций. Если же охотники насели на него, то он плотно залегает в скрытом месте и, подпустив близко, бросается на того, кто стоит на следу. Так вышло и в данном случае. Мне, стоявшему ближе всех на следу, пришлось принять зверя на себя. Взбросить ружье и спустить ударник было делом одного мгновения. Раздался выстрел. Пуля попала в грудь тигра навылет, но это не вызвало моментальной смерти. Тигр сделал сильный прыжок.

Дым еще не рассеялся, а я уже почувствовал боль в правой руке, как будто в нее вбили разом несколько гвоздей; непомерная тяжесть придавила меня к земле. Быстро, в одно мгновение, я очутился в лежачем положении. Произошло это так неожиданно для всех, что стоявшие сзади меня, вполне владея собой, не успели пустить ни одной пули вслед за моим выстрелом.

Всем корпусом налег на меня зверь; левой передней лапой он держал мою правую руку, а правой — дульную часть винтовки, зубами же грыз цевье и ствол ее. Винтовка в это время лежала поперек меня, дулом к левой руке. Пасть тигра по ружью подвинулась близко к моей голове. Я почувствовал на своем лице его дыхание. Жутко!... Подобное состояние мое побудило

меня крикнуть разведчикам: «Стреляйте!» Но разведчики не дремали, а выбирали лишь удобный момент для выстрела, чтобы вместо тигра не задеть меня, затем казак Магадеев одним прыжком подскочил к тигру и в упор выстрелил в него. Тогда тигр отскочил от меня, но все-таки в предсмертной агонии успел переломить мне две кости правой руки выше кисти и проколоть когтями почти насквозь ладонь той же руки.

Встаю. Страсть охотника взяла перевес над рассудком: вместо того, чтобы сейчас же заняться перевязкой руки, я стал рассматривать добычу. Подошел и сотник со своей партией, вместе с ним я перевязал руку, обложив ее камышом.

— Вот как шайтан ему помогает, посмотрите: таксыр[1] прямо в грудь попал, но джульбарс все-таки сделал прыжок и обнял таксыра... Это шайтан, а не зверь!— сделал свое заключение Саит.

Достойна могучей силы зверя и красота узора на шкуре: от головы до крупа по золотистому фону поперек идут черные, как вороново крыло, широкие полосы: по крупу рябью разбегаются во все стороны черные полоски. Хвост длинный и пушистый (один аршин 4 вершка). Шерсть на животе и паховых складках пушиста и бела. Когти острые с перламутровою эмалью (длина тигра без хвоста 3 аршина 1 вершок).

Пока мы возились с бинтованием руки в тростнике, подошла и третья партия; затем подвели лошадей; пришла и сотенная арба, а из аулов повалили стар и мал поглазеть на джульбарса и, если возможно, то поживиться хоть одним волоском[2]. Женщины кучками пробирались к тигру. Мы были сильно удивлены, когда увидали, что, отбросив свои покрывала (чадры), молодые каракалпачки, перегоняя одна другую, пустились прыгать через тигра, отстранив при этом казаков, приготовившихся уложить его на арбу.

— Чего они беснуются?— спросил я разведчиков.

— Вишь, значит рожать будут легко и все мальчишек,— отвечал разведчик-татарин, хорошо знакомый с обычаями туземцев.

---

[1] Начальник, господин.

[2] Волос убитого тигра у некоторых народов считается талисманом, спасающим от всех бед.

Мужья и вообще мужчины-каракалпаки в это время находились в каком-то особенном настроении и умильно вздыхали каждый раз, когда какая-либо жена или родственница удостаивалась перескочить через царя камышей.

Взвалили трофей охоты на арбу; разведчики сели на лошадей и тронулись в Кунград, но не было у них уже той веселости, с какой ехали мы на охоту. Полагая, конечно, что причиной уныния была моя рана, я спросил их:

— Почему вы, молодцы, после такой удачной охоты не поете?

— Да так, что-то не поется, ваше высокородие,— ответило разом несколько человек,— вот если бы нам ухлопать проклятого батьку с детками за то, что он вам наделал такой беды, тогда б и на сердце было веселей. Не позволите ли нам ночевать здесь и завтра поискать этих чертей?

— Бог даст, побываем здесь вместе, а может быть и скоро,— ответил я, полагая, что болезнь руки задержит меня только на некоторое время в квартире без охоты.

Однако не так вышло, как я полагал; рука болела довольно долго, а когда начала подживать, то сотню отозвали к штабу полка.

В настоящее время я частенько с разведчиками бываю на кабаньей охоте около Петро-Александровска (квартира штаба полка), но и я, и они, мы горим одним желанием — скорее попасть в Кунград, чтоб выполнить заветную мечту — ухлопать батьку с детками, а затем весело пропеть казацкую песенку: «Мы давно сжились с степями, мы давно привыкли к ним, и пред дикими зверями мы не первый раз стоим».

ЭЛЬ-РЕГИСТАН

ДЖУЛЬБАРС — ВЛАДЫКА ДЖУНГЛЕЙ[1]

Ночь подкралась тихо и бесшумно. Окутала землю густым мраком. Луны не было. Луна, перевалив через снежные хребты Дарваза, ушла погостить в Индию. По огромному черному небу сиротливо бродили звезды. Они еле мерцали.

Ночь была темной и душной — летняя таджикская ночь.

Я лежал в засаде рядом с Абди Кизбаевым и вслушивался в таинственные звуки ночи. Мы находились в центре джунглей, неподалеку от Афганистана. Вдали глухо рокотал Пяндж. На том берегу мутной многоводной реки раскинулись чужие, несоветские земли. Пяндж — по-таджикски значит пять. Пять бурных горных рек Памира и Дарваза образуют Пяндж.

---

[1] Сокращенный рассказ из книги Эль-Регистана «Стальной Коготь», М., 1940, стр. 42—76.

Полноводная река стремительным потоком вырывается из суровых горных ущелий в долины Южного Таджикистана. Подмывает и рушит крутой и обрывистый афганский берег. Ласково облизывает илистые отмели на нашей, советской стороне. И спешит вниз, сплетаясь в кольца, как громадный удав.

Через весь Таджикистан несется навстречу Пянджу грозный Вахш. И обе реки, слившись, становятся могучей Аму-Дарьей, кормилицей народов Советской Средней Азии.

Дика и первобытна природа Пянджского прибрежья...

На сотни километров раскинулись девственные заросли многолетнего камыша. Опутанные цепким кустарником и ползучими лианами, заросли кишат зверями и птицей. Густые, непроходимые джунгли перерезаны узкими тропками, звериными ходами и лазами. Даже днем, когда на южном небе ослепительно сияет солнце, в чаще джунглей царит полумрак.

Долина реки Пяндж. *Фото А. А. Слудского.*

Пянджское прибрежье — раздолье для охотника-следопыта. Я немало побродил с ружьем по камышовым зарослям. Стрелял фазанов. Любовался стадами

тугайного оленя. Охотился на диких кабанов. Несколько раз натыкался на следы тигра, владыки джунглей. Но никогда, даже днем, не рисковал забираться так глубоко в чащу девственных зарослей.

В эту ночь, не будь со мной Абди Кизбаева, я затерялся бы в джунглях, как иголка в стоге сена.

С Абди я познакомился осенью 1933 года в камышах Энского района. Вместе мы били фазанов. Он меня удивил меткостью своего глаза. Бесстрашный следопыт-охотник Южного Таджикистана стрелял без промаха, не знал, что такое усталость, был честен, смел и отважен. По всему Пянджскому прибрежью шла о нем слава как о замечательном тигролове и лучшем знатоке джунглей. Мы подружились с ним в ту осень. Выпили не меньше ста чайников зеленого чая в чайхане старика Абдусалима. Много ночей просидели мы под тенистым карагачом на войлочной кошме, рассказывая друг другу разные истории.

Меня очень интересовала охота на тигра. Я прочитал много книг об этом страшном враге человека и домашних животных, самом сильном и смелом хищнике среди диких зверей. Я думал, что тигры в Таджикистане поголовно истреблены, и был очень удивлен, встретив следы владыки джунглей неподалеку от колхозных сел Пянджского прибрежья. Абди уверял, что в джунглях Пянджа он насчитывает тигров десятками. На советском берегу строго запрещена охота на тугайного оленя, и тигры с афганского берега, где оленей уничтожают, перебрались на советскую сторону. Здесь много богатой добычи — олени бродят по камышовым зарослям целыми стадами.

Еще осенью 1933 года я просил Абди взять меня с собой в ночную засаду на тигра. И только теперь, спустя три года, исполнилась моя заветная мечта.

Абди лежал на тигровой тропе справа от меня, сжимая в руке свою крупнокалиберную винтовку, надежное оружие зверобоя. Съежившись в комок, я прильнул плечом к низкорослому деревцу джиды. Был июнь. Джида отцвела. Но воздух наполнен ее ароматом, крепким, как духи. Этот пряный аромат испускали серебристые джидовые листья. Вокруг нас теснился буйный дикий камыш. Тучи комаров носились в зарослях,

роились над моей головой. Чтобы спастить от них, я повязал шею платком и надвинул шапку на уши.

Я завидовал Абди: он не боялся укусов комаров. Они садились на его открытую грудь, лицо и руки. Раскачивались на тоненьких ножках-паутинках. Торопливо выпускали жала. И сейчас же разочарованно убирали свои крохотные острые сабельки в ножны: обветренная, коричневая от загара кожа следопыта-зверобоя была неприступна. Маленькие легкокрылые насекомые, взлетая в воздух, бросались ко мне. С торжествующим писком они жалили меня. Мои искусанные руки ныли и зудели. Лицо покрывалось бугорками. Приходилось молча терпеть. Я не мог даже пошевельнуться. Каждое мое движение вызвало бы шум. Между тем Абди меня предупреждал, что в засаде надо сидеть неподвижно. Тот, кого мы ждали, имел великолепное чутье и тончайший слух. Мы ждали не кого-нибудь, а тигра, коварного хищника и грозного повелителя джунглей.

До этого я думал, что с наступлением ночи джунгли засыпают. Как я ошибался! Вот где-то в горах родился легкий ветерок. Он скользнул сквозь ущелья вниз по Пянджу. На цыпочках пробежал по макушкам камышей. Пушистые камышовые кисточки тихо зашептались, склонившись друг к другу.

Я лежал неподвижно, вслушиваясь в звуки ночи. Далеко-далеко застрекотали лягушки. Совсем рядом захлопал крыльями глупый сонный фазан.

Хрустнула ветка... Я вздрогнул... У моего локтя копошился черный жук. Он толкал впереди себя катышок оленьего навоза. Маленький жук, а так хрустнул веткой!

Мне вспомнились слова зверобоя-следопыта.

— Все звери, птицы и насекомые шумят ночью,— говорил мне Абди, когда мы с ним пробирались к месту засады.— Все, кроме тигра. Когда по джунглям пробирается дикий кабан, топот его копыт слышен за целый километр. Олень ступает неслышно, но шуршит рогами по камышу. Хвост фазана-самца производит шорох. Змея шелестит травой. А тигр скользит бесшумной тенью на своих мягких лапах-подушечках по самым густым зарослям. Звериная тропа узка. Его огромное, сильное тело едва умещается на тропе. И все-таки,

когда он крадется, не услышишь ни хруста ветвей, ни шороха камышей, ни шелеста травы. Он может появиться за твоей спиной внезапно, как привидение. И ты не почувствуешь его, если он не пощекочет твоего затылка своими усами.

Холодные мурашки побежали по моей спине. Б-р-р-р-р! Не всякому захочется, чтобы тигр его пощекотал усами. Мне, например, определенно не хотелось...

Я вспомнил случай с одним моим приятелем, известным охотником Средней Азии. Блестящий стрелок, страстный охотник, он мечтал убить тигра. Кабаны ему надоели. Он с двумя-тремя друзьями ездил на кабанов на Чирчик и привозил их оттуда навалом на грузовике по двадцать-двадцать пять штук.

Несколько лет тому назад, получив двухмесячный отпуск, он выехал в джунгли Пянджа. С ним было трое товарищей, опытных охотников. Они задались целью во что бы то ни стало убить тигра.

Два месяца охотники провели в джунглях. Исходили много звериных троп. Часто наталкивались на свежие тигровые следы. Безуспешно рыскали по этим следам в непроходимых зарослях. Наконец решили выманить тигра на приманку к засаде. Купили у колхозников-таджиков две козы. Притащили их на плечах в гущу джунглей, туда, где было особенно много тигровых следов. Тщательно выбрали место для засады. Привязали коз к колышкам, вбитым в землю. Засели...

Двенадцать ночей безуспешно ждали тигра в засаде. Козы отчаянно блеяли, тревожа покой диких обитателей зарослей. Шакалы, гиены, волки стекались к месту засады. Приходилось чуть не руками вырывать у них коз. Тигр не шел.

Каждое утро, обследуя местность, охотники находили свежие тигровые следы. Тигр петлял и кружил вокруг приманки, но к месту засады, где его ждали разрывные пули, не выходил.

Пришла тринадцатая ночь, душная, безветренная.

Мой приятель неподвижно сидел в своей яме-засаде, не спуская глаз с жалобно блеющей козы. Перед самым рассветом он позади себя услышал глухой стук. Стук этот походил на шум от падения на землю чего-то тя-

желого. Охотник насторожился. Оглянулся, пытаясь определить, чем вызван шум, но ничего больше до рассвета не услышал, не увидел.

Наутро, выйдя из засады, мой приятель обнаружил в двух шагах от себя свежие следы тигровых лап. Судя по следам, тигр бесшумно подкрался сзади к сидевшему в засаде охотнику. Тигр стоял за его спиной настолько близко, что, если бы охотник оглянулся, его голова столкнулась бы с мордой страшного хищника. Что-то напугало, по-видимому, владыку джунглей, и он отпрыгнул в сторону. Тогда-то и услышал мой приятель таинственный стук, глухой шум от падения тяжелого тела тигра на землю.

Несчастный мой приятель, рассказывая мне про этот случай, чуть не плакал от досады. Два месяца он скитался по джунглям, ища встречи с тигром. Наконец тигр явился, стоял рядом с охотником, и он его не видел!

— А тигру за границу ходить можно? — хитро подмигнул Абди и засмеялся. *Фото А. Шайхета.*

Лежа в засаде рядом с Абди, я вспомнил эту историю. Осторожным движением отодвинув рукав, я взгля-

нул на часы. Стрелки, покрытые фосфором, засветились в темноте. Мы лежали в засаде уже больше четырех часов. Смертельно хотелось курить. Ночь бродила по джунглям, полная звуков, душная летняя ночь.

Вдруг неподалеку от меня истерически всхлипнул ребенок. Уж который раз я слышу этот плач, заканчивающийся визгом. Так завывают шакалы. Захрюкал поросенок, другой... По соседней тропе с сердитым ворчаньем прошла дикая свинья. Она направлялась к реке, ведя за собой целую кучу поросят. Навстречу ей из темноты засветились два желтых круглых глаза. Глаза загорелись и сейчас же погасли. Это — гиена. Она встретилась случайно на тропе с дикой свиньей. Повернула и быстро затрусила обратно. Гиена знала, что встреча с дикой свиньей опасна: у нее свирепый характер и острые клыки. Сердито хрюкнув, свинья угрожающе вздернула нос и ощерила зубы.

Я взглянул на своего друга. Его добрые карие глаза были устремлены в ночь. Зрачки, сузившись, пронизывали таинственный мрак звериной тропы, просверленной в стене камыша. Руки застыли на затворе надежной крупнокалиберной винтовки.

Абди умел ждать. Он мог лежать, не шелохнувшись, в одной позе час, два, три, целую ночь. Напряжением воли он сковывал веки. Они не мигали. Глаза Абди могли соперничать по зоркости с глазами любого четвероногого обитателя джунглей. Ночью он видел, как днем.

Ночь тянется медленно. Секунды сбегаются в минуты. Минуты, не торопясь, складываются в часы. Часы ползут лениво — им некуда спешить.

* * *

Ночь угасала. Бледнело небо. Наступал час рассвета. Час, когда звезды из золотых становятся серебряными. Тускнея, они растворяются в сереющем небе. И исчезают с тем, чтобы с наступлением темноты вновь высыпать на бархатное южное небо.

Земля, пробуждаясь от сна, задышала туманом. Испарения клубились, как дым папиросы, медленно плывя кверху. Зашелестел камыш. Утренняя прохлада

каплями росы оседала на травах. Я провел рукавом по запотевшему замку своего ружья и взглянул на Абди. Он бесшумно вытянул ногу, вглядываясь в черную пасть звериного лаза.

Тьма отступала шаг на шагом. Сонные комары, устало шевеля крылышками, устраивались на ночлег. Приближались утренние часы, часы отдыха ночных насекомых. Из тьмы постепенно выступали кусты терновника с желтыми ядовитыми ягодами. Стена многометровых камышей отодвигалась в глубь джунглей, освобождая небольшую прогалину перед джидовым деревом. Уже вырисовывались очертания ползучих лиан и трав.

Хрипло запел фазан-петух. Это был сигнал наступающего утра.

Абди поднялся с земли. Он тряпочкой аккуратно протер затвор своей винтовки.

— Не пришел,— с сожалением произнес Абди и полез в карман за кисетом.

Это был хороший резиновый кисет, подарок лейтенанта С., начальника пограничной комендатуры. Абди насыпал в бумажку махорки и протянул мне кисет. Мы с наслаждением втянули в себя сладкий дым самокруток.

— Даром просидели две ночи,— произнес я с огорчением.

Абди вскинул на плечо винтовку. Мягко улыбнулся.

— Не горюй,— сказал он добродушно.— Я по десять, по двадцать ночей ждал тигра. Зверь такой, что не угадаешь. Джунгли велики. Ходит себе, как хозяин, гуляет...

— Да я ничего,— ответил я следопыту, потирая искусанный комарами подбородок.

Абди пошел по тропе, неслышно ступая мягкими сапогами. Извилистая тропа, змеясь по камышу, раздвоилась. Следопыт свернул налево. Пригнувшись, я пополз за ним. Мы вылезли на новую тропу. Здесь можно было идти лишь полусогнувшись, но это не смущало Абди. Он шел почти бесшумно, раздвигая локтями опутанный лианами камыш. Шаг за шагом я следовал за ним. Камыш хлестал меня по лицу, цепкий кустарник хватал за ноги. Из-под наших ног, тяжело хлопая

крыльями, взлетела фазанья курочка. Где-то неподалеку слышался плеск и рокот реки.

По звериным тропам следопыт вывел меня на берег Пянджа. Спуск был пологий. Камыши, редея, кучками сбегали к отмелям из нанесенного рекой ила. Держась края джунглей, следопыт зашагал меж камышей, внимательно вглядываясь себе под ноги.

Абди шел, слегка раскачиваясь на ходу. Он шагал бесшумной и легкой походкой, прислушиваясь к звукам рождающегося утра. Пели фазаньи петухи. Курочки, заботливо клохтая, вели выводки цыплят к прогалинам меж камышей. Над рекой клубился туман.

Первый солнечный луч робко скользнул по мутным водам Пянджа. На афганском берегу показалось стадо оленей во главе с вожаком — рослым самцом с громадными ветвистыми рогами. Вожак, фыркнув и тряхнув головой, ступил в воду.

Абди схватил меня за руку:

— Сядь!

Присев, мы наблюдали за переправой оленей. Широкий, многоводный Пяндж в этом месте разбивался на два рукава. Между ними тянулся остров, покрытый камышовыми зарослями и высокой травой. Стадо оленей, следуя за вожаком, переходило первое русло. Только в самой середине олени поплыли, но вскоре их ноги опять нащупали дно. Русло Пянджа, омывавшее афганский берег, было неглубоким. Олени выбрались на узкий островок.

Абди внимательно следил за переправой стада. Вожак оленей уверенно шагал по звериной тропе, пересекая остров под углом. Я обратил внимание на то, что эта тропа шире обычной. По-видимому, ею часто пользовались четвероногие обитатели пянджских джунглей.

Выйдя на эту сторону острова, вожак вскинул голову и понюхал воздух. Лишь после этого подал знак к переправе. Вожак плыл к советскому берегу, рассекая могучей грудью мутные волны Пянджа. Одиннадцать оленей следовали за ним.

— Интересно,— пробормотал Абди, поднимаясь,— я не знал этой тропы.

Следопыт сделал несколько десятков шагов, и с его губ сорвалось радостное восклицание:

— Смотри!

Между камышами на берегу я увидел ясные отпечатки огромных лап. Следы, уходя к воде, вели как раз к тому месту, откуда только что выбралось на советский берег оленье стадо. След был свежий, ночной. Он мог принадлежать только тому, кого мы напрасно прождали в засаде. Только джульбарс, владыка джунглей, имел такие большие лапы.

— Так вот он где переправляется!— прошептал зверобой, отходя от воды.

Граница джунглей проходила в десяти шагах от илистой отмели. Шаг за шагом, исследуя поступь джульбарса, Абди повел меня к стене густого и высокого камыша. По следу тигра зверобой определил, что джульбарс торопился к переправе. Осторожно раздвигая камыш, Абди подал мне знак ползти.

Работая локтями, я прополз десяток метров по темному звериному ходу. Вдруг мои ноздри ощутили странный запах.

В глубоком волнении мы осматривали свою находку. На небольшой прогалине, в густой и высокой траве, лежал истерзанный труп собаки. Ее грудь была разодрана когтями какого-то сильного хищника. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что это работа тигра. Тигр разорвал грудь собаки, выпил ее кровь и отшвырнул в сторону труп своей несчастной жертвы.

Абди за ухо приподнял голову мертвого пса. Мелькнул кожаный ошейник с металлическим кольцом.

— Черкес!..— прошептали губы зверобоя.

Перед нами лежал труп Черкеса, сторожевой собаки пограничной заставы. Абди знал пограничных розыскных и сторожевых собак всех окрестных застав. Любил их за ум и отвагу, не раз восхищался их подвигами. Преступление джульбарса наполнило его сердце негодованием. Он беззвучно зашептал проклятия по адресу тигра.

Хруст ветки и сдержанный шопот заставили нас насторожиться.

— Стой! Руки вверх!— прогремело из камышей.

Черное дуло винтовки застыло, выцелив мою грудь.

— Это я... Абди... Это мы,— произнес зверобой, улыбаясь.— Не стреляй, патрон пропадать будет!..

Камыши раздвинулись, пропуская двух бойцов-пограничников.

— Носит тебя здесь чуть свет,— добродушно произнес один из них, стряхивая с лица паутину.— Здорово!

— Вот он, Черкес!— воскликнул второй, бросаясь к трупу сторожевого пса.

Переговариваясь шопотом, мы вытянулись цепочкой вдоль обрыва. Камыш нас полностью скрывал. *Фото А. Шайхета.*

Через минуту мы уже знали подробности трагедии, разыгравшейся этой ночью в джунглях.

Бойцы Алексей Киселев и Николай Попов в полночь должны были вступить на дежурство, заняв секрет со сторожевым псом Черкесом.

Они двигались верхом по узкой просеке, вырубленной пограничниками в чаще пянджских джунглей. Черкес, как обычно, бежал на длинном кожаном поводке впереди старшего по наряду Киселева. Было чертовски темно.

Вдруг собака как-то странно тявкнула и поводок в руках Киселева ослаб.

Бойцы немедленно соскочили с коней. Осмотрели тропу. Но не нашли собаки. Черкес таинственно исчез, оборвав поводок. Целый час потеряли Киселев и Попов. Облазили камыши, но не нашли Черкеса. Бойцы-пограничники заняли тогда свой пост с тем, чтобы с наступлением утра продолжать поиски. На рассвете, обыскивая местность, неподалеку от которой случилось происшествие, они услышали подозрительный шум и наткнулись на нас.

— Кто же его так... Неужели тигр?— произнес Киселев, и в голосе его прозвучало страдание.

Он был очень привязан к Черкесу, сам воспитал эту замечательную собаку. Нес с ней бок о бок службу по охране границ.

— Джульбарс,— коротко ответил мой друг-зверобой.

— Чистая работа!— вздохнул Попов.

— Как же это он... Мы же ничего не слышали,— сказал Киселев, разводя руками.

— А мы сейчас посмотрим,— ответил Абди, раздвигая камыш.

Абди скользил по джунглям ловко и бесшумно, как камышовый кот. Его ноздри шевелились, вдыхая запахи девственных зарослей. Там, где ничей глаз не заметил бы ничего подозрительного, Абди находил капельку крови или примятую травинку. Теряя след тигра, он обнаруживал его тотчас же.

Он родился и вырос здесь, среди пряных запахов джиды и шелеста камышей. Пограничники сами были хорошими следопытами, но и они поражались проницательности знаменитого тигролова пянджских джунглей.

Шаг за шагом Абди разматывал таинственный клубок.

— Джульбарс шел с той стороны,— говорил он, указывая на север.— Он был сыт и хорошо настроен: посмотрите, как лениво переставлял он свои лапы. В этом месте он насторожился, услышав шум слева...

— Верно.. Мы ехали сначала по боковой тропе,— пробормотал удивленный Киселев.

— Услышав шум,— продолжал Абди,— тигр притаился и пропустил вас вперед. Вы поехали верхом по

этой тропе, а он побежал рядом с вами по джунглям. Долго бежал. Бежал тихо — его вы не могли слышать. Я и то часто не слышу его поступи. Запах тигра могли почуять кони, но ветер дул от вас, иначе он перешел бы на другую сторону тропы...

Таджик-следопыт присел на корточки.

— Вот здесь,— сказал он, показывая примятую траву,— тигр залег, готовясь к прыжку. Он припал грудью к земле, чтобы выхватить Черкеса на повороте. Его нападение было неожиданным и стремительным. Раз он задумал похитить Черкеса, он все равно унес бы собаку. Он вырвал бы ее прямо из ваших рук, и вы не успели бы шевельнуть бровью. На то он и джульбарс — владыка джунглей!

* * *

Летнее утро вставало над Энском.

Буйные заросли камыша окружали со всех сторон маленький пограничный городок. Камыш врывался в сады и на хлопковые поля. Теснился по бокам автомобильной дороги, образуя аллею. Вытянув шею, хрипло кричали фазаны-петухи. Курочки с целыми выводками маленьких фазанят высыпали из джунглей на проезжую дорогу. На телеграфных проводах вдоль дороги уселись в ряд ласточки.

Мы шагали по дороге, приближаясь к Энску. С наслаждением вдыхали утреннюю прохладу. Навстречу нам, тяжело отдуваясь, двигались пыльные автомобили. Абди здоровался со знакомыми шоферами. После ночи, проведенной без движения в засаде, было приятно пройтись пешком.

Абди остановился, указывая на дерево:

— Под этой самой джидой мой отец выследил тигровое логово. В течение семи дней он поймал в капкан двух тигров и одну молодую тигрицу. Мне было тогда тринадцать лет...

В удивлении я покачал головой. Тигровое логово в двух шагах от городка — давно ли это было! А теперь здесь большая проезжая дорога.

Я вздохнул, вспомнив о ночной трагедии. Пограничники, только что расставшиеся с нами, увезли труп

собаки с собой. Я себе представлял, как будут огорчены все на заставе, узнав о гибели лучшей сторожевой собаки.

— Ай-яй-яй!.. Нехорошо...— отозвался Абди, разгадав мои мысли.— Стыд падет на мою голову: семнадцать тигров убил, а этого до сих пор убить не мог. Утащил лошадь у председателя колхоза. Режет коров... Удушил пограничную собаку... Ай-яй-яй!..

А я и не подозревал, что тигр, которого мы напрасно прождали две ночи в засаде, натворил столько бед на Пянджском прибрежье.

Приехав в Энск, я остановился у лейтенанта-пограничника товарища С. Здесь я встретился с Абди. Меня соблазнила возможность посидеть в тигровой засаде. Авось, на счастье, удастся самому убить тигра или хотя бы увидеть, как справляется со страшным хищником знаменитый тигролов Абди.

Лейтенант сдержанно улыбался. Он не хотел меня разочаровывать. Он-то лучше, чем кто-либо, знал, что тигра убить очень трудно, а заснять охоту на тигра почти невозможно.

— Ну что ж, попытайте счастье,— сказал он.— Тут ходит один тигр, как раз подходящий.

Только теперь, возвращаясь из засады, я понял, о каком тигре говорил лейтенант С. Это был на редкость смелый и сильный хищник. Месяц назад он ворвался в кишлак Гуль-Лянгар перед самым вечером. На глазах доброго десятка людей повалил лошадь, возвращавшуюся с водопоя. Перегрыз ей шею. Охваченные ужасом люди разбежались при появлении владыки джунглей. Они рассказывали потом Абди, что тигр был невиданных размеров, красавец, с могучей грудью. На следующую ночь он появился в двенадцати километрах к югу, в колхозе имени Калинина. Вырвал корову из-под носа пастухов. Поволок ее в джунгли. Досыта наевшись, он оставил истерзанный труп коровы шакалам и гиенам.

Джульбарс не успокоился на этих подвигах. Он появлялся то тут, то там. Приходил внезапно. Исчезал так же быстро, как появлялся. Если поблизости были люди, наводил на них такой трепет, что от страха у них отнимался язык. Его жертвами были — тут ло-

Начальник заставы, встав на седло своего коня, вытянулся во весь рост. *Фото А. Шайхета.*

шадь, там корова или бык. Убийство пограничной собаки было последним его кровавым подвигом. Рассказывая мне все это, Абди волновался.

— Все равно он не уйдет от пули,— произнес он, свертывая папиросу.

Выйдя на площадь, мы зашагали к большому зеленому карагачу, окруженному серебристыми тополями. Здесь, в тени деревьев, над журчащим арыком была расположена красная чайхана.

Трудно проехать или пройти мимо чайханы Абдусалима. Обязательно потянет остановиться, слезть с велосипеда, машины или коня, сесть на тахту, налить в чашку ароматного зеленого чая, послушать разговор вежливого Абдусалима, колхозного чайханщика. У него всегда найдется ворох новостей и для приезжего и для местного. Все новости с Пянджского прибрежья стекаются сюда, к нему. Ни одна не проскочит мимо его чайханы, что лежит на большой проезжей дороге.

Несмотря на ранний час, в чайхане Абдусалима уже были посетители. Двое верховых проезжих, бородатые таджики, задав коням клеверу, присели попить чайку. Остановился ехавший мимо на велосипеде счетовод колхоза Гуль-Лянгар Муминов. Сидел и внимательно слушал Абдусалима, удивленно восклицая:

— Ой-бой!.. Ой-бой!.. Ой-бой!..

Старый словоохотливый Абдусалим всегда делал несколько дел сразу. Сидя на корточках, он толстой железной проволокой ворошил угольки в желудке огромного самовара. Правой рукой поднимал крышки млеющих чайников. Смотрел, не перекипел ли чай. Босой ногой отшвыривал выпадающие из самоварной трубы угольки. И что-то рассказывал, горячо рассказывал, мотая седой бороденкой и цокая языком.

Заметив нас, Абдусалим торопливо поднял крышку крайнего чайника. Это был чайник из кашгарского бледно-голубого фарфора, расписанный китайским узором. Он предназначался для особых гостей, для таких посетителей, которых Абдусалим уважал. Он любил Абди, знал его покойного отца. Гордился тем, что прославленный тигролов, возвращаясь с охоты, всегда отдает первый визит ему, Абдусалиму. И его, Абдусалима, колхозная чайхана раньше всех узнает новости о

подвигах отважного тигролова-следопыта. И если Абди в пять часов утра сообщит ему, Абдусалиму, что ночью убил тигра,— будьте покойны,— новость эта в полдень будет в Бауманабаде. Да, да, в самом Бауманабаде! А оттуда поедет в Сталинабад...

Абди, улыбаясь, подходил к чайхане.

— Он ничего еще не знает!— шепнул Абдусалим колхозному счетоводу и подбросил в голубой китайский чайник щепотку свежего чая.

— Доброго утра!.. Доброго утра отважному Абди, сыну бесстрашного Кизбая,— приветливо закивал Абдусалим, ставя голубой чайник на поднос.

Сняв сапоги и вымывшись в канаве, мы взобрались на тахту.

— Они еще ничего не знают!..— подмигнул Муминов старику-чайханщику.

— А что?— спросил Абди, расположившись на тахте.

— Ой-бой!.. Ой-бой!..— закрутил головой колхозный счетовод.— Ой-бой!.. Что было вчера!..

— Ой-бой!..— отозвался Абдусалим, отшвыривая босой ногой розовый уголек.— Откуда им знать про вчерашнее? Ведь они всю ночь сидели в джунглях.

Поставив перед нами поднос с сахаром и хрустящими пшеничными лепешками, старик-чайханщик присел на корточки и начал рассказ.

Из Вахшской долины на Пяндж шел большой верблюжий караван. Караван вел известный на весь юг Таджикистана человек. Звали его Бобо-Дарвоз, то есть Дед из Дарваза. Это был широкоплечий голубоглазый горец, великан с большой белой бородой. На голове он всегда носил огромную розовую чалму. Один конец ее, длинный, свисал слева до плеча, другой, короткий, торчал наверху над тюбетейкой.

Отдохнув в Энске, караван двинулся дальше. Он тихо-мирно двигался по знакомой дороге. Был вечер, немного душный, летний. На небе высыпали первые стайки звезд.

Вдруг верблюжий крик прорезал вечернюю темноту. Это был не обычный рев верблюда, а отчаянный вопль. Вслед за тем на землю грохнулось что-то. Послышался треск камышей, какой-то хрип, мычание.

Испуганно сбились в кучу верблюды в звене Баладжона. Они сталкивались друг с другом, путались в веревках, смешались с верблюдами звена Коп-Тиляу. Вьюки сползли на живот, бились о ноги, еще больше пугая животных.

— Оэй, Коп-Тиляу! Ты опять заснул? — выкрикнул в голове каравана Бобо-Дарвоз.

Но Коп-Тиляу почему-то не отвечал. Баладжон, спрыгнув со своего верблюда, побежал в темноту. Коп-Тиляу лежал ничком в пыли, широко раскинув руки. Левый рукав его халата словно исполосовали бритвой. С разодранного плеча капала кровь. Оглушенный при падении, он не сразу сообразил, что произошло.

Сквозь дрему Коп-Тиляу видел, как из зарослей метнулось в воздух какое-то чудовище. Глаза его горели желто-голубым огнем. Чудовище, оттолкнувшись от земли, как пружина, вспрыгнуло на шею верблюда. Ударом могучей лапы смахнуло сонного человека, как муху. Разодрало его толстый ватный халат острыми когтями. Оставив Коп-Тиляу лежать в дорожной пыли, страшный зверь поволок верблюда в джунгли. У Коп-Тиляу от страха язык прилип к гортани! Он мычал, как верблюд, ворочал белками, задыхался, силясь приподняться.

— Тигр! — вскрикнул Бобо-Дарвоз. — Тигр унес верблюда!

Баладжон, выхватив из сафьяновой кобуры нож, ринулся к камышам, окутанным тьмой. Но голубоглазый великан вцепился ему в воротник.

— Пусти! — задыхался Баладжон, стараясь вырваться. — Пусти, я ему...

— Ну, куда ты? Постой! Опомнись! — уговаривал Бобо-Дарвоз. — Куда ты лезешь с этим ножичком? Им только резать морковь для плова! Ты не успеешь и носа сунуть в камыши. Знай раз навсегда: тигр не трогает человека, пока человек не трогает его. Но на нападение он всегда отвечает нападением...

— Верблюд как же?.. Такой верблюд!.. — стонал Баладжон.

Бобо-Дарвоз махнул рукой. Он знал, что с верблюдом давно все кончено. Тигр, вспрыгнув на верблюда, конечно, первым делом перегрыз ему шейные позвонки.

Это был страшный зверь, если у него хватило силы потащить тяжелого верблюда в джунгли. Бобо-Дарвоз не позволил своему помощнику отходить от дороги. Они собрали расстроенный караван. Привели в порядок вьюки, установили верблюдов по звеньям. Коп-Тиляу не оправился еще от страха. Все тело ныло так, как будто его били палками.

Отведя караван в безопасное место, подальше от джунглей, Бобо-Дарвоз посадил своего помощника на ишака и отправил его в Энск. Комсомолец должен был заявить о случившемся местным властям и составить акт о происшествии.

— Ты там долго не задерживайся, в полночь я жду тебя обратно,— сказал голубоглазый великан.— Нам надо вовремя быть на месте.

Баладжон исполнил поручение Деда из Дарваза, сообщил о нападении тигра властям. Едучи мимо чайханы, остановился и рассказал о случившемся Абдусалиму.

...Я с замиранием сердца выслушал рассказ старика-чайханщика.

— Два нападения тигра за одну ночь! На верблюда и на пограничную собаку!— воскликнул я.

Абди не проронил ни одного слова. Говорливый старичок-чайханщик подал следопыту чайник свежего чая. Чайхана наполнилась посетителями.

— Скажите, пожалуйста, дядя Абдусалим, в каком месте было нападение?— спросил Абди.

— Неподалеку от парома, ближе к горам,— ответил чайханщик.

— Ближе к горам... Так...,— процедил мой друг, сделав глоток.— Это был, вероятнее всего, он,— добавил задумчиво Абди.

— Кто он?— вырвалось у меня.

— Тот, кого мы ждали вчера и сегодня на тропе,— ответил следопыт.— Он напал на караван и задушил собаку.

— Какую собаку?!— воскликнул Абдусалим, сгорая от любопытства.

Абди молча встал. Перекинул винтовку через плечо.

— Ты, вероятно, пойдешь к лейтенанту. Иди отдохни... А я зайду вечерком,— сказал он мне.

— И тебе нужно отдохнуть,— отозвался я.— Ты же устал не меньше меня.

— Я успею,— бросил Абди.

Он зашагал через площадь своей легкой походкой, направляясь к повороту на большую дорогу.

— Пошел смотреть место нападения тигра на караван,— высказал догадку колхозный счетовод Муминов.

— Какой человек! Не знает, что такое сон, что такое усталость,— произнес в восхищении Абдусалим.— Вылитый отец!

* * *

Через широкий двор энской пограничной комендатуры я шел к белому домику лейтенанта С. Круглые сутки в этом дворе кипела жизнь. Бойцы выводили из конюшен лошадей к коновязи. Натирали их щетками и скребницами. Атласная кожа коней шелком переливалась на солнце. Из открытых окон кухни шел аппетитный запах. Повар-красноармеец в ослепительно белом халате, с колпаком на голове гремел сковородами, поднимал крышки кастрюль. Шипело сало. Пар клокотал над громадным котлом. Судя по запаху, в котле варился украинский борщ. Обогнув клумбы цветника, я подошел к террасе, окруженной стеной зеленого хмеля. Лейтенант С. брился. Мыльная пена клочьями свисала с его загорелых щек.

— Грозному истребителю тигров привет!— с добродушной насмешкой выкрикнул он при виде меня.— Ну как? Можно поздравить с добычей?

— Можно,— ответил я, бросая на пол четырех фазанов-петухов, убитых мной на большой дороге при возвращении из засады.

— Хоть что-нибудь видели?— спросил лейтенант, добривая левую щеку.

— Видели кое-что. Гиену, свинью с поросятами, оленей...

— Этого добра тут сколько угодно,— произнес командир-пограничник, направляясь к умывальнику в углу террасы.— А как с тигром?

— Тигра не видели. Следы свежие есть, против острова, в юго-западной стороне, — ответил я.

«Сказать или не сказать ему про собаку?— подумал я.— Не скажу... Зачем расстраивать человека, сам узнает».

Лейтенант с наслаждением вымылся, фыркая и разбрызгивая воду. Снял с гвоздя мохнатое полотенце.

— Эка невидаль — следы!— засмеялся он, вытирая свое раскрасневшееся лицо.— За день или за два до вашего приезда я выехал из Энска верхом. Проездил часа два-три. Возвращаюсь назад по той же дороге и вижу: на следу моего коня — следы тигрицы и двух тигрят. Шли прямо на хвосту! Проводили меня до самого парома. Не доходя метров двести — двести пятьдесят, свернули влево, в заросли. Ехал-то я туда ночью, возвращался с рассветом. Немного удивился: рано народились в этом году тигрята... Ну, разоблачайтесь, умывайтесь, будем чай пить с вареньем,— сказал лейтенант, поднимая одного из фазанов.— Жирные, черти! Отъелись...

Спустя пятнадцать минут я сидел за столом.

— Ночью было происшествие, слышали?— не удержался я.

— Вы про караван или про собаку?

— Как? Вы уже все знаете?— удивился я.

Только вчера ночью напал тигр на караван верблюдов, а лейтенант С. уже об этом знает. Комсомолец Баладжон прежде всего пришел к пограничникам.

— Надо его стрелять, товарищ начальник,— сказал он командиру-пограничнику.— Совсем его надо стрелять. Пускай на дорога не ходит, колхозный верблюд не трогает.

Баладжон смешно говорил по-русски.

— Откуда же вы знаете про собаку?— спросил я.— Ведь мы нашли труп только часа два-три назад.

— Мне звонили с заставы,— ответил лейтенант.— Жалко собаку, хороший, боевой был пес!— вздохнул он.— Придется нам взяться за этого тигра. Там лошадь запорол. Верблюда унес... Собаку... Это, видно, работа все одного и того же. Заведется такой вредный, ходит и разбойничает по району. Другие из джунглей не вылезают, занимаются оленями, кабанами, а такой вот

зарится на лошадей, быков, на домашнюю скотину. Возись с ним, когда и без него работы хватает!.. Куда Абди пошел?— спросил он меня.

Услышав мой ответ, лейтенант улыбнулся.

— Придет, доложит. Все высмотрит и расскажет так, как будто сам присутствовал при нападении.

На террасе появился дежурный.

Пограничники с винтовками наперевес бесстрашно ринулись в атаку на зверя, ломясь сквозь камыш. *Фото А. Шайхета.*

— Здравствуйте, товарищ начальник! Донесение с заставы насчет нападения тигра на собаку,— доложил он лейтенанту С.

— Знаю... Начальник с заставы сообщил мне уже по телефону,— произнес командир-пограничник, отодвигая стул.

Позванивая шпорами, лейтенант С. вышел с террасы. Аккуратный, подтянутый, чисто выбритый, он зашагал к площадке, где происходили строевые учения.

— Смирно! Равнение на-пра-во!— раздалась команда.

* * *

Абди пришел к нам только под вечер.

— Командующему тиграми Пянджского прибрежья наше почтение!— протянул лейтенант, увидев Абди.— Ну садись, рассказывай!

— Ай, начальник!.. Ай, начальник!.. Чего будет делать начальник?— шутливо тянул он, взяв папиросу из портсигара пограничника.— Плохой тигр! Хитрый!

— Как же ты его убить не можешь!— с укоризной произнес лейтенант.— Эх, Абди, Абди... Подкачал ты, брат. Семнадцать штук ухлопал, а на восемнадцатом спотыкаешься. Второй месяц он безобразничает. Черкеса у нас унес. Ведь какая была собака золотая! Я своим бойцам дал сегодня задание убить его сейчас же, как увидят. Но ведь бойцам не до зверя. Им за границей следить надо, охранять ее. Им некогда за тиграми бегать. А ты?.. Эх, ты!.. Тигровым главнокомандующим мы тебя считаем... А ты не знаешь, где он ходит.

— Почему не знаю?— обиделся тигролов.— Знаю хорошо: когда хочет кушать, приходит на советскую землю, когда хочет спать, уходит на афганскую.

— Он не дурак. Знает, где можно закусить,— с усмешкой произнес лейтенант.— Какая была собака! Душа горит за собаку,— вздохнул он.

Абди виновато опустил глаза.

— Разреши, товарищ начальник, пойду на одну ночь на ту сторону реки,— выпалил он вдруг умоляюще.

— Ты что?! Ведь это же государственная граница. Разве можно ее нарушать?— воскликнул командир.

— А тигру за границу ходить можно?— хитро подмигнул Абди и засмеялся.

Оба они заразительно захохотали.

— Рассказывай, где был, чего видел,— произнес лейтенант.— Ты ходил, наверное, смотреть место нападения на караван?

— Ходил. Все видел.

Вот что рассказал нам следопыт-зверобой.

Расставшись со мной в чайхане Абдусалима, Абди пошел по дороге на север.

Абди шел, не отрывая глаз от дороги. Чувствовалось, что караван двигался спокойно, неторопливо, гуськом, как ходят все караваны. Но вот что-то случилось. Порядок в караване расстроился, верблюды сбились в кучу, затоптались на месте. Это было ясно видно по отпечаткам их ступней.

Зверобой внимательно оглядел местность. Он не сомневался, что именно здесь случилось ночное происшествие. Ничто не могло ускользнуть от проницательного взора его карих глаз. Тщательно исследуя дорогу, Абди нашел место, где упал на землю Коп-Тиляу. Как мы знаем, он был сбит со спины верблюда могучим ударом тигровой лапы.

От места, где упал Коп-Тиляу, через дорогу к камышам тянулся на пыли широкий след. След был пересечен узорами автомобильных шин, проехавших тут утром после ночного происшествия. Нигде на пыльной дороге не было характерных отпечатков тигровых лап. Но Абди тотчас же определил, что отсюда тигр поволок свою жертву в чащу джунглей.

Раздвигать камыш и цепкий кустарник Абди не приходилось. Тигр тащил свою жертву напролом в джунгли, пробиваясь сквозь густую стену растений. Тигр обладал чудовищной силой. Он оттащил тяжелую тушу верблюда на несколько сот шагов от дороги. Свалил ее на небольшую прогалину, покрытую высокой травой. Разодрав тушу, зверь отобрал самые вкусные, мягкие куски мяса. С аппетитом поужинал. И ушел, оставив растерзанный труп животного.

Плаксивые шакалы и трусливые гиены только и ждали этого момента. Щелкая зубами, они сейчас же бросились к месту пиршества тигра. Огрызаясь друг на друга, шакалы и гиены растащили останки верблюда. Там и здесь по камышам Абди находил свежие розовые кости. Чисто обглоданный череп скалил большие желтые зубы.

Зверобой старался определить, куда ушел тигр после того, как растерзал верблюда. Внимательно осмотрев прогалину, он нашел следы тигра. Они направлялись на юг, к Пянджу. Тогда для Абди все стало ясно. Бродя в поисках добычи, джульбарс в темноте подстерег верблюжий караван. После смелого нападения на караван

сытно поужинал. Потом пошел через джунгли на юг, к границе, держась берега высохшего протока.

Абди знал, что в двенадцати километрах к югу сухое русло протока встречается с пограничной тропой. Там-то как раз и услышал джульбарс топот коней. Это ехали в ночной наряд пограничники Алексей Киселев и Николай Попов. Джульбарс учуял ненавистный запах собаки. И хотя был сыт, но не мог отказать себе в удовольствии похитить пограничную собаку.

Выслушав рассказ следопыта, лейтенант С. повернулся ко мне.

— Слышали? — спросил он улыбаясь. — Я вам говорил, что стоит только Абди осмотреть место нападения тигра на караван, и он расскажет все подробности. И ведь рассказывает-то как! Как будто видел все своими глазами: и как тигр прыгал на верблюда, и как он его тащил...

— Правду говоришь, начальник. Я все видел, — произнес следопыт. — Пыль на дороге есть? Есть. На ней, как в книжке, все написано: как ходил караван, где остановился, почему испугались верблюды.

Знаменитый тигролов положил папиросу в пепельницу.

— Не только пыль, но и камыш и трава видели верблюда и тигра. Земля слышала... Глаза у Абди есть? Есть, — продолжал он свою речь. — На камыш, на траву посмотрел. Что сказала земля — послушал. И все узнал про джульбарса.

Абди вздохнул.

— Большой тигр. Сильный... Как трактор! Чего будем делать, начальник? Стрелять его надо, а?

— Вот посмотрим, кто его раньше убьет, — ты или мои бойцы, — сказал лейтенант, подмигивая мне озорным голубым глазом. — Давай на соревнование!

— Какой ты хитрый, начальник! — засмеялся следопыт. — Пограничник много, а Абди один. Абди идет один место, сидит и ждет тигра. Тигр ходит туда-сюда... Пограничник тоже ходит туда-сюда.

— Ага, испугался! — хохотал лейтенант. — Ты мне все грозился шкуру подарить. Так вот приходи ко мне на днях, покажу я тебе, какая шкура была на твоем джульбарсе.

— Хорошо, придем,— ответил Абди, продолжая улыбаться.— А шкуры если не будет, тогда чего будет, а?

* * *

Абди исчез. Никто его не видел ни в Энске, ни в колхозах Пянджского прибрежья. Никто не знал о том, куда делся знаменитый тигролов-следопыт.

Я собирался уже уехать из городка. Правда, обидно было покидать Пянджское прибрежье, не видев тигра. Но дела меня призывали в Сталинабад. Под вечер я зашел в чайхану Абдусалима. Абдусалим встретил меня, как дорогого гостя. Вынес шелковый тюфячок на тахту. Подложил мне под локоть длинную таджикскую подушку. Подал голубой фарфоровый чайник. Налил чудесного зеленого чая себе и мне. И по секрету рассказал, что Абди уже трое суток как в джунглях.

— Не уезжай! Подожди еще дня два-три,— уговаривал меня старик-чайханщик.— Может, попадет джульбарс в капкан. Увидишь его живого.

Я решил подождать еще два дня. Меня соблазнил капкан старого тигролова Кизбая. Я себе представлял, как будет реветь тигр, пойманный в ловушку. В какой ярости он будет метаться по зарослям... Живой тигр в капкане — из-за этого стоило потерять еще два дня!

Я остался. Но от Абди не было никаких известий. Тигр тоже исчез бесследно. Потеряв всякую надежду на успех, я решил уехать. На этот раз окончательно.

Легковая машина ожидала меня во дворе. Я застегивал патронташ. Лейтенант С. говорил:

— У меня почему-то предчувствие, что только вы уедете — и тигр будет.

— Не расстраивайте меня,— взмолился я.— Ведь и так я потерял почти неделю...

— Я не хочу вас расстраивать, но всегда так получается,— серьезно продолжал лейтенант.— Тигр является тогда, когда его меньше всего ждут. Вот, например, случай с нашими красноармейцами Кирилловым и Фоминым. В двадцать три часа ночи они ехали верхом на заставу. Ехали тихо, спокойно, по открытому месту. И вдруг видят — здоровенный тигрище! Стоит на

поляне и спокойно наблюдает. Луна была полная, светила вовсю. Тигр-то ведь в нескольких метрах был. Фомин не растерялся, перекинул через голову винтовку, приложился... Но конь захрапел и попятился, пуля проскочила мимо. Любой другой зверь пустился бы наутек. Но тигр не таков. Ты его не трогаешь, он тебя не тронет. А на нападение всегда отвечает нападением.

Так и тут... Пригнулся после выстрела, рванул вперед — прыгнул. Но промахнулся. Содрал с Фомина рукав и отскочил в сторону. И нет, чтобы бежать! Заревел, сверкая глазами. Тут мои ребята дали ему жару. Кириллов заскочил сбоку. Взяли они его перекрестным огнем. Две обоймы израсходовали.

— Ну и что?— заволновался я.

— Ничего... Убили... Скажите,— произнес лейтенант,— если б мы выследили тигра после вашего отъезда или если бы он попал в капкан Абди.. могли бы вы немедленно выехать сюда? Только не на машине. На машине из города раньше чем за сутки не доедешь...

Я призадумался. А почему бы не прилететь мне на самолете сюда, если с тигром выйдет дело?

— А что ж?— ответил я лейтенанту.— Давайте телеграмму сейчас же, как будет тигр, и я постараюсь выехать к вам.

— Тогда ждите от меня известий,— произнес лейтенант С., прощаясь.

Я расстался с моим гостеприимным хозяином-пограничником.

В городе я окунулся в дела. Приходилось то и дело на день, на два уезжать в районы. Возвращаясь из этих поездок, я справлялся, нет ли телеграммы о тигре. Но никаких известий от лейтенанта С. не было.

Кончив дела, я заказал билет в Москву. Жил я за городом, в доме отдыха. Мне оставалось там пробыть еще одни сутки. И вот на рассвете, в три с половиной часа утра, меня вдруг разбудил стук в дверь.

— Вас к телефону!

Я удивился. Кто так рано может вызывать меня к телефону? Полуодетый, я вышел в коридор.

— Алло! Говорят из центрального телеграфа. На ваше имя есть телеграмма-молния,— услышал я в телефонной трубке звонкий голос.— Вам ее прочесть?

— Да, да, читайте,— произнес я, будучи уверен, что телеграмма из Москвы.

— Подана из Энска в ноль два часа восемнадцать минут,— прозвучал голос телеграфистки.— Молния... Читаю содержание: «Тигр есть немедленно вылетайте тчк».

Через десять минут я мчался в аэропорт. Пилот, предупрежденный по телефону, был уже у самолета. Мы взмыли в воздух. Около пяти часов утра увидели Энск. Сверху казалось, что джунгли врываются прямо на улички маленького пограничного городка. Озаренные утренним солнцем безбрежные заросли сверху походили на застывшее море. Громадной серебряной змеей извивался Пяндж, сплетаясь в кольца. Сделав круг, самолет пошел на посадку.

Лейтенант С. ждал меня с легковой машиной.

— Скорей! Вылезайте!— весело выкрикнул он, сложив ладони рупором у рта.

— Есть тигр? Живой?— накинулся я на пограничника.

— Едем, едем! Не теряйте времени,— торопливо произнес он, пожимая мне руку.

В пути лейтенант С. сообщил следующее.

Колхозник одного из пограничных колхозов потерял теленка. Колхоз этот недавно отвоевал у джунглей новый кусок земли, гектара на три-четыре. Выкорчевав камыш и кустарник, колхоз засеял здесь хлопок. Хлопок чудесно принялся, поднялся в человеческий рост. Колхозник, искавший своего теленка, шел по хлопковому полю, примыкавшему к джунглям. И заметил нечто рыжее под зелеными кустами хлопка. Приняв это «нечто» за своего теленка, колхозник решил, что теленок, наевшись хлопковых листьев, лег отдыхать. А скотину пускать на хлопковые поля строго запрещено.

Он, рассердившись на своего теленка, огрел его палкой. Каков же был его ужас, когда это «нечто рыжее» заревело громовым ревом!

Вместо теленка в хлопке оказался громадный тигр!

Тигр, разбуженный невежливым ударом палки, гневно разинув пасть, гремел: «Аоууун! Ху-а-а-а-б!». И, небрежно вытянувшись, смазал лапой по голове

остолбеневшего от страха человека. Чалма спасла его от смерти. Тигр когтями содрал лишь кожу с черепа. Упав на землю, он завопил благим матом. Хищник, не обращая больше внимания на своего оскорбителя, лениво зашагал по полю. Он шел, не оглядываясь, упруго переставляя свои большие пушистые лапы. Лишь подрагивание его хвоста выдавало дурное настроение.

Вопль колхозника и рев тигра были услышаны пограничниками, случайно находившимися неподалеку. Это были командир отделения Ткаченко и бойцы Филиппов и Алферов, возвращавшиеся после дежурства. Они повернули коней на крик. Поскакали по тропинке. Вылетев на рысях из камышовых зарослей, пограничники увидели тигра. Он направлялся прямо к ним и находился посредине хлопкового поля. И зверь и люди не ожидали этой встречи.

Бойцы не растерялись. Рассыпавшись в конном строю, они отрезали тигру путь в джунгли. Зверь большими скачками понесся по хлопковому полю. Два выстрела не причинили ему вреда. Но выстрелы вызвали тревогу в соседнем колхозе. К месту происшествия стали сбегаться колхозники, вооруженные палками, лопатами, чем попало.

К хлопковому полю с востока примыкал небольшой, густо поросший камышом участок. Это был маленький клочок джунглей, опоясанный с трех сторон обрывом. Рыжее тело тигра мелькнуло и исчезло в этих зарослях.

Обрыв был крутой. Тигр никогда не рискнул бы спрыгнуть с его отвесной стены вниз. Командир отделения Ткаченко сообразил, что если отрезать зверю единственный выход на хлопковое поле, тигр очутится в ловушке. Вместе с колхозниками бойцы быстро заняли выход из зарослей. Но надвигалась ночь. Зверь мог проскользнуть незамеченным в темноте и прорваться сквозь окружение. Как быть? Старики-колхозники предложили зажечь костры, зная, что тигр больше всего боится огня. Так и поступили.

Расчет оказался абсолютно точным. Тигр крепко залег в зарослях и не подавал признаков жизни. Отрезав зверю выход, пограничники дали знать на заставу. Начальник заставы ночью по телефону передал все подробности происшествия лейтенанту С. Он приглашал

его приехать на рассвете и принять участие в редком событии — облаве на тигра. Лучшего случая нельзя было ждать. Лейтенант С. немедленно послал мне молнию.

Представьте себе наше возбуждение! Машина, стремительно мчась по пыльной дороге, везла нас на долгожданную тигровую облаву.

Вот, наконец, и застава. При нашем приближении к ней из ворот выехало несколько всадников во главе с начальником заставы, рослым, широкоплечим парнем. Пограничники были одеты в субтропические костюмы. На поводу они вели двух оседланных коней для нас.

— Можно проехать на машине к самому месту! — выкрикнул начальник заставы, осаживая коня.— Здравствуйте!

— Здравствуйте, лейтенант. Зверь не ушел? — спокойно спросил лейтенант С., высовываясь из машины.

— Зверь на месте. Залег,— откликнулся начальник заставы, поднимая коня в рысь.

Наша машина продвигалась за конными бойцами по полевой дороге. Проехав два-три километра, мы, наконец, прибыли на место.

Зеленое поле было густо усеяно белыми хлопьями созревших коробочек. Поле это, сужаясь, упиралось в участок девственных зарослей высокого, многометрового камыша. Восемь костров догорало на границе поля и джунглей. Их яркое пламя не дало тигру уйти ночью из ловушки, в которую он попал. Около костров сидели колхозники, вооруженные лопатами, топорами.

Шофер краем поля проехал к самым зарослям и остановил машину на узкой тропе, пронизывающей камыши. Я вылез из автомобиля и столкнулся с Абди. Улыбаясь, он протягивал мне руку.

— Абди! Как ты сюда попал? — удивленно воскликнул лейтенант С.

Зверобой был в своем обычном охотничьем одеянии. Его ноги были обуты в мягкие широкие сапоги с загнутыми носами. Тонкий халат из верблюжьей шерсти песочного цвета был перепоясан патронташем. На нем висел кривой таджикский нож. За плечом торчало дуло крупнокалиберной винтовки.

Абди, услышав о тигре от Абдусалима, за ночь прошел, оказывается, сорок километров. За полтора часа до нашего приезда он явился сюда в полной боевой готовности. Знаменитый тигролов жаждал принять участие в схватке с кровожадным хищником. Он заболел бы от огорчения, узнав, что облава на тигра проведена без него.

Руководство облавой взял на себя лейтенант С. Верхом мы двинулись по краю обрыва, оцепляя заросли. Выход на хлопковое поле в пешем строю заняли Абди, командир отделения Ткаченко и бойцы Филиппов и Алферов, первыми натолкнувшиеся на тигра. Они имели задание стрелять в зверя в том случае, если он попытается прорваться на открытое место, то есть на хлопок.

Переговариваясь шопотом, мы вытянулись цепочкой вдоль обрыва. Камыш покрывал нас с головой. Начальник заставы, встав на седло своего коня, вытянулся во весь рост. В бинокль он тщательно осмотрел каждый уголок заросшего густым камышом участка. Зверя нигде не было видно.

Осторожно мы двинулись вперед, вступив в заросли. Мой гнедой низкорослый конь чутко вздрагивал ушами. Возбуждение всадников передалось лошадям. Они, вероятно, чуяли зверя, затаившегося в камыше. Мы двигались на близком расстоянии друг от друга, зорко вглядываясь в джунгли. Каждый шорох заставлял меня судорожно сжимать карабин, покоящийся на коленях.

Напряженную тишину неожиданно прорезал сухой треск выстрела. Пуля с визгом промчалась по камышу слева от нас. И вслед за этим утренний воздух содрогнулся от яростного рева.

Ху-а-а-а-б! Уааааб!— заревел зверь на другой стороне зарослей, там, где засели Абди, Ткаченко и еще два бойца.

— Выводите коней! Тигр ранен, он может покалечить лошадей,— скомандовал лейтенант С.

Пробившись сквозь камыш, мы выехали на край обрыва и спешились. Два бойца, с поразительной быстротой подхватив поводья, увели лошадей. В пешем строю нечего было и мечтать пробиться в заросли. Да это ни к чему бы и не привело: камыш был настолько

густой и непроходимый, что мы перестреляли бы друг друга с первых шагов. А здесь, на краю обрыва, у нас были все шансы осыпать свинцовым дождем тигра, едва он высунет морду из зарослей.

Рев прекратился так же неожиданно, как и раздался. В наступившей тишине мы ясно услышали предостерегающий крик Абди:

На-ча-а-а-льник! Смотри крепко, начальник!

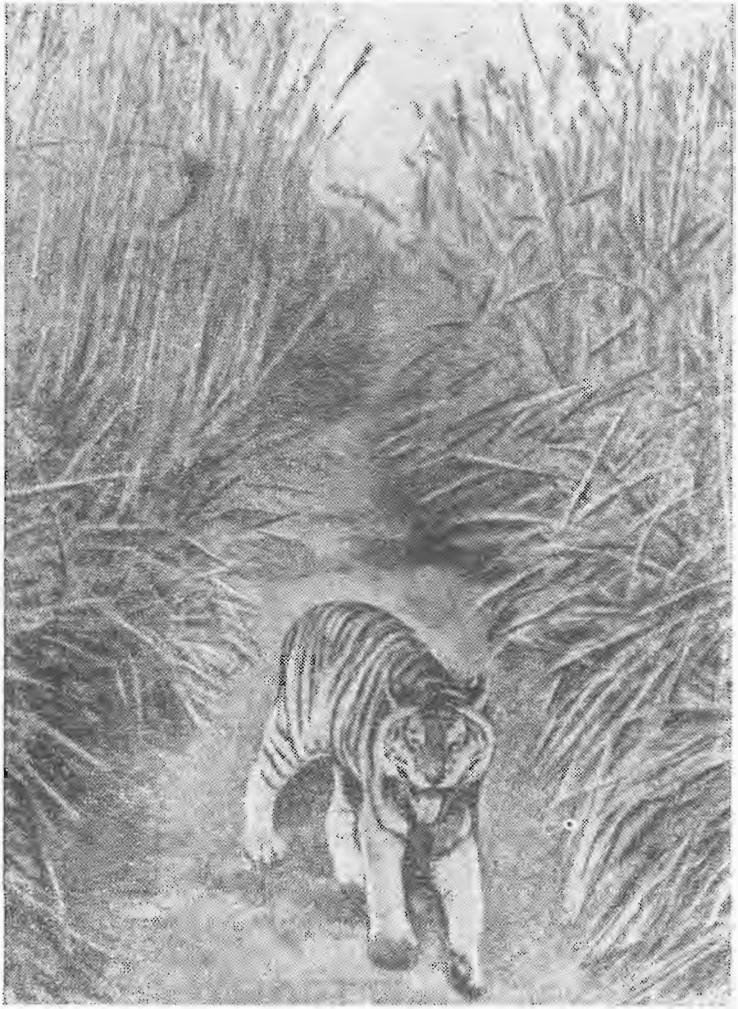
Это означало, что раненый тигр идет к нам. И действительно, камыш зашелестел. На одно мгновение мелькнуло и тотчас же исчезло рыжее тело громадного зверя. Выстрел прогремел над моим ухом. Гильза, выброшенная из автоматического пистолета-маузера, ударившись о мой локоть, скользнула в траву. Разгорячившись, я не удержался и наугад выстрелил из карабина в ту сторону, куда исчез тигр.

— Не стреляй зря!— строго окликнул меня начальник заставы и побежал по краю обрыва.

Следуя за ним, мы выскочили на открытое пространство хлопкового поля. Это был самый напряженный момент облавы. Тигр, шарахнувшись от наших выстрелов, огромным прыжком выскочил на тропу и застыл на мгновение. Этого было достаточно для Ткаченко, Филиппова и Алферова. Три меткие пули полетели навстречу зверю и огнем пронизали его могучее тело.

Взревев от боли и ярости, тигр метнулся навстречу отважным пограничникам, но, как подкошенный, грохнулся на вытянутые лапы: пуля из крупнокалиберной винтовки Абди настигла зверя в воздухе в момент его прыжка.

С рычаньем и страшным ревом зверь прорывался сквозь гущу зарослей, волоча простреленные задние ноги. Пограничники с винтовками наперевес бесстрашно ринулись в атаку на зверя, ломясь сквозь камыш. Напрасно вытягивал свое могучее тело владыка джунглей, пытаясь прыгнуть. Напрасно пружинил стальные мускулы. Пуля, пущенная меткой рукой командира отделения Ткаченко, сидела под его левой лопаткой, у самого сердца. Пули Филиппова и Алферова впились ему в бок. Выстрел знаменитого тигролова-зверобоя перебил ему мышцы на обеих задних ногах. Прыгать он уже не мог.



Тигр огромным прыжком выскочил на тропу.
Фото А. Шайхета.

Он катался в камышах, рыча от бессильной ярости. И, погибая в этой неравной борьбе, он ни разу не повернулся к людям спиной. Он встречал смерть лицом к лицу и вызывающе ревел, обнажая огромную пасть, усеянную хищными, острыми клыками.

Пуля начальника заставы успокоила его навсегда. Могучие мускулы в последний раз сжались и разжались, застыв в неподвижности. Вытянутые остро отточенные когти медленно ушли в мягкие подушечки огромных лап.

— Готов! — раздался крик одного из бойцов в зарослях.

Услышав его крик, колхозники-таджики бросились в камыши, чтобы помочь пограничникам вытащить тяжелое тело владыки джунглей. Чернобородый таджик

Пять бойцов, продев под живот зверя толстые жерди, вытащили убитого тигра на открытое место. *Фото А. Шайхета.*

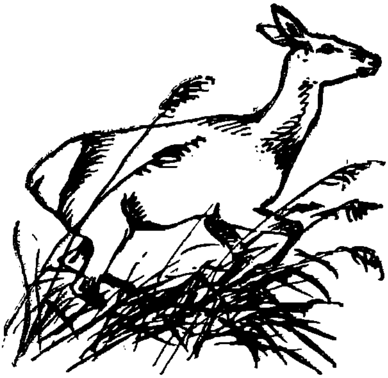
припас даже жердь на этот случай. Он знал пограничников хорошо и не сомневался, что зверь от них никуда не уйдет, раз они за него взялись.

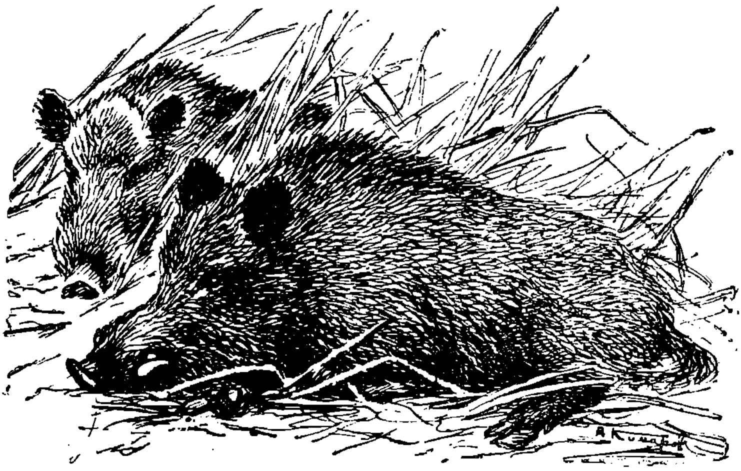
Жердь пригодилась. Пять бойцов, продев под живот зверя толстую жердь, вытащили убитого тигра на открытое место.

Абди поднял лапу джульбарса, владыки джунглей.

— Это он...— произнес знаменитый зверобой, внимательно рассматривая огромную ступню.— Он задушил Черкеса. Унес верблюда из каравана Бобо-Дарвова... Я узнаю эти ступни.

Опустив лапу, Абди выпрямился, и его глаза блеснули.





Н. А. БАЙКОВ

ТИГРОВЫЕ НОЧИ[1]

Старая дремучая тайга. Гигантские кедры и седые могучие ели обступили со всех сторон. Под навесом угрюмых гранитных скал теплился наш костерок. Сюда, в эти каменные трущобы и лесные дебри Голубой Царь-сопки, пришли мы поохотиться на могучего царственного зверя маньчжурских гор. Нас было двое, я и фельдфебель Долгих, смелый, страстный охотник.

Приехав за день до этого на лесные концессии, расположенные к югу от станции Вейшахэ, где тигры начали беспокоить рабочих и зарезали лошадь, мы исследовали местность, побывали у фанзы, куда вошел хищник прошлою ночью, и составили план действий. Фанза эта, расположенная у подошвы скалистой горы, примыкает вплотную к лесу; рабочих лошадей на ночь ставят тут же на коновязь под открытым небом. В фан-

[1] Из книги «В горах и лесах Маньчжурии», Петербург, 1915.

зе живет до 20 китайцев-лесорубов, лошадей у них десять. Такие же фанзы разбросаны всюду, по всей пади, и у подошвы Царь-сопки; контора концессии со всеми службами расположена севернее версты на три. Со станции сюда проведена ветка железной дороги на 30 верст.

До декабря о тиграх нигде не было слышно; говорили, что они ушли на юг, вслед за стадами кабанов, откочевавших из этих мест в поисках корма, так как ни кедровых, ни других орехов в этом году не было.

Около рождества появились вблизи линии тигры, их следы видели то там, то здесь, и, наконец, на лесных концессиях Скидельского хищники начали беспокоить китайцев-рабочих. Десятого января была задрана лошадь, что и побудило меня отправиться в леса Царь-сопки попытать счастья. В 10 часов вечера, рассказывают китайцы, услышали они шум у коновязи, ржанье лошадей и ворчанье какого-то зверя, затем треск валежника под тяжелыми стопами удалявшегося хищника. Боясь выйти из фанзы, трусливые китайцы позволили зверю унести лошадь на 50 сажен и сожрать чуть ли не половину. Хищник схватил крайнюю лошадь, перекусил ей затылок и шейные позвонки и оттащил вниз к речке; здесь, судя по следам, он пробыл до утра и сожрал весь зад и часть спины. Зверь был большой, старый, опытный, след его передней лапы в поперечнике имел 4,5 вершка.

Хотя после этого события прошло уже более суток, мы решили идти по его следам.

Перейдя линию железной дороги, хищник направился по дороге лесорубов к вершине горы.

За этим тигром пошли, было, с концессии шесть китайских солдат, вооруженных винтовками Маузера, но, наткнувшись в горах на следы нескольких хищников, поспешили вернуться назад на пост.

К полудню мы были уже на солнопеках средней части горы, где в едва проходимых зарослях потеряли след преследуемого нами зверя среди других следов этих хищников. Некоторые следы были совершенно свежие. Очевидно, здесь бродило несколько тигров. Проходило время течки, когда за одной самкой следуют несколько самцов.

Тяжелая, утомительная ходьба по горам и скали-

стым увалам, местами по глубокому снегу, заставила нас спуститься к ручейку, незамерзающие воды которого тихо журчали под каменистой россыпью глубокого ущелья. Наскоро закусив и вскипятив в котелке чай, мы с жадностью пили ароматную влагу. Снизу неслись отдаленные удары топоров дровосеков и шум падающих лесных великанов, сраженных безжалостной рукой человека. Там, где на днях еще стояли нетронутые пущи и девственные лесные дебри не видели следов людских, теперь слышны свистки паровоза, звуки пилы и топора, к подножью величественной, неприступной дотоле Голубой Царь-сопки проложены дороги и везут по ним могучие тела таежных богатырей, гигантские бревна кедра, ясеня, ели и ореха.

Жалость сжимает сердце при виде этой картины уничтожения красоты чудной первобытной природы. Немного лет пройдет, и от былых маньчжурских кедровников останется одно воспоминание. Куда уйдут тогда многочисленные стада кабанов, изюбры, олени, козы и царственные хищники, могучие тигры?! Без сомнения, все это будет уничтожено жадностью человека. Но пока есть где разгуляться любителю природы и охоты! В Гиринской провинции много еще девственных нетронутых лесов, переполненных всякими зверями.

Утолив голод и жажду, мы снова пошли по следам хищников, поднимаясь все выше и выше на гору, величавая вершина которой белела своими девственными снегами в синеве беспредельного неба.

Кедровники кончились, мы вошли в полосу пихт и елей. Холод становился чувствительнее, малейший ветерок обжигал лицо и руки. Здесь следы зверей разделились и большая часть пошла вниз на южный склон горы, куда и мы двинулись, рассчитывая ночевать где-нибудь в скалистых отрогах среди зарослей кедровника. Солнце зашло уже за зубчатый гребень далеких гор, когда мы остановились на опушке кедровника под нависшими скалами.

Весело потрескивал наш костерок под могучим старым кедром, темные ветви которого качались над нами, колеблемые разгоравшимся пламенем.

Незаметно и неслышно спустилась ночь на горы и леса. Сквозь черную сетку ветвей таежных великанов

блеснули звезды. Неполная луна выплыла из-за далекого гребня гор и бросила свои бледные фосфорические лучи в чащу дремучего леса, освещая пятнами пелену снега под деревьями; неосвещенные места оставались черными.

Мороз крепчал; изредка потрескивали стволы деревьев и лед в лесных ручьях и речушках.

Вскоре закипел котелок, и, напившись горячего чая, мы принялись устраивать себе постели из лап старых елей.

Тайга безмолвствовала, только изредка доносился шум деревьев, как рокот далекого океана. В глубине темной пади кричал филин и его громкое «угу» резко раздавалось в ночной тишине.

Уже несколько раз закипал и опоражнивался наш котелок; пригретые огоньком костра, поворачиваясь с боку на бок на мягких лапах душистых елей, мы незаметно для себя забылись, и крепкий сон связал наши уставшие члены.

Чудная таежная ночь плыла над уснувшей землей и навевала чудные сны и грезы.

Однако холод не давал возможности заснуть надолго, забирался под суконную рубашку и заставлял отогревать озябшие бока у живительного огня.

Проснувшись однажды от холода, я услышал невдалеке голос какого-то зверя, он доносился снизу, со стороны противоположного склона увала. Сначала я принял его за голос красного волка, но вскоре к нему присоединился другой, более громкий и могучий. Теперь я сразу понял, что это тигры. Разбуженный мною Долгих сел у костра и стал прислушиваться. Голоса зверей по временам усиливались и переходили в рев и громоподобный кашель, иногда же напоминали крик дерущихся котов.

Рев тигра можно передать звуком «еоун», повторяемым один, редко два раза подряд. Нам казалось, что звери приближаются к нам, ввиду чего мы усиливали огонь и с винтовками в руках отходили от костра в сторону голосов, ожидая появления хищников. Но напрасно: звери не приближались к нам, и голоса их как будто замирали в тишине тайги. Судя по силе звука и количеству голосов, тигров было не менее четырех, между

Между ними был один тигр колоссальной величины.

ними один колоссальной величины, он ревел редко, но громко и отрывисто, после его голоса слышны были голоса остальных, менее густые и грозные. Сон наш как рукой сняло. Почти всю ночь до рассвета сидели мы у костра и слушали эту музыку первобытной тайги. За час до рассвета голоса постепенно стихли; в конце-концов, изредка и издалека доносилось слабое мяукание, которое замирало в глубине леса.

Снова наступила невозмутимая тишина, и старая тайга как-будто прислушивалась к ней и тихо-тихо шептала свою дикую песню.

Рев хищников с перерывами продолжался около часа. В начале он произвел на нас сильное впечатление, мы даже опасались нападения зверя, но впоследствии, когда попривыкли, стали относиться к нему равнодушно, хотя заряженные винтовки не выпускали из рук. Вместе с визгом и ревом зверей слышна была возня, треск кустов и валежника на месте побоища. Чуть забрезжил рассвет на востоке и яркие звезды начали меркнуть на побелевшем небе, мы двинулись к этому месту, осторожно, шаг за шагом, соблюдая возможную тишину.

На склоне горы, в полуверсте от нашего становища, нашли мы свежие следы четырех тигров; во многих местах снег был вытоптан совершенно и на местах лежек зверей протаял до земли. Кровь виднелась повсюду, на одной лежке даже стояла небольшая ее лужица, натекшая, по-видимому, из левой лапы зверя. Очевидно, здесь разыгрался бой между самцами из-за самки. Судя по выходным следам, три тигра ушли на юг через горный перевал, по тропе звероловов, в долину реки Ха-ми-хэ-ра. Очевидно, за тигрицей пошли оба молодых тигра, так как следы старого, с кровью, повели нас вверх по ущелью к вершине горы. Хотя в общем необходимо заметить, что старые, тяжелые тигры предпочитают держаться в нижних частях гор или на высоких увалах, но непременно там, где есть выдающиеся из зарослей леса скалы и утесы, откуда они любят осматривать окружающую местность и лежать там иногда по целым дням. Молодые тигры встречаются преимущественно в высоких скалистых горах и спускаются в пади и долины только за добычей, затем опять уходят

в скалы, где отдыхают на солнопеках, на излюбленных своих лежках.

Пройдя версты три по тропе, куда ушли тигры, и убедившись, что они остановятся не скоро, мы повернули назад и стали осторожно подниматься в гору по следам раненого хищника. Очевидно, рана, полученная им в драке, была не из легких, так как на следу крови было много и зверь часто ложился, зализывая раненую лапу.

Солнце высоко поднялось в голубом небе и пригревало порядочно своими яркими, ослепительными лучами. На солнопеках снег заметно таял, образуя твердый наст, хрустевший под ногами и сильно мешавший нам скрадывать чуткого, осторожного зверя. Заметив преследование, он начал делать круги и петли по таким трущобам и зарослям, что впереди ничего нельзя было разобрать уже на пятьдесят шагов. Хищник не убегал от нас, но шел медленно на расстоянии двухсот шагов и держал нас все время «на слуху». По временам, когда мы останавливались передохнуть, и он ложился на снег головой в нашу сторону и зализывал лапу. Таким образом он водил нас по склону горы, то поднимаясь на скалистые отроги и увалы, то спускаясь в глубокие пади и ущелья.

На одном из увалов заметили мы свежие следы кабанов на жировке и, бросив скрадывать тигра, пошли по новым следам. На солнопеке под скалою паслись пять кабанов; подойдя к ним на 200 шагов, мы расположились за буреломом и открыли огонь; звери мгновенно метнулись в сторону, оставив одного, убитого нашими пулями. Это оказался молодой кабан, пудов на пять. Выпотрошив его и закусив чем бог послал, мы засыпали добычу снегом и двинулись дальше выслеживать хищника. Каково же было наше удивление, когда по следам мы увидели, что тигр так же, как и мы, скрадывал кабанов! Мы оба не выдержали и от души смеялись над собой и над хитростью и нахальством зверя.

После наших выстрелов он скачками пошел вниз в падь.

Замечательно то, что мы втроем скрадывали кабанов с двух противоположных сторон; мы подходили к

ним по косогору сверху, а тигр, заметив свежие следы толстокожих, обошел сзади нас и подползал к ним из-за скал снизу. Если бы мы не торопились стрелять, то наблюдали бы интересную картину нападения хищника на кабанов.

Само собой разумеется, тогда и сам он попал бы под наши выстрелы и пришлось бы ему расстаться с красивой полосатой шубой.

До самого вечера, пока солнце не спряталось за далекие гребни гор, ходили мы по свежим следам хитрого зверя, но безрезультатно. Мы рассчитывали вывести его из терпения и не давать ему покоя, но, очевидно, хищник инстинктивно чувствовал опасность и не решался напасть.

Быстро смеркалось. В густом кедровнике становилось темно, и черные тени поползли в ущелья и глубокие пади. В темном небе зажглись искристые звезды, и таинственная вершина Голубой Царь-сопки, освещенная серебристыми лучами восходящего месяца, обрисовывалась ясно в вышине над окрестными темными лесистыми горами.

У подошвы мы вышли на тропу, которая привела нас на дорогу к фанзе китайцев-дровосеков.

Небольшая, но уютная фанза стояла под выступом увала на берегу таежного ручья. Шагах в пятидесяти привязаны были на коновязи шесть лошадей. Тут же были сложены сани, дровни и вся незатейливая упряжь.

На теплых канах фанзы разместились уже рабочие-китайцы, когда мы вошли, приветствуя их словами: «Ни ляо хао!»

Наперебой друг перед другом они начали рассказывать нам, крича и жестикулируя, о том, что в лесу очень много тигров и что они видели сегодня большого зверя — «татады ляо-ху»; поднимая руку на полтора аршина от земли, они показывали вышину его в плечах, а след, по их словам, нельзя было закрыть шапкой.

Слушая их болтовню, мы напились чаю и основательно поели вкусных китайских булок, приготовляемых на пару в решете.

Между рабочими-китайцами был «старшинка», рядчик, вооруженный нашей трехлинейной винтовкой пе-

хотного образца, который рассказал нам, что на днях, идя с работ из лесу, он видел тигра шагов на четыреста; хищник спускался по гребню хребта в падь и, увидев его, остановился, махая в стороны хвостом и подняв свою широкую лобастую голову. Китаец не решился идти далее, боясь засады, и выстрелил в воздух два раза, после чего зверь быстро скрылся в зарослях тайги. Этот же рядчик сообщил нам, что к западу от фанзы, в полугоре, в лиственных лесах есть изюбры.

Между тем наступила ночь. Один за другим китайцы улеглись на теплые каны, прикрывшись ватными грязными одеялами, только на дворе остался один из них сторожить и поддерживать огонь в костре, разложенном у самой коновязи для отпугивания хищников.

Тишина была невозмутимая, слышалось только похрапыванье лошадей и шелест соломы, размалываемой в их крепких зубах.

Китаец в русском нагольном полушубке и валенках сидел на корточках у костра, курил свою длинную трубку и дремал, время от времени открывая свои слезящиеся сонные глаза.

Долгих прилег на канах и, кажется, спал, утомленный лазаньем по тайге.

В фанзе было душно и дымно, я не мог заснуть и вышел во двор освежиться и полюбоваться чудной картиной таежной ночи.

Кругом обступил черной стеной дремучий кедровник; с вышины звездного неба двурогий месяц бросал свои серебристые лучи на темный лес, на убогую фанзу китайцев, на белую пелену снега, искрясь на ней разноцветными огнями.

На востоке в глубине темного неба возвышался голубой шатер, сияя своими скалами и снегами; казалось, величавая вершина Царь-сопки живет и дышит, могучая грудь ее вздымается, колышутся темные леса, покрывающие ее крутые склоны. Тихие вздохи ее слышатся в шелесте сухой листвы и шуме темных вершин гигантских пихт и кедров.

Было 2 часа ночи. Я зашел в фанзу, где при тусклом свете примитивной лампы, устроенной из бутылки с этикеткой «Зубровка Петра Смирнова», я едва различал темные фигуры спящих китайцев.

Сон клонил меня и я подыскивал себе место на канах, чтобы прилечь. В это время в фанзу стремительно вбежал китаец-караульщик с криком: «Ляо-ху!»

Промысловик Кермец с убитым им тигром близ станции Хань-дао-Хецзы в Северной Маньчжурии. *По Н. А. Байкову (1915).*

Схватить винтовку и выбежать во двор было делом нескольких секунд. Лошади беспокоились, пряли ушами, ржали и рвались с коновязи.

Китайцы наскоро одевались и выходили из фанзы. Старшинка щелкал затвором винтовки и собирался стрелять в воздух, но я его уговорил не делать этого, в надежде, что зверь нападет на лошадей и тогда его можно будет взять на мушку.

Вследствие наших уговоров китайцы возвратились опять в фанзу спать, на дворе остались только мы с Долгих да два китайца: старшинка с винтовкой и караульщик.

Лошади продолжали беспокоиться, жались к спасительному огню, раздували ноздри, втягивали воздух и тем обнаруживали присутствие хищника.

Как ни всматривались мы в темные заросли леса, ничего не было видно. Очевидно, зверь ходил вокруг фанзы, не обнаруживая себя.

Взяв ружья на изготовку, мы отошли от фанзы по дороге шагов пятьдесят и стали под старой елью, в тени ее густых ветвей. Старшинка сел около лошадей за водопойной колодой.

Около получаса тишина тайги не нарушалась. Лошади начали мало-помалу успокаиваться и китаец-караульщик замурлыкал себе под нос какую-то заунывную дикую песню. Казалось, что хищник удалился, но на самом деле таинственная чаща первобытного леса скрывала его от наших взоров.

Мы собирались уже идти назад в фанзу, так как мороз начал сильно беспокоить нас, но внезапно около самой коновязи раздалось громкое фырканье хищного зверя, перешедшее в отрывистый глухой рев.

Лошади начали кидаться в сторону, стараясь оборвать недоуздки, китайцы закричали во все горло и старшинка, наверное, открыл бы стрельбу в небо, если бы мы не подбежали вовремя.

Вслед за ревом тигра на ближайшем гребне увала послышался могучий голос, похожий на кашель,— это отзывался другой хищник.

Ожидая с минуты на минуту нападения голодных зверей, мы стали у самой коновязи, так что фигуры лошадей нас скрывали. Китайцы столпились у дверей фанзы, готовые, в случае атаки хищника, ретироваться.

Тигр, бывший на гребне, спустился вниз и приближался к фанзе, голос его слышался яснее и яснее. Вскоре оба хищника сошлись вместе; довольное мурлыканье их доносилось из зарослей, где темнели вершины поваленных кедров.

Чувствуя присутствие человека, лошади перестали рваться с коновязи, только беспокойно ржали, дрожали, как в лихорадке, и пристально смотрели в ту сторону, где находились тигры, верно угадывая направление, по всей вероятности, посредством тонкого своего обоняния.

Несмотря на наши протесты, китайцы усилили огонь в костре, и пламя его высоко поднималось к темному небу, выбрасывая тучи искр.

Страшное ли для всех животных шипящее пламя или присутствие людей пугали хищников, и они не решались броситься на беззащитных привязанных коней.

Стоя около них, мы слышали хруст валежника и шелест ветвей под тяжелыми стопами массивных кошек, но видеть их нам не удалось, хотя Долгих и уверял, что ясно различил фигуру хищника на полянке леса, освещенной луной.

Голоса зверей то приближались к нам, то замирали в глубине тайги; можно было ясно разобрать, по силе звука и тембру его, двух тигров, один рявкал густым басом, как бы выговаривая: «ун, ун!», другой голос походил на обыкновенное кошачье ворчанье и мяуканье, только более громкое и могучее. Очевидно, здесь были самец и самка, что подтвердилось на следующий день, когда мы стали разбирать следы хищников на снегу. След самца тигра сравнительно более кругл, самки же немного продолговат; затем следы мякоти пальцев в передней части у самца тупее, у самки же уже и острее.

Идти навстречу хищникам и искать их в густых зарослях леса ночью, хотя и при лунном освещении, не имело смысла, так как хитрые, осторожные звери уходили от вооруженного человека, и попытки наши в этом отношении не имели успеха.

Едва мы двигались вперед на их голоса, как они смолкали и уходили от нас, треща валежником, в непролазные чащи и заросли.

Пришлось ожидать утра. Перед рассветом, часов около пяти, голоса смолкли, и тигры, очевидно, ушли совсем, так как встревоженные лошади немного успокоились и начали есть чумизную солому. Бессонная ночь давала себя чувствовать и мы с Долгих улеглись на канах рядом с китайцами. Крепкий сон овладел нами мгновенно.

Но поспать нам не удалось, так как не более как через час, мы были разбужены криками китайцев, топотом лошадиных ног и ржаньем. В фанзу вбежал взволнованный, запыхавшийся старшинка с криками: «Капитан, капитан! Ходи скорее сопку, там тигр хотел задавить лошадь! Китайски люди шибко боятся!»

Повторять нам не надо было. Схватив винтовки и патроны, мы выбежали из фанзы. Светало. На дворе столпились китайцы с запряженными лошадьми, кричали, жестикулировали, указывая на одну из лошадей, у которой на шее были видны кровавые царапины.

Оказалось, что тигр напал на обоз, ехавший в лес за дровами. Выйдя из-за поваленного кедра, он бросился на переднюю лошадь, но крик, поднятый китайцами, и выстрелы старшинки устрашили его, и хищник оставил свою жертву, медленно, не торопясь, злобно ворча, поднялся на хребет увала, скрывшись в зарослях. До места происшествия нам пришлось бежать версты полторы.

Осмотрев следы, мы выяснили, что тигр лежал на увале; когда по дороге к нему приблизился обоз, он подкрался из-за кедра к передней паре лошадей и бросился на правую пристяжку, но при этом прыжка не сделал, так как лошади были у самой засады зверя.

В душе мы были, конечно, недовольны таким исходом дела, так как хищник пришел бы вторично к задранной лошади, что дало бы возможность убить его, теперь же он мог уйти далеко, убедясь в трудности добыть для себя конины.

Как бы там ни было, но мы пошли быстро по следам зверя, который поднимался по глубокому ущелью к вершине Голубой Царь-сопки.

Густые заросли и камни, наполнявшие узкое скалистое ущелье, не позволяли видеть далее пятидесяти шагов вперед, а потому мы ускоряли шаги, надеясь догнать тигра прежде, чем он достигнет своей лежки.

Быстрая ходьба и бессонные ночи утомили нас, пришлось часто останавливаться, чтобы передохнуть.

В одном месте под старым большим кедром нашли мы логово кабана, устланное хворостом и сухими листьями. Следы животного были старые, и последний снег уже запорошил их.

Лежа на этой таежной постели, я заметил над нами, саженях в десяти, на гребне увала желтое пятно; всматриваясь пристальнее, я ясно различил голову хищника, шею и часть полосатой спины. Винтовка моя лежала сзади; не спуская глаз с тигра, я потянулся за ней, в это время товарищ мой вскочил на ноги и щелкнул затвором. Этого было достаточно; мгновение — и хитрый зверь исчез за гребнем.

Пока мы вскарабкались туда, его уже и след простыл. Ясно было, что хищник выслеживал и держал нас не только «на слуху», но и «на виду».

Отсюда по гребню увала он пошел вверх прыжками, мы слышали ход его по чаще и треск валежника.

Не теряя надежды настичь зверя, мы продолжали преследовать его «по пятам», внимательно всматриваясь вперед, в чащу дремучего леса.

Около полудня достигли мы середины горы; отсюда склоны ее становились очень круты, каменисты и местами скалисты. Отвесные утесы поднимались вверх на пятьдесят и более сажен, тигр направился в эти скалы и находился там; но как взять его? Посоветовавшись и обсудив все, мы решили обойти скалы и подняться на гребень их с противоположной стороны, где склоны не так круты и каменисты.

Оставив след зверя вправо, мы начали обходить вздымавшиеся перед нами гранитные громады. Здесь, среди зарослей и камней, нашли битые тропы, проложенные тиграми на снегу.

Только что мы начали приближаться к самому гребню, как услышали с противоположной стороны его шум и треск,— это спускался вниз по откосу преследуемый нами хищник. Досада была неописуемая! Опять ускользнул от нас неуловимый зверь и пошел бродить по бесконечным зарослям тайги!

Если бы мы разделились и обошли его с двух сторон, наверное удалось бы его взять, так как ему волей-неволей пришлось бы с одним из нас встретиться. Но, к сожалению, мы сообразили это поздно, когда упустили зверя. Большую услугу могли бы оказать нам в этой охоте собаки, но только такие, которые приучены для охоты по хищникам крупной кошачьей породы. Собак таких у меня нет, поэтому и охота эта носит характер случайный; ходить же по следам тигра не имеет смысла, так как хитрый и в высшей степени чуткий зверь слышит приближение охотника за полверсты, в особенности в густом лесу, когда под ногами хрустит валежник; принимая во внимание, что потревоженный и преследуемый хищник уходит сейчас же в самые непролазные трущобы первобытного леса, легко понять бесполезность такого способа охоты.

Предполагаю, что для подобной охоты хороши были бы русские или английские гончие, не менее десяти — пятнадцати собак. Зачуяв тигра, они бы живо до-

гнали его по следу, окружили и лаем дали знать охотникам о месте нахождения хищника. Конечно, при этом, может быть, не одна собака поплатилась бы жизнью, но тигр не спешил бы уйти, будучи занят собаками, что дало бы возможность охотникам подойти к нему на выстрел. При обилии зверя здесь можно было бы в одну зиму взять несколько тигров, не говоря уже о таких зверях, как кабаны, изюбры, олени, козы и медведи.

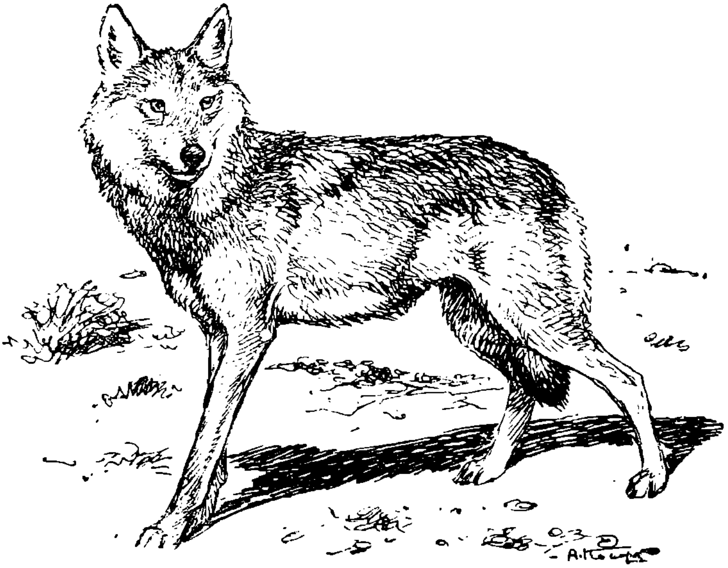
На противоположном склоне гребня, откуда ушел хищник, нашли мы его лежку под нависшей скалой; ложе было устлано сухими листьями и имело в длину четыре шага, в ширину — два шага. Место, где лежал зверь, было еще теплое.

Следы шли отсюда вниз к ручью, затем опять поднимались и шли все время к вершине Царь-сопки, где терялись в каменных трущобах и непролазных чащах.

Бесцельное преследование нам надоело, и мы начали спускаться.

Под вечер, когда солнце готово было спрятаться за горы, мы нашли старые следы изюбров и начали их скрадывать. На ближайшем солнопеке паслись четыре зверя, но, к сожалению, все оказались самками, так как были без рогов. Одна лежала, остальные ходили по склону и скусывали молодые побеги осины. До них было не более двухсот шагов.

Полюбовавшись прекрасными животными, мы двинулись дальше. Ночь уже окутала землю, когда мы подошли к фанзе. Ясный месяц плыл по темному небу. Звезды блистали и искрились над нами. В вышине сияла голубым холодным светом вершина таинственной Царь-сопки. Тайга спала и тихо вздыхала; издалека доносился шелест сухой листвы и шум горного ветра в темных вершинах лесных великанов.



Н. А. БАЙКОВ

ОХОТА НА ТИГРА[1]

В окрестностях разъезда Казанцева появился тигр и был настолько нахален и дерзок, что среди бела дня заходил в фанзы китайцев-рабочих, но людей не трогал, ограничиваясь одними собаками, которых уносил на глазах у хозяев; однажды он зарезал двух лошадей на лесных концессиях, у самого разъезда напал на обоз китайцев-возчиков и задрал опять одну лощадь. Все это произвело такую панику среди китайцев, что они отказались выходить на работы. Наконец, ко мне обратился доверенный концессии, прося принять какие-нибудь меры против хищника. Командуя ротой, расположенной в этом районе, я должен был предпринять что-нибудь и, кстати, поохотиться на такого редкого великолепного зверя.

Взяв с собой одного унтер-офицера, отличного

[1] Из книги «В горах и лесах Маньчжурии», Петербург, 1915.

стрелка, мы с техником Ольденбургом отправились со станции Вейшахэ на разъезд Казанцев. Расстояние в 10 верст проехали быстро по лесной дороге, раза три вывернулись из-за наступившей темноты, но это обстоятельство не нарушило хорошего расположения духа,— смеялись много, вспоминая все перипетии ночных приключений и аварий с санями.

Разъезд Казанцев, расположенный на берегу реки Майхэ, окружен со всех сторон горами и лесами. К северу верст на двадцать тянется довольно широкая падь, где разрабатывается лес для нужд железной дороги. В этой пади и поселился тигр, терроризируя всю округу.

Лошади, зарезанные хищником, свезены были на разъезд и лежали во дворе китайской фанзы, представляя собой уродливые тела с разорванными боками, окровавленные и растерзанные. У всех затылки и шеи были перекушены гигантскими челюстями зверя, который, бросаясь на спину, хватает зубами за шею, перекусывает шейные позвонки и умерщвляет животное. Лакомился он только задней ляжкой, остальное не трогал. Оригинальное зрелище представлял двор фанзы с трупами растерзанных лошадей и толпой китайцев; все это освещено было красноватым пламенем факелов; сверху смотрело темное звездное небо Маньчжурии.

Китайцы волновались, сильно жестикулировали, объясняя, как тигр бросается на лошадь, кричали и грозили кулаками невидимому врагу, браня его на своем тарабарском странном языке.

Потолковав со старшинкой (наблюдающий за работами), мы решили завтра идти на место с несколькими подводами.

В 5 часов утра вышли мы с разъезда по дороге к северу; за нами шагах в пятидесяти двигалось около десяти подвод китайцев. Условились идти молча, чтобы не спугнуть зверя. Собаки бежали впереди по дороге, иногда сворачивая в сторону за зайцем или козой. Перешли реку Майхэ и углубились в лес.

С обеих сторон дороги стеной стояла дремучая, густая тайга, засыпанная снегом. На востоке едва брезжил рассвет; в темном небе мерцали еще искристые

звезды. Тихо было в лесу, только наши шаги по скрипучему снегу и движение обоза гулко раздавались в морозном воздухе. Мохнатые китайские лошадки пофыркивали, мотали головами и осторожно ступали по накатанной лесной дороге. Китайцы были серьезны и сосредоточены и курили свои длинные, тонкие трубки. Таким образом прошли мы верст пять. Несколько раз китайцы останавливались, прислушиваясь к таежным звукам, всматриваясь в чащу, и, успокоившись, опять продолжали идти вперед, говоря: «Ляо-ху мею-ла!».

Наконец, когда совсем рассвело, подошли к тому месту, где тигром была задушена последняя лошадь. Китайцы остановились, лошади начали беспокоиться и храпеть. Собаки, поджав хвосты, возвратились назад, прижимаясь к нашим ногам. Хищник был близко. Китайцы волновались, указывали пальцами в чащу леса и кричали: «Капитан, ляо-ху ю, ляо-ху ю!» Надо было на что-нибудь решаться, и мы пошли вперед по дороге; собаки бежали за нами. Шагах в двухстах впереди того места, где была задавлена лошадь, нашли мы совершенно свежие следы большого тигра; шел он нам навстречу по дороге, рассчитывая, очевидно, опять напасть на обоз, но почуял опасность и ушел в чащу леса. Прежде чем идти по следам зверя, мы осмотрели место, где произошла накануне катастрофа. Судя по следам, хищник услышал движение обоза, притаился за толстым стволом кедра у дороги и бросился одним прыжком сбоку на первую ближайшую лошадь, перекусил ей череп и шею, повалил на землю, вытащил из хомута и поволок в сторону, при чем сила его такова, что он легко перетаскивал двадцатипятипудовую ношу через бурелом и валежник и делал с нею прыжки! Когда китайцы подняли крик и развели костры на дороге, тигр оставил лошадь и отошел от нее шагов на сто; китайцы, подумав, что зверь ушел совсем, взяли мертвую лошадь, взвалили на сани и с криками и шумом отвезли ее домой на разъезд. Тигр, не будучи, очевидно, голодным, позволил им забрать добычу и следил долго за ними вдоль дороги, затем ушел в чащу тайги.

Пока мы ходили и рассматривали место происшест-

Хищник бросился на ближайшую лошадь, прокусил ей шею, повалил на землю, вытащил из хомута и поволок в сторону...

вия, китайцы молились на дороге, где виднелись еще следы крови погибшей лошади, жгли курительные свечи, становились на колени и поджигали хлопушки, чтобы умилостивить гневного, беспощадного царя тайги.

Яркое солнце бросало уже свои лучи в заросли дремучего леса; скрылись таинственные существа темной ночи; светло и радостно стало на душе.

Помолившись, китайцы с обозом ушли обратно на разъезд. Мы остались втроем в лесу, намереваясь выследить хищника во что бы то ни стало.

Побродив по лесу часа четыре и потеряв след зверя, мы также вернулись на разъезд.

Вечером того же дня свезли мы одну ногу задавленной лошади в лес и положили ее на дороге на место, где тигр сделал нападение. Сами решили сесть поблизости и ждать зверя. Поперек дороги мы поставили сани; шагах в пятидесяти лежала лошадиная нога. Мы засели и ждали появления хищника.

Наступила ночь. Вызвездило. Мороз крепчал, забирался под полушубок, хватал за щеки, за руки и за нос; терпеть не было возможности; к тому же, в лесу наступила такая темнота, что не только мушки, но и ствола винтовки не было видно. Посидели часов до десяти и возвратились обратно на разъезд.

На следующее утро мы пошли туда с собаками. Нога лошади пропала; хищник унес ее часов в 5 утра. Собаки дружно пошли с лаем по свежему следу тигра, но не отходили далеко от нас. Два раза мы сгоняли зверя с лежек и убедились, что ногу он уже сожрал, так как на первой лежке лежала обглоданная кость с копытом. Зверь уходил от нас медленно, иногда останавливаясь с целью поймать собаку, но, слыша приближение людей, опять шел по чаще и бурелому. Иногда он выходил снова на свои следы и делал петли, не удаляясь от дороги более версты.

К 12 часам дня мы бросили преследование зверя как бесполезное занятие и решили вернуться назад, чтобы на следующий день опять начать охоту, изменив немного план ее.

Вернувшись на разъезд, мы взяли другую ногу той же лошади и свезли ее на то же место, сами же возвра-

тились назад, чтобы основательно отдохнуть и подкрепиться пищей.

На другой день в 4 часа утра выехали мы по той же дороге и, не доезжая версты до места, оставив лошадей с собаками, пошли пешком. Светало. Нога лошади была взята; свежие следы отпечатались на дороге; но хитрый зверь не сразу взял приваду: сначала обошел все кругом, удостоверился, что нет ничего подозрительного. Нога взята была зверем не более как за четверть часа до нашего прихода. Подождав еще с полчаса, когда совершенно рассвело, мы двинулись быстро по следам хищника, который, очевидно, направился на прежнюю лежку. Подвигались мы хотя и быстро, но соблюдая возможную тишину, чтобы не спугнуть зверя. На первой лежке земля была еще теплая,— тигр только что ее оставил; это нас ободрило и мы с новой энергией пошли вперед, то поднимаясь на небольшие увалы, заросшие густым подлеском, то спускаясь в распадки. Судя по следам, расстояние между нами и зверем сокращалось; чувствовалось его близкое присутствие, и мы удвоили осторожность, чтобы не попасть на засаду. Вокруг нас была густая, почти непроходимая тайга. Солнце стояло высоко, часы показывали 11 часов дня. Несмотря на шестичасовое преследование, мы не чувствовали усталости: подъем энергии был велик.

Наконец, мы увидели впереди, на склоне увала, небольшую полянку и посреди нее — большой пень спиленного кедра; за пнем что-то желтело, не то дубовый куст, не то какой-то зверь. Выйдя на опушку поляны, мы остановились, всматриваясь в следы, идущие к пню, до которого было не более тридцати шагов.

Тихо было в тайге, только дятлы долбили кору деревьев и перекликались между собой.

Не успели мы обсудить свое положение, как из-за пня поднялся громадный тигр. Заложив уши назад, раскрыв свою страшную пасть, он заревел и бросился к нам. Загремели выстрелы... Хищник, пораженный насмерть, поднялся на задних лапах и опрокинулся на бок, но справился и хотел снова подняться, однако силы его оставили и он сунулся головой в снег, вытянув тело и подергивая задними лапами. Хвост его еще

шевелился, и подойти мы не решались; пустили еще две пули в голову, после чего хвост опустился и жизнь, очевидно, оставила могучее тело зверя. Мы подошли, держа винтовки наготове. Перед нами, распростертый на снегу, лежал великолепный тигр-самец яркой ржаво-бурой окраски. Большие золотистые глаза зверя были открыты, но в них уже не было дикости и свирепости,— они как бы задавали вопрос: «Зачем?». С сожалением смотрели мы на этого чудного, великолепного, царственного зверя, сраженного слабой рукой человека.

Подсчитав выпущенные пули, мы выяснили, что выстрелов было десять. Всего попало в зверя восемь пуль: одна в шею, три в грудь, две в живот, одна в заднюю ляжку и одна в голову. Сердце, печень и легкое были совершенно разорваны оболочками пуль.

Винтовки у нас были трехлинейные, военного образца, пули — с надпиленными вершинами.

Осмотревши редкого зверя и налюбовавшись им, мы уселись на его тело и справили языческую тризну павшему бойцу.

Вынести тяжелого зверя из тайги было трудно; пробовали его поднять, но не смогли; пришлось унтер-офицеру Межакову идти на дорогу за нашими санями. Вскоре прибежали собаки, но к тигру не подходили, а только издали лаяли на него неистово: даже мертвый зверь внушал им ужас.

Подвести лошадей также было очень трудно: уже шагов за сто они храпели, со страхом озирались по сторонам и останавливались; кое-как подвели их и приступили к погрузке. Поднять и взвалить его на сани нам не удалось; пришлось опрокинуть сани и перевернуть зверя туда; затем вместе с ним поставили сани на место.

Запах от тигра был сильный; говорят, что все большие кошки имеют такой запах; неудивительно, что собаки чуют их на далекое расстояние.

На разъезде Казанцев к нам сбежались все китайцы, кричали, поднимали большие пальцы кверху со словами: «Хо! хо!» Получив разрешение осмотреть убитого зверя, они тормошили его, щупали везде; некоторые намеревались выщипывать длинные усы, но

я не позволил и прогнал нахалов прочь. По поверью китайцев, кто имеет волос из усов тигра, тот неотразим для женщин и приобретает над ними неограниченную власть.

Перед отправлением на охоту на станции Вейшахэ китайцы говорили, что мы обязательно убьем тигра,

Промысловик Лепешкин с убитым им тигром. Северная Маньчжурия. *По Н. А. Байкову (1915).*

так как зверь этот не местный, а пришел издалека за смертью. Всю зиму жил он, по словам промышленников, на Царь-сопке и за неделю перед тем, как его убили, пришел оттуда.

На станции Вейшахэ мы выпотрошили его и взвесили: оказалось 14 пудов. Длина тела от носа до конца хвоста 5 аршин, вышина в плечах 1 аршин 9 вершков, ширина лба между ушами 8 вершков, длина верхнего клыка 2 вершка, длина хвоста $1^1/_2$ аршина. Мех очень красивый, яркой окраски, ржаво-бурый, с бархатистыми черными полосами.

Когда снимали шкуру, под кожей на задней ляжке

нашли две старые сплющенные пули величиной с орех; очевидно, несколько лет назад зверь был легко ранен из настороженного ружья.

Жиру оказалось много, особенно на брюхе, где слой его достигал вершка в толщину.

На ободранном туловище зверя видна была богатырская мускулатура; в особенности могучим развитием отличались жевательные мышцы, шея, грудь и передние лапы.

Когти на передних лапах до $1^1/_2$ вершков длины, красивого перламутрового отлива; на задних лапах когти сравнительно меньше и тупее.

Китайцы просили продать им тигра и давали за него 400 рублей, но я не продал, так как хотел сохранить шкуру как трофей моих охот в далекой таинственной тайге Маньчжурии. За тушу его китайцы дали 125 руб. и в тот же день перепродали в Аже-хэ за 200 руб. Мясо, кости, сердце, печень, легкие и почки идут на приготовление различных лекарств в китайской медицине; так, например, по их словам, кто съест кусочек тигрового сердца, тот не будет никогда испытывать страха; печень помогает от лихорадки и малярии, почки — от водянки и т. д.

Судя по окраске меха, тигр этот не местной породы, а корейской, где они имеют большое сходство с бенгальскими, но гораздо крупнее и массивнее.

Действительно, тигр оказался выдающимся по величине, так как размеры, указываемые Брэмом, далеко уступают вышеприведенным. По метрической системе, размеры его выразятся в следующем: длина 360 сантиметров, вышина в плечах 112 сантиметров и вес 224 килограмма.

По словам китайцев, вместе с этим тигром ходила тигрица, но без детенышей; следов ее мы не нашли, несмотря на тщательные поиски.

В туманной дали горизонта, сливаясь с голубым прозрачным небом, вырисовывался причудливый профиль Царь-сопки; опытные звероловы, старые лесные бродяги, молились у алтарей своих таежных кумирен, умилостивляя злого духа, воплотившегося в тигре-великане, убитом белолицыми охотниками. Дряхлая суровая тайга замерла, как бы прислушиваясь и чутко

внимая протяжным ударам молитвенного гонга. Боясь беспощадного гнева таинственного божества и мести великого духа Голубой Царь-сопки, притаились в своих логовищах обитатели дремучих лесов ее. Тихо в горах: не шелохнет кудрявыми ветвями могучий кедр, не прокричит дятел, не заклекает горный орел в вышине голубого неба. Яркое солнце льет свои живительные лучи на эти дикие горы и темные девственные леса. Величественная Царь-сопка дремлет под голубой мантией своих снегов и думает свою крепкую думу.

В. К. АРСЕНЬЕВ

ОХОТА НА ТИГРА[1]

В этот год на Анюе было много тигров. Они вели себя крайне дерзко и осмеливались приближаться к человеческому жилью. Недели за две до нашего прихода один зверь проявил удивительную назойливость. Он повадился чуть ли не ежедневно навещать удэгейцев, и часто среди белого дня. Удэгейцы сначала с полной серьезностью убеждали его оставить их в покое, потом стали грозить ему копьями и огнестрельным оружием. Однако ничего не помогало,— тигр ходил по другому берегу реки, ложился на льду против юрты, зевал и пугал людей.

Как-то вечером одна женщина хотела, было, выйти из юрты за водой. Едва она приоткрыла дверь, как увидала полосатое чудовище совсем близко от жилища.

[1] Из книги «Встречи в тайге», М.— Л., 1950, стр. 98—111.

Она быстро захлопнула дверь. Тогда один из удэгейцев проделал ножом отверстие в корье юрты и сквозь него выстрелил в тигра. Зверь упал, но тотчас поднялся и пополз по льду реки. Наутро его нашли издохшим на другом берегу. Удэгейцы прикрыли его снегом и по сторонам выставили два кола со стружками, чтобы дать знать проходящим людям, что это место запретное, а сами отошли немного ниже по течению, где я и застал их всех в сборе.

Когда мне рассказали об этом, я отправился к тому месту, где лежал тигр. Это был великолепный рослый самец. К сожалению, шкура его погибла — шерсть из нее лезла большими клочьями. Я хотел было взять скелет животного, но это встревожило удэгейцев. Они говорили, что делать этого нельзя, что им житья не будет от других тигров, которые станут мстить за надругательство над их сородичем.

Дня через два я все же отправился к мертвому зверю, но уже не нашел его. На том месте, где лежал тигр, была большая промоина: темная вода быстро и бесшумно бежала под лед.

Мы с Крыловым отправились в разведку.

Скоро я заметил два следа тигра: один большой — старый, другой поменьше — свежий. Следы шли по рытвинам и каналам в ту и другую стороны, шли поперек, делали круги и возвращались обратно.

В одном месте мы натолкнулись на совершенно свежий след зверя. Крылов спустил собаку Кады, которую мы взяли с собой, но она не бросилась вперед, а, глубоко уткнувшись носом в снег, принялась обнюхивать каждую веточку, мимо которой мы проходили. Через минуту Кады опять пошла по рытвинам, затем остановилась и стала прислушиваться. Раза два она ложилась на брюхо, поджав под себя лапы. Настроение собаки передалось и нам. Кады не решалась идти вперед, и мы тоже остановились в томительном ожидании. Прижав уши, собака стала озираться по сторонам, потом вдруг торопливо побежала назад и, обойдя Крылова, плотно прижалась к моим ногам. Я стал гладить ее и почувствовал, что она дрожит.

Тигр был где-то поблизости.

Мы оба замерли на своих местах, напрягая слух

и зрение, но ни малейший шорох не нарушал глубокой тишины леса. Вдруг в тайге гулко щелкнуло мерзлое дерево. Словно электрический ток пронизал меня от головы до ног. Крылов круто повернулся в сторону шума, собака вздрогнула и еще теснее прижалась к нам. Прошло некоторое время, прежде чем мы поняли, что это была шутка мороза.

Кады снова пошла вперед. Она шла по кривой. В центре описываемого нами круга находился огромный тополь, который рос наклонно. Можно было подумать, что он лежит на земле. Около тополя снег был примят, местами изрыт, а между деревом и землей что-то виднелось. Мы остановились в нерешительности. Я нагнулся и поднял с земли мерзлый клубень какого-то корневища. Крылов взял его и бросил в тополь, но там было по-прежнему тихо. Тогда мы подошли к дереву смелее.

Это было логовище тигра. Тополь оказался дуплистым. Снегу под ним не было вовсе, а сухая трава была сильно помята кругом. В логовище валялось много обглоданных костей. Видно было, что полосатый хищник долго жил в этом логове. На соседнем дереве, на высоте, которую я едва достал концом ружья, виднелся ряд продольных царапин. Я обратил внимание Крылова на ободранную кору. Я живо представил себе, как тигр выходит из логовища, зевает, потом поднимается на задние лапы, упирается передними в дерево и, выгнув спину, расправляет когти.

На снегу около тополя было много старых следов. Неизвестно было только, ушел ли тигр на охоту сам или это мы спугнули его.

Мы пошли обратно по своим следам и скоро выбрались на реку. На душе сразу стало легче: предательский, полный опасностей лес остался позади, впереди расстилалась широкая полоса реки, покрытая снегом.

На биваке все было в порядке: палатка поставлена, из трубы вместе с дымом вылетали искры, а рядом с палаткой на подстилках из хвои и сухой травы отдыхали ездовые собаки.

Вечером я занялся дневниками, потом сделал необходимые распоряжения и рано лег спать.

Вдруг ночью меня разбудил сильный шум. Я вско-

Полосатый хищник задавил и унес собаку.

чил на ноги, мои спутники тоже проснулись и недоумевающе смотрели по сторонам. Снаружи были слышны визг, лай и вой. Собаки, как сумасшедшие, рвались на своих поводках. Стрелки быстро надели сапоги и выбежали из палатки.

Собаки перепутались ремнями, сбились в кучу и боязливо озирались по сторонам. Некоторые сорвались с привязи и, поджав хвосты, бегали около бивака. Что случилось? Почему такой переполох?

— Должно быть, приходил тигр,— сказал Крылов.

Я велел привязать собак и развести огонь.

— Моей собаки нет!— вдруг крикнул Марунич не своим голосом.

Мы с Крыловым подошли к нему и тут на снегу увидели капли крови и свежие следы тигра. Теперь все стало ясно: полосатый хищник задавил и унес собаку.

Я принялся внимательно изучать следы и по ним без труда восстановил картину происшествия. Тигр шел по реке вдоль нашего берега. Увидев бивак, он встал за бурелом. Здесь он долго стоял, потом лег на брюхо, вытянув вперед лапы. Затем он перебрался через бурелом и по рытвине подкрался к биваку. Эта рытвина своим обрывистым краем ближе всего подходила к месту, где были привязаны собаки. Выскочить из засады, схватить одну из собак и опять скрыться в зарослях было для тигра делом одной минуты.

Мы решили взять с собою четыре ружья и идти по следу зверя. Если он понес собаку к логовищу, то мы застанем его там, а если он бросит свою добычу и убежит, то мы насторожим ружья около тополя, затем возвратимся назад и будем ждать. Так мы и сделали. В шесть часов утра я, Крылов, Рожков и Глегола отправились в путь, захватив с собой все необходимое для настораживания винтовок.

Следы тигра шли прямо в лес. По ним видно было, что зверь, схватив собаку, уходил сначала прыжками, потом бежал рысью и последние полверсты шел шагом. Оборванный собачий поводок волочился по снегу. Отойдя с версту, тигр остановился на небольшой полянке и стал есть собаку. Заслышав наше приближение, он бросил свою добычу и убежал. Собака оказалась наполовину съеденной. Мы стали настораживать здесь ружья.

В землю мы вбивали колья на небольшом расстоянии один от другого. К кольям привязывали винтовку дулом в том направлении, по которому предполагался ход зверя. На тигра винтовка настораживается (соответственно величине его) на высоте 4—8 вершков от колена человека, с таким расчетом, чтобы пуля попала зверю в бок, немного ниже лопатки. Мы укрепили ружья, зарядили их, взвели курки, а в промежуток между скобой и спуском вложили деревянные рычажки. К длинному концу рычажка прикрепили тонкий шпагат, протянули его через след зверя и привязали к дереву. Тигр, привыкший в чаще грудью рвать заросли, не обратит внимания на шнурок, который коснется его тела. Он будет лезть вперед, натянет шнур и ранит себя. Мы поставили четыре винтовки в расчете, что с какой бы стороны тигр ни пришел, он непременно должен попасть к настороженному ружью.

Потом мы замели свои следы еловыми ветвями и возвратились на бивак. Когда стало смеркаться, я велел разложить около собак костер и выставить вооруженного часового. Ночь прошла спокойно, выстрелов не было слышно.

Рано утром стрелки сбегали на лыжах к настороженным винтовкам и сообщили, что ночью тигр приходил к своей добыче. Обойдя собаку по большому кругу, он подошел к ней, но, предчувствуя что-то неладное, не решился тронуть ее. Не доходя шагов двух до бечевы, тигр прилег на брюхо. Судя по тому, что снег под ним подтаял, он лежал так довольно долго. Перед рассветом зверь встал и пошел назад. Стрелки следили его некоторое время и дошли до логовища, откуда он убежал, заслышав приближение людей.

Надо было окружить настороженными ружьями самое логовище. Эту работу взялся выполнить Крылов с двумя стрелками, а я остался на биваке. Совсем в сумерках они возвратились назад и рассказали, что на обратном пути на берегу одной из проток они нашли штабель мороженой рыбы, со всех четырех сторон оплетенный ивовыми прутьями. Рыба принадлежала, должно быть, удэгейцу Маха Кялондзига. Тигр разломал плетенку и лакомился рыбой. Судя по следам, это было сделано вчера ночью.

Когда стало смеркаться, мы забрали всех собак к себе в палатку. Правда, это доставляло нам множество неудобств, но мы решили потерпеть.

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Тигр ходил вокруг логовища и около мертвой собаки. Он чуял опасность и не хотел рисковать своей жизнью, но я решил стоять здесь хоть неделю и ждать, когда голод сделает его менее терпеливым и менее осторожным. Однако тигр оказался умнее, чем я думал.

Весь день мы просидели в палатке: починяли одежду, налаживали собачью упряжь, исправляли нарты.

Вечером, выйдя из палатки, я увидел удэгейца Маха, бегущего к нам по льду реки. Он был чем-то напуган.

— Что случилось?— спросил я.

— Худо!— отвечал он.— Тигр собаку унес.

При этом он добавил, что зверь далеко не ушел и ест собаку поблизости от его жилища.

До темноты оставалось не больше полутора часов. Я рассчитал, что если побегу за ружьем на бивак, а оттуда обратно к юрте удэгейца, на это потребуется не менее часа. Тигр за это время успеет съесть всю собаку и спокойно удалится. Я спросил удэгейца, есть ли у него ружье. Он ответил, что у него есть берданка, но стрелять священного зверя он не будет. Но так как тигр сам напал на его дом, то он обещал проводить меня и указать место, где сейчас находится тигр. Я пошел с удэгейцем, а Крылов и Рожков побежали в лес за ружьями.

Через двадцать минут я был уже в юрте Маха. Жена его с двумя детьми сидела испуганная, забившись в угол и разложив у входа в жилище большой огонь. Собаки тоже были собраны в юрту и привязаны к жердям, поддерживающим ее крышу.

Удэгеец достал из-под изголовья свое ружье и подал его мне. Это была старенькая берданка. Я осмотрел ее — все было как будто в порядке. Я оттянул замочную трубку и нажал на гашетку. Мне показалось, что пружина действовала слабо.

Я стал торопить удэгейца. Он переобулся и взял копье в руки.

Перед тем как идти, Маха заявил мне, что это не

он идет убивать тигра, а я, и что копье он берет с собой только так, на всякий случай.

Я подтвердил, что вся ответственность за убийство грозного зверя ляжет на меня одного. После этого мы надели лыжи и пошли.

Но пока удэгеец бегал к нам на бивак и пока я осматривал его ружье, произошло событие, которого мы никак не могли предусмотреть. Тигр перешел ближе к юрте и, расположившись под яром на льду протоки, принялся за собаку.

Не подозревая, что зверь так близко, мы шли по протоке и громко разговаривали.

Вдруг Маха остановился как вкопанный. От неожиданности я наткнулся на него и чуть было не упал. Шагах в тридцати я увидел тигра. Он стоял неподвижно, опершись передними лапами в колодину, и глядел на нас в упор.

На мгновение зверь оскалил зубы; шерсть у него на спине поднялась дыбом, он дважды медленно шевельнул хвостом. Я растерялся и оцепенел, мой спутник тоже.

Внезапно я вспомнил про ружье. «Надо стрелять,— мелькнула у меня мысль.— Непременно надо стрелять, а то будет поздно...» Я вскинул ружье и нажал на спуск. Курок щелкнул, но выстрела не было. Я снова взвел и спустил курок, и опять выстрела не последовало. В это время сзади меня появились наши стрелки. Видя, что я целюсь в тигра и не стреляю, они решили открыть огонь по зверю с дальнего расстояния. Но их ружья, пробывшие двое суток на морозе и, вероятно, густо смазанные маслом, тоже дали осечку.

Тигр еще минуту постоял на месте, затем повернулся и, по временам оглядываясь назад, медленно пошел к лесу. В это мгновение мимо нас просвистели две пули, но ни одна из них не попала в зверя. Тигр сделал большой прыжок и в один миг очутился на высоком яру. Здесь он остановился, еще раз взглянул на нас и скрылся в кустарниках.

Мы вчетвером отправились на то место, где только что стоял тигр, и там, на льду, за колодником, увидели наполовину съеденную собаку.

Взволнованный, я сел на бурелом, не зная, что де-

лать. Винтовка удэгейца была еще у меня в руках. В сердцах я швырнул ее, как палку, в кусты.

Когда удэгеец узнал, что все три ружья дали осечку, он пришел в неописуемое волнение. Я стал ругать его берданку, но у него на этот счет были свои соображения.

Тигр в его глазах стал еще более священным животным. Он все может: под его взглядом и ружья перестают стрелять. Он знает это и потому спокойно смотрит на приближающихся людей. Разве можно на такого зверя охотиться? И, не говоря больше ни слова, удэгеец поднял свою винтовку, сдунул с затвора снег и молча отправился по лыжне назад в свою юрту. А мы сели на колодину и стали думать, что делать дальше.

Мы решили насторожить два ружья по сторонам мертвой собаки. Третья сторона была защищена высоким яром, а четвертая оставалась открытой.

Мне пришла в голову счастливая мысль — насторожить в этом месте самострел.

Поставив ружья, мы замели следы и по льду протоки направились обратно к юрте. Удэгеец дал нам свой самострел, показал, как надо его ставить, но опять сказал, что охотиться на тигра он не будет.

Мы с Крыловым вернулись обратно к мертвой собаке. Закрыв самострелом доступ к ней со стороны протоки, мы взобрались на противоположный крутой берег и стали караулить тигра.

Я сидел за кустом и не смел шевельнуться. Иногда мне казалось, что я вижу какую-то тень на реке. Наконец стало совсем темно. и нельзя уже было видеть того места, где лежала мертвая собака. Я поднял ружье и попробовал прицелиться, но мушки не было видно.

— Надо идти,— сказал я тихонько Крылову,— начинает сильно морозить.

— У меня ноги тоже озябли,— ответил казак, и мы вернулись в юрту.

Там уже все спали, только удэгеец сидел у огня и ожидал нас. Мы поели мороженой рыбы, напились чаю, легли на медвежью шкуру и заснули как убитые.

Часов в шесть утра меня разбудила жена удэгейца. Она сварила нам две рыбины с икрой и чумизой. Я спросил, не было ли ночью слышно выстрела. Удэгеец

ответил, что он всю ночь не спал, но ничего не слышал. Я попросил его сходить к настороженным ружьям.

Скоро Маха вернулся взволнованный и рассказал, что он видел спущенную тетиву самострела и кровь на снегу. Это сразу подняло наше настроение. Если тигр ранен серьезно, то он далеко не уйдет и заляжет где-нибудь поблизости.

Мы побежали к месту происшествия.

В глаза нам прежде всего бросился взрыхленный снег и на нем многочисленные ярко-красные пятна крови. Очевидно, тигр пришел к мертвой собаке незадолго перед рассветом. Обойдя ружья, он остановился с лицевой стороны и, не видя преграды, потянулся к своей добыче, задел волосяную нить и спустил курок лучка. Стрела попала ему в левую лопатку. Тигр сделал громадный прыжок и, изогнувшись, старался зубами вытащить стрелу, но лапы его все время скользили по льду. Он свалился в полынью, но тотчас выбрался оттуда. Тут же валялось помятое зубами древко стрелы, но наконечник остался в ране и, видимо, сильно беспокоил зверя. Видно было, что тигр долго старался достать его. Наконец он забился под яр. Здесь, упершись спиной в скалу, передними лапами в бурелом, а задними в смерзшуюся гальку, он зубами захватил наконечник стрелы и вырвал его из лопатки.

В этом месте на снегу было больше всего крови. Освободившись от стрелы, тигр тотчас направился в лес. Сначала он волочил лапу, но затем стал на нее легонько наступать. Он шел и выбирал места, где были гуще заросли и меньше снега. След, оставленный правой лапой, был глубокий, а след левой только слегка отпечатывался на снегу. Видно было, что зверь берег больную ногу и старался не утруждать ее. Крови на снегу было все меньше и меньше. Значит, зверь был ранен не тяжело, и вряд ли нам удастся догнать его скоро.

Чем дальше, тем лес был гуще и больше завален буреломом. Громадные старые деревья, неподвижные и словно окаменевшие, то в одиночку, то целыми рядами выплывали из чащи. Здесь царил сумрак, перед которым даже дневной свет был бессилен.

Один раз мы подошли совсем близко к тигру. Он забрался под бурелом и лежал на боку, видимо зали-

зывая рану. Он так был занят этим делом, что не заметил, как мы подошли к нему почти вплотную.

В таких случаях надо быть очень осторожным.

— Капитан,— шепнул мне удэгеец,— не надо торопиться.

И в этот самый миг я увидел большое пестрое тело, мелькнувшее по другую сторону лесного завала. Зверя заметил и Рожков, но так же, как и я, не успел выстрелить.

Мы хотели продолжать преследование, но удэгеец говорил, что дальше гнать зверя бесполезно, потому что он ранен слабо, успел оправиться и не только не избегает бурелома, а наоборот, всячески старается идти там, где гуще заросли и больше валежника.

Доводы удэгейца были убедительны, но мы все же решили еще раз испробовать счастье. После скудного завтрака, поглотав немного снега, чтобы утолить жажду, мы отправились снова за тигром. По следам его было видно, что он сначала пошел прыжками, потом рысью, а затем опять перешел на шаг.

Вдруг шедший впереди Крылов остановился и, указывая на землю, сказал тихонько:

— Тигр обходит нас.

Действительно, наискось и поперек следа преследуемого нами тигра шел еще другой такой же след. Хромота на левую лапу выдала тигра с головою. Стало ясно, что, выведенный из терпения настойчивым преследованием, он решил сам перейти в наступление. Он сделал большую петлю и, перейдя свой след дважды, решил где-нибудь устроить засаду. Дело становилось серьезным. Мы удвоили внимание и пошли еще медленнее. Вскоре тигр пересек свой след в третий раз.

Мы так увлеклись охотой, что не заметили, как исчезло солнце и серый холодный сумрак спустился на землю.

— Плохо,— говорил удэгеец, поглядывая наверх,— тучи. Снег большой будет.

В лесу стало совсем сумрачно. Казалось, будто стволы деревьев плотнее сдвинулись между собой, чтобы преградить нам дорогу.

Я взглянул на часы. Было около пяти часов вечера. Надо было возвращаться назад, хотя бы для того,

чтобы утолить голод, который все настойчивее давал себя чувствовать. Обстоятельства принуждали нас «оставить поле» за зверем. Голос благоразумия подсказывал, что как бы тигровая шкура ни была дорога, своя все же дороже.

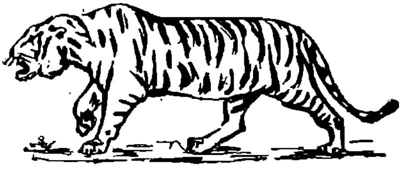
Над тайгой пронесся порыв ветра. Лес зароптал, зашумел. И тотчас весь воздух наполнился белесоватой мутью, в которой потонуло все, что еще было видно до сих пор.

— Надо торопиться,— сказал Крылов,— а то как бы нам не пришлось ночевать в лесу.

Мы прибавили шагу. Лыжню быстро заносило снегом, она была чуть заметна. Скоро следы пропали совсем. Крылов остановился. Тогда удэгеец пошел вперед. Он хорошо знал эти места и прокладывал новую дорогу через снежные сугробы, напрямик к своей юрте. Стало совсем темно, трудно было рассмотреть, что делается в десяти шагах.

Я опасался за своих стрелков, которые легко оделись, чтобы удобнее было на лыжах преследовать зверя.

Про тигра я совершенно забыл и думал только об одном: как бы поскорее добраться до юрты. Наконец мы подошли к месту, где были насторожены наши ружья около мертвой собаки. Это всех нас подбодрило. Еще минут десять хода — и я увидел между деревьями красноватые клубы дыма, которые вместе с искрами вырывались из отверстий в крыше юрты.



И. АЛМАЗОВ

РАССКАЗЫ ЮЖНОУССУРИЙСКОГО ОХОТНИКА[1]

Утром, проснувшись и еще не посмотрев в окошко, только по тону потолка и стен да отсвету на столах и стульях догадываешься, что выпал снег. Хоть и хороша для охоты пороша, но на мою душу она всегда нагоняет холод и жалко прощаться с засыпанной снегом преобразившейся знакомой окрестностью на долгое зимнее время.

Зима здесь суровая, с сыпучим и скрипучим снегом, и если отогреет на солнцепеках, то настоящего лыжного наста не бывает — настывает только легкая корочка, которая, ломаясь под ногой, предупреждает осторожное животное. Орешники и дубняки здесь листья на зиму не сбрасывают, замерзнув, они звенят при ходьбе по ним, как металлические. В этих местах коренная зима, то есть от окончательно установившегося

[1] Из журнала «Природа и охота», 1890, № 4, стр. 73—103.

снега до прилета самой ранней утки, когда уже начинают просвечивать солнцепеки и порядочные проталины на реках, тянется с половины ноября до середины марта,— следовательно, четыре месяца, да около рождества поболее полумесяца прижмут морозы градусов в 25—30.

По первым порошам добывается довольно много зверя: снег мягкий, мелкий, мокроватый, ходьба не слышна, ночевки теплые. Опавшая с лесин кедровая шишка и дубовый желудь еще наверху, и разный зверь ходит повсюду. Следить его удобно, а главного бича — мошки, держащейся еще даже при первых заморозках, в эту пору не существует, и всякое животное жирно и с хорошей шкурой.

С первым снегом бывает ход барловой козы[1]. Это самая доходная статья здешних промышленников. Годами уже замечены постоянные места валовых переходов коз, и все, кто имеет винтовки, выбираются на эту охоту, предупреждением которой служит густо валящий снег и передовые небольшие партии коз.

Вся охота заключается в том, что со светом стрелки рассаживаются по тропам в тех местах, где преимущественно идут козы: запасаются неограниченным числом патронов и берут даже по нескольку винтовок. Пальба в табуны идет без счета. Палят в середину сбившихся в кучу от первых выстрелов табунов, и бьют коз иногда на большие расстояния, поднимая прицел. При удачно рассчитанном прицеле часто случается, что одной пулей вышибают по две-три козы за раз. Коз, конечно, до прохода табунов, и даже до вечера, не подбирают, а стараются только выпустить побольше патронов.

На главных направлениях хода косули идут преимущественно табунами по 60, 100 и более голов, сторонами идут и небольшие табунчики.

Козы в эту пору ценятся довольно разнообразно: бывает, что мясо стоит от 1 до 2 рублей за пуд; бывает, что коза стоит рубль, а шкура 50 копеек, а иногда и вся коза вместе со шкурой ценится около 1 рубля для круглого счета.

---

[1] Сибирская косуля с еще неполностью отросшим зимним волосом. *Ред.*

В один барловый ход, продолжительность которого зависит от дружности выпавшего снега, выгоняющего козу на менее снежные и более обильные кормом места, как говорят, хороший охотник добывает до 100 и более туш.

Битая дичина санным путем идет в Никольское, во Владивосток. Шкуры выделываются по деревням и в продажу идут преимущественно уже сшитыми в дохи, которые спасают неопытных путешественников (продавших теплые пальто) от морозов. Худо выделанные шкуры инородцы используют вместо тюфяков и на другие хозяйственные поделки.

Много погибает коз за этот ход и от охотников и от зверя. Хорошо еще, что наша сторонка не изобилует волками, а то я воображаю, как быстро переводилось бы это дорогое охотнику благородное животное. Мне кажется, что только исконной ненавистью между кошачьей и собачьей породами можно объяснить то, что здесь волки попадаются весьма редко и то более у таких населенных пунктов, где уже появление тигра сделалось редкостью.

Морозы усилились, снега глубже. Козы уже прошли, и все звери ютятся в теплых падях и кедровниках. Охота сделалась трудной из-за шума снега и кустарника, и редко удается заядлому охотнику, пробродив чуть ли не целый день, встретить одиночную, не ушедшую еще козу.

Медвежьих берлог тут не заламывают, да и мало находят. Изредка бьют медведя в берлогах копьями инородцы во время собольего промысла.

Кабан в кедровниках осторожен и быстро уходит по глубокому рыхлому снегу, изюбр тоже; а лыжи еще совсем не держат, тем более в таких местах, где кедры и где мало хватает солнцем и холодом. Конечно, хорошему промышленнику, обладающему временем и терпением, охота в это время открыта. Но таких немного, а я говорю о большинстве.

Разумный охотник вешает в эту пору тяжелую винтовку, вычистив и смазав ее впрок на несколько месяцев, и только изредка осматривает ее, а в уме с любовью перебирает минувшие дни и строит самые лучезарные картины на будущее.

Кабан в кедровниках осторожен, изюбр тоже.

Место отдыхающей серьезной подруги охотника — берданки — заняла служащая для забавы и менее любимая малопулька. В годы, урожайные на тетеревов, ей и скучающему охотнику достаточно работы в самое безохотное время.

Не стану описывать стрельбу этой птицы осенью с подхода, без чучел и без нагона, так как это самая обыкновенная охота, и у нас отличается только тем, что дробовику предпочитается винтовка, как дающая возможность стрелять на более далекое расстояние, и тем, что пуля, попав, редко когда не убивает птицу, а вместе с тем при промахах не пугает ее и ее соседей. Если стрелок хорошо укрыт и удачно сообразовал мушку с дистанцией, то птица, как очарованная, сидит, прислушиваясь к музыке летящих пуль... И даже мне случалось замечать, что когда обвысишь немного, то птицу как будто толкнет что-нибудь сверху, и она прижмется к ветке, но не улетает.

Густые таловые и ильмовые острова по берегам и березняки по болотам — любимый приют тетеревов, а когда выпавший снег неглубок и был урожай на желуди, тетерева долгое время кормятся на горах.

В это же время хороша охота на рябчиков, недурна охота на фазанов, которые приближаются к жилью, особенно там, где есть хлебные клади.

Но вот прибавилось снега, приударили посильнее морозы,— кончилась и эта охота, и многочисленные тропы, натоптанные человеком вдоль берегов рек и ключей, по вершинам хребтов, окраинам лесов, заметно засыпались и сократились; остались только тропы между жилыми строениями, к служебным зданиям и — более торные — к товарищу на винт или рюмку водки, да на посты к денежному ящику и пороховому погребу...

Человек, как и зверь, оставил себе необходимые пути. Зверь тоже приютился в теплых падях, в кедровниках и у незастывших ключей: там его питье, ночлег и пища.

В кедровниках тихо: не берет ни мороз, ни ветер, насту совсем нет и снег мельче. Медведи забрались в самые глухие сивера и утесы и редкий из них не лег в берлогу. Кабан копает из-под снега кедровую шишку

и иногда вылезет на кустарные дубовые и ореховые солнопеки, если они не сильно пристыли и нетрудно добывать опавший по осени орех.

Тигр, как пастух, держится поближе к кабану и лакомится по мере надобности свиньями и поросятами. Изюбр, коза — все разбились по теплым падям и тоже, преимущественно на окраинах кедровников, жуют дубовые не осыпавшиеся листья, кору и прутья с кустарников, кое-где торчащую у ключей высокую омертвевшую траву.

Всем тяжело в эту пору, и холодно, и голодно, и скучно. В тайге тишина; редко где треснет от мороза лесина или прокаркает ворона, сорвавшись, как оглашенная, неведомо куда и зачем.

Здешний некорыстный зайчишка[1], далеко отставший от своего российского собрата и ростом и удалью, боится показаться на свет божий и лазит по самым трудным оврагам с кустами и валежником: никогда его не увидишь не только так, но и с собакою, а если и случится поднять, то тотчас куда-нибудь пропадет, как в землю провалится, случалось даже добывать их из пустых повалившихся деревьев.

О соболе и белке я молчу, так как это дело промышленников, и то преимущественно инородцев (гольдов, орочен, тунгусов и других)[2],— а сам я, грешным делом, только один раз и видел соболя — этого шустрого зверька — и то не в пору его меха.

В сущности снег здесь начинает выпадать около половины октября и держится непрочными порошами до конца его, а уже окончательно устанавливается в первой половине ноября. Только до этой поры и можно считать время благоприятным для охотника.

Февральское солнце настолько сильно обогревает солнопеки, что самые отвесные места, преимущественно камни, быстро оголяются: на долинах и отлогих солнопечных местах за ночь намерзает наст и появляется возможность почти до полудня гонять зверя на лыжах. Подошли еще более тяжкие времена для изюбра и, особенно, косули: плохо вооруженный гольд бьет

---

[1] Автор говорит о маньчжурском зайце, который гораздо мельче русака. *Ред.*

[2] Теперь эти народы называются нанайцы, орочи, эвенки. *Ред.*

Тигр, как пастух, держится поближе к кабану и лакомится по мере надобности свиньями и поросятами.

их в эту пору, не нуждаясь в винтовке. С одним ножом или копьем на лыжах он легко догоняет косулю или загоняет изюбра, которые, порезав ноги и выбившись из сил, в глубоком занастовевшем снегу беззащитны и с ревом падают под ударами ножа часто целыми табунами (козы).

Изюбра же в этом случае большей частью преследуют с собаками, что делают даже корейцы — вовсе не охотники.

Главное умение гольдов — это выгнать коз в большой солнопек, так как в сиверу снег совершенно рыхлый и глубокий и зверь свободно уходит от лыжников. Но раз козы попались в хорошем редколесном солнопеке, то надо только увидеть это преследование! На лыжах, один или вдвоем, ловко заворачивая найденный табун, не разбивая его и не торопясь, гонят косуль на хорошее место, т. е. на длинный солнопек с редколесьем.

Лишь только это достигнуто, начинается гонка.

Тонконогий, поджарый гольд на своих легких лыжах несется с ужасающей быстротой и сверху вниз, и по косогору, извиваясь ловко между деревьями. Для того, чтобы больше напугать коз, он иногда дико ревет во все горло, размахивая копьем или шапкой. Ошалевшие козы, проваливаясь на довольно твердом и глубоком снегу, бьются из последних сил, чтобы уйти от преследования. Порывистые скачки их делаются все реже и меньше, и, еще не достигнув подошвы, козы одна за другой падают под ножом охотника. Если преследование ведется не так энергично, то козы уходят дальше и немногие из них становятся добычей, потому что, не видя сильной опасности, коза идет спокойнее, не надрываясь, и шнуром, т. е. одна за другой, прыгая уже в разбитую ямку более сильного передового.

В феврале 1885 г. мне с несколькими охотниками-солдатами удалось побывать на подобного рода охоте. Дело в том, что вследствие чумы скота был объявлен карантин и батальон был без мяса: надо было его добыть, и две партии охотников человек по пять отправились в разные стороны.

С одной из партий отправился и я.

В течение двух с половиной дней нам удалось разыскать два небольших табуна коз, из них часть успела ускакать на уже оттаявшие крутые склоны; убили всего 18 штук, да двух взяли живьем, совсем не поранивши и не помявши.

Один молоденький гуранчик[1] (с двумя отростками на рогах) долго после этого жил у меня и сделался совершенно ручным: бил моих собак, когда они заходили в его помещение, шел на кличку «Васька» и не стремился убежать. Замечательно то, что он сделался ручным чуть ли не в тот же день, как его притащили в зимовье; он стал ходить по рукам между охотниками, есть хлеб, овес и сено. В пару ему в то же время подарил мне косулю знакомый гольд. Хотя животные жили у меня одинаковое время, но косуля всегда была почти совершенно дикая и, не взирая на дружбу с гураном и покорность ему, постоянно норовила улизнуть в горы.

Другою партией охотников, посланной в то же время за мясом, было убито почти столько же коз и, кажется, поймана одна живая. Почти рядом с нашей партией в хребтах охотился гольд. Он в самое короткое время убил 46 коз без всякой винтовки!

В пору весеннего наста и немного ранее, т. е. приблизительно в феврале и в самом начале марта, тигр, сильно не любящий наста и глубокого снега, не находит пищи по мало еще оголившимся хребтам и потому приближается к жилым местам, где ему без особого труда удается раздобыть то собаку, то чушку, то коня. Впрочем, в эту пору коней, конечно, редко где можно найти незапертыми. Замечательно то, что рогатого скота здесь у нас тигр никогда не режет (хотя скот и более доступен для этого), по крайней мере тут, на Даубе-хэ, я знаю только один случай поранения тигром двухгодовалого бычка. А случаев хозяйничанья тигров — и притом самых нахальных — было множество. Не стану перебирать все, а приведу только более недавние и выдающиеся.

По станицам на Уссури вы всегда можете услышать массу рассказов о том, например, как к одному

[1] Гуран — местное название косули-самца в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. *Ред.*

казаку в хату забрался тигр. Чтобы скрыться от него, казак залез между печкой и простенком, откуда тигр стал добывать его, и сам, будучи толще казака, завяз в этом промежутке. На счастье, казак ущупал за собой тупую литовку (косу) и ею кое-как перепилил или проколол глотку нахальному зверю.

Другой случай. Строят около ста пятидесяти человек корейцев дорогу из г. Владивостока, роют боковые канавы по обе стороны дороги, все сгруппированы. Появляется тигр, преспокойно, шагом, проходит по новой дороге между рабочими и безнаказанно скрывается в лесу, заставив трусливых корейцев разводить целую ночь огни и не спать после работы.

А то — едет обратно ямщик. Мороз 25°, а ямщик выпивший, завернулся в доху и дремлет. Вдруг страшный толчок — он вылетает из саней; от падения опомнился, открыл глаза — лошади ускакали, а над ним лежит тигр и смотрит на него, повиливая хвостом. Ямщик обомлел и боится шевельнуться. Думает — дело плохо: мороз берет свое, да и тигр страшен. Он начинает пробовать откатиться от неприятного соседа; видит — дело пошло на лад, только тигр за ним следит глазами и хвостом поигрывает, а с места не трогается. Докатился ямщик, сам того не видя, до обрыва берега Амура, благополучно ухнул с него на реку и ею добежал до станка, не доходя которого увидал своих запутавшихся коней и разбитые сани.

Не помню наверно, кажется у Красного Яра (недалеко от с. Никольского), охотились трое — двое русских и один инородец. Идут двое первых самым гребнем хребта, так что им хорошо виден гольд, который тащит козу низом. Смотрят, а инородца начал скрадывать тигр: забежит ползком несколько сажен вперед, притаится, пропустит мимо себя — и опять та же история. Так несколько раз. Сверху подбежать на выручку невозможно, так как отвесный утес, крику тоже не слышно, чтоб предупредить... начали стрелять и махать руками и шапками... После третьего или четвертого маневра тигр схватил не слыхавшего ничего инородца и вместе с ним и козой скрылся в зарослях...

В начале февраля 1884 года начальнику нашей телеграфной станции господину К. дали знать, что верстах в восьми от нас в фанзе Цивайза тигр похитил

собаку. Господин К. с телеграфистом С. (не охотником) отправился туда покараулить хищника, так как последний почти всегда повторяет свое посещение. В фанзе среди манз[1] началось общее волнение и к вечеру была натаскана масса оружия для отражения ужасного гостя; тут были пики, секиры, топоры и чуть ли не земледельческие орудия. По рассказам манз, тигр прыгнул на крышу сарая, с нее во двор, где схватил собаку и с нею вскочил опять на крышу. Когда манзы с криком и гамом целой толпой бросились за ним, он пошел по коньку сарая, дойдя до конца которого, обронил собаку во двор, спрыгнул опять за ней, но тут, под натиском расхрабрившихся манз, кинулся в угловой хлевок и, не находя никакого выхода, кроме небольшой трещины в глинобитной стене, разломал последнюю и ушел. Только собака осталась манзам на пельмени...

К. проверил рассказ по следу, имевшемуся на снегу крыши и в хлеву, а затем остался ждать нового посещения.

Темнело. В большой фанзе с бумажными окнами было много народа: курили, галдели; горели очаги,— вообще было светло и шумно. Почти в каждом бумажном окне есть небольшая дырочка, проковыренная для того, чтобы видеть то, что делается во дворе. К. осмотрел в одну из них двор: было почти темно, и на небе чуть вырисовывался конек противоположного сарая, через который в прошлую ночь тигр совершил свое неудавшееся путешествие. В одном месте на коньке в виде неопределенного возвышения темнела задранная ветром солома, которую К. заметил еще засветло...

Прошло довольно много времени. Манзы, ухаживавшие за К., приехавшим избавить их от неприятного гостя, тоже часто справлялись в оконные отверстия о благополучии во дворе...

Вот один из них таинственно подходит к К. и еще таинственнее шепчет: «Ламаза!» (тигр).

К. хватает винчестер и нагибается к отверстию: крыша едва-едва видна, но, вглядевшись, можно разобрать не одну, а уже две кучи... которая из них вновь появившаяся — отгадать невозможно...

[1] Манза — маньчжур. *Ред.*

Слово же «ламаза», услышанное и подхваченное остальными манзами, вызвало переполох; вспомнив, что у них кони хотя и в сарае, но не заперты, они все нестройной толпой, с гвалтом, фонарями и своим импровизированным оружием направляются к выходу, с ними выскакивают присмиревшие со вчерашнего дня собаки. К. старается вернуть всех словами. Но не тут-то было, народ возбужден!... К. начинает их заталкивать назад уже силой и с ругательствами.

Только ему удалось втолкнуть последнего обратно и он начал притворять дверь, как в неуспевший еще закрыться проход с испугом прошмыгнула одна из собак. Другая же в ужасе прижалась к наружной стенке, затем быстро кинулась к воротам. Моментально на то же место легко спрыгнул массивный тигр, свернул вслед, треснули ворота, и предсмертно взвизгнула не успевшая убежать собака...

На утро решетчатые ворота оказались проломленными, а далее — след тигра и кровь утащенной собаки.

На другой день, под вечер, узнав обо всем случившемся у К., мы вчетвером (считая и К.) на двух санях отправились в фанзу Цивайза.

Когда мы подъезжали к фанзе, было совершенно темно; небо морозное, снег рыхлый, погода мягкая. Дорога шла прибрежными тальниками, и если б не наши разговоры, то совершенно бесшумно бежали двое саней.

Вот сквозь тальники уже совсем близко мелькнул огонек фанзы. Вдруг в фанзе крики, беготня, замелькали огни. «Уж не поздно ли?» — говорит кто-то в санях,— не тигра ли они пугают? Не напали ли хунхузы!»[1]

Я видел лишь бегущих людей. Только крик вроде «бедо, бедо!» выделялся особенно резко.

Мы остановили коней и взялись за винтовки. Несколько человек, сильно перепуганных, с фонарями летели к нам навстречу... Дело в том, что через дорогу был поставлен привод на тигра из двух или трех бердановских винтовок. Свет фонаря ясно отбрасывал тень шнурка вершках в шести от переднего коня!... Мы не знали, благодарить или ругать манз за их

[1] Хунхузами называли китайских разбойников. *Ред.*

осторожность. Сделай передний конь хоть полшага лишних — уж дело случая было, в кого попали бы пули.

Ночь в фанзе и утренние поиски не стоят внимания, поэтому обращусь к следующему случаю, которого был очевидцем.

В середине этого же февраля повадился у нас в Анучине шляться чуть ли не тот же самый тигр, на которого ездили в Цивайзу. Особая его примета была та, что одна из лап, не помню которая, была слегка поранена в самую пятку, и поэтому на следу ясно значилось кровавое пятно, копейки в три величиною. Этот тигр, видимо, был сильно голоден, так как объедал остатки сожженных, павших от изнеможения рабочих быков, у которых еще при жизни и до сожжения нечего было есть. Не взирая на это, тигр преусердно и почти каждую ночь обирал их в саженях 30 от крайних домов урочищ, а затем уходил отдыхать, путешествуя уже по речке, саженях в трех от обывателей не мирного, а военного сословия! — Нахальство!?

Убедившись в последнем, я первый взялся за оружие: в том месте, где должен был пройти тигр, т. е. там, где скрещивались его следы, я устроил балаганчик из жердей, покрыв его толстым слоем сена, настлал его и внутри, чтобы было теплее лежать, и в ту же ночь, вооружившись винтовкой и ножом, с вестовым, несшим копье, отправился караулить.

Ночь лунная. Шагах в 70 от скрадка, посреди протоки, на льду лежит хорошо видная, обгорелая и необъеденная бычья голова. У правого плеча торчит копье вестового, а обиндевевший ствол винтовки высунулся из балагана и освещен далее мушки почти полною луною.

Первой является мысль об утлости нашего убежища, затем, через час, — о глупости нашего предприятия, а затем уж — о тепле в своей хате, и этот самый сильный довод гонит нас около 12 часов ночи домой к горячему ужину и теплой постели.

Так проходят три ночи с малой лишь разницей во времени. На четвертую же случилась такая история. Штабс-капитан К. спрашивает меня утром 22 февраля, буду ли я сидеть сегодня.

— Буду,— говорю,— а что?

— Да я хотел посидеть. Сделай одолжение.

Словом, уступил я пост на эту ночь ему. И вот утром пошел я проверять следы. Гляжу — тигр стоял передними лапами в самом балагане, а бычья голова оттащена шагов на сто вверх по речке и обгрызена до основания рогов. Что за леший? Бегу к К.

— Ну, что же ты сделал?

— Ах, брат, извини, вчера, знаешь, гости... Я совсем собрался... Да, видишь... Ну... Пойдем выпьем... А что?

— Да вот что: ночью-то тигр в балагане был!

— Ннуу!?

Я рассказал ему всю историю и что след прошел мимо самой его хаты.

— Ну и слава богу, что не пошел,— облегченно вздохнул К.

— А ты разве караулить ходишь, когда знаешь, что тигр не придет?— расхохотался я.

В тот же день утром, сообщив Р. и взяв с собой двух унтер-офицеров, мы мигом очутились у бычьей головы и затем уже по следам прошли до большого солнопека за версту от Анучина.

Один из унтер-офицеров, Михей Иванов, о котором как об опытном следопыте я говорил раньше, был с нами. Он заявил, что тигр, наверно, лежит в этом солнопеке, и оказался прав. Только что мы поднялись на половину горы, как отличили на оттаявшей слегка земле ясный отпечаток лап тигра, а в самой вершине, где кончалась проталина и начинался снег, был выходной след только что поднятого нами животного, так как даже мелкие крупинки взбудораженного снега не успели обтаять на довольно сильном солнце.

Быстро мы двинулись вперед по следам, идя друг за другом.

Тигр шел хитро — все время орешничками и дубнячками, и хотя те и другие были немного выше колена и видно было далеко вперед, но ни на одном из просветов ни разу нам не удалось его увидеть. С места, как только его разбудили, он пошел довольно крупными прыжками (аршин 7—8), к ним же он прибегал и на открытых местах, которые нельзя было обойти, но

затем аллюр его переходил в небольшую рысь, которая не более как через полторы версты перешла в шаг.

Легкий наст не выдерживал не только нас, но и тигра. Я говорю «не только нас» потому, что зверь был грузнее каждого из нас по крайней мере вдвое. Однако он в одном месте, еще когда мы не поднимались на солнопек, соскочил с крутого берега реки на лед всеми четырьмя лапами в кучу и не провалился: передовому же из нас пришлось спускаться с берега как раз на то же место, но осторожно, сидя и держась за кусты, и стать ногами на ту же точку, где был след скученных лап животного, и он провалился.

След зверя направлялся на северо-восток, как раз поперек направления хребтов, из-за чего приходилось то подниматься на пологие солнопеки с густыми орешниками и небольшим, но твердым снегом, то спускаться в редколесье сивера с глубокими, выше колена, сугробами.

Тигр, видимо, слабел с каждой минутой, так как шаг его сделался мал и неровен, и только на более открытых местах он напрягал силы и перебегал быстрей, чтоб не попасться нам на глаза. По уверению Михея Иванова, он шел впереди не больше 80 сажен. Михей говорил так, соображаясь уж не знаю с какими приметами, оставленными на снегу и на кустах. Слова его, впрочем, скоро подтвердились, так как впереди нас саженях в 60 был небольшой перевальчик, совершенно оголенный от орешника, через который, судя по направлению следа, тигр должен был перейти и на который мы уже давно смотрели в ожидании этой минуты.

Вот сажен за 50 от него след завилял в разные стороны: мы начали осторожно, с готовыми винтовками, его распутывать. Вдруг, смотрим, лежка... Глаза устремились на перевальчик... Через него двумя громадными скачками промчался тигр, и только щелкнули ему вслед два сухих напрасных выстрела да вздымило кверху на перевале снег от чьей-то пули. Несмотря на зря пущенные заряды, мы быстро взбежали на гребень, надеясь еще увидеть животное и посмотреть, не попал ли чей на авось..., но ни тигра, ни следов попадания не было.

Мы порешили на том, что зверь, видимо, устает, и хотя нет ни чаю, ни хлеба, и одеты мы легко, все же надо попробовать догнать его еще раз до темноты.

А темнота была не за горами: короткий февральский день подходил к концу; в воздухе похолодало и зарумянило, и снег стал трещать под ногами. За перевальчиком тигр довольно долго шел скачками аршин по 5 и 6, а затем снова перешел на рысь и тотчас — на шаг. Мы, хотя очень устали и вспотели, однако прибавили шагу, самый сильный ходок М. Иванов быстро прокладывал нам тропу по следу зверя.

За вторым хребтом, в полугоре — лежка; мы убавили шаг... Через несколько минут — опять лежка. Обе показывают, что зверь сильно устал: что-то вроде желтого пота видно на снегу во всю лежку. Не знаю, потеют ли тигры? Еще короче переход — еще лежка, еще больше пота.

Зверь, видимо, сердится, так как на лежках заметно по нескольку выбоин от ударов хвоста. Каждую секунду ждем, что увидим зверя. Но уже почти темно, а мы сами повысунули языки, так как по снегу стало идти совсем тяжело, а тигр уже не везде проваливается.

Вот след своротил вдоль хребта по твердой полосе, а нас она не держит и стрелять почти невозможно — до того стемнело...

Пришлось бросить.

Назавтра еще была надежда попытаться на лыжах. Теперь же надо было возвращаться домой своим следом и не отдыхая, чтобы не замерзнуть. Луна уже давно пересилила вечернюю зарю и слабо освещала нашу усталую группу, с тупым терпением ломавшую то выдерживающий, то подламывающийся глубокий снег.

Близок локоть, да не укусишь! Так и этот подлый зверюга — шел вплоть, хвост видели, разглядели, что и шерсть длинная и даже при прыжках трясется, а не могли добыть бродягу на четыре верных винтовки...

Насчет подлости, ума или хитрости, если не надоело, расскажу еще про него.

В скором времени после первого поиска, а именно 1 марта, денщик доктора И. ездил за дровами в первую

еловую падь по Эль-да-го и, приехав, сказал, что видел след того же тигра с кровавым пятном от лапы.

Доктор дал нам знать, и сам, Р., я и два унтер-офицера тотчас же отправились попытать счастья. След нашли скоро, своротили по нему в кусты, перешли небольшую проточку Эль-да-го и почти тотчас же в гущине подняли тигра, так как шли шумно и не ожидали, что он лежит так близко от дороги.

Тигр пошел вверх берегами Эль-да-го и ее притока. Левый солнопечный берег уже сильно оттаял, и густая его высохшая трава давала возможность свободно и скрытно идти животному, оставляя только следы местами на нерастаявшем снегу. Насколько показала шевелящаяся еще трава, лежки и свежий помет, тигр шел от нас еще ближе, чем в первый раз; тут и берега, обросшие густыми тальниками, грецким орехом, ветлою, черемухою и ильмом, способствовали этому.

По-видимому, тигр был сильно истощен, так как на ходу останавливался и ел полуисклеванную гнилую зубатку, выброшенную последней осенью водой или рыбаками. Помет же его, против обыкновенного, как случалось видеть в другие охоты, был в малом количестве и содержал в себе много непереварившейся травы. Неужели же он с голоду ел траву? Положим, время было такое, что добывать мясо ему было трудно, так как он невеликий мастер ходить по снегу, тем более последний, расстаяв только на самых крутых солнопеках, остался еще в большом количестве в сиверах, а чуть вечер (т. е. те часы, когда охотится этот хищник)— застывал и трещал на пологих солнопеках, предупреждая всех о приближении тигра. Может быть, тигр ел траву в виде лекарства — не знаю, но не думаю этого, так как трава в эту пору была совершенно сухая, перезимовавшая под снегом и, вероятно, потерявшая уже все свои целебные свойства.

Но вот Эль-да-го повернула, не подставляя ни одного берега юго-восточному солнцу; тальник стал гуще и нам пришлось идти по снегу выше колен. Снег был тугой — еле-еле проламывался и едва вытаскивалась усталая нога.

— Знаешь что?— говорит мне Р.,— тут есть параллельная реке дорога; пускай унтер-офицеры идут сле-

дом, а мы дорогой зайдем по скале вперед, а потом по дровяной дорожке свернем к реке и подождем тигра.

Сказано — сделано: мы тотчас же выбрались на дорогу. Прошли около 300 шагов ею... сворачивает первая дорожка под молодичками к реке...

— Свернем тут,— говорит Р.

— Нет,— говорю,— еще шагов через двести будет другая, а то эта чересчур близко под гоном.

Прошли до другой, параллельной ей, и, свернув, дошли до реки, осмотрели — след еще не прошел.

Заняли удобное место, чтоб не пропустить тигра, и ждем.

Тальник по обоим берегам вместе с рекой был шириной около ста шагов; место было не особенно дикое, так что прозевать было трудно.

Ждали, ждали... уже, кажется, давно пора бы — день темнел. Вдруг по той же дорожке, по которой пришли мы, слышу, идет кто-то.

— Что ты? — спрашиваю одного из подошедших унтер-офицеров.

— Да, ваше благородие, тигра сошла с реки; прошла той дорогой, что коло фанз ближе, должно, останавливалась и вам вслед глядела, когда вы шли дорогой.

— Вот так штука! Пойди мы той дорожкой, что была раньше и по которой предлагал идти Р., мы наверное бы встретили его! Никак мне не думалось, что этот зверь шел так близко под гоном, но что прошло, того не будет.

Пошли мы, проверили слова унтер-офицера; оказалось, тигр действительно довольно долго стоял у самого выхода дровяной дорожки на проезжую, так как успело насочиться на этом месте порядочно крови и лапы были составлены вместе. Что он соображал, тут стоя, — не знаю, может быть, просто разглядывал нас, своих противников, так как место было совершенно открытое, и в это время мы шли от него, думая о том, как бы перехватить его на реке. Должно быть, мало магнетизма в кошачьих глазах, что ни у кого из нас не было желания обернуться назад. Может быть, из-за этой особенности кошки так ловко и вплотную скрадывают животных.

Постояв у проезжей дороги, тигр перешел ее и полез в утесистый, сильно крутой и оттаявший солнопек у берега Эль-да-го. Было темно. Мы проследили ход тигра только до утеса, а затем отправились ночевать в ближайшие корейские фанзы, оставив преследование до утра.

Проспали кое-как в душной, блошивой корейской фанзе с горячими канами[1] и холодным воздухом, битком набитой голыми корейцами, которые, сняв свои единственные ватные куртки, начиненные всевозможными насекомыми, только покрякивают от удовольствия, поджаривая всеми боками свое голое тело на горячих канах. А наш брат с непривычки лежит и думает: «О, господи, скорей бы свет! Ох, господи, лучше б спал на морозе где-нибудь в лесу, в болоте — все лучше». Но все-таки перед светом одолеет не то сон, не то какое-то забвение — корейцы перестали вертеться, каны поостыли, а голые тела чем-то уже накрыты, оставив открытыми только заплетенные на головах тумаки и около 20 пар курносых ноздрей, испускающих тяжелый, неравномерный храп и сап, стремящийся под дымные своды прокопченной фанзы.

Чуть брезжило, а мы были уже на следу у солнопека, по-видимому, все довольные, что выбрались на свежий воздух, хотя пробирало порядочно.

Унтер-офицер Трофимов уже карабкался на утес, чтобы разобрать след, а через несколько минут, остановившись на небольшом приступке, замахал нам руками. Зацарапались и мы к нему.

— Вот, прости господи, везет окаянному! Извольте посмотреть,— говорит Т. вполголоса, показывая на землю рукою, когда мы, задыхаясь, вылезли на приступок.

У большого камня, как видно по сильно примятой и улежавшейся траве, была ночная лежка тигра. Немного ниже, сажени на три по крутому каменисто-песчаному спуску, виден след катившейся на заду косули — это на ней проехал тигр, и по всему этому протяжению — следы крови и большие клочья шерсти; рядом два следа быстро промчавшихся вниз косуль.

[1] В жилищах у маньчжур и корейцев труба от печи проходит под низкими лежанками — канами, поэтому они всегда теплые.

Затем задавленная косуля была втащена наверх недалеко от лежки и съедена вся до основания, даже с потрохом и со всем содержавшимся в нем, осталось только одно ухо с клочком кожи, копытце с небольшим куском ноги и самая малость непереваренной травы из желудка! А затем еще испражнения сытно поевшего хищника.

— Действительно везет этой шельме! Вот так закусил с голоду — теперь не догнать ни за что.

Покурили мы, разобрали след: он пошел вниз наискосок, затем вышел на дорогу и прямо по дороге вверх по долине. Решили проследить еще, в надежде застать тигра где-нибудь спящего, но все было напрасно: поевши плотно, зверь шел совершенно иначе, и мы ни к чему уже два раза варили чай для подкрепления, ни к чему забирались бог знает на какие вершины. Только и было интересного в этот раз, что, во-первых, тигр с нахальством прошел мимо самой манзовской фанзы, хотя шел, вероятно, даже когда было светло (не хотел ли он на закуску свиснуть еще собачку?), во-вторых, он нам открыл свое, или другого собрата, логово невдалеке от фанзы.

Это было смрадное место в самой глуши и чаще, где валялось много обглоданных, преимущественно собачьих костей; отсюда хищник в голодное время делал набеги на фанзы, и он же, вероятно, в это время попал под выстрел настороженной допотопной китайской винтовки.

Как рассказывают очевидцы, у манз был форменный кутеж, когда однажды ночью они услыхали выстрел и рев, а на рассвете торжественно подобрали большого зверя. Варилось, жарилось и парилось мясо во всех видах; стряпались пельмени, суп и жаркое. Так как тигровое мясо едят для храбрости, то, вероятно, в силу этого и по случаю торжества прибывшие гости — соседи манзы — помогли слопать целого тигра чуть ли не в один день. Шкуру набили соломой и торжественно привезли продавать в наше урочище, где и продали ее за 50 рублей начальнику телеграфной станции. Набитое чучело было внушительных размеров (восемнадцать четвертей) и, приставленное к высокой печи, почти равнялось с ней.

Кажется, и нашего тигра (с кровавой лапой) коснулась Немезида, так как около этого же времени солдатик, отправившийся в кедровник, находившийся около тех мест, где держался наш тигр, наткнулся на труп зверя, слегка засыпанный снегом; размер следа был такой же, но на лапах, как я не искал, не нашел признаков поранения. Шкура была очень красивая, но зверь, по-видимому, изголодавшийся. Неизвестно, по какой причине он сдох, так как его непотрошенного отправили во Владивосток на продажу.

В этом же месяце ефрейтор моей роты хороший охотник Леонтьев был командирован на телеграфную станцию Лазарева для охраны находящегося там батальонного груза. Не помню, которого числа, ночью явился тигр и утащил собаку. На это утро Леонтьев с другим солдатиком — не охотником и с небольшой собачонкой ротного воспитания, довольно охотно скакавшей по любому следу, отправился следом. Недалеко ему пришлось пройти мелкими орешниками, когда шагах в ста впереди поднялся тигр. Леонтьев тотчас же приложился и ударил (из берданки) его по лопаткам. Тигр высоко подпрыгнул на всех четырех лапах и, страшно рявкнув, пошел наутек, огибая небольшую сопочку. Леонтьев, заряжая, обернулся, а его спутник и собачонка, бойко бежавшая до тех пор по следу, стояли оба, как окаменевшие.

— Ты что же, Кремнев?— крикнул он товарищу, а сам бросился наперерез тигру.

Кремнев, как лунатик, бессознательно и тихо стал подаваться вперед.

Между тем Леонтьев, выбежав на сопку, увидел идущего зверя и, еще раз довольно близко ударив его в зад, перешиб крестец.

Тигр злобно, сдавленно зарычал и полез, волоча зад, прямо на Леонтьева, вперив свои желтые злые глаза в темные напряженные глаза охотника, уже зарядившего винтовку и медленно прицеливавшегося... Шагах в шести зверь сильно дрогнул всем телом и как был, так и замер, прилегши к земле, с небольшим отверстием во лбу от конической пули.

У Леонтьева отлегло все, и только теперь сильно затряслись руки.

Кремнев и собачонка почти не сдвинулись с места с начала драмы. У счастливого победителя не было духу укорить оробевшего. Забавно то, что собачонку пришлось растолкать, чтобы вывести из оцепенения, и пока шли кустами до деревни, она была настолько нервна, что, нечаянно задев за какой-нибудь куст или травинку хвостом, с визгом отпрыгивала и быстро поворачивалась мордой к задевшему ее предмету.

По рассказу Леонтьева, тигр, утащив собаку, съел не больше половины и отходил от нее не далее десяти шагов, что видно было на снегу.

Существует общее убеждение, иногда подтверждающееся фактами, что собачье мясо действует на тигра усыпительно. Факт тот, что этот лютый хищник, свободно съедающий четверть лошади, целую козу, пол изюбра и более[1], иногда с опасностью для собственной жизни добывши собаку, страшно долго смакует ее.

В 1886 году ранней весной мне случилось убить изюбра. Я был только вдвоем со стрелком Палецким, и мы оба сразу же отправились за конем, чтобы увезти оленя. Придя домой, я отправил коня с Палецким и другим унтер-офицером. Оказалось, что изюбра кто-то утащил, и оба стрелка сначала подумали на медведя, так как с горы, на протяжении, по крайней мере, полуверсты, зверь тащил изюбра волоком, придавив вокруг все кусты. Далее, где спуск сделался отложе, след волока исчез, но не было и костей. Земля была твердая, и охотники еле-еле различали след зверя, пошедшего дальше и тащившего, по-видимому, изюбра на себе. Но вот на одном низком и сыром месте ясно отпечатались глубокие тигровые следы, а далее, у ключа,— остатки почти съеденного зверя.

14 сентября 1885 года нам дали знать, что верстах в двух от нас у новоселов деревни Гордеевки в одну ночь тигры повалили трех коней и, высосав кровь, еще не начинали есть. Собраться было недолго, тем более при таких хороших условиях, как сентябрь и двухверстное расстояние. Решились караулить всерьез, по всем правилам, так как ночи стояли теплые, а там, где лежали загрызенные кони, имелись деревья.

---

[1] Автор преувеличивает. Обычно тигр съедает за день лишь 10—12 *кг* мяса с костями. *Ред.*

Отправились доктор И., поручик Ш. и я.

Ввиду серьезности предприятия я даже не взял с собою курево, а прихватил только на всякий случай не особенно толстую длинную веревку.

Взяли в деревне трех хохлов-проводников, которые должны были указать нам, где лежат кони. Двое из провожатых были с заряженными, должно быть дробью, одностволками, которые они прихватили, и с величайшей осторожностью, боясь, вероятно, больше своих одностволок, чем зверя, поместили их удобно за спиной.

По брошенному жребию доктору пришлось сидеть у отдельно лежащего коня, ближе к дороге, мне и Ш. досталось место у двух других коней, которые лежали саженях в 5—7 один от другого.

Солнце уже закатывалось, когда мы усадили И. на его дерево и сами отправились отыскивать своих коней.

По высокой и густой полыни нам это удалось только когда начало смеркаться. Торопливо выбрав деревья, мы уже хотели взбираться на них, когда хохлы заявили, что назад они одни идти боятся. Много стоило слов и времени уговорить их, что еще светло, что мы, поднявшись наверх, будем оберегать их путешествие, что если мы пойдем с ними, то пропустим время, и т. п., пока они решились уйти, нарочно шумя и разговаривая для большей безопасности.

Но вот все стихло, серое небо надвинулось над нами и сильно потемнело. Только один из коней — белый — выделялся слабым пятном на почерневшей земле... Хотя мы разместились на лесинах, саженях в шести один от другого, мы уже различать друг друга не могли. Сидеть было страшно неудобно из-за веток, растущих кверху под острым углом к стволу, неудобно было и прицелиться или переменить фронт. Не помню, долго ли просидели или, скорей, простояли мы на своих постах, но вот в темноте ночи по сухой полыни послышалось легкое шуршание — будто кто-то осторожно обползал вокруг занятое нами место. Может быть, зверек какой-нибудь, а может быть, и тигр делал разведку у своей добычи.

Так как ровно ничего не было видно, то я уставился на белое пятно, обозначавшее коня, ожидая на нем

увидеть темную тень появившегося животного. От долгого напряжения казалось, что пятно колышется и изменяет форму, но стоило только на секунду зажмурить глаза и взглянуть сразу, как все оставалось по-прежнему...

Опять все тихо — даже тоскливо.

Должно быть такое же чувство одолело и Ш.— он начал ворочаться на своем дереве сперва тихо, а потом даже с треском ветвей. Я молчу. Недалеко, на берегу реки с гамом, чем-то испуганная, сорвалась большая стая воронья...

— Чего это они ночью перепугались?— заговаривает вполголоса Ш.

— А вы чего там вертитесь?— шепчу я еще тише.

— Да вот бурку пристраиваю половчей!...

Ах, думаю, черт возьми! Ему ловко там с буркой, а я-то в одном коротком пальто, даже и привстать-то больно!...— И мне представилось уже, что Ш. мягко подложил один конец бурки под себя, а из остального сделал что-то вроде палатки. Ну, ладно, думаю, пускай спит; зато стрелять буду я! И только что успокоил себя этой мыслью, как вздрогнул, увидев в темноте мелькнувший огонек... Не знаю, что мне подумалось об огоньке в тот момент, но во всяком случае не то, что это закуривает сигару поручик Ш.! Я мог просидеть, не куривши, до утра, но тут — бурка и сигара?! Меня затошнило... Я забыл всякую осторожность.

— Вы закурили, А. И.?

— Да. Да я вверх пускаю...

— Нельзя ли попросить у вас папироску? Я с собой не взял, а уж теперь, наверное, ничего не дождемся.

Уговорились слезать и на этот раз уйти. Но внизу было темно и густо.

— Что, вы слезаете?

— Слезаю,— раздавались наши голоса во тьме и сильный треск ветвей, но оба разговаривавшие оставались на тех же местах.

— Скоро вы будете на земле?

— Сейчас!— опять взаимное надувательство и хохот после понятого обмана.

Наконец, стали спускаться не на шутку, строго соблюдая расстояние от земли, и, кажется, я, вследствие

того, что сильно хотел курить, соскочил первым.

Затем явился вопрос, как мы отыщем доктора. Направление приблизительно мы знали, хотя и в темноте, но точно найти было невозможно, тем более что мы и днем даже блуждали. Можно было или миновать доктора совсем, или напороться на него неожиданно и получить заряд вместо зверя. Кричать все время тоже неловко — будто боимся.

Пошли так, наудачу, изготовив винтовки, а пройдя, по-нашему, приблизительно половину, выстрелили и закричали, тотчас же отозвался и доктор, хотя и значительно в стороне от взятого нами направления.

Ш. тоже ничего не видал, а только пожертвовал ножом и перстнем, когда влезал на дерево, и, несмотря на поиски, обе вещи в темноте найти было невозможно. Желая выйти покороче на спящую деревню (в которой, вероятно, чуя близость тигров, не лаяла ни одна собака), мы долго еще проплутали, пока вышли на дорогу,— до того трудно было ориентироваться в темноте.

На другой день у меня не было времени, и Ш. ходил караулить со своим вестовым. Он рассказал, что тигры приходили, когда было еще довольно светло, но вся неудача вышла из-за того, что они с вестовым уселись на одно самое удобное из неудобных деревьев; вестовой поместился выше, лицом в другую сторону, и первый увидал подходивших небольших тигров; чтобы предупредить своего барина, не испугав тигров, он стал толкать его в голову ногой, обутой в сапог с подковкой... Ш. овладело бешенство: он знал, что случилось что-то важное, и не знал, что выбрать — осторожно ли повернуться или отлупить своего вестового за бесцеремонность, но вышло среднее — он обернулся неосторожно и испугал подходивших двух тигров, которых он все-таки успел увидеть. Ш. говорит, что это были небольшие, вероятно молодые звери. По следу же, который мы проверяли, и по количеству поваленных коней можно было заключить, что шлялась целая семейка — два больших и два малых. И эта семейка ушла безнаказанно!

Около масленицы 1889 года тигров было что-то особенно много, и они бродили преимущественно возле жилья. Не было почти ни одного дня, чтобы не слышалось новое про их проделки.

В нашем урочище появились тоже эти приятные соседи и свои нападения довели до нахальства. В самом центре урочища, населенном почти исключительно военными, из которых почти у каждого есть винтовки или дробовики, в одну из ночей тигр задавил чушку у штабс-капитана Б. Тигр забрался сюда невзирая на то, что в центре урочища дома расположены кучно, по-городски, близко к казарме с вечными дневальными и к постам с вечными часовыми, движущимися патрулями и другими служебными разгонами.

А про окраины, т. е. про дома, расположенные по берегу реки, и говорить нечего: у доктора И. (имеет три винтовки, две двухстволки) тигр стащил сеттера; там же ободрал бок двухгодовалому бычку. У вашего покорного слуги (оружия столько же) утащил пойнтера и так испугал коней, что они с этой минуты стали бросаться, особенно от лежащих предметов — бревен, клочков сена и тому подобного.

Около моего дома, в 20 саженях, находится ночной пост, на котором дневальные вечно поддерживают огонь. В ту ночь, когда произошло похищение, как нарочно, шел мокрый снег и дневальному попались сырые дрова, с которыми он провозился до самого рассвета, слыша, что кто-то ходит около, и чувствуя опасность. По распоряжению начальства, часового на этом посту вооружили винтовкой.

Заведующий охотничьей командой офицер с несколькими охотниками преследовал того тигра, который утащил собаку у доктора, и совершенно неожиданно встретил зверя тут же за речкой на очень высоком уступе горы. Тигр доедал собаку! Вследствие неожиданности никто не приготовился стрелять; раз выстрелили почти на вскидку, затем преследовали и... только.

Несмотря на всю деятельность охотничьей команды, тигры поставили урочище в осадное положение; чуть стемнело, по улицам боялись ходить; в гости, в особенности на окраины, в одиночку почти не ходили, а больше целыми толпами, а не то, невзирая на близкое расстояние, запрягали коней; некоторые носили ножи, револьверы; некоторые брали вестовых; некоторых конвоировали с винтовкой, а может быть неко-

торых, из более храбрых, при путешествии домой одолевала такая бешеная рысь или иноходь, что только темнота скрывала эту тайну. Стало близко уже к той карикатуре, которая была помещена в нашей газете в 1885 году, в то время, когда тоже шатались тигры, хотя и не в такой степени. Там был изображен капитан К., идущий к начальству с вечерним рапортом: впереди его вестовой с фонарем, другой с колокольчиком; сам К. с винчестером и в шашке, а сзади них еще патруль с винтовками...

Резиденцией своей один из тигров избрал густо заросший тальником островок на Даубе-хэ, в самом близком расстоянии от телеграфных построек. Отсюда он и делал свои набеги и, невзирая на то, что его караулили, что на него была поставлена ловушка, утащил штук девять свиней, две собаки, оборвал бок большому бычку так, что тот скоро пропал, и нахальнейшим манером, несмотря на то, что его почти ежедневно преследовали и окладывали, возвращался на тот же остров, как восвояси.

Положим, что оклады у нас делались не столько неумело, сколь небрежно и жадно: рассчитывали добыть зверя с четырьмя-пятью человеками, тогда как в людях не было недостатка. Всякий из нас зарился добыть шкуру собственноручно. Некоторые, у кого, например, была утащена тигром чушка, считали его своим и чуть ли не запрещали его стрелять, хотя примет его или клейм не определяли.

С островка тигра почти всякий раз вспугивали; он переходил по льду реку с густо заросшими берегами, высматривал, где стоят редко расставленные нумера и, пробравшись между ними по поляне какой-нибудь едва заметной лощинкой, благополучно доходил до гор.

Раз и я с охотниками из роты делал подобный оклад: двое шли по следам зверя, а двое караулили на лучших лазах. Поднятое животное прошло очень близко от меня, но я его не видел.

Мы пошли его преследовать по горам, следили до самого вечера, и я опять только убедился в том, что тигр великолепный тактик; отступая, он занимает вершинки гор (видны на снегу лежки), откуда спокойно следит за вашими движениями, и пока вы будете карабкаться на одну вершинку, он скрытно, не торопясь,

занимает следующую и т. д. Но, несмотря на то, что в иных местах вследствие редколесья и удобного наклона горы в нашу сторону мы должны были его видеть, нам это не удалось ни разу, до того ловко этот крупный хищник умеет применяться к каждому дереву, кусту, пню и валежнику. Если мы пили чай, он располагался невдалеке и спокойно ждал, когда мы кончим эту операцию. Это было видно по сильно пролеженному вальбищу, доходя до которого, мы всякий раз удивлялись, как не заметили животное с того места, где варили чай, хотя мы подробно вчетвером оттуда рассматривали каждый кустик, а это всего на расстоянии каких-нибудь 200—400 шагов и еще на белом снегу?! В некоторых местах тигр, не желая проходить открытые полянки, делал петли, подходил к нам еще ближе и, по-видимому, старался угадать наши намерения. К концу дня ему сильно надоело наше назойливое преследование: он стал часто ложиться и бить хвостом по снегу... Только заходившее солнце успокоило его и нас.

Каждый шаг тигра обдуман. От преследователей он далеко не уходит, чтоб знать их намерение, взятое ими направление и вообще иметь их на глазах.

Мне кажется, что если б горы везде были удобны, то на привычных конях догнать или загнать тигра не составило бы особенного труда, так как зимой здешние леса видны далеко насквозь, а других приютов по горам, вроде густых камышей или чего-нибудь подобного, не имеется; поверх же орешничков, дубового кустарника с коня должно быть хорошо видно.

В том же 1889 году и тоже около масленицы в 15 верстах от нас на большой дороге в село Никольское тигр напал на обоз, но, не рассчитав прыжка или оттого, что рванула испуганная лошадь, попал на пустые сани и со злостью стал их грызть и рвать бывшие на них мешки, производя эту операцию на полном скаку испугавшейся лошади. Там же и, кажется, тот же тигр среди белого дня, при народе, потащил выпряженного быка из остановившегося обоза. Уже после целого ряда подобного рода проделок он попал под пулю запасного стрелка Князева. Тот, идя по дороге, увидел подбирающегося к нему тигра, выстрелил и попал ему в лапу около плеча; тигр начал бегать по кругу, вероятно,

вследствие того, что одна из лап не действовала, и, наконец, залег за повалившееся дерево. Князев влез на дерево и оттуда добил зверя.

Вообще около масленицы 1889 года недалеко от нашего урочища было убито шесть тигров, в большинстве случаев настороженными ружьями; в самом же урочище не убили ни одного, невзирая на сравнительно большое число дельных охотников.

В двух-трех верстах от нас, в деревне Гордеевке, тигр утащил порядочного поросенка. Гордеевские хохлы уже заранее были настроены посещениями этого бродяги, и как только раздался визг поросенка, хозяйка вылетела в чем была из избы и погналась за тигром с криком «кинь! кинь!»... Тигр действительно кинул поросенка, но уже закушенного.

Всю массу рассказов про этого страшного хищника, конечно, написать невозможно, но я приведу еще два интересных случая.

Был в здешнем краю знаменитый охотник Перевалов. Его и его товарища после неудачных выстрелов тигр заставил влезть на деревья и побросать оружие, а сам преспокойно улегся под одним из деревьев.

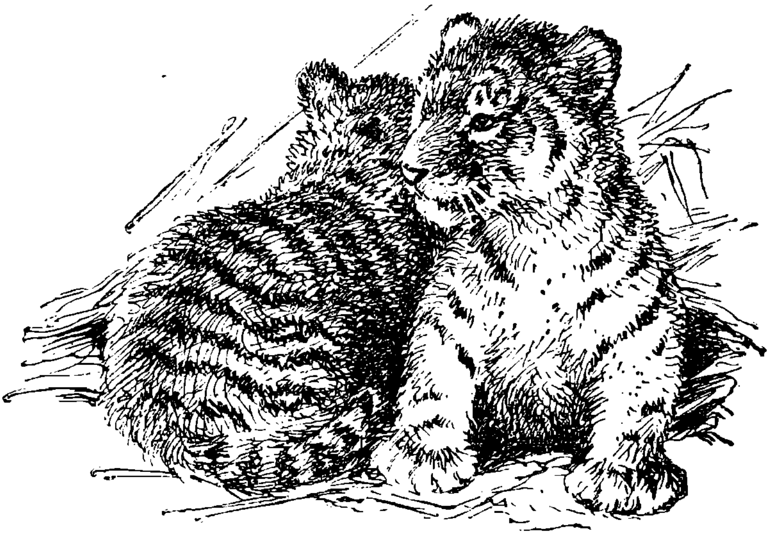
Просидев некоторое время, охотники стали придумывать, как выбраться из своего глупого положения. У одного из деревьев валялось близко брошенное ружье, и Перевалов задумал выудить его. Набрав и надрав с своих охотничьих препаратов и костюмов довольно длинную веревку, он привязал к концу ее сучок в виде крюка и занялся ужением, но тигр заметил это тотчас же и чуть не лишил Перевалова с трудом добытого им шнурка. Посидели еще немного и выдумали попытать счастья — отвлечь внимание тигра тем, что стали бросать в него пулями. На тигра это подействовало, стало отвлекать и беспокоить и даже заставило переменить место. Когда же пули были почти на исходе, удалось выудить винтовку, и последняя пуля из нее была удачнее всех.

Много лет тому назад в Хабаровске с поста у порохового погреба тигр стащил часового в тулупе, но пока он его нес, часовой незаметно освободился из рукавов и вывалился на землю, а тигр унес один тулуп. После этого случая по распоряжению начальства в нише порохового погреба сделали решетчатую дверь, за

которой разводящий на ночь запирал часового и тот мог защищать пост из-за решетки.

У нас специально тигровых охотников нет; настоящими «тигрерами» считаются те, кому тигр дал возможность попробовать силу своих зубов и лапок. В этом отношении особенно прославился живущий на посту Раздольном (в 30 верстах от села Никольского) крестьянин Худяков, который, возвращаясь с охоты, случайно наткнулся на целую семейку тигров и убил троих! Но один, которого он считал наверняка убитым, очнулся в то время, когда мужик обдирал его собрата, и прописал Худякову на ноге и руке вечную память. Худяков стрелял из винчестера; сам он по сие время жив, здоров и еще хороший охотник.

Большинство наших охотников убеждены, что здешний тигр не лазит на деревья; это, впрочем, и подтверждается тем, что от него спасаются на деревьях, караулят с деревьев и вообще в многочисленных рассказах не услышишь о том, что тигра застали на дереве или что он влез на дерево. Между тем все известные натуралисты, описывая бенгальского и королевского тигров — собратов нашего, не лишают их этой способности. Только от одного знакомого гольда, хорошего промышленника, я слышал, что здешний тигр хорошо лазит по деревьям и что он это видел два раза сам. Он же мне говорил, что местный черный медведь тоже лазит по деревьям, а бурый — только в молодости. Возможно, здешняя порода деревьев служит причиной этого? Размеры деревьев далеко отстали от тропических, кора и сучья тоньше, что и не позволяет, видимо, крупным хищникам удерживаться на них когтями или лапами.



В. П. СЫСОЕВ

ТИГРОЛОВ[1]

Взглянув на Ивана Павловича, сразу не определишь профессию этого человека. В его внешнем облике столько доброго спокойствия, неторопливости и даже застенчивости, что можно скорее принять его за пчеловода или садовника, чем предположить в нем страстного таежного следопыта.

Голубые, всегда улыбающиеся ласковые глаза, большая, пышная серебристая борода, широкое, открытое, типично русское лицо, располагающее к себе и взрослого и ребенка...

Слушаешь его мягкий грудной голос — и не веришь, что перед тобой гроза тигров; и только руки — крепкие, мускулистые, развитые, как у циркового борца,

[1] Из книги «Тигроловы», Хабаровское книжное издательство, 1955, стр. 11—22.

Известный тигролов И. П. Богачев, поймавший живьем 36 тигров. *По В. П. Сысоеву (1955).*

дают знать о недюжинной силе, которая нужна охотнику в рукопашной схватке с могучим и ловким зверем.

Небольшой бревенчатый дом Богачева стоит на песчаном берегу недалеко от того места, где красавица Уссури сливается с полноводным Амуром.

В разливы простая рыбацкая лодка Ивана Павловича подходит к самому крыльцу — так близко от усадьбы плещутся уссурийские волны. Частенько в этот дом наведываются многочисленные друзья Ивана Павловича — охотники и журналисты, художники и ученые, лесники и пионеры. Послушать его рассказы об охоте, поговорить о предстоящих походах в тайгу или просто посмотреть на человека, который в семьдесят с лишним лет превосходно ходит на лыжах, стреляет зверя без промаха, знает каждую тропку в наших лесах,— кому не покажется заманчивым? И для каждого Иван Павлович находит душевное слово. В натуре его столько русского хлебосольства, что уйти от него, не отведав малины или свежего квасу, просто немыслимо!

Большая семья Богачевых жила дружно, но в одном Иван Павлович был упрям и не любил менять своего решения — это когда дело касалось охоты. Ни жена, ни взрослые дети не могли уговорить его посидеть дома, если даже ему нездоровилось. Стоило выпасть пороше, как он забывал и о ноющей спине и о ревматизме ног.

Жена Ивана Павловича давно примирилась с тяжелой участью подруги зверового охотника, подолгу пропадающего в тайге и оставляющего на ее плечах всю заботу о детях и хозяйстве. Лишь редкая скупая слезинка, непрошенно выступавшая на глазах женщины, выдавала волнение и тревогу за мужа, когда он опять готовился в дорогу. Старательно и любовно собирала она в котомку топор в кожаном чехле, алюминиевый котелок, ложку, кружку, спички, мешочки с сахаром, солью, чаем, пачку гречневого концентрата, краюху хлеба или немного сухарей. Все это надо было уложить так, чтобы ни один предмет не гремел, чтоб мешок было удобно нести.

Несколько раз мне приходилось бывать с Иваном Павловичем Богачевым на зверовых охотах. Об одной из них я и хочу рассказать.

Лет десять назад количество тигров на Дальнем

Востоке настолько уменьшилось, что приходилось платить по двести рублей за одно лишь сообщение о свежих следах этого редкого зверя. Как-то в конце декабря со станции Облучье пришла телеграмма: «Нашел след трех тигров выезжайте Авдеев». Выехали туда мы втроем: Богачев, его племянник Прокопий Порфирьевич и я, надеясь на Сутарских приисках пополнить нашу бригаду местными охотниками.

В Облучье мы разыскали Авдеева, предупрежденного телеграммой о нашем приезде. Через два дня все было готово к выезду в тайгу. Кроме Авдеева, к нам присоединился старый опытный хинганский зверовщик Ференцев.

След тигров был обнаружен в верховье реки Сутары. До Сутарских приисков мы ехали на машине, а дальше пробирались на нартах. Роль ездовых собак выполняли пять тигрятниц. Трудно было бы определить породу этих животных. Окрашенные в пегий цвет, флегматичные, с отвислыми ушами, они своим видом скорее напоминали обыкновенных дворняжек, чем зверовых лаек. Кормом им служила сушеная кета. Продукты, боеприпасы, веревки и теплую одежду мы погрузили, тщательно упаковав, на две нарты. Людям предстояло идти пешком.

На охоту Богачев оделся в куртку серого сукна, из которого шьются солдатские шинели, и в такие же шаровары. Ноги его плотно обтягивали кожаные носки — олочи, сделанные из мягкой лосинки. Внутри олочи выстилаются прочной травой — улой (род осоки), которая предохраняет ногу от сырости и мороза. Длинные оборки олочей, ловко обмотанные поверх шаровар, не дают проникать снегу внутрь этой простой, но незаменимой в тайге обуви, позволяющей чувствовать под ногой любую ветку, готовую предательски треснуть при скрадывании зверя. Шапка на охотнике из цыгейки неопределенного цвета. Этот костюм дополняют широкие рукавицы из тонкой лосиной замши. Цвет одежды до того схож с серыми древесными стволами, что стоит Богачеву остановиться, как его фигура сливается с общим фоном зимнего леса и он становится невидимым.

В тайгу двинулись с рассветом. Первое время наши

дневные переходы не превышали пятнадцати километров, но постепенно все мы втянулись и шли, не жалуясь на усталость.

Снег во многих местах был испещрен следами кабанов и изюбров. Мы радовались этому, зная, что тигр обитает в соседстве с ними. Ночевать приходилось там, где заставала ночь. Спиливали несколько сухих деревьев на дрова, ставили палатку, и через какие-нибудь два часа после остановки в нашем походном жилье, пахнущем хвоей, усталые охотники разливали по мискам дымящийся суп. За ужином, как обычно, беседовали, перебирая в памяти все виденное за день.

— Вишь, звери-то как понаходили,— размышлял вслух Богачев.— Я думаю, что должен бы скоро тигриный след попасться.

— А что, разве тигр не распугивает кабанов и изюбров?— спросил я Ивана Павловича.

— Нет. Кабана или изюбра он берет скрадом: подползет близко, сделает два-три прыжка и, смотришь, повис на нем. А если промахнется, то не преследует. Подойдет к кедру, запустит в кору когти, поцарапает дерево от злости — и пошел искать другой табун.

— Иной раз просто удивляешься: на одном ключе тигры живут, и тут же, рядом, табун кабанов пасется, изюбры ходят,— заметил Прокопий Порфирьевич — неизменный спутник Ивана Павловича на охоте.

— А вот уже волчьего следу не увидишь,— продолжал Иван Павлович.— Всех волков тигрица, как кошка мышей, выловит. Волк — тот не столько съест, сколько разгонит. Где волки — там нет зверя, где тигр — там скорее и другого зверя сыщешь.

От железной печки в палатке становится жарко. После ужина сон наступает быстро, и беседа обрывается на полуслове.

На шестой день поисков Прокопий Порфирьевич, шедший немного в стороне по ключу, свистнул два раза. Это означало, что он нашел след и звал к себе.

Спустившись с косогора, мы увидели тигриный след.

След «амбы» я видел впервые; он напоминал отпечаток передней лапы медведя, но был круглее и по расстановке походил на рысий. Мне показалось, что

прошел один крупный зверь, поэтому я и удивился, когда Богачев, слегка наклонившись над следом, сказал:

— Тигрица с двумя прошлогодними тигрятами. Это они переход делают. В другой охотничий район идут. Матка впереди. Видите? А детеныши сзади гуськом, след в след. Котята ничего себе, так пудов, пожалуй, по пять будут. Ну, что же, идемте, ребята!

Решено было перевалить на другой ключ, переночевать и наутро догонять тигров налегке, с собаками. Мы думали, что все семейство живет где-то недалеко. Вскоре предположения наши подтвердились находкой кабаньей туши, полусъеденной тиграми. Секач не успел еще промерзнуть, и тигрица с выводком могла вернуться к нему ночью.

Переходя ключ, кое-где не замерзший, Иван Павлович сломил сухой длинный пустотелый стебель дудника и, опустив один его конец между трещинами льда, а другой взяв в рот, быстро и не припадая к воде напился. Затем он предложил мне воспользоваться незатейливым таежным приспособлением, очень удобным в зимних условиях.

Подойдя к намеченному для табора месту, мы с некоторыми предосторожностями стали устраиваться на ночлег. Деревья топором не рубили, разговаривали тихо, даже дрова пилили в палатке. Собак накормили сразу же (им предстояла завтра большая работа) и крепко привязали порознь, предварительно расчистив снег для лежек.

Настроение у всей бригады заметно повысилось. Предстоящая схватка волновала всех, и только Иван Павлович был совершенно спокоен. Он деловито осматривал вязки, сделанные из мягкой пеньковой веревки, и матерчатый намордник — основные орудия при ловле тигров.

Прокопий Порфирьевич с Авдеевым перебирали холостые патроны. Из всего нашего оружия предстояло взять только дробовики. Как ни хотелось мне прихватить винтовку в надежде застрелить старую тигрицу, Богачев убедил меня, что она будет ни к чему, что даже ижевку — и ту придется бросить при вязке зверя.

Вскоре приготовления были закончены. До утра оставалось много времени. Спать не хотелось, и я задал зверолову вопрос: верно ли, что тигр охотится за человеком? Часто приходилось слышать, что человек скрадывает какого-нибудь зверя, а тигр-де подстерегает охотника, идя за ним по следам. Так ли это на самом деле?

— Вот уж что нет, так нет,— возразил Богачев.— Если и бывает, что тигр выходит на свежие следы охотника и какое-то время идет по ним, так ведь не только тигр это делает. Медведи и кабаны тоже иногда принимают человеческий след за след своего собрата, а как принюхаются, поймут, так и подались в сторону. Слышал я, что в старину тигры нападали на корейцев и маньчжур. Те беда как боялись амбу, никогда его не трогали. Ну, я скажу, что зверь этот понимает опасность. Как пришли мы на Уссури да начали стрелять тигров, а потом живьем научились ловить их, тут тигр человека еще больше стал бояться. Правда, взрослых, старых тигров мы почти не ловим, берем тигрят, которых матка три года с собой водит. Одногодки, если тигрица погибает, редко остаются живыми. Мне приходилось находить тигрят, которые просто замерзли. Были они худыми — кожа да кости. Останется тигренок без матери, корма добывать не может, ну и гибнет. Помню, один такой вот тигренок-сирота вышел к яме, где жгли уголь, залез в нее, пригрелся и уснул. Бери его голыми руками. А взрослый тигр, конечно, очень сильный и ловкий зверь. Лучший корм для него — это кабаны да изюбры. Иногда берет он и медведя. Ну, а волка и рысь — подавно. Который раз мелочью пробавляется — то рябчика на лунке прихватит, то зайца в тальнике задавит, даже рыбу ловит во время нереста.

— Как же он с медведем-то, неужели и с крупным справляется?

— Очень крупного не берет, прокусить ему толстый загривок не может. Как-то на Кафэне следил я тигра. Вижу, что шел он по следам большущего бурого медведя. Шел и свернул в сторону, обошел полукругом — и навстречу медведю. Ну, думаю, схватил он косолапого. Тигр всегда так: подойдет поближе к кабану или изюбру, потом против ветра зайдет и затаится. Зверь сам

Ну, думаю, схватил он косолапого.

на него и набредет. Разглядываю утолоку — на снегу кровь и черная медвежья шерсть клочьями валяется. Вот где, думаю, сцепились. Сейчас медведя задавленного найду. А нет, разошлись следы: медвежий в сопку пошел, тигриный — в ключ. Присмотрелся к снегу — лапу переднюю тигр волочит. Оказывается, на этот раз и ему от медведя досталось. Потом я от удэгейцев слыхал, что живет в верховьях Кафэна хромой тигр. Он, конечно... Да, тигр с медведем недружно живут. Больше тигр медведя одолевает. Но один раз нашел я тигренка, задавленного бурым медведем. Лежит в снегу нетронутый, целый: не будь рядом свежих следов, не поверил бы, что от медвежьих зубов погиб. Шел тигренок не один — с матерью, да тигрица молодая, видать, была, не сумела заступиться за детеныша, так и ушла от этого места со своим вторым тигренком...

Я слушал рассказы Ивана Павловича, а сам все время думал о предстоящей охоте. Как-то завтра сложится день? Сумеем ли мы настигнуть тигров? Ведь для этого зверя не существует больших расстояний, когда он, почуяв опасность, уходит.

И вот наступает это «завтра». Мы поднимаемся до рассвета. Готовим обильный завтрак. Собак кормить нельзя, чтобы не отяжелели и были злее. Еще раз тщательно проверяем снаряжение. Собираем котомки. На всю бригаду берем три топора, по котелку, кружке и ложке на брата, продукты на два дня.

Когда все было готово, Иван Павлович в последний раз принялся строго распределять между нами обязанности. Сейчас он серьезен, обычно улыбающиеся его глаза строги и внимательны, он говорит не спеша.

— Двухгодовалые тигрята почти не отличаются от взрослых. С каждым из нас такой котенок справится легко. Но нас пятеро. Это уже совсем другое дело. Знайте, что тигрята друг другу в беде не помогают, но у них есть мать. Она-то и будет защищать своих детей. Чтобы не стравить собак тигрице — без них мы ничего не добудем,— нужно ее подальше угнать. Это сделает Ференцев. Он в следах разбирается хорошо. Намордник надевать буду я. Прокопий вяжет правую переднюю, Авдеев — левую переднюю лапу. На вашу долю приходятся задние лапы,— и он дольше обычного за-

держал на мне свой взгляд, как бы прощупывая меня — годен ли буду на предстоящее дело?

— Не теряйтесь. Схватил за лапу — и тяни ее в сторону да держи покрепче. Главное, остерегайтесь брать низко, чтобы на когти не попасть. Ференцев, если успеет подскочить, пособит. Как зверя завидим, Прокопий с Авдеевым слева, а Вы справа от меня держитесь. Так и пойдем плотной кучей, не бойсь, не съест!

Солнце еще не успело оторваться от горизонта, когда мы покинули палатку, торопясь скорее выйти на вчерашние следы. На южном крутом склоне сопки, у большой отвесной скалы, обнаружили тигриное логово. По свежим следам, уходящим на вершину седой от инея сопки, шли быстро.

Кое-где тигрица уходила прыжками, тогда тигрята неслись вразброд, не отставая от матери. Богачев пропустил вперед Прокопия.

— Нажимай!

От быстрой ходьбы стало жарко, я расстегнул ворот. Пот крупными каплями падал со лба на снег. Первой нашей задачей было отбить в сторону хотя бы одного тигренка. Пройдя километров восемь, я заметил, что след раздвоился и один из них повел влево, к густому пихтачу. Это, как определил Богачев, свернул тигренок. Иван Павлович позвал Ференцева.

— Пробежишь метров двести — и начинай стрелять. Километра два прогонишь — бросай, подваливай на лай собак.

Ференцев двинулся вслед за тигрицей, шедшей уже с одним тигренком, и скоро исчез.

Наступила такая тишина, что, казалось, было слышно, как стучит сердце. Вскоре раздался выстрел, затем другой. Стрелявший быстро удалялся от нас.

— Ну, пора,— шепнул Иван Павлович и свернул по одиночному следу молодого тигра. Не пройдя и полукилометра, он махнул рукой, что означало: спустить со сворок собак. Собаки пестрыми клубками, прихватывая след, замелькали в чаще деревьев.

Богачев заметно прибавил шаг, мы едва поспевали за ним, то и дело сменяя шаг на перебежку. Скатившись в ключик и поднявшись на стрелку, все остановились как вкопанные: с вершины близлежащей крутой сопки доносился раскатистый лай собак.

Кое-где тигрица уходила прыжками, тогда тигрята неслись вразброд, не отставая от матери.

«Прихватили»! — пронеслось у каждого в голове, и, не дожидаясь команды, мы разом бросились в сторону лая по валежнику, ломая кусты, спотыкаясь и тяжело дыша.

Казалось, собаки лаяли где-то совсем близко, но мы пробежали немалое расстояние, а лай будто все отодвигался. Сперва я бежал одним из первых, но вскоре меня обогнали Прокопий и Авдеев. Они теперь неслись рядом с Иваном Павловичем, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветки колючего кустарника.

От усталости и быстрого бега у меня подкашивались ноги, в голове стучало, не хватало воздуха, темнело в глазах, но я скорее согласился бы умереть, чем отстать от товарищей. Подъем становился все круче. Хватаясь за кусты, отталкиваясь от дерева, я уже скорее карабкался, чем бежал.

Собаки надрывались где-то рядом. Теперь, кроме их голосов, слышалось громкое звериное фырканье и короткое рычанье. У основания наклонившегося кедра сновали лайки, но тигра около них не было. В чем же дело? Я остановился, чтобы оглядеться.

Немного впереди остановился Иван Павлович. Выражение его лица изменилось. Я понял, что он уже увидел зверя. Подманив нас жестом, он быстро стал сбрасывать с себя суконную куртку.

— Тигр...— шептал охотник.— Держитесь плотнее ко мне. Когда бросится, я дам ему в зубы пиджак, закусит — вались на него разом и растягивай за лапы, прижимай к земле.

Богачев осторожно стал подвигаться вперед. Мы шли за ним, стараясь сквозь ветви скорее разглядеть ствол кедра, куда прыгнул зверь. При виде нас собаки с еще большим азартом стали царапаться на дерево, в ярости обкусывая ветки кустарника. Шагнув из-за ели, я сразу увидел тигра. Припав к полуповаленному стволу, он рыкал на собак, широко раскрывая пасть, мерцая зеленоватыми огоньками глаз. Длинная его шерсть на загривке стояла дыбом. Светлые, словно полированные, когти глубоко впивались в кору кедра.

Завидя людей, тигр глухо рявкнул и, не обращая

больше внимания на рассыпавшихся в сторону собак, бросился навстречу.

В этот момент казалось, что зверь с налету обрушится на нас и все будет кончено, но страх перед человеком не позволил ему сделать последний прыжок. Припав к земле, тигр злобно шипел, страшно скаля острые клыки.

У меня захватило дыхание, когда Иван Павлович медленно пошел к залегшему зверю, неся впереди себя куртку, наброшенную на шест, и быстро сунул ее прямо в пасть амбе.

Приняв теплый, пропахший потом пиджак за что-то живое, тигр мгновенно запустил в сукно клыки и когти. Этого только и ждал Богачев. С юношеским проворством он бросился на спину тигра, придавив его к земле тяжестью своего грузного тела. Железные пальцы охотника, впившись в звериный загривок, так стянули кожу на черепе зверя, что тигриные глаза сузились, налившись кровью, а в широко раскрытой пасти заклокотало... Но не удержаться бы старому тигролову на полосатом звере, если бы охотники не бросились ему на помощь.

Вот тут-то и сказался расчет, которому Богачев не случайно придавал большое значение. Каждый из нас быстро и уверенно делал то, о чем договаривались заранее. Прокопий Порфирьевич, придавив коленом переднюю лапу тигра к земле, удерживал ее руками, норовя достать из-за пояса вязку. Авдеев, раньше всех затянувший веревкой вторую лапу, помогал мне, и вскоре задние ноги зверя были скручены вместе и прочно связаны с передними. Прижатый к земле, с головой, затянутой брезентовым намордником, закрывшим его глаза, зверь затих, и только судорожно бившийся по снегу желтый хвост с черными широкими кольцами говорил о том, что он еще не совсем побежден.

— Ну, вот и скрутили полосатого,— сказал облегченно Иван Павлович.— Теперь расходись, ребята, зверь колесом пойдет!

И действительно, тигр рванулся несколько раз, как бы пробуя крепость веревок, закрутился по снегу мохнатым желтым колесом. Но это продолжалось недолго. Мы отбежали в сторону, переловили собак, норовя-

щих снова вцепиться в тигра, уже покорно лежавшего на снегу, затем нарубили лапника и положили добычу на мягкую зеленую постель.

Вскоре задымил костер. Сидя полукругом возле огня, мы ждали, когда в котелке закипит вода.

— Чай не пьешь— какая сила!— шутил Иван Павлович, довольный успехом, бросая в котелок мелко изрезанный стволик лимонника.— К вечеру, может, второго догоним.

Богачев не курил. В тайгу ни водки, ни спирта не брал. Как опытный зверовой охотник, он понимал, что для переутомленного и голодного человека, заночевавшего в лесу, даже глоток спирта может быть губительным: обморозишься или обгоришь у костра. В походах больше всего ценил он крепкий чай и жаркий костер, поэтому бережно хранил в жестяной коробочке спички, тщательно завернутые в тряпицу.

— А тигрица-то на всем маху ушла к Царь-сопке,— заметил подошедший Ференцев.

— Вот это уже дело неважное. Давайте торопиться.

Наскоро выпив по кружке чаю, мы пустились догонять тигрицу, оставив у «пленника» Ференцева.

Беспрерывная пальба холостыми патронами помогла нам отделить второго тигренка от матки. Спустили собак, но сколько ни ждали, лая так и не услышали. Куда же девались собаки? Ведь если на них напала тигрица, то все равно они не сдались бы беззвучно.

— Пойдемте по следу,— предложил Иван Павлович, перезаряжая холостые патроны на боевые.

Следы привели нас в вековой кедрач. Сорокаметровые, в два обхвата древесные великаны глухо шумели, и этот невнятный шум поглощал все остальные звуки. Впереди путь нам преграждал бурелом. Вывороченные с корнями деревья беспорядочно громоздились друг на друга. Какой, должно быть, страшной силы прошел здесь ураган!

Спустя полчаса мы вышли на свежие кабаньи порытки. Преследуя тигра, собаки наскочили на табунчик кабанов и погнались за ними. Только к исходу дня мы настигли собак, которые успели задавить поросенка и почти целиком его съели. Не было смысла идти

вслед за тигрицей, которая успела теперь увести своего детеныша за десятки километров. Поздно ночью мы вернулись к Ференцеву и до утра просидели у костра. Чуть свет двинулись в обратный путь. Тигренка везли на двух связанных вместе лыжах.

Так закончилась наша охота — одна из самых обычных для Ивана Павловича Богачева. Зато мне она запомнилась надолго, и сколько бы потом мы ни бродили с ним по тайге, передо мной неизменно вставали впечатления первой тигриной ловли, во время которой я по-настоящему узнал и полюбил этого страстного охотника.

В. П. СЫСОЕВ

СНОВА НА ТИГРОВ[1]

«Славна Русь богатырями!» — говорили в старину. Никто с этим не спорит. Но когда на художественной выставке в Москве появилась картина Зорина и Куриленко «Тигроловы», изображающая, как четверо отважных охотников вяжут тигра, многие усомнились: «Не может этого быть, чтобы тигра вязали голыми руками! Не таков зверь...»

«Охотятся на тигров различно,— пишет Брем.— Среди густых зарослей единственный способ — расстановка сетей из крепких веревок». В Бенгалии для поимки тигров роются глубокие ямы. Над ними привязывают живую приманку: козленка, овцу или какое-либо другое животное, бросившись на которое, тигр проваливается в яму сквозь травянистый настил.

---

[1] Из книги «Тигроловы». Хабаровское книжное издательство, 1955, стр. 58—67.

«Все эти приемы в нашем крае не годятся!» — говорили братья Богачевы. И они предложили неведомый дотоле способ ловли тигров руками. Способ нехитрый, основанный на силе, смелости и быстроте действий. Зародился он при следующих обстоятельствах. Как-то на охоте за кабанами братья Богачевы случайно напали на тигриный выводок. Поднялась свалка. Пока охотники подбежали, тигрица перебила половину лаек. Рассерженные зверобои застрелили тигрицу, а тигренка, забросав куртками, связали живьем и принесли в деревню. Подивились односельчане смелости охотников и с той поры прозвали семью Богачевых тигроловами.

Вскоре у Богачевых появились последователи: братья Калугины, Трофимовы, Черепановы. И пошли русские промысловики, на удивление всему миру, ловить тигров не сетями да ямами, не ловушками, а именно голыми руками!

Вот и сейчас передо мной лежит радиограмма Прокопия Порфирьевича Богачева: «Два тигра доставлены в поселок Катэн сообщите Зооцентру».

Но прежде чем рассказать об их поимке, мне хочется вкратце остановиться на нашем амурском тигре. В тигрином роду это самый крупный вид, достигающий четырехсот килограммов веса при длине туловища в три метра. В отличие от своих бенгальских и корейских сородичей он обладает длинным шелковистым мехом, хорошо переносит морозы. Иногда амурский тигр заходит далеко на север, за Становой хребет, в Якутию. Постоянным местом обитания тигров в Хабаровском крае являются среднее течение реки Хор (район имени Лазо) и горный хребет Шухи-Покто (Облученский район), но здесь общие запасы этого редкого животного не превышают двух-трех десятков. Значительно больше тигров водится в Приморском крае, в бассейне реки Иман.

Испокон веков тигр считался страшным людоедом. Население Индии, Китая, Кореи, Суматры с робостью и подобострастием относилось к могучему хищнику, в честь его складывались песни, во многих странах он считался священным животным. Удэгейцы и нанайцы в прошлом тоже обожествляли тигра и не охотились на него.

Полосатый хищник наводил вокруг себя трепет и ужас. Да не таков русский человек, чтобы он побоялся зверя! Правда, со старым тигром справиться трудно: сила у него огромная, легко он стряхивает с себя даже пятерых ловцов, но известны случаи, когда брались живыми и взрослые тигры. Охотники ловят, конечно, тигрят, но с ними находится мать, которая их охраняет. Попробуйте взять щенка у незнакомой злой собаки, а ведь тут перед вами тигрица: клыки — как кинжалы, глаза зеленым огнем мерцают, не доведись попасть в объятия ее широких лап с острыми когтями! Да и тигренок может за себя постоять: в три года он весит до ста килограммов и обладает всеми ухватками и сноровкой матерого лесного зверя.

Страшно охотнику... Но еще страшнее человек для тигра. Дыбом становится шерсть на его загривке, и в глухом реве слышится не победный крик, а звериный вопль ужаса. Словно стальным тросом привязывает тигра к земле животный страх перед звероловом и не дает ему сделать последний прыжок...

Хорошо знают это тигроловы, успешно ловят они полосатых хищников, лишь бы нашелся свежий след. За десять лет, с 1930 по 1940 год, на одной только реке Иман (приток Уссури) было поймано сорок тигрят и девять взрослых тигров. Да, видать, чересчур уж охотники перестарались: в лесах Приамурья в 1947 году осталось так мало этих зверей, что пришлось вводить запрет охоты на тигров.

Многие недоумевали: «Как можно не разрешать убивать тигра, ведь это такой свирепый хищник?» Но посмотрите глазами натуралиста на это животное. В нашем крае тигр не нападает на людей. Избегая близости с человеком, тигр заселяет отдаленные охотничьи угодья, где ему не может встретиться какое-либо домашнее животное, кроме охотничьих собак.

Правда, тигр съедает в год до тридцати кабанов и изюбров, но ведь и сам-то он стоит десятки тысяч рублей! Тигр убивает копытных столько, сколько нужно ему, чтобы утолить голод. Он никогда не разгоняет животных подобно волку, которого тигр не терпит в своих владениях и тем помогает нам в борьбе с этим прожорливым хищником.

Тигр — могучее, красивое и ловкое животное, украшающее наши приамурские леса, придающее им тропический колорит и славу края, богатого зверями. Не без волнения ехали в свое время на Дальний Восток Пржевальский и Арсеньев, горя желанием встретиться с исполинской полосатой кошкой. Да и не одного еще исследователя-натуралиста привлечет амурский тигр.

Нет, мы не должны допустить, чтобы в наших лесах был убит последний тигр. Тайга многое потеряет от этого. Надо ловить молодых тигров и пополнять ими зверинцы, зоопарки, цирки. Да и для зооэкспорта это желаемый объект, спрос за границей на закаленного морозами длинношерстного амурского тигра неограничен. В любом городе северной Европы он приживается, не в пример бенгальскому. Вот почему была запрещена охота на тигров в нашем крае. Этот запрет благотворно сказался на тигрином поголовье: количество тигров в тайге значительно возросло, а на реке Катэн они скопились даже в большом количестве.

Пятнадцать лет не вылавливались тигры в Хабаровском крае, пора было возобновить промысел этого ценного животного. Для этой цели зимой 1954 года была организована бригада тигроловов из шести человек: Матвея Богачева — сына знаменитого тигролова Ивана Павловича Богачева, Аверьяна Черепанова, Петра Реутова, Луки Горбунова, Мирона Попова. Повел бригаду известный зверолов Прокопий Порфирьевич Богачев. Седьмой десяток идет Прокопию Порфирьевичу. Хроническая болезнь привязалась к его ноге, давно врачи настаивают сделать операцию, но мужественный зверолов робеет перед скальпелем хирурга и все откладывает. А как узнал Прокопий Порфирьевич о предстоящем походе в тайгу, забыл и о своем недомогании, стал торопить охотников с выходом.

Был конец октября, когда бригада Богачева прибыла в удэгейский поселок Гвасюги. Председатель колхоза Исаев выдал бригаде два бата, снабдил охотников свежими овощами. На реку Катэн тигроловы тронулись на лодках.

Ноябрь выдался теплым. Намерзавшие ночью ледяные забереги днем подтаивали, обламывались, и по-

темневшая река уносила вниз по течению тонкие, как стекло, льдинки. Богачев был уверен в своей бригаде, хотя Горбунов и Попов впервые участвовал в поимке тигров. Беспокоило бригадира лишь то, что собаки были молодые и на тигров не натасканы; только одна из них — пес Верный — прежде ходила на кабанов и медведей.

Поднявшись по Катэну километров сорок, охотники разбили свой табор. К самому берегу подступал здесь высокоствольный кедрово-широколиственный лес. Местами деревья были перевиты лианами. Южные склоны некрутых сопок поросли дубняком, но урожай желудя в эту осень был плохой, и кабан уходил отсюда на хвощи.

Семь дней охотники искали следы тигров. Когда, наконец, они были обнаружены, оказалось, что преследовать зверя по этим следам чрезвычайно трудно. Не по-зимнему теплое солнце растопило неглубокий снег, не давало морозам сковать горные речки. Но как бросить свежие следы тигрицы, с которой идут крупные тигрята! И, напрягая зрение, перебираясь через реки и ручьи, продолжали охотники погоню.

Далеко зашли звероловы. Тем временем надвинулись тучи и пошел снег. Но снег не облегчил поисков: под ним исчезли те слабые вмятины от тигриных лап, по следу которых шли охотники до сих пор, а свежие следы им никак не попадались. Стало труднее и опаснее переходить через горные речки по скользким от снега валежинам. Наконец кончились продукты. Как быть?

Пришлось ни с чем возвращаться к палатке.

Было решено потратить несколько дней на добычу кабанов и изюбров, мясо которых было необходимо не только самим охотникам, но и тиграм, если удалось бы их изловить.

Как-то поздним вечером в палатку тигроловов вошел удэгеец Ченгума. Не раз за свою долгую жизнь он встречался в тайге с Богачевым и теперь прошел лишних сорок километров, чтобы сообщить старому другу о свежих следах тигров.

— Понимаешь, Прокопий, тигрица живет на скалистой сопке, вчера спускалась прямо на Катэн. Два

тигренка с ней, играли на льду, потом опять все на сопку ушли.

На другой день звероловы вышли к месту, указанному Ченгумой. У подножья скалистой сопки они устроили табор — небольшой навес из лапника — и заночевали. До поздней ночи бригада обсуждала план действий на завтрашней охоте; были учтены все мелочи, из-за которых могла произойти неудача. Спать пришлось мало. Чуть свет, подкрепившись кашей и крепким чаем, охотники разделились на две партии с тем, чтобы обойти сопку и установить точное местопребывание тигриной семьи.

Скалистая сопка поросла густым пихтачом, смешанным с елью и кедром. Изредка встречались старые разлапистые тисы с красноватой корой, о которую тигры так любят «чистить когти». Лишайники и причудливой формы мхи покрывали каменистые россыпи и отвесные темные скалы.

Заснеженный, сумрачный лес встретил пришельцев недружелюбно. Местами снег был очень глубокий. Каменистые обнажения и валежник затрудняли движение на лыжах.

Долго пробирались охотники сквозь таежные дебри, но вот впереди между деревьями замелькала, поднимаясь с земли, воронья стая.

Спустившись в ложбину, звероловы увидели чернеющую на снегу тушу дикой свиньи, неподалеку лежал задавленный поросенок с оторванной и съеденной лопаткой. От кабаньих туш в разные стороны уходили свежие тигриные следы. Было ясно, что своим появлением охотники прервали трапезу «властителей уссурийских лесов».

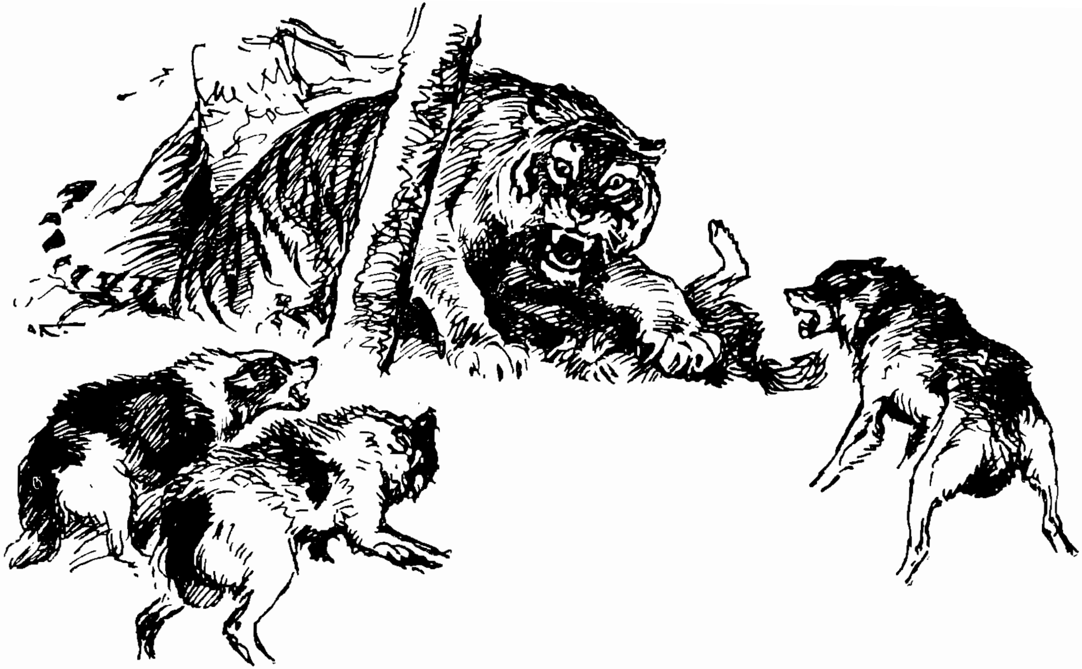
Теперь каждая минута была дорога, и как по команде охотники подняли пальбу из винтовок, придерживая рвущихся со сворок собак.

— Горбунов! —крикнул зычным голосом Богачев.— Отгоняй тигрицу!

Молодой охотник бросился по самому крупному следу, ломая кустарник и стреляя на ходу.

Подождав некоторое время, бригада тронулась по следу тигренка, что уходил влево.

— Пускай собак! — бросил на ходу Богачев.



Окруженный тремя собаками, тигренок отбивался от них лапами, злобно шипя и скаля внушительные клыки.

Не прошло и десяти минут, как послышался глухой лай, известивший охотников, что зверь остановлен. Ничто так не придает зверобою энергии, как голоса лаек, «посадивших тигра»! Что было силы бросились вперед тигроловы.

«Лишь бы не ушел!» — думал каждый из них. Вот и место схватки: окруженный тремя собаками, тигренок отбивался от них лапами, злобно шипя и скаля внушительные клыки.

Прячась за кедрами и валежником, охотники начали приближаться к нему. Подкравшись вплотную, Матвей Богачев ловко накинул на зверя одеяло, которое тут же попало в тигриные когти, и от него остались одни лоскутья. Видя хозяина, осмелевшие собаки напирали на своего врага, норовя вцепиться в звериный бок.

Визг и лай собак, треск кустов, крики звероловов заглушались рычанием зверя. Окруженный охотниками и собаками, зверь беспорядочно метался, не имея возможности основательно вцепиться ни в одного из своих преследователей. Круг нападающих сжимался все теснее и теснее. Улучив момент, когда зверь, подмяв под себя собаку, вцепился в нее, Реутов схватил его сзади за уши, а Черепанов и Богачев — за лапы. Попов же навалился поперек звериной туши. Нелегко было удерживать разозленное животное. Крутя шеей, тигр чуть было не вырвал свою голову из крепких рук Реутова. Одна рука охотника лишь на мгновение выпустила звериный загривок, и в тот же миг клочья полетели от рукава шинели звероловa, а из разодранной руки закапала на снег кровь.

Видя ранение товарища, Попов еще сильнее навалился на зверя. Быстро и уверенно работали руки людей. Не прошло и нескольких минут, как у тигра уже были связаны лапы, затянуты челюсти.

Теперь нужно было скорее помочь Реутову. К счастью, рана была неопасной, и возбужденный охотник настаивал на немедленном преследовании второго тигренка. Оставив возле пленника Матвея Богачева, бригада пошла по следам. Пройдя с километр, спустили собак, но они вскоре вернулись: это означало, что зверь ушел далеко.

Пришлось разделиться: Прокопий Порфирьевич с

Матвеем должны были тащить добычу к табору, остальным надо было установить, куда ушел тигренок, чтобы на следующий день можно было его догнать. Но когда Прокопий Порфирьевич вернулся к месту поимки тигра, он не застал Матвея; не было на месте и связанного зверя.

Оказалось, что, улучив момент, тигренок высвободил передние лапы и, несмотря на связанные задние, пустился наутек. Напрасно пытался удержать его Матвей: спутанный зверь оказался проворнее человека. Пробежав по следу километра два, Прокопий Порфирьевич догнал Матвея и только вместе с ним снова скрутил беглеца, который в свалке успел поцарапать лицо старому охотнику, а Матвея угостить доброй затрещиной.

В просторном мешке тигренок едва помещался. Надо было иметь богатырскую силу, чтобы сквозь горную тайгу нести на себе пятипудового «котенка».

Пока Матвей с Прокопием Порфирьевичем брели на табор, с их товарищами произошло следующее событие.

Почти потеряв всякую надежду догнать в этот день второго тигренка, Черепанов, Реутов и Попов долго шли по его следам, которые, сделав широкий полукруг, стали приближаться к тому месту, откуда охотники начали преследование. Остановившись, охотники принялись совещаться. Попов предлагал оставить след и идти догонять Прокопия Порфирьевича, а завтра со свежими силами продолжать преследование. Реутов настаивал немедленно пустить собак. «Зверь недалеко, и его нужно брать сегодня, за ночь он найдет матку и уйдет с ней»,— убеждал он. Черепанов молчал и внимательно смотрел на собак, которые тянули по следу, повиливая хвостами и едва слышно повизгивая.

— Чуют зверя,— прошептал Черепанов.— Пройдем до того ключика и, однако, пустим. Вязок у нас маловато. Придется индивидуальные пакеты рвать.— С этими словами он полез в мешок.

Из широких марлевых бинтов охотники свили прочные вязки и заткнули их за пояса. Звероловы стали спускаться к ключу, густо поросшему молодым ельником, и, как только перешли его, отвязали со сворок со-

бак. Не прошло и пяти минут, как послышался лай, на который устремились охотники. Подбегая к тигренку, Реутов издали видел, как смело и настойчиво бросался на зверя Верный, но тигр отбрасывал его сильными ударами лап. Верный был злобным, отчаянным псом, поэтому его пустили на тигра в наморднике.

На этот раз хорошего подхода к зверю не было. Подкравшись из-за ели, Черепанов уже, было, набросил на него свою куртку, как вдруг зверь метнулся на Реутова. Быстро сбросив шубную рукавицу, охотник едва успел швырнуть ее в открытую пасть тигра, и в то же мгновение шестеро крепких рук вцепились в загривок и лапы зверя.

«Самое трудное первому ухватиться,— говорил, бывало, Иван Павлович,— а уж если удалось,— тигр твой!» Это хорошо помнили его ученики, уверенно скручивая широкие звериные лапы. Вязки из бинтов вполне оправдали себя: они были прочны, мягки, а главное, не укорачивались при намокании,— обстоятельство очень важное, так как туго перетянутые лапы животного на сильном морозе могли омертветь.

Связав тигра, охотники отдыхать не стали: пропотевшая легкая одежда быстро промерзла. Решено было тащить добычу до табора, от которого они находились недалеко.

Солнце закатывалось. Медленно сгущались вечерние сумерки. Сквозь просветы ветвей на западе виднелся рдеющий край неба. Спокойствие вечернего леса нарушалось скрипом лыж да потрескиванием валежника под ногами.

— Никак тигрица прошла,— промолвил, остановившись, Черепанов. Поперек пути охотников виднелись крупные следы.

— Ишь, как часто ступает, будто скрадывает кого. Детей, видать, разыскивает,— размышлял вслух Реутов.

Вскоре охотники вышли на следы Богачевых; теперь до табора было не более шести километров. По пути они дважды пересекали тигриные следы. Тигрица кружила вокруг охотников, уносивших ее детеныша.

Поздним вечером охотники принесли свою тяжелую ношу к табору. Прокопий Порфирьевич поздравил лов-

цов с успехом. День действительно выдался удачным: взяли двух крупных тигрят, да еще принесли их на табор.

У большого костра было весело. Охотники подшучивали друг над другом, перебирая впечатления минувшего дня. Недалеко от огня на большой зеленой подушке елового лапника покоились связанные тигрята. Уставшие собаки лежали тут же, некоторые из них зализывали свои раны.

Выслушав подробный рассказ Черепанова, как был взят второй тигренок, Прокопий Порфирьевич заметил:

— Действовали вы правильно, а вот только ружья побросали зря, одному завсегда при вязке нужно держать ружье подле себя. На этой охоте всякое может приключиться. С моим отцом был такой случай. Отбили они от матки одного тигренка, догнали, начали вязать. Дело вроде к концу подходило, когда смотрит отец — тигрица на всех махах на выручку своему котенку несется. Схватил старик винтовку, бац ей в лоб. Так она с разгону, хоть и мертвая, к ногам его подкатилась. А не будь ружья рядом?...

Долго в эту ночь не смыкались глаза у возбужденных охотников. Не спали и тигрята, только Верный повизгивал во сне.

На другой день звероловы возвратились к палатке. Пока делалась примитивная клетка из сухого кедра, тигрята спали в своих мешках рядом с людьми. Лапы у них были развязаны, а головы находились снаружи. Тигрята лежали рядом, умиротворенно мурлыча друг другу: вместе они переносили неволю спокойнее.

Прокопий Порфирьевич кормил их свежей изюбрятиной, не развязывая при этом челюстей. Он нарезал мясо тонкими лентами и, положив его на палочку, подносил к морде зверя. Тигренок языком втягивал пищу в пасть и, не жуя, проглатывал ее. В первый же день «котята» съели килограммов по пять мяса.

Два дня тигроловы тянули нарту с большой клеткой. К саням были подпряжены собаки. Немало было пролито пота, прежде чем показался поселок. Здесь тигрят погрузили на автомашину и благополучно доставили в Хабаровск.

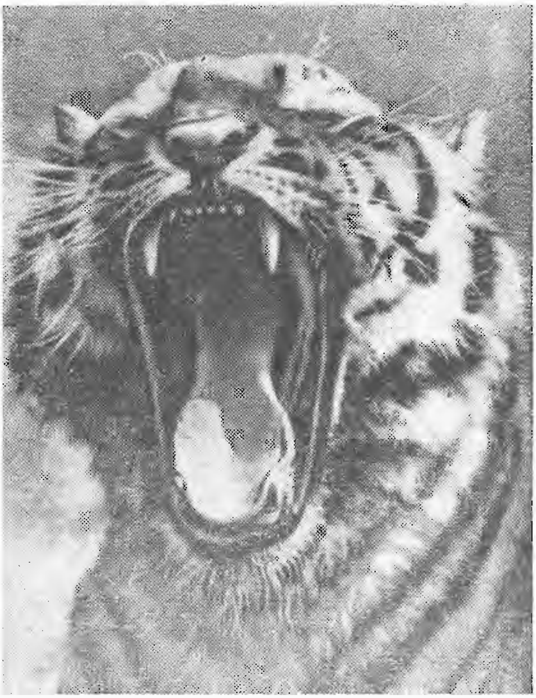
Так закончился один из обычных походов хабаровских звероловов.

В славных семьях потомственных охотников Богачевых, Козиных, Реутовых из поколения в поколение передается мужественная и редкая профессия — тигроловов. Состарились и умерли зачинатели этого дела — Порфирий Богачев, Родион Козин, Алексей Реутов, но его подхватили их сыновья, которые учат теперь охоте своих детей.

Глядя на этих бесстрашных и сильных охотников, невольно думаешь: «Нет, не перевелись богатыри на Руси».

А. А. СЛУДСКИЙ

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТИГРЕ



СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТИГРА И РАЗНООБРАЗИЕ ЕГО ФОРМ

Несмотря на свои большие размеры и своеобразную яркую окраску меха, тигр довольно близкий родственник домашней кошки. Так же, как и последняя, он относится к отряду хищных (*Carnivora*), семейству кошачьих (*Felidae*), но к другому роду — пантеры (*Panthera*) и подроду тигра (*Tigris*). Еще совсем недавно большинство систематиков относили тигра к роду кошки (*Felis*), к которому принадлежит и домашняя кошка, а некоторые из них числят его там до сих пор.

В род пантеры, кроме тигра, теперь включают еще пять видов крупных диких кошек: дымчатого леопарда, ягуара, льва, барса, или леопарда, и снежного барса, или ирбиса. Некоторые из этих видов настолько близки по происхождению к тигру, что при скрещивании дают потомство. Например, можно получить гибридов льва и тигра, правда, бесплодных.

Тигр — *Panthera (Tigris) tigris* Linnaeus — распространен на весьма обширной территории. Он встречается от Закавказья на западе до побережья Тихого океана на востоке, удаленных друг от друга на 7000 *км*. С севера же на юг тигр распространен от Якутии (60° с. ш.) до южной оконечности острова Явы (8° ю. ш.) в Индийском океане, или на 6800 *км* по прямой. Эта огромная кошка в процессе эволюции приспособилась к обитанию и в странах с очень суровыми зимами, где морозы достигают —60°, и в тропиках у экватора с их вечным летом. Поэтому неудивительно, что тигр образует несколько местных форм, или подвидов, на примере которых можно проследить, как окружающая среда влияет на организм животного.

В настоящее время выделяют девять подвидов тигра, из которых самостоятельность трех сомнительна. Кроме того, Покок (1939) и специалисты Пекинского зоопарка считают, что на запад от реки Меконга, на границе провинции Юньнань с Бирмой и в самой Бирме живет тигр своеобразной, еще не описанной формы.

Туранский, или каспийский, тигр (*P. t. virgata* Illiger, 1815). Структурные особенности его черепа характерны для всего подрода.

Общий тон окраски довольно яркий и насыщенный, охристо-красновато-рыжеватый или оранжевый. Полосатость отчетливая и резко отграниченная. Полосы довольно широкие и посередине раздваиваются; по шкуре они располагаются близко одна к другой. На спине полосы зимой чисто черные, летом темно-бурые. Передние конечности лишены узора. Зимний меховой покров длинный и густой, с богатым подшерстком. Размеры зверей средние и мелкие.

Туранский тигр населяет Северный Иран и Северный Афганистан, где теперь редок. Еще недавно встречался в Закавказье, Средней Азии, Южном и Центральном Казахстане и на юге Западной Сибири. Северная граница его распространения в XIX в. проходила через залив Каспийского моря Кара-Богаз-Гол, дельту Аму-Дарьи, затем низовья реки Тургая, по Сыр-Дарье, горам Центрального Казахстана, а по реке Оби — до Барнаула. Этот тигр заходил и на Алтай. В настоящее время в пределах СССР истреблен.

Бенгальский, индийский, или королевский, тигр (*P. t. tigris* Linnaeus, 1758). Отличается оранжево-бурой окраской меха. Полосы темно-бурые и располагаются редко. Меховой покров круглый год невысокий и негустой. Размеры средние. Из 39 измеренных зверей только один имел длину тела и хвоста в 330 *см*, а наибольший вес при длине тела в 206 *см* оказался равным 315 *кг*.

Бенгальский тигр распространен от Кумаона и тераев Непала на севере почти по всей Индии (исключая пустыни) и на юг доходит до оконечности полуострова Индостан, а на восток — до рек Меконга, Тенассерима, полуостровов Малакка и Индо-Китай, хотя возможно, что за пределами Индостана — в Бирме, Малайской Федерации, Таиланде, Лаосе и Камбодже — живут звери еще не описанного подвида.

Рис. 1. Бенгальский, индийский, или королевский, тигр. *По Л. Бертэну (1954).*

Таримский, или лобнорский, тигр (*P. t. lecoqi* Schwarz, 1916). Ярко окрашенный зверь с симметричным рисунком полос. Е. Шварц (1916) считал, что таримский подвид светлее туранского. Передние лапы спереди не полосаты. У самцов короткая грива

и густые бакенбарды. Зимний мех длинный, с густым подшерстком, но все же более короткий и менее густой, чем у амурского тигра. От туранского будто бы отличается узкими полосами и тускло-коричневыми, а не черными, отметинами на задних ногах.

Таримский тигр в прошлом столетии был распространен в бассейне реки Тарима и озера Лоб-Нор, а также возле водоемов в Джунгарии и на северных склонах Тянь-Шаня, например в верховьях реки Или и ее притоков. В настоящее время таримский тигр, по-видимому, уже истреблен (см. ниже). Описан лишь по одному экземпляру. Самостоятельность тигра этого подвида сомнительна; он близок к туранскому.

Амурский тигр (*P. t. longipilis* Fitzinger, 1868). Окраска зимнего меха бледная, желтовато-охристая. Узкие темно-бурые полосы располагаются далеко друг от друга. Зимний мех очень длинный и густой, с обильным подшерстком. Волосы зимнего меха на спине и боках достигают 2—4 *см*, а на брюхе 8—10 *см*. У самцов небольшая грива и бакенбарды. Размеры наиболее крупные.

Рис. 2. Голова амурского тигра (старого самца), убитого в октябре 1960 г. на берегу р. Амура у с. Марьино Облучинского района в бывшей Еврейской автономной области. *Фото В. Д. Яхонтова.*

В прошлом столетии амурский тигр был распространен у озера Байкал, в Юго-Восточном Забайкалье, на север — до реки Шилки, в бассейне Амура и его крупных притоков Зеи и Буреи, откуда заходил в Якутию на север, до слияния рек Алдана и Маи. Затем он населял весь Дальний Восток (исключая современный Приморский край) на север до низовий Амура, а на юг — включая северную часть Маньчжурии (провинция Хайлунцзян). В настоящее время в районе Байкала исчез, в Юго-Восточное Забайкалье лишь заходит, но сохранился еще на Дальнем Востоке.

Рис 3. Корейский, или уссурийский, тигр-самец.
Фото А. П. Жандармова.

Корейский, или уссурийский, тигр (*P. t. coreënsis* Brass, 1904). Окраска зимнего меха яркая, охристо-желтая с красноватым оттенком. Полосатость хорошо заметна, но черные и черно-бурые полосы уже и расставлены шире, чем у туранского тигра. Зимний мех длинный и густой, размеры зверя крупные.

Корейский тигр обитает в Корее (в южной ее половине он истреблен), в Приморском крае, на юге Маньчжурии (провинция Гирин) и в других северных провинциях Китая — Жэхэ, Хэбэй, Шаньси, Хубэй. Юж-

ная граница распространения, где он смешивается с южнокитайским тигром, точно не установлена. Приблизительно она проходит между бассейнами рек Хванг-Хо и Яндзы-Кианг.

Возможно, что амурского и корейского тигров следует объединить в одну форму, как это в свое время предлагал знаток этих зверей Н. А. Байков (1925). Среди зверей обоих подвидов встречаются особи, похожие по окраске меха то на амурского тигра, то на корейского. Размеры их тела также одинаковы.

Южнокитайский тигр (*P. t. amoyensis* Hilzheimer, 1905). Окраска мехового покрова коричневато-светло-бурая. Полосы темно-бурые, узкие, шириной в палец, и далеко лежащие друг от друга. Шерсть круглый год очень короткая, редкая, прилегающая. Размеры средние. Вес 150—200 *кг*.

Тигр этого подвида населяет южные провинции Китая на запад примерно до реки Меконга.

Суматранский тигр (*P. t. sumatrae* Pocock, 1929). Окраска меха светло-ржавая с очень узкими темно-бурыми полосами, которые часто сдвоены, шерст-

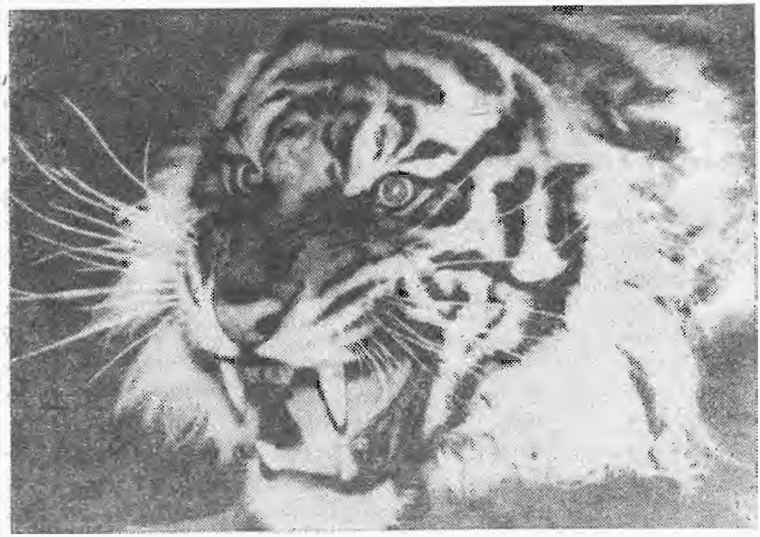


Рис. 4. Голова суматранского тигра. *По Г. Датье (1957).*

ный покров короткий, редкий и прилегающий. Отличается также строением черепа в области затылка. Мелкий подвид: длина тела 130—150 *см*, длина хвоста 60—80 *см*, средний вес 120 *кг*.

Распространен на полуострове Малакка и на острове Суматра, где до сих пор все еще нередок. Самостоятельность этого подвида тигра сомнительна. По-видимому, на этом острове живет тигр нижеследующего подвида.

Яванский тигр (*P. t. sondaïca* Fitzinger, 1868). Очень похож на суматранского тигра, от которого будто бы отличается строением затылочной области черепа. Самый мелкий тигр.

Яванский тигр населяет остров Яву. Численность его там теперь быстро сокращается.

Балийский тигр (*P. t. balica* Schwarz, 1912). Очень похож на суматранского тигра, но мельче его. Основная окраска мехового покрова немного светлее.

Известен с острова Бали, входящего в группу Больших Зондских островов (Индийский океан). Был описан только по двум шкурам и черепам, и самостоятельность этого подвида сомнительна тем более, что в последнее время существование тигров на этом острове взято под сомнение (Покок, 1939; Мейсснер, 1958).

Знакомство с морфологическими особенностями тигров различных подвидов показывает, что в связи с их широким распространением с юга на север и обитанием в странах с резко различным климатом они делятся на три группы: южных (тропических), переходных и северных (горно-таежных), которые отличаются особенностями мехового покрова, окраской и размерами тела.

В группу южных тигров входят бенгальский, южнокитайский, суматранский, яванский и балийский. Все они имеют очень короткий, негустой, прилегающий меховой покров без подшерстка, свойственный и другим видам хищных млекопитающих тропиков. Размеры их наиболее мелкие, особенно у яванского тигра. Темные полосы на шкуре узкие и располагаются редко.

К группе переходного типа относятся туранский и таримский тигры. Зимой мех у них длинный и густой, с подшерстком, но не такой пышный, как у

амурского тигра. Полосы более широкие, особенно у туранского тигра.

Группа **северных тигров** включает амурский и корейский подвиды, отличающиеся особенно пышным зимним мехом и крупными размерами.

Пушники и работники зоопарков особенно ценят северных тигров, затем зверей переходной группы.

В пределах Советского Союза еще недавно обитали звери трех подвидов — туранского, амурского и корейского, из них в настоящее время сохранились только два последних.

ОПИСАНИЕ ТИГРОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СССР

Тигр — огромная кошка с красивым, пестро окрашенным мехом. Телосложение этого зверя могучее, но изящное, а движения грациозны и легки. По красоте и силе он не только не уступает царю зверей — льву, но явно превосходит его. Туловище тигра довольно длинное, и он кажется несколько приземистым. Голова круглая с небольшими округлыми же ушами, хвост длинный, хорошо опушен и без кисточки на конце. Шерсть на большей части тела ровная и гладкая, лишь на шее у самцов есть небольшая грива, а на щеках — бакенбарды. Длинная шерсть растет также на груди и брюхе. Зимний мех в два раза длиннее летнего и для него типичен густой подшерсток. Лапы мощные с прекрасно развитой мускулатурой.

На передних конечностях тигра по пять, а на задних — по четыре пальца, вооруженных мощными втяжными когтями. Самый крупный коготь большого пальца по верхнему изгибу имеет длину 10 *см* и высоту у основания 4 *см*. Когти — грозное оружие при нападении и защите.

Размеры и вес. В Казахстане и Средней Азии, где раньше жил туранский тигр, наиболее крупные экземпляры имели длину тела, равную 200 *см*, и хвост в 98 *см*, т. е. общая длина их достигала 300 *см*. Максимальный достоверно известный вес самца — 181 *кг*.

К этим сведениям можно добавить, что шесть шкур тигра из различных районов Средней Азии, хранящие-

ся в музее Зоологического института Академии наук СССР, имеют длину от 150 до 217 *см* и хвост длиной от 78 до 95 *см*.

Примерно таких же размеров были и тигры, обитавшие в Закавказье. Например, шкура самца, убитого близ пос. Пришибского, имела длину 187 *см* и хвост в 97 *см*. Длина шкуры тигра, добытого под Ленкоранью, равнялась 178 *см*. Шкура там же добытой самки достигала в длину 157 *см* (Динник, 1914). Свежая шкура зверя, добытого в 1899 г. под Пришибском, имела длину около 270 *см* и хвост в 90 *см* (Сатунин, 1915), но она была измерена приблизительно.

По данным С. И. Огнева (1935), длина тела туранского тигра 161—270 *см* и хвоста 90—110 *см*, но неизвестно, откуда этот исследователь взял указанные размеры. Судя по данным, приведенным выше, они, по-видимому, преувеличены.

Амурские тигры гораздо крупнее туранских. Длина их тела достигает 300 *см*, хвоста 100 *см*, высота в холке 116 *см*. По Н. А. Байкову (1925, 1929), максимальная длина тела амурского тигра 276—290 *см*, хвоста 100 *см*, высота в холке 115 *см*, ширина лба между ушами 30 *см*, обхват передней ноги 60 *см*, обхват груди 220 *см* и шеи 100 *см*. Размеры самки по сравнению с самцом меньше на $^1/_5$. Крупные самцы достигают веса 325—384 *кг*. Н. А. Байков (1927) сообщал, что из Владивостока китайцы отправили тигра, который, судя по накладной, весил 390 *кг*. Позднее (1929 г.) он же писал, что амурские тигры достигают веса 340 *кг*.

Корейский тигр имеет максимальную длину тела 217 *см*, а по Н. А. Байкову (1929) — 300 *см*, и хвост длиною в 100 *см*. Максимальный вес корейского тигра, по Н. А. Байкову (1929), 340 *кг*, а по И. Бельскому и Г. Бромлею (1953) — до 360 *кг*.

Следовательно, корейский тигр такой же крупный, как и амурский, тогда как туранский значительно мельче обоих.

Ч е р е п и е г о р а з м е р ы. Череп очень массивный. Верхняя линия его профиля представляет неправильную дугу, наиболее приподнятую в лобной части, откуда кпереди, в противоположность всем другим видам наших кошек, она спускается очень мало (рис. 5).

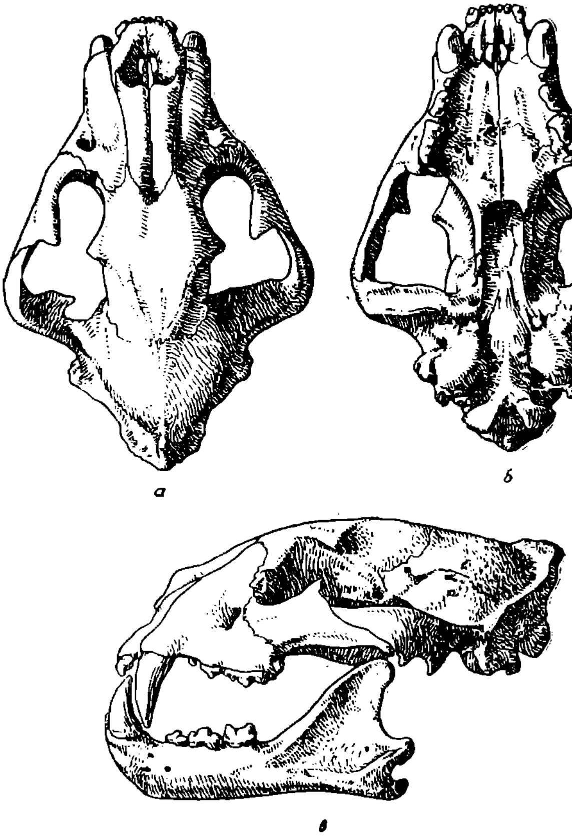


Рис. 5. Череп тигра: *а* — сверху, *б* — снизу, *в* — сбоку. *По Г. А. Новикову (1956).*

Стреловидный гребень у взрослых самцов сильно развит и служит для прикрепления мощных жевательных мышц.

Резцы в верхней и нижней челюстях стоят прямыми рядами. Верхние клыки достигают 65 *мм* в длину. Они сплющены с боков и слегка изогнуты. Вдоль задней стороны клыка проходит острое ребро; на его наружной и внутренней поверхностях есть по две глубо-

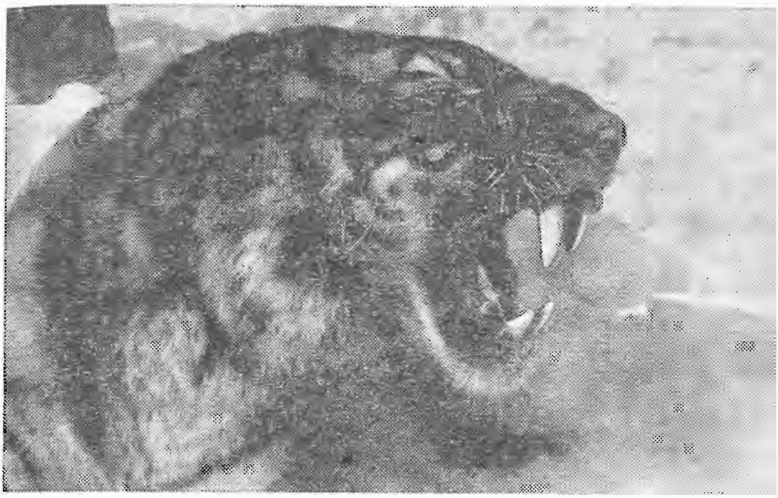


Рис. 6. Поза угрозы у тигра. Видны огромные верхние и нижние клыки. *Фото В. Г. Торопова.*

ких продольных бороздки. Нижние клыки короче, более согнуты, но не тоньше у основания (рис. 6). С помощью клыков тигр наносит глубокие, ужасные по своим размерам раны. Интересно отметить, что один из предков кошек — саблезубый «тигр», или махайродус (*Machairodus*), живший в Евразии в миоцене и плиоцене, имел чудовищные клыки, значительно превосходившие по величине клыки современного тигра, хотя размерами тела эти два хищника различались мало (рис. 7). Еще крупнее были клыки у другой вымершей саблезубой кошки — смилодона (*Smilodon*).

Общая длина черепа у самцов туранского тигра 337—362 *мм*, у самок 284—287, ширина скул у самцов 221—248 *мм*, у самок 197—199 (Огнев, 1935). Соответствующие размеры черепа у самцов амурского тигра 352—400 и 242—280 *мм* (Байков, 1925 и наши данные).

Окраска мехового покрова. У тигров длина шерсти значительно изменяется по сезонам года, соответственно меняется и ее окраска. Летом основной фон шерсти туранского тигра на спине, боках и наруж-

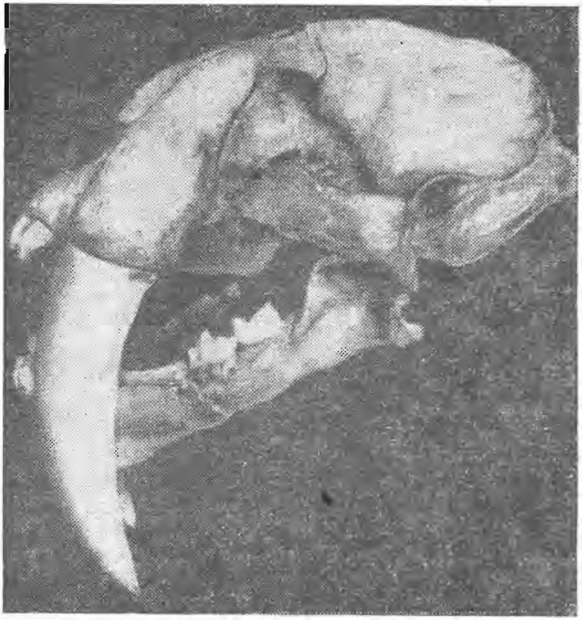


Рис. 7. Череп саблезубого «тигра». Плиоцен. Западная Европа. Видны огромные верхние клыки. *По Л. Бертэну (1954).*

ной стороне конечностей ржаво- или красновато-темный, более темный и яркий на хребте и передней части тела. Интенсивность красноватого оттенка изменяется в соответствии с сезоном. Верхняя сторона морды до линии, проведенной через верхний край глаза, без темных отметин. Лоб же расписан отходящими от средней линии черными поперечными полосками, которые образуют узор, похожий на китайский иероглиф «Ван», обозначающий «начальник». За эту особенность в окраске китайцы поклонялись тигру. Окружность глаз, значительные участки под ними, верхняя губа, щеки, подбородок, горло и грудь — белые. Ломаные черные полоски проходят через белые участки под глазами, по щекам от заднего угла глаз и через горло.

Бакенбарды, особенно хорошо развитые у старых самцов, состоят из смеси рыжих, белых и черных волос.

Наружная сторона уха черная, с большим белым

пятном посередине. Такая окраска уха является, по-видимому, сигнальной, хорошо заметной как днем, так и ночью. По ней звери находят друг друга (например, тигрята следуют за маткой). Сходную окраску ушных раковин имеют дикие кошки и других видов, например барс и каракал.

Нижняя часть шеи, груди и брюхо белые с черными поперечными полосами. Все тело испещрено отходящими от хребта, суживающимися на концах и иногда раздваивающимися полосами. Наиболее темно окрашены полосы на верхней части задней половины туловища и на брюхе. От хребта они спускаются приблизительно до половины боков, здесь между ними начинаются другие, проходящие уже на брюхо.

Наружная поверхность передних конечностей без отметин, задняя — полосатая. Хвост сверху окрашен светлее спины, а снизу белый; на нем десять поперечных полос и колец.

Длинные и жесткие вибриссы на морде белые.

Глаза имеют круглый зрачок и желтовато-бурую радужину.

Описанный основной тип окраски туранского тигра у отдельных особей довольно сильно варьирует. Окраска зимнего меха более бледная, грязновато-желтого или светло-бурого основного цвета. Полосы бурее и иногда выражены неясно.

Пышный зимний мех корейского тигра блестящ и шелковист. Окраска его яркая, охристо-желтая, иногда с красноватым оттенком. Черные и темно-бурые полосы узкие и расположены шире, чем у туранского тигра.

Амурский тигр окрашен бледнее и зимой имеет тусклый желтовато-охристый мех. Темные полосы такие же узкие, как и у корейского тигра. Летний мех отличается более яркой окраской.

Интересно отметить, что в окраске меха тигра иногда встречаются цветовые аберрации[1]. В Индии и Китае убивали тигров, имевших чисто белую окраску меха — альбиносов, но такие звери встречаются исключительно редко. В Индии к 1875 г. было зарегистрировано четыре случая добычи черных тигров — меланистов, но

---

[1] Цветовая аберрация — отклонение от нормальной окраски.

позднее здесь подобные особи не встречались[1]. В 1912 г. черный тигр был убит в Северо-Западном Китае в лесах Восточного Томба. Иногда попадаются звери с «голубой» окраской меха. Издали они кажутся черными (Перри, 1964).

В 1951 г. в Индии, в провинции Мадхья-Прадеш в лесах Рева, один магараджа из выводка, состоявшего из четырех тигрят, взял одного котенка-самца, отличавшегося белой окраской меха с темными полосами. Тигрята первых трех пометов, родившиеся от спаривания этого самца с тигрицей нормальной окраски, имели обычный рыжевато-оранжевый мех с темными полосами, но позднее, при скрещивании этого же самца с его дочерью из второго помета, имевшей нормальную окраску, в 1958 г. родились четыре тигренка (самец

Рис. 8. Тигр с горностаевой окраской меха. Основной тон окраски шерсти сливочно-белый, полосы черно-бурые. 1961 г. Местность Рева в провинции Мадхья-Прадеш (Индия). *По Рииду (1961).*

---

[1] Еще раньше Я. Ф. Брандт (1856), ссылаясь на Риттера, писал, что на небольшом острове Мандата жили черные тигры.

и три самки), мех которых был белым с темными полосами. В 1960 г. от этой же пары родились два белых самца и одна нормально окрашенная самка, а в 1962 г.— два белых котенка — самец и самка. Полосы у белых тигров были неясными золотисто-серыми или черно-бурыми по белому или кремовому основному фону (рис. 8). У «белых» тигров из других мест полосы имели темно-коричневую или красновато-черную окраску, за что их иногда называли красными тиграми. У тигров из Рева радужина глаз синяя или зеленая.

Описанная выше своеобразная окраска меха белых тигров у наших пушников получила название горностаевой. У животных с такой окраской выпадает желтый и рыжий пигменты, но сохраняется черный или черно-бурый. Интересно отметить, что в Северном Казахстане изредка встречаются горностаевые лисицы. У них основной тон окраски меха не рыжий, а сливочно-белый, уши и лапы — черно-бурые, немного темной шерсти есть и на хвосте. Выведена специальная порода горностаевых кроликов.

Из опытов скрещивания тигров с горностаевой и нормальной окраской меха можно заключить, что первая — рецессивна, тогда как вторая доминантна. Доминирующий ген рыжей окраски подавляет ген, несущий горностаевую окраску. При скрещивании гибридных тигров, имеющих смешанные признаки (гетерозиготных), в организме которых есть как доминирующие, так и рецессивные гены, начинается расщепление признаков, в результате в пометах появляются тигрята как горностаевой, так и нормальной рыжей окраски.

Белые, или горностаевые, тигры, выведенные магараджей, были им оценены в 10—20 тыс. американских долларов каждый и проданы в зоопарки Вашингтона, Бристоля, Калькутты и Нового Дели. Одну из тигриц по кличке Могиня 5 декабря 1960 г. подарили президенту США Эйзенхауэру (Риид, 1961; Перри, 1964). Тигры с необычной окраской меха встречаются крайне редко и, например, в пределах Советского Союза неизвестны.

Линька. Тигры линяют два раза в год, в Приморье — в сентябре-октябре и в марте-апреле. Длинные и острые когти сменяются ежегодно поздней

Рис. 9. Следы тигра на мягкой почве. 1958 г. Хр. Сихотэ-Алинь. *Фото В. А. Абрамова.*

осенью. Во время смены когтей тигр часто царапает мягкую кору на кедре, бархатном дереве и пихте.

Полевые признаки. Тигр — крупный хищник (вес до 380 *кг*). Основной тон окраски — желтовато-оранжевый, испещренный широкими темно-бурыми или черными поперечными полосами. На быстром бегу кажется однотонным, светло-бурым. Ходит обычно шагом, ступая почти след в след. Длина шага 50—80 *см*, а у особо крупных самцов — до 100 *см*. При галопе длина прыжка 4—5 *м*. Если след имеет диаметр 20 *см* и больше — зверь крупный, обычный след самца 16×14 *см*, самки — 15×11 или 12 *см*. По ширине отпечатка пятки и другим особенностям следа можно примерно определить четыре возрастных и половых группы тигров:

1) ширина пятки 10—15 *см* — взрослые самцы с живым весом 200—350 *кг*;

2) ширина пятки 9—12 *см* — взрослые тигрицы с живым весом в 150—250 *кг*;

3) ширина пятки 6—8 и даже 9 *см* — молодые тигры в возрасте до трех лет, их живой вес 70—120 *кг* и в редких случаях — до 150 *кг*;

Рис. 10. След молодого тигра после пороши. 1958 г. Сихотэ-Алинь. *Фото В. А. Абрамова.*

4) ширина пятки 3—5 *см* — прибылые тигрята весом в 30—60 *кг* (Абрамов, 1961).

У тигрицы след не такой круглый, как у самца, и отпечатки пальцев тоньше. У самца особенно выделяются толстые средние пальцы. Кроме того, пол прошедшего зверя довольно легко определить по оставшимся следам мочи. Самка мочится в одном месте, в результате образуется проталина, самец же обрызгивает мочой какие-либо выделяющиеся предметы — колоды, бугорки и т. д. Молодые тигры-самцы оставляют тоже довольно крупный след, но глубина его отпечатка невелика, вследствие малого веса животного. Взрослый тигр шагает в полный шаг человека, у молодых же шаг короче. Когда трехлетние тигрята идут по следам за маткой, их следы почти попадают в отпечатки ее лап, но когда они идут по снегу самостоятельно, отпечатки получаются сдвоенные. Частые следы игр также указывают на присутствие тигрят. По резкости отпечатков следов можно судить и о степени упитанности тигра. У хорошо упитанного зверя след четкий и глубокий, у тощих же особей отпечатки плоские, неглубокие, на пятках заметна морщинистость кожи.

Рис. 11. Отпечатки лап уссурийского тигра: *1* — передней, *2* — задней. *Рис. А. И. Лесняка.*

Экскременты тигра встречаются в большом количестве недалеко от того места, где хищник ел свою добычу. Они черного или бурого цвета с остатками непереваренных частей добычи в виде шерсти, осколков костей и т. д. и имеют форму продолговатых вальков диаметром около 4 *см* с несколько заостренным задним концом. В случае преобладания в пище мяса и крови экскременты бесформенны и похожи на черную полужидкую смолу. Для экскрементов этого хищника характерен резкий, долго сохраняющийся гнилостный запах. Поеди тигра узнаются по разгрызенным позвонкам, трубчатым костям, а иногда и по черепу крупных копытных зверей.

Голос этого хищника слышен редко даже там, где он обычен. Только в период гона крик тигра слышится чаще. Обыкновенно тигр издает протяжный звук, который довольно быстро повторяется и оканчивается тремя или четырьмя короткими звуками и в общем похож на рев льва. Иногда слышится низкий горловой звук «а-оун» или «э-о-уну». В ярости зверь глухо рычит и издает звуки, похожие на кашель, с силой выдыхая воздух через раскрытую пасть (Байков, 1925). Кроме того, тигр издает иногда крик, который можно передать звуками «муук» или «пуук», похожий несколько на рев изюбра во время гона. Некоторые охот-

ники и даже зоологи считают, что, издавая этот крик, тигр подманивает изюбров. В Индии, в местах, где много самбаров, тигр будто бы подражает крику этих оленей, чтобы привлечь их к своей засаде (Андерсон, 1964). Это мнение нуждается в проверке. Сытый и спокойный тигр подолгу мурлычет, а испугавшись, издает своеобразный крик «вууф». На добычу нападает обычно молча.

В Индии некоторые охотники умеют подражать реву тигра и таким образом подманивают его к себе, подавая, в зависимости от обстоятельств, голос самки или самца.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ТИГРОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

До конца XIX в. тигр встречался в Малой Азии, Закавказье, в Северном Иране, Средней Азии, в южной половине Казахстана, откуда проникал и в его центральные районы, Западную Сибирь и на Алтай, в Северном Афганистане, Джунгарии, Восточном (Китайском) Туркестане или Кашгарии (современная Синьцзян-Уйгурская автономная область), в северо-восточных, центральных и южных провинциях Китая (Хейлунцзян, Гирин, Жэхэ, Хэбэй, Ганьсу, Юньнань и др.), в Непале, на бóльшей части территории Индии (кроме пустынь), в Бирме, на полуостровах Малакка (Малайская Федерация) и Индо-Китай (Таиланд, Лаос, Камбоджа, Вьетнам), на Больших Зондских островах: Суматре, Яве, Бали (?) (Соединенные Штаты Индонезии), но всегда, по-видимому, отсутствовал на островах Цейлоне[1] и Борнео. Шренк (1859) и Н. М. Пржевальский (1870) писали, что тигры заходят зимой на остров Са-

---

[1] Еще Плиний, а позднее Вендт и другие сообщали, что охота на тигров и слонов была самым излюбленным занятием жителей острова Тарпобан (Цейлон). Кнокс (1689) приводил тигра в списке зверей Цейлона и будто бы видел при дворе короля черного тигра. Однако другие исследователи острова — Рибейро (1601). Шауттен, Даву (1821) и Гоффмейстер — не назвали этого хищника в списке млекопитающих Цейлона. Гоффмейстер, а также Я. Ф. Брандт (1856), считали, что на Цейлоне тигры были уничтожены во время многочисленных охот на них еще в древние времена. В настоящее время обитание тигра на Цейлоне даже в прошлые эпохи отрицается.

халин, а К. А. Сатунин (1915) и позднее Н. А. Бобринский (1944) сообщали, что эти звери обитают на островах Южно-Китайского моря Гайнане (Хайнане) и Формозе (Тайване). Однако новейшие исследователи эти сведения не подтверждают[1]. На северо-востоке своего ареала тигр встречался в Прибайкалье, в бассейне Амура, откуда проникал на север в Якутию, в Уссурийском крае и в Корее.

Таким образом, область распространения этого хищника еще сравнительно недавно занимала большую часть южной половины Азии, а на востоке он проникал и севернее (рис. 12).

В настоящее время определяют, что во всем мире живет 15 тыс. тигров (Перри, 1964). По отдельным странам они распределяются примерно следующим образом: СССР — 120 особей, Иран — 80—100, Индия и Пакистан — 3000—4000, Китайская Народная Республика — 2000, Корейская Народно-Демократическая Республика — 40—50, Малайская Федерация — 3000. По другим странам данных нет.

Распространению и численности тигров на территории СССР будет посвящен следующий раздел, а в настоящей главе они описываются для всех других стран, в которых встречался или живет и теперь этот зверь.

Турция. В Закавказье, в той его части, которая в настоящее время принадлежит Турции, в середине прошлого столетия ежегодно убивали нескольких тигров (Блит, 1863). Описываемый хищник встречался там и позднее, до 30-х годов нашего столетия, и заходил в Грузинскую ССР, а также в Армению, переходя реку Аракс. Кроме того, имеется не совсем определенное указание Ю. К. Ефремова (1956), что в историческое время тигр был уничтожен в Малой Азии на Малоазиатском нагорье. В настоящее время в Турции тигр, по-видимому, истреблен, а если и встречается, то как большая редкость. В этой стране жил туранский тигр.

Иран. К настоящему времени сохранилось лишь 80—100 тигров на севере этой страны — в Иранском Азербайджане, по восточному склону Талыша и на по-

---

[1] Я. Ф. Брандт (1856), ссылаясь на Витте, писал, что на о. Хайнане встречаются тигры вместе с носорогами. Если это сообщение верно, то, очевидно, позднее там тигры были истреблены.

бережье Каспия, откуда они иногда проникают в пределы Советского Союза. Тигр также населял прикаспийские провинции Мазендеран, Гилян и Астрабад, расположенные вдоль южного побережья Каспийского моря. На юг он заходил лишь до хребта Эльбурс. На Иранском нагорье и южнее — до побережий Персидского и Оманского заливов Аравийского моря — тигр теперь не встречается (Перри, 1964; наши данные).

В 40-х годах текущего столетия, по опросным сведениям, тигр встречался еще довольно регулярно в Горганской (Астрабадской) и Мазендеранской провинциях (Г. Дементьев, 1945). Однако в последние два десятилетия в Туркмению тигры заходят все реже и реже, что указывает на значительное сокращение их численности в Иране и возможность быстрого исчезновения там. Об этом же пишет и Ф. Харпер (1945).

В Иране живет туранский тигр.

Ирак. С южного побережья Каспия тигр раньше, возможно, проникал в Курдистан, значительная часть которого лежит уже в Ираке. Я. Ф. Брандт (1856), например, считал, что через верховья рек Тигра и Евфрата этот зверь распространялся в северную часть Аравии. Он также приводит данные Диодора и Риттера о существовании в недавнем прошлом вавилонских тигров в части Ирака, граничащей с Сирией. Диодор для последнего района, кроме тигра, указывал еще льва и леопарда, следовательно, он не мог спутать тигра с кошками других крупных видов. Последние авторы сообщали, что тигры обитали по берегам двух больших озер — Дериа и Нирис в долине Персиполис.

Если сведения, приведенные выше, подтвердятся, тогда юго-западную границу распространения тигра можно будет проводить по восточным окраинам Сирийской пустыни и пустыни Большой Нефуд. В XX в. тигра в Ираке не было.

Афганистан. В этой стране тигр теперь встречается лишь в северных районах и отсутствует в центральных — горных и южных — пустынных. До начала 50-х годов текущего столетия описываемые хищники были обыкновенны в тугаях по левому — афганскому — берегу Пянджа, откуда часто заходили в Таджикистан. Однако в последнее десятилетие подобные за-

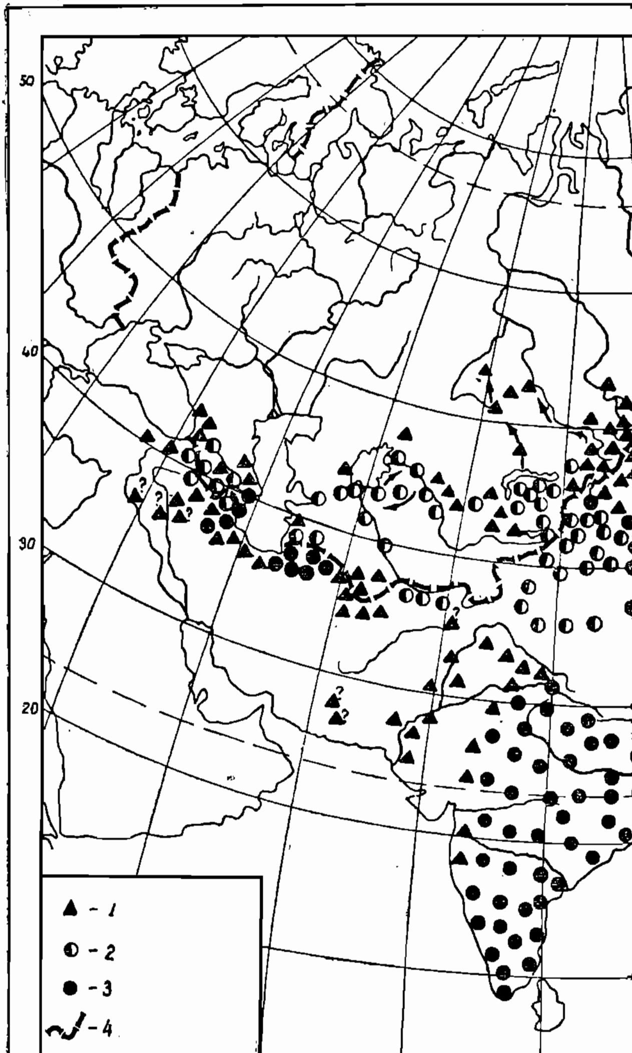
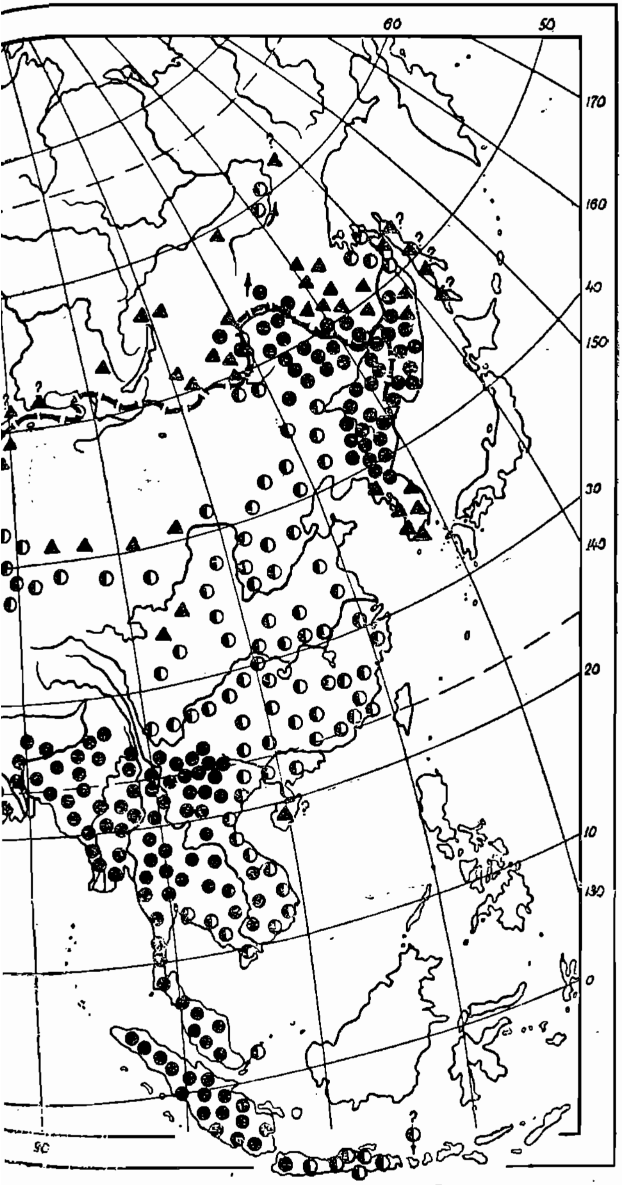


Рис. 12. Распространение тигра в XIX в. и в настоящее
вой половине XX в., *3* — современное распрос



...ремя: *1* — распространение в XIX в., *2* — встречи в пер-
...ранение, *4* — государственная граница СССР.

ходы прекратились, что, возможно, указывает на исчезновение тигра в этом районе Афганистана.

В Афганистане обитает туранский тигр.

Индия и Пакистан. В Индии, в ее старых границах, в конце XVIII и начале XIX вв. тигр встречался в подходящих для него угодьях от подножья Гималаев на севере до южной оконечности полуострова Индостан — мыса Коморин. На запад он там обитал до хребта Центральный Брагуй и Сулеймановых гор, а возможно, и еще западнее — до пустынь Харан и Регистан. На востоке тигр распространялся за пределы страны — в Бирму.

Согласно сведениям, собранным Я. Ф. Брандтом (1856), описываемый хищник в то время во многих районах Индии был весьма обычен и наводил ужас на местное население.

Так как местное население Индии раньше не имело огнестрельного оружия и по религиозным убеждениям на тигров почти не охотилось, они вредили скотоводству и нередко нападали на людей. Колониальные власти начали усиленно истреблять тигров, выдавая за каждого убитого зверя по 10 рупий (25 английских шиллингов). В течение нескольких лет (до 1807 г.) английское правительство расходовало на премии за убитых тигров до 30 тыс. фунтов стерлингов. В этот период тигров убивали в большом количестве. Так, уже к 1800 г. один судья в тераях застрелил 360 тигров. Между 1834 и 1862 гг. Георг Пальмер добыл 1000 этих хищников, а Гордон Гуминг только за два жарких сезона 1863 и 1864 гг. отстрелял 73 тигра в одном районе по р. Нарбаде севернее Сатпура. Найтингель к 1868 г. убил 300 тигров главным образом в районе Гидерабада (Перри, 1964), а английский генерал Джерард в конце прошлого столетия поставил рекорд, отстреляв 216 тигров (Гедин, 1899).

В XIX в., по данным Р. Перри (1964), в Индии было истреблено не менее 100 тысяч тигров, а «возможно и в два-три раза больше». Особенно много их убивали военные. И все же в конце прошлого столетия этот хищник в Индии был все еще весьма обыкновенен и, по данным английской статистики, там в то время ежегодно добывали от 1400 до 2200 этих зверей.

В текущем столетии избиение тигров в Индии продолжалось. В первые десятилетия XX в. только два магараджи убили по тысяче тигров каждый, а в одном заказнике в Бутане за десять дней отстреляли 32 зверя (Перри, 1964). По-видимому, именно одного из них, магараджу Суругуя, бывшего принца Центральных провинций, имел в виду И. К. Рай (устное сообщ.), говоря, что этот охотник убил уже свыше 1200 тигров. Этот магараджа продолжал охотиться на тигров еще в 1959 г., ежегодно убивая по нескольку зверей. Удивительный рекорд, показывающий, какой огромный вред природе может причинить даже один человек!

В Пакистане в наше время тигров нет в густо населенных районах в долинах Инда и низовьях Ганга, а также в пустыне Харан. Они еще встречаются в северо-западной пограничной провинции, на севере Западного Пенджаба, на западе Синда и будто бы в районе Бахавальпура в долине р. Сатледж.

В Индии тигр теперь наиболее обыкновенен в лесистой местности Уттар-Прадеш (Соединенные провинции), граничащей на севере с Непалом, в Ассаме, в некоторых лесных районах Декана, в Мадхья-Прадеш в Центральных провинциях (Покок, 1939; И. К. Рай, устное сообщ.). Правительство Центральных провинций и Берара выплачивает премии за добытых тигров (газета «Хиндустан Таймс» от 7 июля 1949 г.). В Ассаме тигр обитает в предгорьях Гималаев в своеобразных зарослях — тераях и там все еще обычен. Около многих деревень Ассама, расположенных близ джунглей, до сих пор можно видеть помосты, укрепленные между двумя пальмами, на которых сидят сторожа, предупреждающие население деревень о появлении тигра или дикого слона (Чечеткина, 1948).

В настоящее время в Индии живет менее 4000 тигров (Перри, 1964), а по опросным сведениям, собранным И. К. Раем, 3000—4000 зверей. Из этого количества ежегодно добывают около 400 зверей (10%), следовательно, при современных темпах охоты на них быстрое истребление им не угрожает. За последние 60 лет Ван Ингенс — известный таксидермист Индии — ежегодно обрабатывал более 150 шкур тигра.

В Индии и Пакистане живет бенгальский тигр.

Непал. В этой стране тигр теперь встречается в предгорьях Гималаев в тераях и еще многочислен. Широко распространенные в Непале лесные концессии и охоты могут быстро подорвать численность тигра и там.

Местный тигр относится к бенгальскому подвиду.

Бирманский Союз, Таиланд, Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Малайская Федерация. В прошлом столетии в Бирме тигр встречался почти повсюду и местами был весьма обычным. Так, на самом юге страны, в Тенассериме, этого хищника считали многочисленным, но так как там обитало еще много диких копытных зверей, он днем на людей не нападал и местное население его боялось мало. В области же Иравади, особенно в долине и дельте реки того же названия, тигров было так много, что сельским жителям, чтобы защищать свои жилища от их нападений, по ночам приходилось разжигать костры. Они держались даже в окрестностях крупных городов, например Миан-онг (Мьяунг-мья.— *А. С.*). О большом количестве тигров в южной области Пегу и нападении их там на людей сообщали многие путешественники. В западной области Аракан, лежащей по правобережью Бенгальского залива, тигр — нередкое животное, а в лесах Джиттагуона и Силет, лежащих к северу от Аракана, его встречали очень часто.

Тигр обитал и в северной части Бирмы — в области Каинду (Брандт, 1856).

В настоящее время в Бирме, по собранным нами опросным сведениям, тигры еще обыкновенны в восточной области Шань, граничащей с китайской провинцией Юньнань, Лаосом и Таиландом. По другим областям мы современными сведениями не располагаем.

О многочисленности тигров в прошлых столетиях в Таиланде (Сиаме) сообщали многие авторы (Брандт, 1856). Еще в середине XIX в. тигр населял все леса Сиама и часто нападал на домашний скот, а нередко — и на людей.

В 40-х годах текущего столетия в большинстве районов Таиланда тигр встречался еще довольно часто (Харпер, 1945). По Р. Перри (1964), в этой стране тигр до сих пор обитает во всех джунглях, будучи осо-

Рис. 13. Индийский тигр в Таиланде. *По Р. Перри (1964).*

бенно многочисленным в гористых местах, тянущихся вдоль хребтов Танен-Таунджи и Кун-Тан.

В Лаосе и Камбодже в прошлом веке тигры держались в большинстве районов и местами были многочисленны. В настоящее время количество их там снизилось, но они все еще появляются в целом ряде районов.

Раньше описываемый зверь был весьма обычным почти по всей территории Вьетнама, особенно на самом его юге. Путешественники, побывавшие в Кохинхине (Амбо), рассказывали, что там много тигров, «которые преследуют людей вплоть до их жилищ» (Биссахир, 1812). В долине р. Сайгон (на которой теперь расположена столица Южного Вьетнама — г. Сайгон) тигры встречались очень часто и были настолько дерзки, что похищали людей даже из жилищ. Р. Перри (1964) говорит, что «если есть страны, более плотно населенные тигром, чем Индия, то это была южная половина Индо-Китая, где Дефосс, Маллей и Манеотрол и другие от-

стреляли и поймали много сотен тигров». В середине текущего столетия во Вьетнаме тигров уже стало меньше, например в Кохинхине насчитывали всего 200—300 особей (Харпер, 1945).

В Малайской Федерации, расположенной на полуострове Малакка, тигры в прошлом столетии обитали в большинстве районов, особенно много их было в области Дйор. В этой стране численность тигров сильно возросла в годы японской оккупации и до сих пор они встречаются по всей стране, за исключением Пенанга и Сингапура. Лок сделал примерный расчет количества тигров, обитающих в Малайе, считая, что на каждых 10 кв. милях джунглей или 17 кв. милях всей страны в среднем живет один тигр, и пришел к выводу, что в 50-х годах текущего столетия в этой Федерации обитало самое меньшее около 3000 описываемых хищников. В настоящее время в Малайской Федерации леса интенсивно вырубаются, в связи с чем количество тигров там быстро падает.

Хотя для тигра переплыть пролив, отделяющий остров Сингапур от материка, нетрудно, он там появлялся сравнительно редко даже в прошлом столетии, и все же этот хищник стал бедствием для китайских кули в период с 1843 по 1863 г. (Перри, 1964).

Принято считать, что во всех шести вышеописанных странах живут бенгальский и яванский тигры, но в то же время были высказаны предположения, что там обитают и звери еще не описанных форм.

Индонезия. В этой стране тигр живет на обширных островах Суматре и Яве. Кроме того, имелись сведения, что он раньше обитал и на относительно небольшом острове Бали, находящемся близ Явы, к югу от него.

Уже первые путешественники, посетившие Суматру, рассказывали о многочисленности там тигров и о их дерзких нападениях, «приводивших к истреблению жителей целых селений». От этих хищников сельские жители безуспешно защищались факелами или горящими поленьями. В середине прошлого столетия тигры все еще держали в страхе население этого острова (Брандт, 1856). Теперь на острове Суматра их гораздо меньше, но они еще обыкновенны в некоторых его

районах, а Р. Перри (1964) считает их еще «многочисленными и широко распространенными».

Об обитании тигра на Яве в Европе узнали уже давно (Бонтиус, 1658). В середине прошлого века во многих провинциях тигры и леопарды терроризировали сельских жителей, несмотря на проникновение цивилизации вглубь острова. Особенно много тигров держалось в провинции Гриссе. Не помогли даже высокие премии, которые предлагало правительство за истребление тигров: местное население на них почти не охотилось, так как считало, что чем больше тигров уничтожают, тем интенсивнее они размножаются.

К 1851 г. тигры на Яве встречались все еще в значительном количестве на большой части территории, особенно на западной окраине этого острова. К 20-м годам текущего столетия один известный охотник отстрелял там еще сто тигров (Перри, 1964). С 40-х годов тигр на Яве стал довольно редким и требует охраны (Харпер, 1945).

В настоящее время на Яве тигры почти полностью истреблены. По сведениям М. Симона (устное сообщ.), там теперь живет всего около 12 тигров, из них девять зверей в заказнике Уджун-Кулон. По другим сведениям, на этом острове сохранилось еще 20—25 тигров, из них в заповедниках и заказниках 10—12. Р. Перри (1964) считает, что к 1961 г. описываемых хищников уже не было на большей части Явы, и они сохранились лишь в самых диких местах на юге, например в заказнике Уджун-Кулон, где еще держалось шесть тигров. Возможно, что это последние тигры на острове.

На острове Бали в 1909—1912 гг. тигра считали довольно обычным (Шварц, 1913). В 30-х годах текущего столетия несколько тигров будто бы еще жили в северо-западной и юго-западной частях острова, их усиленно преследовали охотники с Явы. Эти звери, по-видимому, исчезнут совершенно в ближайшее время (Геинзинус-Вирули и Ван Герн, 1936). Присутствие тигров на Бали рядом исследователей взято под сомнение, например Покок (1939) указал его для этого острова со знаком вопроса. Х. Мейсснер (1958), посетив Бали, выяснил, что на нем тигров теперь нет, не видел он там также и мест, подходящих для его обитания.

Мейсснер вообще сомневается в том, что тигры могли переплывать через морской пролив с Явы на Бали. Таким образом, вопрос о распространении тигра на этом острове нуждается в новых подтверждениях.

Тигров никогда не находили на островах, лежащих к востоку от Бали, так как ближайший к нему остров Ломбок отделен от него проливом шириною в 20 миль — это непреодолимый барьер для многих сухопутных млекопитающих.

По-видимому, на всех островах Индонезии живет яванский тигр.

Китай. В этой стране тигр раньше был распространен начиная от ее северо-западной части — Кашгарии или Восточного Туркестана (современная Синьцзян-Уйгурская автономная область) — и далее на восток. В 70—90-х годах прошлого столетия, по сведениям, собранным Н. М. Пржевальским (1878, 1888), С. Н. Алфераки (1882), С. Гединым (1899), М. В. Певцовым (1949) и другими, тигры были довольно обычны в верховьях реки Или и ее притоков (Текес, Кунгес, Каш) и на хребте Борохоро. Эти хищники иногда встречались к северу от отрога Тянь-Шаня — хребта Ирен-Хабарга близ г. Шихо, на болотах Мукуртай и в других местах, а также в долине реки Манаса к западу от г. Урумчи. Кроме того, судя по позднейшим сведениям, они должны были в то время держаться у озер Эби-Нур и Улюнгур, а также в долине реки Урунгу, впадающей во второе озеро. «Вообще в Джунгарии,— писал Н. М. Пржевальский в 1888 г.,— тигров немного. ...Всего же более тигров в Таримской котловине, по самому Тариму, затем в Лоб-Норе, а также по рекам Хотанской (Хотан), Яркендской (Яркенд) и Кашгарской» (Кызылсу и Кашгар).

В начале текущего столетия, по сообщению С. Миллера, на которого ссылается Д. Каррутерс (1914), тигры еще жили в густых кустарниковых и камышовых зарослях в низких местах Джунгарии, а также в отрогах Тянь-Шаня по долинам рек Каша, Кунгеса, Джингаланга и Или, где поднимались в горы до 1200—1500 *м* над ур. м. В то время ежегодно шкуры этих хищников продавали на рынках Урумчи, Манаса и Шихо. В Джунгарии тигров добывали с помощью ядов,

стреляли же редко, так как боялись их. Через несколько лет Т. и К. Рузвельтам (1926) сообщили, что тигров на Текесе и в верховьях реки Или уже нет, так как местные жители уничтожили их отравой. В. Морден (1927) также пишет, что тигры, прежде обитавшие в верховьях Или на северном склоне Тянь-Шаня, «сейчас, кажется, полностью исчезли». По нашим же данным, в верховьях Или тигры продержались до середины 30-х годов текущего столетия, так как до этого времени они нередко заходили туда из Южного Прибалхашья. Кроме того, раньше в Юго-Восточный Казахстан тигры проникали и из Джунгарии.

В настоящее время в Джунгарии, по сообщению сотрудника Пекинского зоопарка Чжу Бо-пиня (устное сообщ.), тигры, возможно, еще сохранились в районе озера Эби-Нур, но нам это кажется сомнительным. Если бы у Эби-Нура до сих пор жили тигры, они бы появлялись, как это случалось в прошлом столетии, в Алакульской котловине (СССР), свободно проходя через Джунгарские ворота. Однако в Алакульской котловине ни самих зверей, ни следов их присутствия давно уже никто не находил. Имеются также сообщения о том, что тигры сохранились в долине реки Манас (Мурзаев, 1956; Калмыкова, Овдиенко, 1957). Эти данные подтверждаются опросными сведениями, собранными на месте в 1959 г. М. А. Микулиным (устное сообщ.). Если тигры еще и уцелели кое-где в Джунгарии, то весьма скоро они там исчезнут совершенно.

В северной половине Китая, после большого перерыва в распространении на восток, тигры вновь начинают встречаться в современной провинции Ганьсу. Так, А. Соверби (1923) сообщал, что они обитают в Кансу, у тибетской границы и в районе Ала-Шаня. Восточнее эти хищники отмечены во Внутренней Монголии и других провинциях. Например, Н. М. Пржевальский (1875) пишет, что раньше тигры встречались в горах Муна-Ула, являющихся западной оконечностью хребта Ин-Шань (40°45′ с. ш. и 110° в. д.). Позднее М. В. Певцов (1951) во время своего путешествия в 1878—1879 гг. отметил, что «в лесах Ин-Шаня повсеместно живут барсы и косули, много фазанов, а близ границ Маньчжурии водятся даже тигры». В г. Долуне

(Долоннор), лежащем к югу от озера Далай-Нур, в храме хранилось чучело тигра, убитого на улицах этого города (Соверби, 1923). Возможно, что во Внутренней Монголии тигр встречается и в настоящее время (Шоу, Ся У-пин и др., 1958).

Севернее Ин-Шаня, на обширной территории пустыни Гоби (Шамо), значительная часть которой лежит уже в пределах Монгольской Народной Республики, тигров не было, но они вновь появлялись на самом западе Маньчжурии — в Северной Барге (50° с. ш. и 120° в. д.).

Китайские зоологи считают, что в последнее десятилетие тигров на Большом Хингане не было, однако в 1953 и 1954 гг. в пределы Советского Союза, в Юго-Восточное Забайкалье, из-за Аргуни пришло несколько тигров, которые могли туда проникнуть лишь из Барги или с Большого Хингана. Подобные заходы наблюдались и раньше — в XIX — начале XX вв.

За Большим Хинганом тигры встречались по всей северной половине Маньчжурии до реки Уссури и озера Ханка на востоке. На юг же они были распространены до хребта Чанбайшань и его южных отрогов, идущих по восточному берегу Корейского перешейка уже вне пределов Китая, а также до долины реки Яндзы.

Н. А. Байков (1925) считает, что в начале текущего столетия коренным местом пребывания тигров в пределах Маньчжурии была провинция Гирин, где они во многих местах водились в большом количестве, как, например, в обширных девственных лесах верховьев рек Сунгари, Лилинхэ и Ашихэ, а также в районах бассейнов рек Муданьцзян, Майхэ, Мурень и Суйфун. После постройки китайской восточной железной дороги, вырубки лесов русскими, а затем японскими концессиями и заселения края тигр стал в указанных районах редок и появлялся только при переходах из одного района в другой.

В последние годы, по данным Т. Х. Шоу, Ся У-пина и др. (1958), а также Чжу Бо-пиня (устное сообщ., 1958 г.), в бывшей Маньчжурии тигры встречались в северной провинции Хейлунцзян и в южной — Гирин. Наиболее обычным описываемый хищник оказался в

горах Малого Хингана в районе, ограниченном на севере г. Ичунь, а на юге — рекой Сунгари. Из уезда Ичуньсян (Ичунь, Дайлин) в провинции Хейлунцзян упомянутые исследователи получили тигров. Тигры оказались также нередкими в горах хребта Чжангуанцайлин в районе, лежащем от г. Муданьцзяна на север до г. Дуньхуа на юг и близ озера Цзинбоху (уезды Дуньхуасян и Цзианьсян провинции Гирин), а также на плоскогорье Чанбайшань в уезде Фусунсян (провинция Гирин). До 1955 г. лекарственная фабрика в Фусуне ежегодно покупала 20—30 тигров.

По опросным сведениям, собранным нами в Китае в 1958 г., в его северо-восточной части, в провинциях Хейлунцзян и Гирин, обитало еще 200—250 тигров, и до запрета охоты там ежегодно добывали 50—60 зверей. В провинции Гирин в связи с вырубкой лесов и истреблением диких копытных тигры начали нападать на лошадей и коров.

В результате интенсивного преследования амурских тигров численность их в 50-х годах текущего столетия резко снизилась, что побудило правительство Китайской Народной Республики полностью запретить на них охоту и приступить к организации заповедников на Малом Хингане и в других районах, лежащих близ реки Амура и его притоков, с целью охраны этого наиболее ценного подвида описываемого хищника.

К югу от бывшей Маньчжурии амурский тигр раньше встречался и в других провинциях северной половины Китая. Так, Н. М. Пржевальский (1875) писал, что он обитал в лесах, тянущихся к северу от реки Хуанхэ к современному городу Чэндэ в провинции Жэхэ. А. Соверби (1923) сообщал, что в провинции Хэбэй в районе Дунлина и Вэйчана (Восточные могилы и Императорские охотничьи угодья), к северу и северо-востоку от г. Пекина, все еще встречались тигры. Например, в районе Восточных могил в начале текущего века трех зверей видели в разное время, из них один был убит в 1912 г. В настоящее время, судя по собранным нами сведениям, тигров там уже нет. Раньше их добывали в северных и южных уездах провинции Шаньси. Например, один зверь убит на юге этой провинции в 1932 г. (Харпер, 1945).

В южной половине Китая, по данным Г. Аллена (1938), тигры были относительно обычны во многих местах, например в провинции Хубэй, в ее западной части. Они были очень редки в западной части провинции Сычуань, хотя иногда и добывались в джунглях Вашаня. Более обычны эти хищники в долине Цзяньчань и на юг через всю провинцию Юньнань. Описываемые хищники в значительном количестве встречались в провинции Фуцзянь, но к северу их было мало. Одного тигра, убитого в провинции Аньхой, показывали на улицах г. Аньцина. Два тигра в 1933 г. были добыты близ Ханькоу.

По данным Т. Х. Шоу (устное сообщ.), в 1930 г. один тигр был добыт в горах Моганьшань в провинции Чжецзян, кроме того, в текущем столетии этих зверей добывали в провинциях Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь и Гуандун, причем в последних двух чаще, чем в других.

По сведениям, собранным нами во время поездки в Китай в 1958 г., тигры до сих пор весьма обычны в провинции Юньнань. В этой провинции на север от г. Куньминя описываемые хищники встречаются в уездах Пансян, Шиньжень и Кунго, причем в последнем они редки. На юге провинции тигр обычен в округах Сымао и Пуэр. В Сымао описываемый хищник живет почти во всех уездах. До 1949 г. в долине Сымао в связи с ее малой населенностью у города с тем же названием сильно разрослись кустарники и бурьяны, в которых часто появлялись тигры и леопарды. В 1948 г. один тигр зашел в город Сымао и был убит прямо на улице. В 50-х годах текущего столетия в округе Сымао, судя по закупкам «Кампании местных продуктов», ежегодно добывали от 30 до 40 тигров (Ян Ли-цу, устное сообщ.). В настоящее время на юго-западе провинции Юньнань держится приблизительно 500—600 тигров, а по всей провинции ежегодно добывают до 200 этих хищников. Через базу Юньнаньского Бюро внешней торговли в г. Куньмине в последние годы ежегодно проходило 40—50 тигровых шкур, а в 1957 г. их прошло более 100 штук.

После войны за освобождение Китая, закончившейся в 1949 г., в стране осталось много воинских частей, кроме того, на юге у местного населения в зна-

чительном количестве появилось нарезное современное оружие. На тигров и леопардов стали устраивать крупные облавы, в которых принимали участие воинские части. Добыча описываемых хищников резко возросла. По данным Т. Х. Шоу (1958), по всему Китаю в 50-х годах текущего столетия в отдельные годы добывали до тысячи тигров. Если истребление описываемого зверя будет вестись такими темпами и дальше, численность его на юге страны быстро снизится и он станет таким же редким, как и в северо-восточных провинциях.

На северо-востоке Китая в провинции Хейлунцзян живет амурский тигр, а в провинции Гирин, Жэхэ и других на юг до реки Яндзы — корейский или уссурийский. Некоторые авторы амурского и корейского тигров считают за одну форму и называют маньчжурским тигром. На юге страны обитает южнокитайский тигр, а в юго-западной части провинции Юньнань — бенгальский, а возможно, и тигр еще не описанной формы. Таким образом, на огромной территории Китая живут тигры четырех или пяти форм.

Корея. Во второй половине прошлого столетия из этой страны ежегодно вывозили около 150 шкур тигра в Японию и Китай (Перри, 1964). По данным Вон Хон Гу (устное сообщ.), в самом конце XIX в. тигров добывали на юге страны в Чомадо и на севере — в Кэнсондо, Унсане (Вансан? — *А. С.*) и Пхеньяндо. Ф. Барклай (1915) пишет, что в начале текущего столетия в указанной стране тигров было больше в ее северных районах, чем в южных. В то время описываемые хищники держались еще у юго-западной оконечности Кореи и на острове Чиндо, где на них успешно охотился Ф. Барклай. Ранней весной 1914 г. свежий труп тигра был выброшен морем в Японии на острове Хонсю (Хондо) в районе г. Мяцуэ. В Японию труп тигра мог попасть лишь из Южной Кореи. Вон Хон Гу сообщил, что в 1911 г. тигров добывали в провинции Зенланамдо, в 1918 г.— в провинции Конуондо, в 1922 г.— в провинции Кэнсонбугдо и в 1930 г.— в провинции Пхеньянбугдо.

В начале 20-х годов в Северной Корее описываемые хищники были еще обычны и там ежегодно спортсмены убивали нескольких зверей (Соверби, 1923).

В настоящее время в Южной Корее тигры, по-види-

мому, уже истреблены, и южная граница современного их ареала проходит несколько южнее Пхеньяна. В северной же половине этой страны тигры сохранились в районах, граничащих с провинцией Гирин (Южная Маньчжурия) Китайской Народной Республики. Так, в 1935, 1952 и 1956 гг. их добывали в Хамгэнбугдо, где они были особенно обычными в истоках реки Суйфун. После 1953 г. в провинции Хамгэнбугдо в районах Мусан, Енсо, Онсон, Хелэнь ежегодно отлавливали живыми нескольких тигров, большинство которых было продано за границу. Например, в 1956 г. отловлено десять тигров, из них лишь один оставлен в Корее. В районе Мусана после 1945 г. были убиты два тигра. Тигры еще держались и в Рянгандо (Вон Хон Гу, устное сообщ., 1957 и 1958 гг.). М. Симон (устное сообщ.) считает, что на Корейском полуострове еще сохранилось 40—50 тигров.

Правительство Корейской Народно-Демократической Республики в 1958 г. приняло постановление о запрещении охоты на описываемого зверя.

Во всей стране живет корейский или уссурийский тигр.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ТИГРА В СССР

В XVIII столетии самой северо-западной частью ареала тигра на современной территории Советского Союза было Закавказье. Северная граница его распространения в этой части ареала тогда, по-видимому, проходила по южному склону Большого Кавказа. В то время он еще встречался по восточному побережью Черного моря, в современной Колхидской низменности и в Аджарии. Регулярно появлялся во многих местах Грузии и Армении, например под г. Тифлисом.

В Азербайджане из Талышинских гор и Ленкоранской низменности, где раньше тигры были обычны, они заходили к Кызыл-Агачскому заливу (ныне им. Кирова), в Муганскую степь, в долину реки Куры, к г. Баку и даже изредка появлялись у г. Дербента, расположенного на западном берегу Каспийского моря несколько севернее 42° с. ш. (Брандт, 1856).

В текущем столетии численность тигров в Закав-

Рис. 14. Недавнее местообитание туранского тигра. 10 июня 1962 г. Тугай по р. Мургабу у ст. Султан-Бен. Юго-Восточная Туркмения. *Фото автора.*

казье начала быстро сокращаться, и вскоре они там стали встречаться лишь изредка, заходя из Ирана. Так, в 1948 г. этот хищник добыт в южных отрогах Зангезурского хребта (Мегринский район Армянской ССР). В последние годы тигра несколько раз наблюдали в Астаре и Ленкоране. Например, один зверь убит в зиму 1956/57 г. в Ленкоранской низменности. Предполагают, что на Талышском нагорье тигр как большая редкость уцелел до сих пор (Лагидзе, 1964). Заходы тигров из Ирана в Закавказье возможны и в будущем.

Раньше тигр обитал и в бывшей Закаспийской области (ныне юго-западная и южная Туркмения). В конце прошлого века в этой области он встречался по долинам рек Атрека, Сумбара и Чандыря, по хребту Копет-Даг у г. Ашхабада и в других местах, по рекам Теджену и Мургабу и у побережья Каспийского моря.

Уже в конце прошлого века тигр в Туркмении повсеместно был редок, а в текущем столетии истреблен там совершенно. Одного из последних тигров там убили в 1949 г. к северу от реки Сумбар в Казанджикском районе, а второго — 10 января 1954 г. в Западном Копет-Даге, в ущелье Газли-Дере.

Рис. 15. Недавнее местообитание тигра. Туранговый тугай в заповеднике «Тигровая балка» (Таджикистан). 18 октября 1964 г. *Фото Г. И. Сапожникова.*

Появление тигров в Туркмении возможно и в дальнейшем: они могут заходить туда из Ирана и Афганистана.

В Узбекистане в конце XIX столетия тигры были сравнительно редки в верхнем и нижнем течении реки Аму-Дарьи, по Сурхан-Дарье и в долине реки Сыр-Дарьи. В долинах других рек появлялись лишь случайно. В 70-х годах прошлого века тигры жили еще под самым г. Ташкентом. В 1940 г. в дельте Аму-Дарьи еще обитало около 15 тигров (Слудский, 1953), однако их в этих местах вскоре истребили. Последний тигр там был убит в 1947 г. Сведения о добыче в дельте хищников в 1950 и 1951 гг. малодостоверны.

В настоящее время в Узбекистане тигров нет совершенно.

В Таджикистане, в его юго-западной части, в начале текущего столетия тигр обитал в районе нижнего течения Вахша, Кзылсу, Яхсу, а также на Пяндже, Аму-Дарье и Кафирнигане. По Пянджу вверх проникал до поста Чубек (к югу от г. Куляба). Местами был обычен. В 30-х и 40-х годах численность тигров начинает быстро сокращаться, и вскоре они повсеместно исчезают

Рис. 16. Недавнее местообитание тигра. Мощные заросли тростника. 10 июня 1938 г. Низовья р. Сыр-Дарьи, Коксуйские озера. *Фото автора.*

совершенно. Дольше всего они продержались в долине Вахша в заповеднике Тигровая балка, но и там последние следы их видели в 1953 г.

Как и в других южных районах СССР, численность тигра в Таджикистане быстро сокращалась, в основном в результате уничтожения тугаев и распашки речных долин.

Раньше тигр жил и в Киргизии. В 50-х годах прошлого века он был нередок в районе оз. Иссык-Куль, в Чуйской долине и по реке Большой Кебин, но повсеместно исчез еще в 90-х годах.

О прошлом распространении тигров в Казахстане имеются многочисленные данные. Так, в середине прошлого столетия они появлялись на плато Устюрт и у залива Кара-Богаз-Гол. Хищники тут изредка встречались еще и в 30-х годах текущего столетия, заходя из дельты Аму-Дарьи.

Особенно обычными тигры были в низовьях Сыр-Дарьи и на прилежащей части побережья Аральского моря. В 50-х годах прошлого века в этом районе ежегодно убивали по нескольку этих зверей. В 1903—

Рис. 17. Недавнее местообитание туранского тигра. Тугай из джиды, тала и тростника в дельте р. Или. Юго-Восточный Казахстан. Ноябрь 1940 г. *Фото автора.*

Рис. 18. Недавнее местообитание тигра. Тугай в дельте р. Или(Казахстан) из джиды и тростника. **Урочище** Джельтуранга. 5 июня 1960 г. *Фото автора.*

1915 гг. тигры были еще нередки в районе Ак-Мечети (ныне Кзыл-Орда). В 20-х годах текущего столетия они уже там встречались редко и окончательно исчезли после 1945 г. С низовьев Сыр-Дарьи тигры проникали в долины рек Тургая и Сарысу.

Далее на восток тигры раньше жили на склонах хребта Каратау, у оз. Бийлюкуль, в низовьях рек Таласа и Чу. В долине Чу последних тигров убили в 1912 г., а окончательно они там исчезли в 1917 или 1937 гг. (Слудский, 1939).

В первой половине XIX в. тигры были обычны в Балхаш-Алакульской котловине, особенно в дельте реки Или, где последнего хищника убили в 1935 г. Следы же тигра в Южном Прибалхашье отмечались до 1948 г.

Из Прибалхашья и Алакульских озер летом, следуя за кочующими копытными, тигры поднимались в Заилийский и Джунгарский Алатау, а также в Центральный Тянь-Шань, достигая высоты 2500—3000 *м* над ур. м. В бывшем Семиречье в период с 1884 по 1899 г. ежегодно добывали от одного до шестнадцати тигров (Шостак, 1927).

На востоке Казахстана в прошлом веке тигры постоянно встречались в горах Тарбагатая, около оз. Зайсан-Нор и в низовьях Черного Иртыша, откуда по долине Иртыша и других рек они проникали далеко на север, доходя до гор Алтая и городов Павлодара, Бийска и Барнаула. В этом районе тигры оказались уничтоженными еще в прошлом веке.

Описываемый хищник проникал далеко на север не только в восточной части Казахстана, но и в центральной. Так, его добывали на реке Ишиме, в Кокчетавских и Каркаралинских горах и у г. Акмолинска (Фишер, 1814; Спасский, 1814; Брандт, 1856; Сотников, 1893).

В Средней Сибири, между Алтаем на западе и оз. Байкал на востоке, тигры, как правило, не обитали, а если иногда и встречались, то очень редко. Так, в прошлом веке их изредка отмечали в верховьях реки Енисея, на территории современной Тувинской АССР (Радде, 1862). В 1828 г. этот хищник добыт у Ангары близ Балаганска (Северцов, 1855). В 1834 г. тигр появился и был убит у Нижне-Ангарска у северной око-

нечности оз. Байкал (56° с. ш.). Через несколько лет там добыли второго зверя (Сельский, 1856).

Тигры обитали и в Забайкалье. В середине прошлого столетия их неоднократно убивали близ рек Аргуни, Газимура и Шилки. В то время, кочуя вслед за северными оленями, они из верховий Амура и Шилки заходили на Становой хребет (Сельский, 1856; Брандт, 1856 и др.). В Юго-Восточном Забайкалье тигры изредка появлялись и в начале текущего столетия, а также

Рис. 19. Амурский тигр. Взрослый самец. Добыт 22 ноября 1953 г. близ пос. Кокталгинского у р. Газимур (Усть-Карский район Читинской области, СССР) 14-летним Иваном Карелиным.

в 50-х годах. Один зверь был убит 22 ноября 1953 г. у реки Газимур в Усть-Карском районе Читинской области, а второй — в том же году 24 декабря на берегу р. Шилки в Могочинском районе. В 1953 г. в Юго-Восточное Забайкалье заходили восемь тигров (А. Н. Леонтьев — устное сообщ.). По-видимому, тигры проникали в Забайкалье из Китая с хребта Большой Хинган.

Особенно далеко на север тигры заходили в 1905 г., когда один зверь был убит 21 ноября в 80 *км* от поселка Усть-Мая вниз по Алдану (около 60°40′ с. ш.). Из-

вестны и другие случаи проникновения тигров в Якутию до р. Амги (приток Алдана) и на Верхоянский хребет (Силантьев, 1919).

Далее на восток в бывшем Амурском крае в прошлом веке и в начале текущего тигр более или менее регулярно встречался на север до 50° с. ш. Северную границу распространения этого хищника схематично проводили через притоки Амура — реки Горин и Хунгари, от последней — до Татарского пролива (Байков, 1925, 1927; Салмин, 1940). Отдельные же заходы тигра были известны и далее на север (реки Селемжа — 52° с. ш., Зея, Ниман, озера Кади и Чля в низовьях Амура и другие места, лежащие до 56° с. ш.).

К югу от вышеуказанной границы тигр встречался почти повсеместно. Например, он держался близ Амура в районе современного г. Хабаровска. Особенно

Рис. 20. Место постоянного обитания тигров. Урочище Подхоренок в Хабаровском крае. *Фото В. П. Сысоева.*

много этих хищников обитало в бассейне оз. Ханка, в области верховий реки Уссури и на морском побережье между заливом Посьета и гаванью Ольги (Пржевальский, 1870).

В начале текущего столетия, в связи с интенсивной колонизацией Дальнего Востока, численность тигра

Рис. 21. Местообитание тигра. Река Туньши, Терней. Хр. Сихотэ-Алинь. Заповедник. Июнь 1958 г. *Фото В. К. Абрамова.*

начинает быстро снижаться и во многих районах он исчезает. Например, в 1912 г. в бывшей Амурской области добыты только два зверя, в Приморской области — 55 (Байков, 1927).

К началу 50-х годов текущего столетия, несмотря на интенсивный отлов тигрят, численность тигра на Дальнем Востоке несколько возросла. В этот период область его распространения охватывала с севера на юг бассейн верхнего течения Анюя, верховья рек Мухена и Немпту, левые притоки Хора (Кафен, Катен, Матай), среднее течение этой же реки, бассейн Подхоренка, верхнее течение Бикина, все верхние притоки Имана вниз по его течению до с. Каратун, районы рек Вака, Нотто, Даданцы, Шетухэ, Улухэ и Даубихэ. Тигр заселил также бассейны рек восточного склона Сихотэ-Алиня, начиная от реки Самарги на севере и на юг до верховьев Сучана. Он также появился в бассейнах Майхэ и Супутинки. Тигры стали оседло жить в юго-западных районах Приморья, граничащих с Китайской Народной Республикой, по рекам Шуфан, Сандага, Мончугай и Сидеми (К. Г. и В. К. Абрамовы; Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.).

В 50-х годах тигры стали чаще встречаться и в Хабаровском крае в Еврейской автономной области, в бассейнах рек Биры и Биджана, а также появились в верховьях Амура на водоразделе с рекой Зеей, где одного зверя убили в октябре 1953 г. близ реки Ту (Шимановский район Амурской области), а второго — в 1957 г. в верховьях реки Коппи (Белогорский район Амурской области).

Чтобы сохранить тигра — этого интереснейшего зверя в нашей фауне, отстрел и отлов его на Дальнем Востоке с 1956 г. были запрещены, и результаты этих запретов незамедлили сказаться. В 1958—1959 гг. Дальневосточным филиалом СО АН СССР совместно с Главохотой РСФСР проведена специальная экспедиция по изучению тигра в Приморском крае. Одновременно численность этого зверя пытались определить опросом опытных охотников, путем рассылки им анкет. В результате выяснено, что в указанном крае тигр встречался в одиннадцати административных районах и в двух заповедниках: Сихотэ-Алиньском и Супутин-

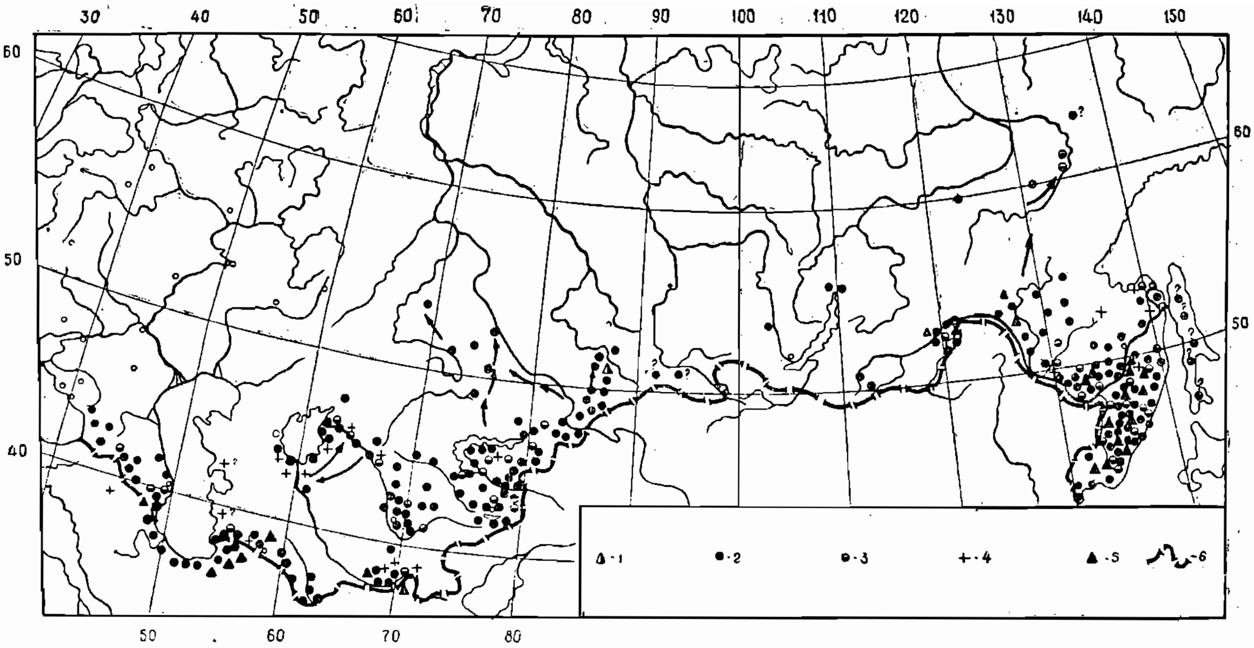


Рис. 22. Прошлое и современное распространение тигра в СССР: *1* — Археологические находки; *2* — распространение в XIX в.; *3* — встречи в XX в. до 30-х годов; *4* — встречи в 30—40-х годах XX в.; *5* — встречи в 50-х годах XX в.; *6* — государственная граница СССР.

ском. Всего учтено 55 зверей. Кроме того, в трех районах, где должно было быть 8—10 тигров, учет не проводился. Очевидно, что в первой половине 1959 г. в Приморье обитало 60—65 тигров. В Хабаровском крае, по данным Управления охотничье-промыслового хозяйства, в то же время держалось около 35 тигров (Н. В. Михайлов, устное сообщ.), наконец, несколько этих зверей обитало в Амурской области.

В период с 1960 по 1965 г. изучением численности тигра на Дальнем Востоке не занимались. Судя по поступающим отдельным сведениям, там на 1 января 1965 г. обитало около 120 зверей. В то же время это число всех тигров, сохранившихся вообще в СССР. Отрадно отметить, что на советском Дальнем Востоке численность этого интереснейшего зверя современности, хотя и медленно, но растет; в Закавказье, Средней Азии, Казахстане и Забайкалье тигр уже исчез совершенно и, по-видимому, навсегда. Возможны лишь отдельные их заходы в Армению, Грузию, Азербайджан, Туркмению и Таджикистан из соседних стран.

МЕСТА ОБИТАНИЯ

В Юго-Восточном Закавказье тигр, в основном, держался в низменных Талышских лесах, к которым местами прилегали тростниковые крепи, растущие по берегам морских лагун — морцов — и речек. Эти густые леса с обилием колючих лиан можно было пройти лишь с помощью топора или кинжала. Леса и тростники изобиловали кабанами. В горные леса Талыша тигры заходили реже, следуя за кочующими кабанами.

В Туркмении, Узбекистане и Таджикистане основные места обитания этого хищника — поймы рек и озер, густо заросшие тростником и эриантусом, достигающими гигантской высоты (5—6 *м*), или тугайные леса из туранги, джиды и тала. Все деревья тугая перевиты лианой ломоносом. В нижнем ярусе растут тростник, вейник, солодка, верблюжья колючка и другие травы. Эти места изобилуют кабанами, а раньше в них был обычным тугайный олень. В тех местах, где к реке на большом пространстве подходят солончаки или пески, тигров нет или они встречаются случайно. Реже

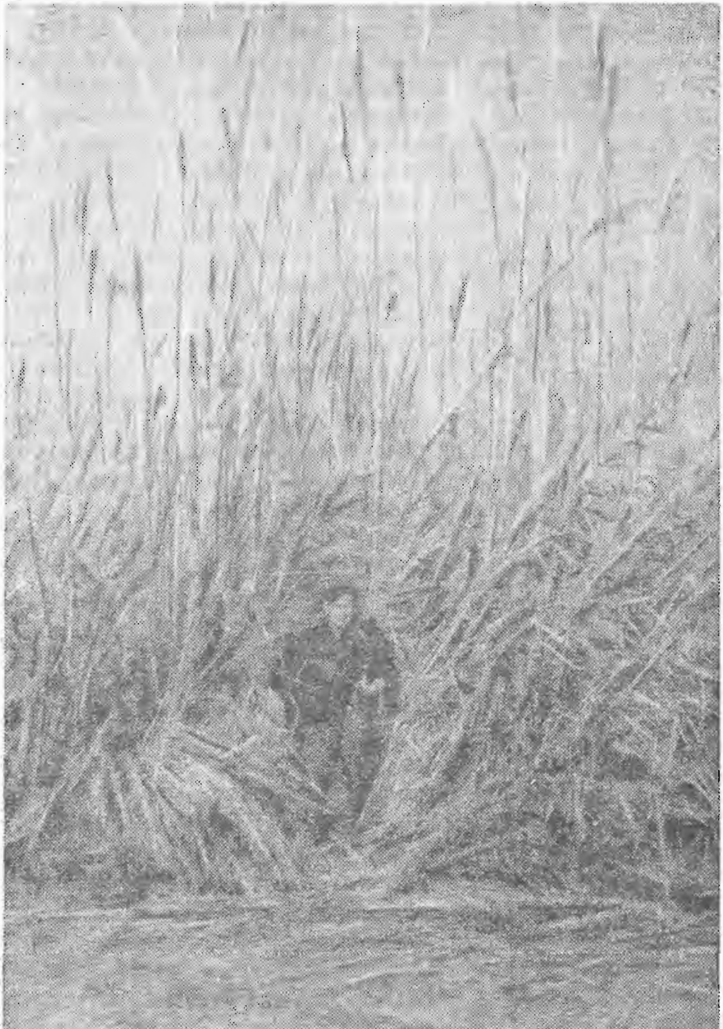


Рис. 23. Местообитание тигра. Заросли гигантского злака — эриантуса. 17 октября 1960 г. Тигровая балка, долина р. Пянджа, Таджикистан. *Фото автора.*

эти звери наблюдались в предгорьях и нижнем поясе гор по долинам и ущельям, поросшим фисташкой, арчой, шиповником и другими кустарниками. В Таджикистане из низин в горы тигры поднимались крайне редко. В некоторых районах тигр более или менее постоянно жил близ поселений человека. Достаточно было даже расположенных между аулами сравнительно небольших — в несколько сот гектаров — зарослей тростника, в которых держатся кабаны, чтобы в них поселился тигр. Например, в долине реки Яхсу в Таджикистане, издавна заселенной человеком, где большинство земель используется под посевы и пастбища, тигр оседло жил на заросших тростником участках длиной в 1—3 *км* и шириной около 500 *м*, сохранившихся еще между полями, занятыми под рис и хлопок.

В Казахстане в низовьях Сыр-Дарьи, рек Южного Прибалхашья и возле больших озер тигры жили в обширных тростниковых займищах, которые чередуются с озерами, протоками и грядами песчаных бугров, поросших песчаным саксаулом, джузгуном, терескеном и другими кустарниками, а также в тугаях. Эти угодья изобиловали кабанами и косулями (на Сыр-Дарье косулю заменял тугайный олень).

В Казахстане, а также в Киргизии тигры иногда встречались в различных поясах гор, летом поднимались до границы вечного снега. В Киргизском, Заилийском и Джунгарском Алатау их добывали в ельниках и арчевниках на высоте 2500—3000 *м* над ур. м. В горах тигры встречались и по долинам речек в зарослях джингила, тала или облепихи. В горы эти хищники поднимались вслед за переселяющимися туда на лето кабанами и домашним скотом. В Средней Азии и Казахстане места обитания, выбираемые тигром, примерно соответствовали следующим требованиям: 1) они изобиловали кабанами и тугайными оленями, которые являются основной добычей тигра; 2) они были богаты водой, что важно для этого хищника, который за сутки пьет по нескольку раз; 3) в них были густые, труднопроходимые заросли, в которых эта кошка устраивает логово; 4) снежный покров был невысоким. Этими экологическими особенностями тигра

объясняется его отсутствие в пустынях вдали от воды и лишь временное или случайное появление в степях и высоко в горах.

В других условиях тигр живет на Дальнем Востоке. Здесь этот зверь держится преимущественно в невысоких горах, особенно в последние десятилетия. В прошлом веке он встречался и в низинах, но отсюда был вытеснен человеком. В настоящее время наиболее обыч-

Рис. 24. Местообитание туранского тигра. Солончак, поросший редким тростником. Декабрь 1939 г. Урочище Джельтуранга в дельте реки Или (Казахстан). *Фото автора.*

ные местообитания этого хищника — долины горных рек и пади, поросшие растительностью маньчжурского типа с преобладанием кедра и дуба, кроме того, он живет в чистых кедрачах, а также по гарям, поросшим лиственным мелколесьем или дубняком и орешником. В сплошных еловых массивах он появляется только проходом и долго в них не задерживается. Если в долины рек и кедровые леса тигра привлекают кабаны, то на гарях он охотится на многочисленных изюбрей и лосей (Капланов, 1948). Этот зверь явно тяготеет к скалистым участкам: «Где горные хребты неприступны, где склоны круче и обрывистее, где есть обширные каменистые россыпи, отвесные высокие утесы, скали-

Рис. 25. Местообитание тигра. Выходы скал, поросшие кедром, близ реки Туньши, Хребет Сихотэ-Алинь. Июнь 1958 г. *Фото В. К. Абрамова.*

стые кряжи, ниши и пещеры,— пишет Байков (1925),— там наверное можно найти и тигров, живущих в этой местности постоянно». В скалистых участках тигру легче укрыться, а главное, зимой здесь меньше снега. Во время охоты и кочевок тигры переваливают через довольно высокие хребты, поднимаясь до 1600 *м* над ур. м., но все же предпочитают переходить по пологим местам и в низких седловинах. Во время кочевок тигры появляются в самых разнообразных биотопах, вплоть до морского побережья, покосов и т. д. Нередко держатся близ поселков, особенно зимой, когда труднее добывать пищу.

В Приморье и других районах Дальнего Востока, где часто бывают обильные снегопады, тигр зимой избегает участков с высоким снежным покровом, так как в таких местах мало копытных. Кроме того, ему мешает охотиться непрочный наст. Тигр, идя по тонкому насту, с шумом проваливается, распугивая дичь. Когда зверь проваливается на насте, ледяная корка ранит ему ноги. Н. М. Пржевальский (1870) рассказывает, что лапы самки тигра, убитой в конце января 1868 г. в Уссурийском крае, были сильно повреждены. Шерсть «на внутренней стороне передних и задних лап была вытерта, и кожа покрыта язвами, из которых сочилась кровь... Видимо, не так удобно... зверю гулять по глубоким снегам Уссурийского края, как по бенгальским джунглям»,— писал он об этом случае. По данным И. Алмазова (1890), в бывшем Южно-Уссурийском крае 1 (14) марта во время наста на следах тигра заметили кровь. Этот зверь был, по-видимому, сильно голоден, «так как на ходу останавливался и ел полуисклеванную гнилую зубатку, выброшенную последней осенней водой». Помет его «был в малом количестве и содержал... много непереваренной травы». Несколько дней спустя в кедровнике нашли труп тигра без признаков ранения. Этот зверь оказался крайне истощенным.

По высокому снежному покрову и непрочному насту тяжелый тигр передвигается с трудом. Весовая нагрузка на 1 *кв. см* опорной поверхности лап тигра корейского подвида из Приморья равняется 158 *г*; среди наших диких кошек этот хищник имеет самую боль-

шую нагрузку на опорную поверхность лап (Формозов, 1946).

Очевидно, что в многоснежные зимы с настами тигры сильно голодают, а иногда даже гибнут от истощения. Трудность добывания корма зимой вынуждает этих хищников подходить к селениям человека и нападать на домашних животных.

На Дальнем Востоке после многоснежных зим, сопровождающихся массовой гибелью копытных, кормовые условия для тигра резко ухудшаются. Так, по сведениям, собранным Л. К. Каплановым (1948), на хребте Сихотэ-Алинь зима 1914/15 г. отличалась обилием снега. Высота снежного покрова достигала 100—150 *см*. В эту зиму кабаны там погибли почти полностью, и в течение последующих трех-четырех лет их было крайне мало; массу ослабевших изюбрей убили охотники. Резкое сокращение количества копытных вызвало на следующую зиму голодовку среди тигров, рысей и снижение численности этих хищников. Близ Тернея в 1915 г. убили взрослого самца-тигра, совершенно истощенного и с пустым кишечником. Он весил всего 70 *кг* против обычного веса около 200 *кг* (Формозов, 1946). Этот хищник осматривал ловушки и пожирал попавших в них колонков, посещал охотничьи зимовки и пытался около них ловить собак. В многоснежную зиму 1935/36 г. в бассейне среднего течения Имана найден молодой тигр весом 110 *кг*, погибший от голода. Желудок его был наполнен лишайниками (В. Абрамов, 1962).

На Сихотэ-Алине тигры голодали и в 1957—1958 гг. В этих горах кабаны — основная добыча тигра — почти исчезли в результате создавшихся неблагоприятных условий для их существования. Две зимы подряд — 1956/57 и 1957/58 гг.— был очень высокий снежный покров, лишивший кабанов и без того скудных кормов, так как был неурожай кедровых орешков и желудей. Вдобавок к бескормице свирепствовала эпизоотия чумы свиней. В то же время примерно в восемь раз сократилась и численность изюбрей (К. Г. Абрамов, устное сообщ.). Голодные хищники начали широко кочевать; участились случаи их нападения на пятнистых оленей, содержавшихся в парках, лошадей и собак.

Например, в оленеводческом совхозе на мысе Гамова в зиму 1959/60 г. за короткий срок тигры похитили десять оленей. В ту же зиму в с. Краснoречка в Чугуевском районе тигрица ворвалась во двор, где напала на корову. В Сихотэ-Алиньском заповеднике отмечены два случая нападения тигров на лошадей и несколько похищений собак.

Зимние голодовки для тигра в Приморье — обычное явление, так как многоснежные зимы там наблюдаются довольно часто. За последние сто лет они отмечены в 1855/56, 1876/77, 1877/78, 1884/85, 1886/87, 1891/92, 1901/02, 1909/10, 1914/15, 1924/25, 1925/26, 1926/27, 1932/33, 1935/36, 1938/39, 1940/41, 1941/42, 1947/48, 1956/57 и 1957/58 гг. (Насимович, 1950; 1955; Бромлей, 1963). Особенно тяжелыми для копытных и тигра в последнее пятидесятилетие зимы были в 1914/15, 1941/42, 1947/48 и 1957/58 гг. Известны они и для Приамурья (1887/88 и 1941/42, 1942/43 гг.). Из вышеприведенных сведений видно, что в Приморском крае многоснежные зимы бывают через 2 года — 9 лет, а в среднем один раз в четыре года, а иногда следуют одна за другой два — три года подряд и тогда тигры бедствуют особенно сильно. По Г. Ф. Бромлею (1963), в описываемом районе наиболее многоснежные зимы повторяются через 6—15, в среднем через 9 лет. В такие зимы снежный покров высотой в 70 *см* устанавливается уже в ноябре, а не в марте, как обычно.

В исключительных случаях в многоснежные зимы, когда бывает прочный наст, охота тигра на копытных облегчается, так как кабаны, изюбры, косули, проваливаясь в снег, не могут быстро бежать, а тигр идет по такой ледяной корке, не проламывая ее. По насту тигры успешно охотились на копытных в Приморье в зиму 1877/78 г. (Янковский, 1882).

Идя по глубокому снегу, тигр быстро устает и часто ложится, поэтому в период, когда бывает много снега или он покрывается непрочным настом, этот хищник держится в скалистых местах и на солнцепеках, а при переходах из одного урочища в другое часто идет по замерзшей наледи на реке или ручье, по бурелому, тропам изюбрей и других копытных и по зимним дорогам человека и лыжням. Если на льду снега много,

зверь проходит по берегу, выбирая участки, где под хвойными деревьями его меньше.

Тигры северных подвидов довольно хорошо приспособлены к низким температурам, они имеют пышный, густой волосяной покров и к осени жиреют. Известны случаи, когда пойманные молодые тигры всю ночь оставались в лесу связанными при температуре до —40° без заметного вреда для их здоровья. Но, по-видимому, не всегда сильный мороз легко переносится этим хищником, изредка добывали зверей с обмороженными ушами и даже хвостом.

Из приведенных сведений по экологии тигра можно заключить, что основным фактором, ограничивающим распространение этого хищника на север, является высокий снежный покров (выше 30 *см*) и, как следствие его, отсутствие кабана, изюбра и косули. Характерно, что в Забайкалье и Среднем Приамурье тигр был распространен до 52° с. ш., т. е. дальше на север, чем где бы то ни было в других частях ареала. Районируя размещение снежного покрова в СССР, Г. Д. Рихтер (1948) указанные области отнес к «Забайкальскому району», в который кроме них вошла часть Южного Прибайкалья и южные районы советского Дальнего Востока. По Г. Д. Рихтеру, наибольшая высота снежного покрова в этом огромном районе не превышает 20 *см*, местами опускаясь до 10 *см*; только на возвышенностях и предгорьях высота его превышает 30 *см*, следовательно, в низинах здесь имеются условия для существования тигра.

ПИТАНИЕ

В Юго-Восточном Закавказье основной добычей тигра были кабаны. В желудках тигров, убитых в бывшем Ленкоранском уезде, находили остатки только этого копытного (Сатунин, 1914). Реже он там охотился на косуль, кавказских благородных оленей и различных домашних животных, в том числе и собак, причем на скот нападал исключительно зимой (Динник, 1914; Верещагин, 1942 и др.). В соседнем Иране описываемый хищник охотился на зверей тех же видов, что и в Закавказье, а также на джейранов (Брандт, 1856). В

Туркмении, Узбекистане и Казахстане кабан был главным объектом питания этого хищника. На втором месте в питании тигра во многих районах Средней Азии стоял тугайный олень — хангул, а в Казахстане — косуля. В Таджикистане, по мнению В. И. Чернышева (1958), в питании тигра в последнее время первое место занимал тугайный олень, а кабан и домашние животные — второе. Например, в Тигровой балке в период с 1946 по 1950 г. этот хищник задрал 19 тугайных оленей, 17 коров, 4 лошади, 5 ослов и 1 верблюда. В летнее время жертвами тигра в тугаях становятся отбившиеся от стада или оставшиеся на ночь коровы и лошади. У тигрицы, добытой 26 июня 1950 г. в тугае у Кызылсу, в желудке найдено мясо и раздробленные кости коровы, листья и комки земли. По словам К. К. Флерова (1935), в пойменных зарослях тигр подкарауливает джейранов, которые приходят сюда на водопой; остатки разорванных им антилоп будто бы постоянно встречались в зарослях. О нападении тигра на джейранов сообщает и С. У. Строганов (1959), который в феврале 1945 г. в Тигровой балке в логове описываемого хищника нашел остатки этой антилопы, а также кабана и тугайного оленя.

В низовьях Аму-Дарьи тигры иногда ловили и съедали шакалов, хаусов, ели саранчу (Покровский, 1951). В Таджикистане на Вахше экскременты тигра часто состояли из одной саранчи или же к саранче примешивались остатки медведок, хитин жуков, шерсть мелких млекопитающих (в основном пластинчатозубой крысы) и перья птиц (Флеров, 1935). Присутствие в экскрементах остатков медведок, жуков, мелких грызунов и птиц, возможно, указывает на то, что К. К. Флеров принял фекалии других хищников, например барсука, за тигриные, хотя и С. У. Строганов (1961) в Южном Таджикистане в экскрементах описываемого хищника изредка находил остатки мышевидных грызунов, птиц и насекомых, а осенью и зимой — косточки плодов лоха (джиды) и облепихи. В Казахстане этот хищник, живший у Жана-Дарьи и Аральского моря, кроме кабанов, ловил, по данным Г. Мейендорфа (1826) и Э. Эверсмана (1850), сайгаков, джейранов, тарпанов, куланов и азиатских муфлонов (*Ovis orientalis*). О на-

падении тигров на джейранов во время их водопоя у Или сообщал и С. А. Алфераки (1882). В зарослях пойм рек Сыр-Дарьи, Чу, Или и других описываемый хищник, по-видимому, охотился на сайгаков, когда они зимой в большом количестве подходили к долинам этих рек. На разливах и в арыках тигры ловили рыбу (сазана), которую едят весьма охотно (Смирнов, 1875). Как и в Таджикистане, в других странах Средней Азии и в Казахстане тигр нападал на домашних животных, даже на верблюдов, чаще же всего на собак и лошадей. Например,в 1877 г. за Чирчиком у Кара-Тюбе тигры зимой в одном из аулов перетаскали всех собак (Смирнов, 1879). По С. Н. Алфераки (1882), «в тех местах, где имеется много скота киргизов, тигры нередко, особенно зимою, живут почти исключительно за счет последнего». В 1930 г. в Южном Прибалхашье в районе Красного городка тигры в короткий срок уничтожили более 200 голов скота и вынудили население из ряда мест откочевать со скотом в более безопасные районы (Н. Ш., 1930).

Тигры, которые прежде держались в районе оз. Байкал и в Забайкалье, кормились кабанами, косулями, изюбрами, лосями и нападали на домашних животных — лошадей, коров и северных оленей. Например, у тигра, добытого 22 ноября 1953 г. близ реки Газимур, в желудке было мясо и шерсть косули, а возле хищника, убитого 24 декабря 1953 г. в Могочинской тайге, обнаружены остатки задавленного им кабана.

На советском Дальнем Востоке на Сихотэ-Алине и в других районах, по новейшим данным, тигр добывает кабанов, изюбров, лосей, пятнистых оленей, косуль, кабаргу, маньчжурских зайцев, медведей (бурого и гималайского), рысей, волков, барсуков, рябчиков, а также рыбу. Основой его питания здесь является кабан. В желудках тигров и среди остатков их добычи было найдено 11 зверей, из них три изюбра, четыре кабана, один лось, одна кабарга, один медведь, одна рысь (Капланов, 1948). Для этого же района Г. Ф. Бромлей (устное сообщ.) указывает следующий список кормов тигра (в % от общего числа встреч): кабан — 40, изюбр — 30, лось — 10, кабарга — 10, медведь — 6, косуля — 3, рябчик и другие случайные животные — 1.

К последним данным близки сведения о питании тигра в Сихотэ-Алиньском заповеднике, собранные В. Д. Шамыкиным (В. Абрамов, 1962). В добыче этого хищника кабан встретился 21 раз (35,7%), изюбр — 13 (22,1%), лось дальневосточный — 6 (10,1%), бурый медведь — 5 (8,4%), кабарга — 8 (13,6%), косуля дальневосточная — 2 (3,4%), рысь — 1 (1,7%) и рябчик — 3 (5,1%).

В годы с низкой численностью и плохой упитанностью кабанов, когда они вынуждены кормиться хвощом и ветошью, роль зверей отдельных видов в питании тигра несколько меняется. Например, в период с 1957 по 1959 г. включительно добыча тигра состояла из следующих животных: изюбр встречен 20 раз (50%), кабан — 12 (30%), бурый медведь — 2 (5%), пятнистый олень — 2 (5%), лось, косуля, кабарга, барсук — по 1 (2,5%). По-видимому, в годы с плохим урожаем кедра и дуба и в многоснежные зимы, когда кабаны бывают тощими, тигры нападают на них реже, чем обычно, а охотятся преимущественно на изюбров и лосей (К. Г. Абрамов, устное сообщ.; В. Абрамов, 1962).

Интересно отметить, что черный уссурийский медведь довольно часто становится добычей тигра, реже описываемый хищник нападает на бурого медведя; за период с 1944 по 1950 г. зарегистрировано 17 случаев нападения тигров на медведя.

Старые и больные тигры обычно ограничиваются более мелкой добычей: поросятами, молодыми изюбрами, косулями, горалами и даже зайцами и фазанами. Например, хромая тигрица, жившая в 1953 г. на правом берегу Биры, кормилась зайцами, которых ловила на островах, и поросятами кабана (Родин, 1956). Иногда тигры, имеющие увечья, а также слабые, которые не могут охотиться на крупных животных, становятся людоедами.

На перекатах горных речек и ручьев тигр искусно ловит рыбу, подхватывая ее в воде лапой и выбрасывая на берег, кроме того, он добывает черепах, схватывая их, когда они всплывают к поверхности для дыхания. Паразитирование у тигра гельминта *Paragonimus westermanni*, дополнительными хозяевами которого являются пресноводный краб и рак, указывает на то, что этот зверь поедает и их (В. Абрамов, 1962). Иногда тигр

ест кедровые орехи вместе со скорлупой, лакомится лесными ягодами и фруктами, летом ест траву. Лишь будучи очень голодным, питается падалью (Байков, 1925). В прошлом веке, когда на Дальнем Востоке тигры были обычными, они сравнительно часто нападали на домашних животных, особенно собак. Как и в других странах, нападения на домашних животных учащались к концу зимы. В последние 10—15 лет гибель скота от тигра стала здесь редким явлением. За период с 1956 по 1959 г. включительно в Приморском крае тигры нападали на домашних животных: на взрослых лошадей 10 раз, на жеребят — 2, на коров — 10, на телят — 1; в оленесовхозе убили 8 пятнистых оленей (В. Абрамов, 1962). Случаи нападения тигра на домашних животных возрастают в годы резкого сокращения численности диких копытных зверей, как это имело место в 1957—1959 гг. Считают, что на домашних животных близ поселков и в самих поселках обычно нападают или молодые хищники в возрасте по третьему году или старые и больные, которые не могут уже охотиться на зверей, служащих им обычной добычей (К. Г. Абрамов, устное сообщ.), и в том случае, если скот находится без присмотра.

Тигры, обитающие в странах, сопредельных с Советским Союзом, тоже питаются в основном крупными животными. Так, по Н. А. Байкову (1925), хищники, живущие в северной части Маньчжурии, охотятся на кабанов и изюбрей. После кабана тигры особенно часто нападают там на собак, таская их по ночам из лесных поселков. Изредка они нападают на медведей и мелких копытных, таких, как косули и горалы. Ловят зайцев и фазанов. Н. А. Байков распространение тигров в Маньчжурии связывает с наличием в угодьях кедра и кабана: «Где есть кедр, там есть и кабан,— пишет этот исследователь,— а где кабан — там и тигр».

В Южном Китае добычей тигров служат кабаны, олени крупных видов, мунтжаки, домашние животные и, реже, дикобразы и ящеры или панголины. Панцыри последних китайцы ищут около логовищ тигров и продают в аптеки, где из них готовят лекарства. Тигр ест и лягушек. Однажды ночью тигр напал на человека, который нес мешок с лягушками, убил его, но есть не стал, мешок же он разорвал и лягушек съел.

Из домашних животных чаще всего тигр нападает на собак (Аллен, 1938).

В Юго-Западном Китае в провинции Юньнань, по нашим данным, основная добыча тигра — олень-замбар, различные виды мунтжаков и кабаны; реже он там нападает на домашний скот — свиней и телят буйволов.

В Индии тигр охотится на оленей — замбаров и пятнистых, кабанов, самок слонов и слонят, буйволов, нильгау, дикобразов, павлинов и домашний скот. Во время половодья эти хищники охотились на крокодилов, черепах и рыбу. Случалось, что желудки убитых тигров были наполнены саранчой, моллюсками, а однажды — солонцеватой почвой. Во время голодовок ловят лягушек и мышей (Жердон, 1874; Бихнер, 1905; Покок, 1939; Тейт, 1947; Бертэн, 1954). В Индии на кабанов-секачей тигры нападают редко, так как они защищаются и иногда прогоняют хищника или ранят. Жердон (1874) находил тигра, убитого кабаном. В этой стране описываемые хищники избегают есть падаль, но когда мало добычи, едят и гниющие трупы, в том числе и себе подобных. Иногда тигры ходят на солонцы и едят и лижут солонцеватую почву (Покок, 1939).

ТИГРЫ-ЛЮДОЕДЫ

В литературе описано много случаев нападения тигра на человека в прошлом веке. В основном они относятся к Средней Азии (без Туркмении) и Казахстану, а также Дальнему Востоку. О таких случаях в Закавказье и Туркмении неизвестно. Проверкой сообщавшихся фактов о нападении тигра на людей установлено, что обычно нападали звери, раненные самострелом, или при преследовании их охотниками, лишь в очень редких случаях появлялись настоящие тигры-людоеды, нападавшие на человека без повода с его стороны. Все же известны случаи, когда в низовьях Сыр-Дарьи тигр напал и растерзал женщину, шедшую за дровами, безоружного офицера, проходившего в июне через заросли тростников («Верненский гражданин», 1880). О нападении тигров в низовьях Или на пастухов сооб-

щал А. М. Никольский (1885). О систематических и очень наглых нападениях тигра на людей на Дальнем Востоке писал Н. М. Пржевальский (1870), по словам которого в 1867 г. на реке Цымухэ тигры загрызли 21 человека и шестерых изранили, о подобных фактах сообщал также Н. А. Байков (1925) и другие. За последние 35 лет случаи нападения тигров на человека без повода с его стороны в этой стране неизвестны, нападают лишь раненые животные (Капланов, 1948; Абрамов, 1960; Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.).

В Индии в прошлом и текущем веках отдельные тигры-людоеды уничтожали в два-три года до ста человек каждый, а иногда и гораздо больше (Жердон, 1874; Бихнер, 1905; Корбетт, 1957). Например, в середине прошлого столетия в некоторых районах Центральной Индии тигры-людоеды были обычным явлением. Только в районе Монула они убивали по 200—300 человек в год и опустошали целые деревни (Жердон, 1874). Согласно английской статистике, за период с 1877 по 1886 г. тигры в Индии ежегодно загрызали от 698 до 985 человек, в то же время в этой стране в один год убивали от 1412 до 2196 описываемых хищников. В 1903 г. тигры загрызли 866 человек. Даже в 1924 г. в Британской Индии погибло от тигров 603 человека (К-ли, 1926). Знаменитая тигрица, получившая кличку «Чампаватский людоед», убила в Непале около 200 человек, затем она появилась в пограничном районе Индии — Кумаоне — и там за четыре года, пока не была убита, успела унести еще 234 человеческих жизни. «Чоугорский людоед» — старая тигрица, жившая также в Кумаоне, за пять лет, с 1926 по 1930 г., загрызла 64 человека. Тигр-людоед «убийца из Хайдарабада» за три с половиной года убил около 80 человек (Андерсон, 1964). В центральных районах Индии в последние десятилетия от тигров ежегодно гибло до 50 человек (Бертэн, 1954).

Известный охотник на тигров-людоедов Д. Корбетт (1957) писал про них, что это такие звери, которые вынуждены кормиться несвойственной им добычей, так как они не могут охотиться на здоровых сильных животных. «Причиной такого перехода»,— говорит Корбетт,— в девяти случаях из десяти являются раны, а в

одном случае — старость». Рана, вынудившая тигра стать людоедом, может быть результатом неудачного выстрела охотника или же следствием нападения этого хищника на дикобразов. Например, молодая тигрица — «Муктесварская людоедка» при попытке схватить дикобраза потеряла глаз, а в предплечье и подмышкой ее правой передней лапы впилось около 50 игл длиной от 2,5 до 23 *см*, некоторые из этих игл проникли до костей. В тех местах, где тигрица пыталась извлечь иглы зубами, образовались гноящиеся раны. Больная тигрица не могла уже охотиться за обычными для нее животными и прежде, чем ее уничтожили, успела убить 24 человека. «Убивайте тигра, но не раньте,— писал Бертэн (1954),— раненый хищник становится бедствием». Иногда возникает вопрос, кто убил человека, тигр или леопард. Принято считать, что все дневные убийства совершает тигр, а ночные — леопард. Став людоедом, тигр теряет всякий страх перед человеком и обычно нападает на него днем. Такой тигр очень опасен для населения, и в Индии известно много случаев, когда в районах, где появился тигр-людоед, местное население бросало деревни, поля и лесоразработки и переселялось в безопасные места (Корбетт, 1957).

Тигры-людоеды известны и в Китае. О их нападениях на дровосеков и ямщиков в провинции Гирин сообщал Н. А. Байков (1925). Были случаи, когда тигры заходили в хижины и уносили из них взрослых и детей. Однажды тигр напал на трех крестьян, собиравших хворост, и всех их убил, сломав шеи и раздробив черепа, но их трупы есть не стал. В другом районе эти хищники за короткое время умертвили 60 человек (Аллен, 1938).

В Китае нападения тигров на людей имели место и в последние годы. Так, в провинции Юньнань в 1949 г. этот хищник напал на человека близ Пуэн, а в 1953 г. загрыз женщину в округе Сымао.

СПОСОБЫ ОХОТЫ ТИГРА

За кабанами, изюбрами, лосями и другими зверями тигр охотится несколькими способами, но преимущественно скрадом. Найдя следы кабана или изюбра, хищ-

ник начинает их тропить, пока не подойдет более или менее близко к зверю, после этого он заходит с подветренной стороны и затаивается на пути своей жертвы, ожидая ее приближения. Обоняние у тигров относительно слабое, но все же они способны идти по следам преследуемого зверя спустя час. Этот хищник находит зверя в основном с помощью слуха и зрения (Покок, 1939). Охоте тигра благоприятствует очень яркая и пестрая окраска меха, которая прекрасно гармонирует с окружающей обстановкой. Пестрая окраска зверя является хорошим примером природного «камуфляжа», столь важного для маскировки. Еще В. К. Арсеньев (1949) отметил, что когда тигр бежит по лесу среди кустарников, лишенных листвы, черный, желтый и белый цвета его меха сливаются, и зверь кажется однотонным буро-серым.

Охотясь в высоких зарослях тростника, тигр иногда поднимается на задние лапы или прыгает вверх с целью осмотреться (Хахлов, 1928).

Летом тигр караулит изюбров, лосей и косуль у затонов, куда они приходят кормиться и на водопой, а также на солонцах, а во время многоснежных зим делает засады на их тропах. На близко подошедшее животное он бросается, делая один-два прыжка, и ударами передних лап валит на землю, где почти мгновенно умерщвляет, прокусывая шейные позвонки жертвы у затылка или самый затылок. Быстро убивать таким способом животное ему дают возможность громадные клыки, достигающие 6 *см* в длину. Лишь с крупными кабанами, медведями и быками ему приходится возиться дольше, чем обычно. На крупную добычу он нападает сбоку и сзади. Схватив животное зубами за горло или затылок, тигр валит его на землю, упирается ему ногами в грудную клетку и довольно быстро ломает позвоночник резкими поворотами головы. У многих коров, убитых тигром, шея была сломана (Аллен, 1938). У особенно крупных зверей, например буйволов, сначала рвет сухожилия задних ног, чем ослабляет борьбу животного (Покок, 1939). Бросившись на добычу и не поймав ее сразу, тигр делает еще несколько прыжков, но, пробежав таким образом 100—

200 *м*, прекращает преследование. Выслеживая зверей, он долго по их следам не ходит, исключение составляют лишь кабаны, которых этот хищник преследует с особым упорством, систематически убивая одного зверя за другим, пока не будет уничтожен весь табун. После этого он отправляется на поиски нового стада. Про таких тигров охотники удачно говорят, что они «пасут» свиней.

Нападая на животных, этот огромный хищник производит очень мало шума и поэтому не разгоняет табуны. В Сихотэ-Алиньском заповеднике удалось установить, что одна тигрица несколько дней подряд таскала из стада кабанов одну свинью за другой, пока не уничтожила весь табун. Все это время свиньи держались на одном участке. В том же районе видели следы тигра, который ночью подкрадывался к семейному гнезду кабанов, затем, когда до него оставалось недалеко, делал два прыжка и, схватив одну из свиней, также прыжками уносил ее метров за 200 в кусты, где и ел по два дня каждую. Кабаны из табуна, потревоженного ночью, вскоре успокаивались и днем спокойно паслись по солнечным склонам у ручья. В другой раз тигрица напала на лежавшую самку изюбра, причем нападение было настолько стремительным, что оленуха не успела даже вскочить с лежки. В декабре 1941 — январе 1942 г., работая в районе постоянного обитания тигра — в бассейнах рек Фаты и Сицы (Тернейский район), Г. Ф. Бромлей (1964) ни разу не видел каких-либо перебежек кабанов от преследований этого хищника. В то же время загрызенные им копытные были встречены во многих местах. Исследуя следы тигра, удалось установить, что он в районах названных рек охотился в ночное время, подкрадываясь к стаду свиней на 10—12 *м*, затем, сделав два-три прыжка, хватал и уносил одно животное, не оставляя даже капель крови. Только по небольшому потаску на снегу от ног жертвы можно было определить, что хищник нес добычу. Кабаны, испугавшись при нападении тигра, отбегали на 200—300 *м*, после чего снова устраивались на ночлег. Во время охот этот хищник сравнительно молчалив. Г. Ф. Бромлей (устное сообщ.), находясь в течение месяца в районе, где держался тигр, ни

разу не слыхал его голоса. По наблюдениям же Д. Корбетта (1957), во время охоты и после нее тигр ревет очень часто.

В Индии тигры охотятся иногда парами или целыми семьями. В таких случаях один хищник гонит преследуемого зверя на спрятавшегося партнера (Покок, 1939).

Выше отмечалось, что тигр справляется с медведем иногда более крупным, чем он сам. Выследив его, тигр делает засаду на скале или в буреломе с подветренной стороны. На подошедшего медведя он бросается сверху, хватает когтями одной лапы за подбородок, другой за горло и прокусывает позвонки. Медведи обычно боятся тигров и, встретив их следы, поспешно убегают в сторону. Столкнувшись с этим хищником, медведь старается спастись от него, взобравшись на дерево (Байков, 1925). Однажды на Сихотэ-Алине 6 февраля тигрица нашла берлогу медведицы, лежавшей с годовалыми медвежатами. Подкопавшись под берлогу с противоположного от чела края, она стала выпугивать медведицу, забегая то с одной, то с другой стороны. Наконец, тигрица схватила ее когтями за лапу и выволокла наружу, где быстро убила, прокусив шейные позвонки у затылка. Медвежата весом по 30 *кг* каждый были загрызены прямо в берлоге (Капланов, 1948).

При схватках с медведем тигр не всегда выходит победителем. В зиму 1959/60 г. в одном распадке на Сихотэ-Алине жила тигрица с двухлетними тигрятами. Однажды, убив кабана, она оставила его тигрятам, а сама отошла в сторону. В это время к ее добыче подошел крупный медведь-шатун, который, отогнав тигрят, решил воспользоваться чужими трудами. Вернувшись к добыче, тигрица бросилась на грабителя. Завязалась отчаянная борьба, шерсть летела клочьями, а кровь дерущихся зверей обагрила снег. Медведь убил тигрицу. Несмотря на тяжелые раны, он съел кабана, оставив от него лишь челюсти с клыками, а затем принялся за тигрицу. От медвежьего пиршества уцелела лишь голова, часть передней лапы и конец хвоста (Сысоев, 1960). В 1913 г. на реке Б. Синанче крупный бурый медведь задавил тигра. В 1960 г. в Сихотэ-Алиньском заповеднике жертвой медведя стал молодой тигр

(В. Абрамов, 1962). Аналогичный случай был описан ранее Н. Кривопуском (1957) для Приамурья.

Голодные тигр-самец или холостая самка, добыв крупное животное весом в 100—150 *кг*, сильно наедаются и отдыхают около него по 5—10 дней, поднимаясь лишь за тем, чтобы есть или пить. Обычно у своей добычи тигр остается лишь 3—4 дня, до тех пор, пока мясо сильно промерзнет или начнет разлагаться.

Иногда он, убив животное, оставляет его нетронутым, чтобы затем вновь вернуться к нему. В подобных случаях тигр изредка закрывает добычу травой, которую срывает зубами, а также хворостом и снегом. Крупного зверя тигр съедает с кожей, оставляя лишь лапы, копыта и голову. Разгрызает даже трубчатые кости лося. Убив животное, хищник, как правило, оттаскивает или уносит его в сторону в заросли, ближе к воде. По словам К. Андерсона (1964), тигр, начиная есть убитое животное, раздирает у него область заднего прохода и в образовавшееся отверстие лапой вытаскивает кишечник и желудок и оттаскивает их на 2—3 *м* в сторону, после чего приступает к еде. Это наблюдение нуждается в проверке. По литературным данным, голодный зверь за один раз будто бы съедает 32—48 *кг* мяса (Байков, 1925), что вряд ли возможно, хотя и Д. Корбетт (1957) пишет, что оленя-замбара тигр может съесть за два дня, а буйвола — за три, причем от добычи остается немного. В зоопарках норма кормления тигра в сутки 10—12 *кг* мяса (Обухова и Шахназаров, 1949). Судя по питанию других хищников, изучавшихся нами, и на воле тигр должен за сутки съедать около 10 *кг* мяса или чуть больше. В Индии взрослый тигр убивает в день всегда не больше одного животного, в среднем одну корову или быка в неделю. Молодой же зверь, напав на стадо, может убить за один раз четыре-пять коров (Жердон, 1874). На Сихотэ-Алине один взрослый тигр в среднем убивает и съедает в год около 30 крупных зверей по 100 *кг* (3000 *кг* живого веса). Тигрица и три тигренка из одной семьи за 20 суток съели 280 *кг* мяса (изюбр — 150 *кг*, кабан — 100 *кг*, поросенок — 20 *кг*, кабарга — 10 *кг*). В год звери из одного выводка съедают около 5040 *кг* мяса (Капланов, 1948).

Тигр пьет много и часто. В Средней Азии для водо-

поя он чаще всего, особенно зимой, использует реку, а не озеро. Из озер пьет преимущественно весной и летом, когда в половодье вода бывает менее соленой, чем зимой.

УЧАСТОК ОБИТАНИЯ

Питание крупными животными вынуждает тигра совершать в поисках добычи большие переходы, а

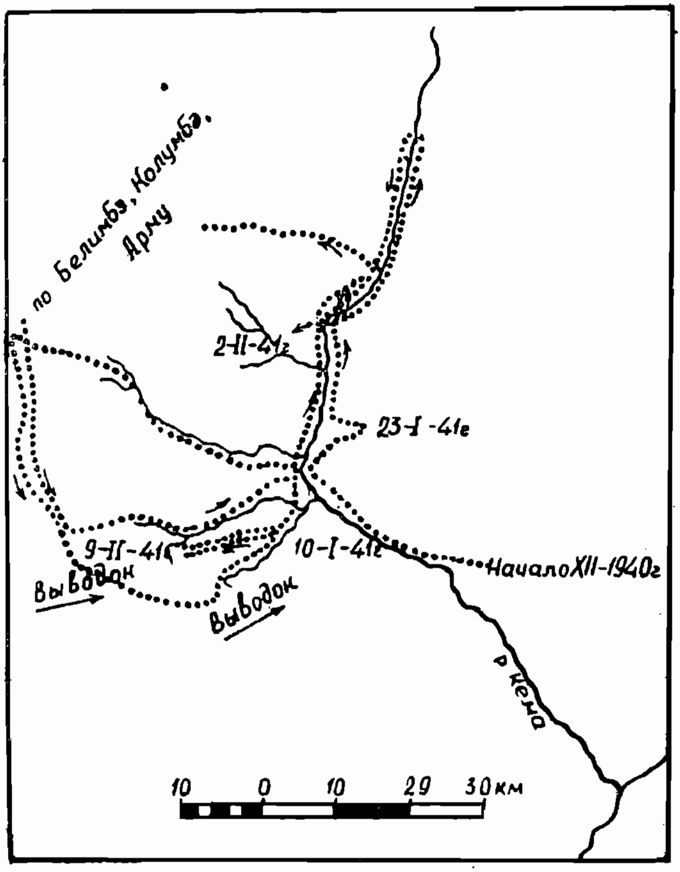


Рис. 26. Схема переходов тигра-самца в бассейне р. Кемы (хр. Сихотэ-Алинь) с начала декабря 1940 г. по 9 февраля 1941 г. *По Л. Г. Капланову (1948).*

часто и следовать за копытными, кочующими с одного пастбища на другое, поэтому размеры охотничьих участков отдельных особей очень велики. В дельте Или, где много кабанов и косуль, один тигр занимал участок вдоль протока размером примерно 50×20 *км* и периодически охотился в различных его уголках. Как только количество свиней резко сокращалось, тигр покидал ранее занятый им район и уходил в новый, часто за несколько сот километров от первого. В Таджикистане в Тигровой балке, изобилующей копытными, жили три тигра на участках, которые, местами налегая один на другой, занимали площадь диаметром примерно в 6—7 *км* каждый (Флеров, 1935). В этом же районе, по данным С. У. Строганова (1961), индивидуальный участок тигра обычно не превышал 30—40 *кв. км* (рис. 26). Однако в одном месте тигры долго не жили и через несколько дней или недель переходили в смежный район или уходили еще дальше. В Сихотэ-Алине холостая тигрица в зиму 1939/40 г. периодически посещала целую систему речек и хребтов и встречалась на участке размером 60×70 *км*. Взрослый самец также зимой периодически появлялся на участке в 80×40 *км* (Капланов, 1948). В том же районе в местах, богатых копытными, тигр иногда держится на территории одного-двух ключей на площади в 40—50 тыс. га (Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.). В многоснежные зимы участок, регулярно посещаемый тигром, также обычно сокращается, и он натаптывает в нем целые тропы, постоянно передвигаясь по ним. В Индии тигрица «Чоугарийский людоед» в течение пяти лет нападала на людей на участке площадью примерно в 60 *кв. км* (Корбетт, 1957). По К. Андерсону (1964), в этой стране район охот тигра занимает участок 6×5 миль. Можно предположить, что летом тигры живут более оседло, но и в это время они часто делают переходы на 10—30 *км*. Тигр все время кочует по своему участку, двигаясь более или менее по кругу, поэтому он периодически появляется в одном и том же месте через неделю — месяц, в зависимости от размеров занимаемого района.

Как и кошки других видов, а также медведи, тигр в обитаемом им участке оставляет своеобразные метки, для чего поднимается на задние лапы и скребет кору

когтями передних лап (Байков, 1915; Аллен, 1938; Арсеньев, 1950). Иногда кора на дереве бывает им содрана на высоте до 250 *см*. По этим меткам можно судить о размерах оставившего их тигра. Кроме того, по наблюдениям Гедигера и других (1957), тигры оставляют специальные пахучие метки мочой и экскрементами (у них имеются пахучие прианальные железы). Для этой цели звери выбирают определенные камни или деревья и систематически опрыскивают их своей мочой. Найдя такую метку, тигр обнюхивает ее, затем оставляет свою мочу, вновь нюхает («контролирует») и лишь после этого идет дальше. Во время гона самка, оставляя пахучие метки, таким способом привлекает к себе самцов.

Во время охот тигр обычно идет по горным кряжам, откуда ему видны оба склона; часто он ложится на высоком выступе скалы, возвышающейся над речной долиной, и оттуда осматривает окрестности. Переходы по своему участку он совершает от одной жертвы до другой. «Съев добычу полностью или оставив часть мяса, — пишет Л. Г. Капланов (1948), — зверь отправляется в путь по своему охотничьему участку. Первое время он валяется на снегу через каждые 100—200 *м*, оставляя пятна крови на отпечатках тела, почему можно определить, что зверь недавно пошел от добычи. Тигр часто ложится на брюхо, мочится, испражняется, скребет лапами снег и землю и, пройдя так десяток или больше километров, ложится где-либо на солнышке в участке, не закрытом деревьями. В ночное время, наоборот, он избирает для отдыха плотную чащу ельника, где на несколько градусов теплее, чем в редких насаждениях». Иногда после еды тигр становится на задние лапы, а когтями передних царапает мягкую кору деревьев. Возможно, что таким способом он очищает когти от крови (Андерсон, 1964). После отдыха, который продолжается 12 и более часов, зверь снова пускается в путь и лишь изредка останавливается, валяясь на снегу. Во время дальних кочевок, периодически задерживаясь и отдыхая, а иногда и без остановок, тигр идет несколько суток и уходит на десятки, а иногда и сотни километров. В сутки он проходит от 20—50 (Капланов, 1948) до 100 *км* (Байков, 1925). Таким образом, вся зимняя жизнь одинокого тигра слагается из

чередования длинных переходов с поеданием добычи и отдыхом около нее. Лишь во время гона самец и самка держатся на сравнительно небольшом участке. Задерживается тигр и возле мест, богатых кабанами или изюбрами.

В отличие от холостых зверей, самка с выводком, в котором возраст тигрят менее двух лет, живет на небольшом участке. Например, в Сихотэ-Алине, в районе, богатом копытными зверями, тигрица с выводком

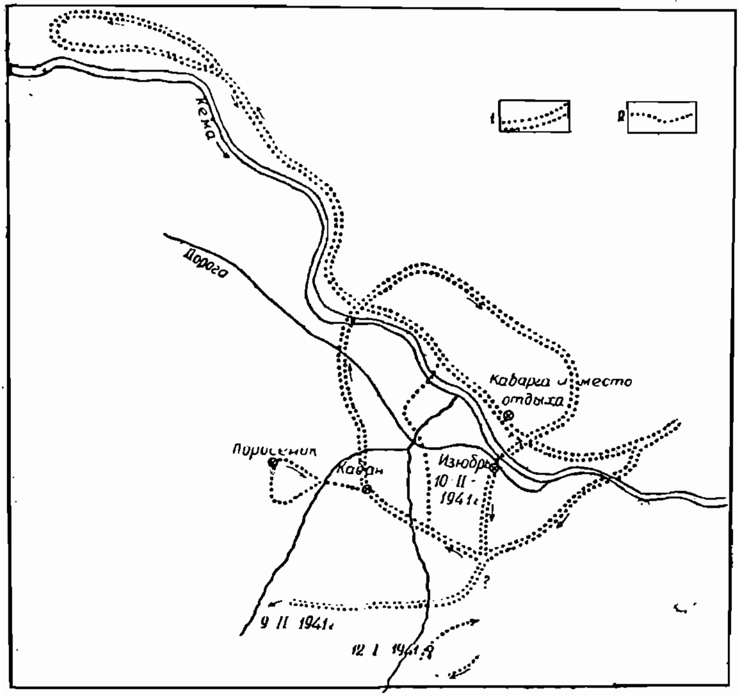


Рис. 27. Путь тигриного выводка с 24 декабря 1940 г. по 15 января 1941 г. в бассейне р. Кемы у Сяо-Кунжи (хр. Сихотэ-Алинь): *1* — тропы тигрицы с тигрятами; *2* — следы тигрицы.
По Л. Г. Капланову (1948).

в период с 24 декабря 1940 г. по 15 января 1941 г. обитала на пространстве 5×3 *км*, не появляясь вне его пределов (Капланов, 1948; рис. 27). Тигрица с моло-

дыми в возрасте двух-трех лет, безусловно, делает более дальние переходы. Так, в 1957 г. в верховьях реки Майхэ поселился выводок, состоявший из тигрицы и двух тигрят по второму году. До весны 1958 г. эта семья жила на довольно ограниченной территории. Позднее же тигры расширили участок своей деятельности и к осени 1959 г. занимали площадь 50×60 *км* (В. Абрамов, 1962).

УСТРОЙСТВО ЖИЛИЩ И ВРЕМЕННЫХ УБЕЖИЩ

Холостые тигры, как правило, постоянного логова не имеют, а ложатся отдыхать близ своей добычи. В долинах рек Средней Азии и Казахстана излюбленным местом дневных лежек этого хищника были окраины обширных тростниковых крепей, прилегающих к тугаю или к открытой поляне. Лежка обычно располагалась под тенью одиночно растущего дерева лоха (джиды) или туранги среди тростников или вейника, которые бывают сильно примяты. Подстилкой служит сухая трава. Иногда к логову идет хорошо заметная тропа и примыкает площадка размером в 30—40 *кв. м* с утоптанной или выбитой травой, усеянная костями, клочьями кожи и шерстью растерзанных животных. Все эти остатки издают смрадный запах. На такой площадке, судя по примятой траве, зверь лежит в нескольких местах, переходя и меняя их вслед за тенью (Строганов, 1961).

На Дальнем Востоке тигр ложится, выбрав более или менее укрытое место где-либо под кедром, иногда же располагается на солнцепеке или скале. Все же замечено, что к некоторым излюбленным местам он возвращается более или менее постоянно и здесь имеет логово. Зимой отдыхает, лежа прямо на снегу. Тигрица мечет котят в скалистых участках гор или в густых зарослях, выбирая для гнезда нишу в камнях, расселину в утесе или пещеру.

В Средней Азии и Казахстане логово для тигрят делалось в густом заломе тростника или тугае, на отдельном не затопленном водой островке. В Индии эти звери устраивают убежища под скалой или в пещере,

но однажды пару тигрят нашли под колючим кустом (Жердон, 1874; Покок, 1939). Вокруг логова часто валяется много костей и помета, издающих сильный специфический запах. Однако в логове тигрицы и около него, пока тигрята маленькие, костей и других остатков добычи не бывает (Андерсон, 1964). Само гнездо располагается в естественном углублении скалы или почвы и изредка бывает выстлано сухими листьями и травой, но обычно подстилки нет совсем. Часто логово хорошо укрыто сплошными зарослями дикого винограда, лиан и других растений. К логову с маленькими детенышами тигрица подходит осторожно и старается оставлять меньше следов, переступая с камня на камень.

Гнездо устраивается в местности, изобилующей кабанами и другими копытными. Одно и то же логово занимается тигрицей много лет подряд. Если она погибает, то нередко ее гнездо занимает другая самка. Когда тигрята подрастут и начнут следовать за самкой, она во время охот оставляет их на временной лежке, а сама охотится поблизости, часто всего в 500 *м*, причем так тихо, что не распугивает копытных, которые держатся близ логова (Капланов, 1948).

СУТОЧНЫЙ ЦИКЛ АКТИВНОСТИ И ПОВЕДЕНИЕ

Тигр в СССР ведет преимущественно сумеречный образ жизни, хотя он и охотится в любое время суток, но чаще всего после заката солнца и в первую половину ночи, а затем на рассвете. В Индии, где климат тропический, тигры жару переносят плохо, на охоту обычно выходят на закате солнца и охотятся всю ночь, медленно обходя угодья по тропам. Днем укрываются в тенистых прохладных местах (Покок, 1939). Наевшись, тигр большую часть дня отдыхает, лежа на боку, с вытянутыми лапами, но иногда встает, чтобы напиться из ближайшего ручья. Если охота ночью была неудачна, он преследует добычу и днем. Как и другие виды кошек, этот зверь отличается значительной чистоплотностью. Тигр часто чистит свой мех языком и лапами. После обильной еды любит валяться в снегу,

а летом купается в реке, причем погружает морду в воду и чавкает, промывая пасть от остатков мяса и крови. Когти очищает, царапая мягкую кору. В жаркие дни, спасаясь от гнуса, подолгу лежит в воде, выставив лишь одну голову, или ложится под брызги водопада. В некоторых районах жаркую часть лета проводит высоко в горах, поднимаясь до субальпийского пояса.

Тигру свойственно большинство инстинктов и нравов кошек. Движения его грациозны, быстры и ловки. Он может ползти в траве высотой в 60—70 *см* и быть совершенно незаметным. Ходит он обычно шагом шириной до 100 *см* и лишь преследуя добычу, бежит галопом, делая прыжки до 4 *м*. Максимальные размеры прыжков в длину 6—7 *м*, вверх — 2—3 *м*. Гагенбек (1957), специально выяснявший возможную высоту прыжка тигра, отмечает, что он прыгает не выше двух метров, прекрасно лазает по обрывам и скалам, но, как правило, не может взобраться на вертикально растущее дерево без частых сучков. Однако бывают исключения. Однажды тигрица, преследуемая охотниками, влезла на дерево без сучков на высоту 7,5 *м* (Покок, 1939). Тигр хорошо плавает и легко переплывает большие реки (Аму-Дарья, Амур) и морские проливы шириной до 5 миль.

Взрослые самцы и холостые тигрицы вне периода гона держатся в одиночку. Самка же с подросшими молодыми в возрасте одного года — трех лет ходит вместе, причем с ней иногда встречаются тигрята двух пометов. Благодаря этой особенности биологии наблюдались семьи тигров из четырех-пяти зверей. По словам охотников, когда на Дальнем Востоке тигров было много, встречались группы зверей из 7—13 особей (Капланов, 1948). Если подобные группы действительно существовали, можно предположить, что в данном случае соединялись две семьи.

Тигр обладает большой силой и способен перетаскивать животных, которые гораздо крупнее и тяжелее его. Еще Я. Ф. Брандт (1856) писал, что этот хищник может легко перетаскивать убитых им лошадей, коров и буйволов в возрасте до трех лет. Лошадь или корову он переносит на десятки, а иногда и сотни метров от того места, где убил, причем именно несет, а не воло-

чит. Д. Корбетт (1957) пишет: «Я видел, как тигр унес вполне взрослую корову за четыре мили (шесть километров)». Один тигр оттащил убитого им быка на 13,5 *м*. Этого быка не смогли передвинуть 13 человек. Наблюдали тигрицу, переплывавшую через реку с коровой в зубах (Покок, 1939). Однажды тигр запрыгнул в загон, убил в нем телка и, держа его в зубах, выпрыгнул обратно, а затем с добычей заскочил на скалу высотой 3,6 *м* (Аллен, 1938). Если добыча так тяжела, что тигр не в состоянии ее унести, он ее часто бросает. Когда хищник несет свою добычу, держа ее за шею, задняя часть ее волочится, оставляя ясный след. Если же, например, оленя тигр держит за середину спины, следы волока могут быть слабозаметными или отсутствовать совершенно. Кабана он несет в зубах через густые заросли. С крупной свиньей в зубах заскакивает на скалы и поднимается вверх по крутому склону.

Этот хищник меньше, чем другие крупные звери, боится человека, но все же обычно старается от него уйти. Тигр переходит в нападение, как правило, лишь при следующих обстоятельствах: 1) когда он ранен и его преследуют; 2) если к нему подойти, когда он остановлен собаками; 3) при подходе человека к логову с маленькими тигрятами; 4) при случайном, неожиданном для тигра, подходе к нему ночью. Ночью тигр гораздо смелее и ведет себя по отношению к человеку более дерзко (Капланов, 1948). Случаи, когда тигрицы, защищая своих детенышей, нападали на людей, наблюдались очень редко. Приморские тигроловы, отловившие несколько десятков тигрят, знают всего один факт, когда тигрица, ранее отогнанная выстрелами, вернулась к выводку и ее вынуждены были убить. Тигр не нападает и в том случае, когда человек подходит к его добыче.

Тигры-людоеды на территории современного Советского Союза даже раньше были явлением исключительно редким. За последние десятилетия такие звери у нас неизвестны совершенно. Раньше тигры-людоеды сравнительно часто появлялись на Дальнем Востоке, где местное население на них почти не охотилось, а также в Казахстане и Средней Азии.

Тигры, взятые маленькими, хорошо приручаются. Поддаются дрессировке и взрослые звери.

МИГРАЦИИ, ВЫСЕЛЕНИЯ И КОЧЕВКИ

Выше отмечалось, что холостые животные большую часть времени кочуют в поисках добычи по определенному, довольно значительному району. Иногда эти кочевки принимают более или менее правильный характер. Например, в Казахстане и на Дальнем Востоке тигры весной вслед за кочующими копытными поднимались высоко в горы, а осенью спускались в нижние пояса. Но особенно характерны для этого хищника непериодические выселения, вызываемые сокращением численности кабанов или их большими переходами, а также пожарами в тайге и на крупных площадях тростниковых займищ и тугаев. Например, в последние десятилетия тигры заходят в Закавказье, проникая сюда из Ирана. Из этой же страны, а также Афганистана описываемый хищник нерегулярно появляется в Туркмении.

В Таджикистане было замечено, что увеличение там численности тигров находилось в прямой связи с большими пожарами в тугаях на афганском берегу реки Пянджа. В низовьях Сыр-Дарьи тигры за последние 30 лет появлялись дважды — в 1926 и 1945 гг., следуя за табунами кабанов, переходивших по побережью Аральского моря из дельты Аму-Дарьи. Последний раз они прошли по прямой более 1000 *км*. По-видимому, зимой тигры, следуя за кочующими кабанами, переходили через Кызылкумы. В 1930 г. в дельте Или, после усиленной заготовки мяса диких свиней, численность их резко сократилась. Очевидно, в связи с этим в том же году наблюдались откочевки тигров. Два зверя из дельты пошли вверх по реке: один из них был убит в 500 *км* от дельты, второй по пойме ушел в Китай.

Тигры, которых добывали в прошлом веке в Центральном Казахстане, а также у Бийска и Барнаула, уходили от постоянного места обитания (озера Балхаш и Зайсан) на 450—600 *км* по прямой. За особенность тигра часто кочевать и делать большие переходы казахи удачно называют этого хищника «жол-барс». Это название можно перевести как «дорожный» или «путешествующий» барс. В 1953 г. несколько тигров появились в Юго-Восточном Забайкалье, прийдя из

Китая с хребта Хингана. Заходили туда тигры и раньше. Тигр, добытый в 1905 г. близ Усть-Мая (Алдан), ушел от постоянного места обитания примерно на 1000 *км* по прямой. Не меньшее расстояние проходили звери, изредка появлявшиеся даже на Верхоянском хребте и уходившие за Становой хребет до 56° с. ш. Как отмечалось выше, так далеко на север они обычно уходили, преследуя мигрирующих диких северных оленей.

На Дальнем Востоке начиная с 1886 г. две зимы подряд наблюдалось переселение тигров с запада на восток из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Все следы тигров шли в этом направлении (Арсеньев, 1949). Подобная же миграция отмечена в 1913 г. (Капланов, 1948).

По В. П. Сысоеву (1955а), известны ежегодные переходы тигров из Маньчжурии в пределы Советского Союза в районе реки Бикина. В 1924 г. охотник Ф. А. Силин встретил след крупного тигра и начал его преследовать. Погоня продолжалась 22 дня, и за это время тигр прошел от реки Тетюхэ до реки Таухэ, покрыв расстояние в 1000 *км*. Затем этот тигр перевалил в долину реки Сучан, а оттуда к реке Даубихэ, где его след обнаружили тигроловы братья Козины и, пройдя за ним еще 15 дней, «проводили» до Имана (В. Абрамов, 1962). Раньше в осеннее время тигры почти ежегодно на несколько дней заходили в Супутинский заповедник на реке Супутинке (Приморский край), спускаясь с хребта Додянь-Шань к истокам Каменки и Аникина ключа. В другое время года их следы в заповеднике не наблюдались (Бромлей и Гутинкова, 1955).

В конце 90-х годов прошлого столетия тигры по льду реки Амлокань перешли в Корею из Маньчжурии (Вон Хон Гу, устное сообщ.). Наблюдались такие переходы и из Кореи в Советский Союз.

Очевидно, что у тигра миграции и выселения — частые явления. Зверь стремится найти необходимые ему условия существования и нередко находит их; лишь дальние заходы от основного ареала на север, как правило, кончаются гибелью зверя, особенно в последние два века, так как почти каждый тигр, появившийся далеко от обычных для него мест обитания, бывает убит человеком.

РАЗМНОЖЕНИЕ, РАЗВИТИЕ ТИГРЯТ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Течка, беременность и роды у тигров северных подвидов, по новейшим наблюдениям на Дальнем Востоке и в зоопарках, не приурочены к какому-либо определенному периоду. Новорожденных тигрят находят в любое время года. Например, в декабре 1932 г. в Приморье в районе реки Бейцухэ — правого притока Имана пойман месячный тигренок весом около 2,5 *кг*. В январе 1933 г. на Имане нашли четырех мертвых тигрят весом от 4 до 6,5 *кг*. В мае 1933 г. близ реки Санчихезы добыли тигрицу, у которой в матке обнаружили пять вполне развитых эмбрионов. Зимой 1937/38 г. в верхних притоках Имана были пойманы три тигренка в возрасте трех-четырех месяцев (Салмин, 1940). По другим данным, маленьких тигрят в этом же районе находили 9 января, 13 апреля, 22 июля, 19 октября, 7 и 13 декабря (Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.). В марте 1957 г. в Судзухинском заповеднике нашли выводок из четырех тигрят в возрасте 1—1,5 месяцев (К. Г. Абрамов, устное сообщ.). Самка, добытая 30 марта 1950 г. в Юго-Западном Таджикистане на Пяндже, находилась в состоянии течки и была недавно покрыта самцом, так как в мазке из шейки матки нашли сперматозоиды. Вторая самка, добытая в этой же стороне на реке Кызылсу 26 июня 1950 г., оказалась лактирующей (Чернышев, 1958). Для Казахстана Н. А. Северцов (1861) указывал, что тигрята появляются в июне — августе. «В конце октября я носил на руках двухмесячных тигрят», — писал этот исследователь. В то же время В. Н. Шнитников (1936) сообщал о том, что в начале февраля 1909 г. в низовьях Или нашли помет из четырех тигрят примерно месячного возраста. В начале апреля 1908 г. на побережье Балхаша в районе низовий Аягуза поймали трех тигрят.

Наблюдения, сделанные в природе, подтверждаются данными, полученными в наших зоопарках, где у тигров течка также бывает в любое время года, повторяясь через два-три месяца, но иногда и каждый месяц или лишь два раза в году. О времени появления тигрят у уссурийских тигриц в Московском зоопарке мож-

но судить по данным таблицы 1, приведенной в работе Р. И. Афонской и М. К. Круминой (1956).

Таблица 1

Повторяемость по месяцам родов у уссурийских тигриц

Кличка самки	Месяцы									
	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
	Число случаев									
Чижик	—	2	1	2	1	—	—	—	1	1
Ная	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Люба	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
Итого	—	2	1	6	2	—	—	—	1	—

Из данных этой таблицы можно заключить, что роды у тигриц в зоопарке чаще всего бывают в два периода — весной и поздней осенью, обычно же тигрята появлялись в мае (46% всех случаев). Таким образом, сроки гона, которые раньше указывали для различных районов СССР (январь—февраль — Закавказье, декабрь — январь — Казахстан, конец декабря — январь — Дальний Восток), верны лишь отчасти.

У тигров, обитающих в северо-восточной части Китая, новорожденных тигрят обычно находят в апреле—июне, чаще же всего в мае. В Пекинском зоопарке уссурийская тигрица родила двух тигрят 21 мая 1958 г. В Южном Китае маленьких тигрят находили не только весной и летом, но и зимой. Например, двух небольших детенышей нашли близ Сингуана в Гуандунской провинции в декабре (Аллен, 1938). На юго-западе Китая, в провинции Юньнань, в округе Сымао тигрята чаще всего появляются в апреле — июне, затем в сентябре — октябре. Таким образом, как и у нас, появление тигрят в этой стране наблюдается главным образом в два периода.

О том, что у тигров нет определенного сезона размножения, в Индии было известно уже давно (Жердон, 1874). Отсутствие у тигра строгой сезонности в появлении пометов, по нашему мнению, указывает на южное

происхождение этого зверя, так как такой тип размножения характерен для многих тропических животных.

У тигрицы течка продолжается 12—18 дней, в редких случаях — до 25 дней. У уссурийских тигриц в Московском зоопарке течка длилась от 3 до 13 дней (Афонская, Крумина, 1956). Самка, пришедшая «в охоту», своеобразно урчит и фыркает, часто мочится, валяется на спине, раскинув в стороны лапы и заигрывая с самцом. Во время течки она ест мало или отказывается от корма совершенно. В этот период самка ходит обычно с одним самцом, но там, где тигров много, за одной тигрицей иногда следуют два — шесть самцов. Во время гона чаще, чем в другое время, слышен рев тигров. Своим ревом самка привлекает самцов. Между самцами происходят ожесточенные драки; они в это время делаются менее осторожными. Период спариваний у пары тигров продолжается пять-восемь, иногда до 18 дней. За время спариваний в течение дня наблюдается до 20 койтусов, в среднем — 11, с промежутками от трех-четырех минут до нескольких часов. Всего же за период спариваний бывает от 43 до 123 койтусов. Во время спаривания тигрица лежит на груди, приподняв зад вверх, а самец удерживает ее за кожу шеи.

По наблюдениям в зоопарках, продолжительность беременности 98—112 дней (Сатунин, 1915; Байков, 1925; Покок, 1939; Шерешевский, 1940). Наиболее же часто беременность длится 105 дней. У уссурийского тигра беременность продолжается от 95 до 107 дней, в среднем 103 дня (счет ведется от первого до последнего спаривания). По окончании течки самка отделяется от самца и держится поблизости будущего логова. В зоопарках после окончания периода спаривания самца от самки приходится сразу же удалять, так как между зверями начинают возникать жестокие драки. Самец никакого участия в воспитании выводка не принимает.

В помете тигриц в СССР повсеместно бывает два-четыре тигренка, редко — один и очень редко — пять-шесть. Интересно отметить, что на юге ареала описываемого хищника, например у южнокитайского тигра в провинции Юньнань, по нашим данным, обычно бывает один-два тигренка, реже — три и больше, хотя и здесь известен случай добычи беременной самки с

шестью эмбрионами. Г. М. Аллен (1938) сообщил о встрече у южнокитайского тигра выводков с двумя (два случая) и с четырьмя тигрятами (два случая). В Индии чаще всего находят двух, реже трех-четырех тигрят и очень редко пять-шесть (Жердон, 1874; Покок, 1939). А. Берифф (1932) сообщает о добыче самки королевского тигра с шестью эмбрионами, а редакция привела факт отстрела тигрицы с семью эмбрионами. И по данным И. К. Рая (устное сообщ.), в Индии убивали беременных самок, у которых находили до семи эмбрионов.

Нередко в первые месяцы жизни тигрят часть их гибнет от различных случайностей, поэтому позднее с тигрицей обычно ходят два-три тигренка и реже — один или четыре. Для различных районов ареала достоверно известно следующее количество тигрят в помете: в Закавказье — два помета по два тигренка; в Казахстане — три по два, один в три и один в четыре; в Таджикистане — два по одному; на Дальнем Востоке — семь по одному, семь по два, восемь по три, два по четыре тигренка, кроме того, там добыта беременная самка с пятью эмбрионами. Самку с четырьмя двухгодовалыми тигрятами в 1953 г. встретили члены бригады тигролова И. Трофимова на Сихотэ-Алине близ реки Тудо-Вака (газета «Красное Знамя», 26 марта 1953 г., Владивосток). В. К. Абрамов (1962) приводит сведения дальневосточных тигроловов о том, что за

Таблица 2

Количество тигрят в помете у уссурийских тигриц в Московском зоопарке

(по Афонской и Круминской, 1956)

Кличка самки	Количество детенышей в помете: 1	2	3	4	Всего пометов
	Число случаев				
Чижик	1	3	4	1	9
Ная	—	2	—	—	2
Люба	—	2	1	—	3
Всего случаев	1	7	5	1	14

период с 1936 по 1957 г. они встретили с двумя тигрятами пять выводков, с тремя — десять и с четырьмя — два. В 1957—1959 гг. учтено с одним тигренком четыре выводка, с двумя — восемь и с тремя — три. У уссурийских тигров, содержавшихся в Московском зоопарке, количество тигрят в помете было таким же, как и в естественных условиях, о чем можно судить по данным таблицы 2. Как мы видим, чаще всего в помете было два тигренка (50% всех случаев), но плодовитость отдельных самок оказалась неодинаковой. Тигрица Чижик обычно рожала трех тигрят. В Пекинском зоопарке в 1958 г. у двух уссурийских тигриц в пометах было два и три тигренка.

Родятся тигрята, как правило, слепыми и беспомощными, но иногда они появляются на свет уже зрячими (по-видимому, при наиболее длинном сроке беременности). Вес новорожденных 1300—1500 *г* (у уссурийских тигров от 785 до 1043 *г*). Размеры новорожденных котят уссурийского тигра следующие: длина тела 31,5—40 *см*, длина хвоста 13—16 *см*, высота уха 1,5—2,5 *см*. Когти непигментированы. Котята, родившиеся слепыми, прозревают на шестой-восьмой день (по другим данным — на пятый-десятый день). Ушные отверстия открываются на четвертый-пятый день, а уже через 12—15 дней молодые начинают реагировать на шум, доносящийся издалека. Зубов при рождении нет, но места их появления уже обозначены на деснах. На 13-й день прорезаются два средних резца. На 23-й — по два резца в верхней и нижней челюстях, на 42-й — на верхней и нижней челюстях по шесть резцов, на 53-й — верхние и нижние клыки. На 63-й день на верхней челюсти бывает два коренных, два клыка, шесть резцов. На нижней челюсти коренных шесть, два клыка, шесть резцов. В возрасте 8,5 месяцев у тигрят меняется средняя пара резцов, а у девятимесячных выпадают другие резцы. Ювенильный меховой покров линяет в возрасте 3,5—5,5 месяцев (Афонская, Крумина, 1956).

Окраска ювенильного меха у детенышей такая же полосатая, как и у взрослых, но основной фон ее значительно светлее и полосы светло-бурые.

Интересно отметить, что еще у маленьких тигрят уши бывают довольно крупными. Тыльная их сторона

Рис. 28. Выводок уссурийского тигра. Московский зоопарк. Фото *А. П. Жандармова.*

имеет ярко-черную окраску с белым пятном в середине. По-видимому, это сигнальная окраска, по которой матка отыскивает тигрят в темноте. Такая окраска ушей сохраняется и у взрослых животных.

Тигрята растут и развиваются быстро. На 12—15-й день они начинают уже ползать по логову, а в возрасте 20—30 дней выходят из него, ходят по снегу и взбираются на деревья. Лазают по деревьям и двухлетние молодые весом до 60 *кг*, позднее большинство зверей способность лазать по деревьям утрачивает.

О темпах роста молодых тигров можно примерно судить по изменению веса тигренка Сиротки, которого выкармливали искусственно в Московском зоопарке:

Возраст, дни	Вес, *кг*	Возраст, дни	Вес, *кг*
7	0,8	133	18,7
31	2,0	180	21,8
63	4,3	210	26,5
93	10,0	284	38,5

Через 35—36 дней после рождения тигрята начинают лизать мясо, а в возрасте 43 дней пробуют уже есть, но самка у них отбирает его. Через 48 дней малыши уже отрывают кусочки мяса.

В возрасте около двух месяцев тигрята регулярно начинают есть мясо, но молоком матери продолжают питаться до пяти-шести месяцев включительно. Тигрят, достигших двухмесячного возраста, тигрица начинает переводить с одного логова на другое. Оставив тигрят в логове, она отправляется за добычей и, поймав ее, приводит туда весь выводок. Затем выводок остается у мяса, а самка вновь отправляется на охоту,

Рис. 29. Молодые уссурийские тигры. 1958 г.
Фото Пекинского зоопарка.

и пока тигрята еще малы, подносит им добычу к новому месту. Тигрят в возрасте до шести месяцев мать не оставляет надолго одних, но более крупных молодых бросает на пять-шесть дней, а от двухгодовалых уходит на срок до 14 дней. В связи с тем, что тигрица вы-

нуждена оставлять маленьких котят одних, они в зимние месяцы иногда замерзают (Салмин, 1940; Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.). При обилии добычи выводок делает мало переходов и держится на сравнительно небольшом участке.

По нашим наблюдениям, тигрята очень подвижны и игривы. Когда молодые сыты, они, если не спят, то все время возятся друг с другом и заигрывают с тигрицей. Обычно один из тигрят, отковыляв в сторону, неуклюже затаивается и ждет, когда к нему подойдет другой, тогда он вскакивает и начинает хватать его за задние ноги или хвост. Точно так же они играют и с тигрицей. Иногда один тигренок, догнав другого, хватает его зубами за хвост и долго не отпускает, идя следом за ним. Борются тигрята мало. Молодые, играя около добычи, вытаптывают большие площадки и обкусывают веточки с ближайших деревьев и кустов. Если поблизости добычи мало и тигрица долго не возвращается, тигрята голодают и начинают грызть гнилушки.

Тигрята с самкой держатся два, а иногда и три года и лишь на четвертый год начинают жить самостоятельно. На эту особенность в биологии тигров первым указал еще П. И. Рычков (1762), говоря: «Сказывают, что старые бабры три года молодых кормят, в которое время они так смирны, что их ловить безопасно». Например, в 1953 г. на Сихотэ-Алине бригада тигроловов под руководством И. Т. Трофимова встретила выводок, состоявший из тигрицы и трех трехгодовалых тигрят, и всех молодых поймала.

К двум годам молодые тигры достигают веса более 100 *кг*. Например, в зиму 1950/51 г. на Дальнем Востоке поймали тигрят «лончаков» (по второму году) весом в 113 *кг* каждый (К. Г. Абрамов, устное сообщ.). В возрасте трех лет тигрята принимают участие в охоте вместе с самкой. Молодой самец в возрасте трех лет иногда весит уже 150 *кг*. Изредка с самкой ходят два ее выводка, причем из первого помета сохраняется один-два тигренка.

Половозрелость у самок и самцов тигра, как правило, наступает на четвертом году жизни. Например, в Московском зоопарке три самки уссурийского тигра стали половозрелыми в возрасте трех лет четырех ме-

сяцев — трех лет восьми месяцев, а самец — по достижении трех лет восьми месяцев, хотя попытки к спариванию впервые начал делать в возрасте двух лет семи месяцев (Афонская, Крумина, 1956). У индийского тигра половозрелость будто бы наступает на третьем году жизни (Блэнфорд, 1888—1891), а одна тигрица родила даже в возрасте всего двух лет (Покок, 1939). Благодаря тому, что тигрята долгое время остаются при самке, помет у тигрицы бывает один раз в два-четыре года. Указанная особенность биологии тигра впервые отмечена П. И. Рычковым (1762), который писал, что «бабры... щенятся через три года». В Московском зоопарке был случай, когда одна самка за год дала два помета и забеременела в третий раз (Салмин, 1940). Эта самка тигрят сама не кормила.

По наблюдениям в неволе, способность размножаться у тигра сохраняется до 20 лет, а живут эти звери до 40—50 лет (Байков, 1925), уссурийская тигрица Сиротка, родившаяся в Московском зоопарке, прожила 18 лет. В Индии один тигр прожил в сравнительно небольшом районе 15 лет и был убит в расцвете сил. Другой хищник в течение 20 лет нападал на скот определенного округа, и когда его убили, он оказался совсем еще не старым (Покок, 1939).

В течение своей жизни тигрица приносит 20—30 тигрят, из которых обычно половина погибает, не прожив и шести месяцев (Бертэн, 1954). По нашим же данным, одна самка приносит всего 10—15 детенышей.

СПОСОБНОСТЬ К ГИБРИДИЗАЦИИ

В неволе тигры сравнительно легко скрещиваются со львами. К. Гагенбек (1957) много раз получал гибридов этих огромных кошек. При скрещивании указанных хищников проявляется гетерозис, поэтому гибриды бывают значительно крупнее своих родителей. Эти красивые, сильные животные с мощной головой по внешнему виду больше похожи на льва, лишенного гривы. Полосатость, характерная для тигра, выражена у них слабо и обычно лишь на лапах. Гибриды отличаются очень мирным нравом. Они, как устано-

вил К. Гагенбек, бесплодны. Возможно, что раньше, когда ареалы тигра и персидского льва частично налагались друг на друга, могла происходить и естественная гибридизация.

ВРАГИ, ПАРАЗИТЫ, БОЛЕЗНИ, СМЕРТНОСТЬ, КОНКУРЕНТЫ

Среди зверей взрослый тигр врагов не имеет. Известны лишь очень редкие случаи, когда он погибал от ран, нанесенных ему кабаном-секачом, буйволом или бурым медведем, оборонявшимися от его нападения. Случаи гибели тигров от кабанов, со слов охотников, известны для Закавказья и Ирана (Брандт, 1856), Казахстана, Средней Азии, Дальнего Востока и Индии. Например, в верховьях Имана кабан засек напавшую на него тигрицу, а оставшиеся два ее тигренка пали от голода. В 1933 г. в районе Бикина от кабана погиб тигр весом в 120 кг. По сообщению удэгейца Кялендзиги, в Приморье близ реки Б. Синанчи в 1913 г. крупный бурый медведь задавил тигра (В. Абрамов, 1962). Чаще чем взрослые тигры гибнут тигрята. По словам охотников, их уничтожают тигры-самцы, бурые медведи и другие хищники. Так, в 1956 г. в Биробиджане был неурожай кедровых орехов и желудей. Кабаны с трудом находили себе корм. Поздней осенью появилось много медведей-шатунов, которые, не зажирев из-за недостатка кормов, не ложились в берлоги и голодные бродили по тайге. Один из таких медведей напал на молодого трехлетнего тигра и загрыз его. Судя по следам на снегу, необычное нападение медведя на тигра произошло следующим образом. В Хинганской тайге на хребте Шухи-Покто тигрица, ходившая с крупным тигренком, напала на табун кабанов и задрала одну свинью. Оставив у добычи тигренка, тигрица ушла. На молодого тигра и его добычу натknулся медведь-шатун. Между хищниками завязалась драка, о чем свидетельствовали клочья шерсти обоих зверей и взрытый, обильно политый кровью снег. Победил медведь. Наевшись, он завалил валежником свои трофеи и не раз потом к ним возвращался. Съев свинью, он принялся за тигра, но был спугнут людьми («Известия», 14 февраля 1957 г.; Кривопуск, 1957).

Второй случай, когда медведь-шатун убил взрослую тигрицу на Сихотэ-Алине, был описан выше. В 1960 г. молодой тигр погиб в схватке с медведем в Сихотэ-Алиньском заповеднике (В. Абрамов, 1962).

Тигры сильно страдают, а иногда и гибнут от игл дикобраза, которые получают при попытке напасть на этого грызуна. «Мне, — говорит Д. Корбетт (1957), — случалось извлечь из застреленных мной тигров-людоедов сотни две игл дикобраза. Некоторые из этих игл имели больше девяти дюймов (23 *см*) в длину, а по толщине не уступали карандашу. Большинство игл засело в мышцах, немногие крепко застряли между

Рис. 30. Остатки молодого тигра, убитого и съеденного бурым медведем-шатуном. 1956 г. Ключ Каменный, хр. Шухи-Покто, Хабаровский край. *Фото Н. Кривопуска.*

костями». Ф. Бурльер (1955) приводит сообщение Прейтера о том, что был найден мертвый взрослый тигр с печенью и легкими, проткнутыми во многих местах иглами дикобраза, который лежал в нескольких ярдах от своей жертвы. И в наших пределах в Закавказье, Средней Азии и на юге Казахстана тигры могли получать ранения от этого грызуна.

Болезни тигра в естественных условиях не изуче-

ны. В зоопарках же он болеет всеми инфекционными болезнями, свойственными кошкам, а также другим видам плотоядных зверей. Например, в одном зверинце уссурийский тигр заболел сапом и погиб от этого заболевания на 13-й день. Заражение произошло от поедания мяса сапной лошади (Вышелесский, 1948). Тигры гибли также от пастереллеза, паратифа, чумы плотоядных и других заболеваний. У двух тигров, добытых в Юго-Западном Таджикистане, в толстых и тонких кишках обнаружили по пять-семь ленточных червей (*Taenia bubesei*), ранее известных у африканского льва (Чернышев, 1953). Эта находка, по нашему мнению, указывает на тот факт, что раньше ареалы тигра и льва частично налагались друг на друга. Подобные предположения подтверждаются историческими и палеонтологическими данными. Для этого хищника указана также *Toxocara mystax* (Мозговой, 1953). Токсоаскаридиоз часто наблюдается у тигров в зоопарках. У амурского тигра, исследованного П. Г. Ошмариным, найдено четыре вида гельминтов: *Paragonismus westermanni, Physaloptera praeputiale, Dirofilaria ursi* и *Uiteinarta* sp. (В. Абрамов, 1962). С самки, добытой в Таджикистане 26 июня, собрано 339 клещей, относящихся к четырем видам: *Rhipicephalus turanicus* (основная масса), *Boophilus calcaratus* (три экз.), *Hyalomma detritum* (семь экз). и *H. marginata* (Чернышев, 1958). По Б. И. Померанцеву (1946), на тиграх Приморья паразитирует клещ *Dermacentor silvarum*.

Конкурентом тигра повсеместно является волк. В Приморье охотники считают, что там, где держится тигр, волков нет или их очень мало, так как они уверены, что этот огромный хищник уничтожает волков. Такого же мнения держатся и зоологи, изучавшие тигра на Дальнем Востоке (Капланов, 1948; Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.). Зная, с каким усердием тигр преследует собак, можно полагать, что так же интенсивно он охотится и на волков. Конкурентом этого хищника может быть и леопард; как правило, эти кошки не живут поблизости друг от друга. Иногда по следам тигра идет крупный медведь и харза, а в Средней Азии — шакал, хаус и гиена в надежде поживиться остатками его трапезы. Например, на Дальнем Востоке в долине реки Арму был найден самец-изюбр,

загрызенный тигром и позднее зарытый бурым медведем в снег (К. Г. Абрамов, устное сообщ.). В Хабаровском крае, в годы неурожая кормов для медведя (кедровые орешки и жолуди), он, слабо зажирев, долго не ложится в берлогу и начинает чаще, чем обычно, нападать на кабанов и лосей, конкурируя таким образом с тигром. В подобных случаях медведь иногда отгоняет молодых тигров от их добычи (В. П. Сысоев, устное сообщ.).

К остаткам добычи тигра всегда собираются стаи вóронов и ворон. Мелкие хищники мертвого тигра не боятся, например в 1950 г. в Тигровой балке был найден труп тигра, объеденный шакалами.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ

Выше было отмечено, что за последнее столетие численность тигра повсеместно сокращалась и в настоящее время он во многих частях ареала (Узбекистан, Казахстан) исчез совершенно или лишь в них заходит (Закавказье, Туркмения, Таджикистан, Юго-Восточное Забайкалье, Амурская область). Причиной быстрого снижения численности тигра было прямое преследование человеком и, особенно, его косвенное влияние (вырубание и выжигание лесов, в том числе тугаев, осушение, распашка и выжигание тростниковых займищ, сокращение численности диких копытных и другие факторы). Например, мы считаем, что основной причиной гибели последних тигров в Казахстане были грандиозные пожары тростников в низовьях рек, уничтожавшие там всю растительность в апреле — мае в 30—40-х годах текущего столетия (Слудский, 1950). Главным образом от пожаров тигры исчезли и в низовьях Аму-Дарьи (Покровский, 1951). В Таджикистане численность их сократилась в результате быстрого освоения пойм рек (например, Вахша).

Интересно отметить, что когда в XIII и XVIII вв. в результате тяжелых войн сельскому хозяйству Средней Азии и Южного Казахстана был нанесен большой ущерб (было уничтожено большинство орошаемых полей и масса скота), численность тигров значительно возрастала. Подобная же картина наблюдалась в Ки-

тае и Индии. Как только крупные социальные явления (войны, восстания, революции) нарушали экономику страны, сейчас же численность тигров начинала расти. Например, в Китае количество тигров значительно возросло в годы борьбы за освобождение этой страны, закончившейся в 1949 г.

Наряду с постепенным сокращением количества этих хищников, наблюдаются и временные изменения их численности, вызываемые перекочевками тигров и их гибелью при наступлении неблагоприятных для них условий, главным образом при недостатке кормов или трудности их добывания. Так, на Сихотэ-Алине в годы, урожайные на кедровые орешки и желуди, увеличивалась численность кабанов, а вместе с тем возрастало и количество тигров, которые перекочевывали сюда из Маньчжурии и Кореи. В Амурской области после массового падежа кабанов, бывшего в 1955 г., тигры исчезли почти совершенно (Г. Модин, устное сообщ.). В низовьях Аму-Дарьи заметное снижение численности тигров произошло после интенсивной эпизоотии там чумы среди кабанов, бывшей в 1938 г. и погубившей более половины этих копытных. После выселения кабанов из дельты Аму-Дарьи в 1945 г. тигры там почти совсем исчезли. В отдельные годы замечалось увеличение численности тигров в тугаях правобережья реки Пяндж. Подобное явление произошло в 1936 и 1950 гг. В последний год местные охотники в течение трех-четырех месяцев убили там четырех тигров. Отмеченное увеличение числа тигров связано с пожарами в тугаях левобережья (Чернышев, 1958). Численность тигров может снижаться после очень многоснежных зим и продолжительных настов, бывающих ранней весной. Как известно, в такие зимы взрослые тигры сильно голодают и даже гибнут от истощения (см. выше), но особенно сильно страдают молодые, которым тигрица не может добывать достаточно корма.

В связи с тем, что тигру иногда приходится переносить длительные голодовки, у него в благоприятные сезоны года накапливаются большие запасы жира, который откладывается на брюхе, в пахах и полости тела пластами толщиной в 4—5 *см*. Кроме того, прос-

лойки жира всюду встречаются между мышцами. Например, с молодого трехлетнего самца, добытого 16 февраля 1940 г. на Сихотэ-Алине, было снято около 30 *кг* жира (Капланов, 1948). С самки, добытой 30 марта 1950 г. на Пяндже, собрали 10,5 *кг* жира. У этой тигрицы слой жира в брюшной полости был 40—50 *мм* (Чернышев, 1958). Благодаря большим запасам жира, достигающим 20% от общего веса зверя, тигры, не евшие по 5—10 суток, бывают совершенно бодрыми. По-видимому, они могут переносить и более длительные голодовки. В Индии два тигра, окруженные в зарослях на пространстве 70 *м* в диаметре, были ранены на пятый день облавы, но убить их удалось при помощи слонов лишь на десятый. Несмотря на то, что при сильной жаре они не могли получить ни корма, ни питья, т. к. были окружены сторожевыми кострами, да к тому же были ранены, они оказались вполне жизнеспособными до последнего момента (Бихнер, 1905).

Наконец, гибель тигров возможна от эпизоотий, возникающих среди кошачьих и других плотоядных.

Таким образом, основными факторами, влияющими на численность тигра, помимо человека и его деятельности, являются климатические условия, от изменений которых зависит численность копытных — добычи тигра и легкость их добывания, а также, возможно, эпизоотии.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Раньше, когда тигров было больше, они наносили некоторый ущерб скотоводству в Закавказье, Средней Азии, Казахстане, Юго-Восточном Забайкалье и на Дальнем Востоке. Например, пара тигров, жившая у реки Каратал (Южное Прибалхашье), в 1905 г. истребила около 30 верблюдов и 100 лошадей (Шнитников, 1936). Еще в 1929 г. в низовьях Или тигры уничтожили более 200 голов скота (Н. Ш., 1930). Один крупный тигр в Пархаре (Таджикистан) за месяц уничтожил в колхозах 23 головы крупного и мелкого скота (газета «Коммунист Таджикистана», 3 апреля 1938 г.). Особенно сильно скот страдал от этого хищника на зимов-

ках, расположенных в тростниках у рек. Например, В. Герн (1891) отметил, что тигры, обитавшие у реки Чу, нападали на зимующий скот, главным образом коров и, реже, верблюдов.

С приходом в Среднюю Азию русских тигров начали усиленно истреблять, для чего были созданы специальные военно-охотничьи команды. В 70-х годах прошлого века за убитого тигра выдавали премию в размере 25 рублей, а в начале текущего столетия — 50 рублей. Даже уже 21 мая 1929 г. бывшим Джетысуйским окружным исполнительным комитетом издано специальное постановление об истреблении тигров (№ 20). За убитого зверя была назначена премия в 100 рублей, кроме того, его разрешали добывать любыми способами. Все эти меры, а также другие факторы привели к быстрому истреблению тигра. В последние годы в Средней Азии тигр продолжал вредить животноводству лишь в Таджикистане да в дельте Аму-Дарьи, но наносимый ущерб был весьма небольшим. Раньше тигр вредил скотоводству и на Дальнем Востоке. Например, в июне 1869 г. в с. Троицком на берегу оз. Ханка в течение месяца этот хищник задавил 32 коровы и лошади (Пржевальский, 1870). В последние годы в этих местах тигр вредит животноводству крайне редко (см. выше).

Вред от тигра охотничьему хозяйству, учитывая его современную малочисленность, не велик. Все зоологи, изучавшие тигра в последние годы, считают его в охотничьем хозяйстве полезным животным, так как там, где держится этот хищник, волков нет или их очень мало (речь идет о Дальнем Востоке). К тому же тигр копытных загрызает мало и не разгоняет их табуны, как это делают волки (Салмин, 1940; Капланов, 1948; Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.).

Случаи нападения тигров на людей, если описываемых хищников не преследовали и не ранили, за последние 20 лет в пределах СССР неизвестны. В заповедниках, где теперь в основном сохранились эти хищники, они для человека мало опасны, так как тут на них не охотятся и достаточно диких копытных.

Тигр — ценный пушной зверь, но в настоящее время значение его шкур в пушных заготовках ничтожно,

так как по всему Советскому Союзу до запрета охоты на этого хищника ежегодно добывали всего лишь около десятка зверей, шкуры которых, к тому же, обычно оседали у населения. Трех-четырех тигров убивали в Таджикистане и пять-восемь на Дальнем Востоке. К заготовителям же здесь попадали одна-четыре шкуры (Г. Ф. Бромлей, устное сообщ.). И раньше основная масса шкур тигров оставалась у населения или скупалась любителями. Например, Э. Эверсман (1850), описывая охоту на тигров у казахов, отметил, что «кожу (тигра. — *А. С.*) они сохраняют для воспоминания о своем геройском подвиге и постилают ее в своих юртах вместо ковра». Далее он говорит, что ежегодно в Оренбург или Троицк в среднем привозят одну шкуру тигра, «но из этого нельзя заключить о редкости тигра, ибо большая часть шкур остается в степи». Еще раньше о продаже бухарскими купцами шкур тигра в Оренбурге сообщал П. С. Паллас (1773). По М. Красовскому (1868), из Киргизской степи через дистанции (таможенные. — *А. С.*) Петропавловскую, Пресногорьковскую, Омскую и Коряковскую за пять лет (с 1857 по 1861 г.) было вывезено всего три шкуры тигра, тогда как убивали их еще в то время ежегодно десятками.

Количество шкур тигров, промышляемых в наших пределах, по отношению их к мировой добыче невелико. Так, ежегодную мировую добычу шкур тигра в период с 1907 по 1910 г. Брасс (1911), а также Петерсон[1] определяли в 500 штук, в то же время до 1914 г. на русские ярмарки в год поступало всего 30—50 шкур. По определению Д. К. Соловьева (1926), в 20-х годах текущего столетия в Советском Союзе добывали около 60 тигров, в том числе двух-трех ловили живьем. По Н. А. Байкову (1925), в этот же период в бывших Амурской области и в Приморской губернии ежегодно добывали 25 зверей, в Корее — 25 и в Маньчжурии — 50—60 тигров. На мировом рынке особенно ценятся шкуры амурского и уссурийского тигров. Высокие цены на шкуры тигра явились одной из причин усиленной охоты на него. Так, в 1760 г. крупные шкуры

---

[1] Приводится по А. Каплину, В. Иванову, М. Патушенко (1955).

тигра в Оренбурге стоили 13 рублей, средние — 8, мелкие — 5 (Рычков, 1762). В начале текущего столетия в Средней Азии шкура тигра стоила уже 100 и более рублей (Зарудный, 1915), а по другим источникам — до 200 рублей. Еще дороже продавались шкуры дальневосточного тигра. Так, в Приморском крае шкура тигра стоила в 1886 г. 70 рублей, в 1891 г.— 50—60, а в 1895 г. — уже 100—200 (Силантьев, 1898).

Рис. 31. После промысла в Уссурийском крае. Ороч Гонга за зиму 1909/10 г. убил трех тигров, пять соболей, трех медведей, 20 косуль, 35 кабанов, семь изюбров и 150 белок. *По Д. К. Соловьеву (1926).*

В это же время шкуры соболей продавали по 5—25 рублей. В 1927—1928 гг. на Дальнем Востоке шкура тигра продавалась по цене от 300 до 500 мексиканских долларов (Байков, 1928). Современная заготовительная цена шкуры тигра в зависимости от ее сорта колеблется от 4 до 35 рублей.

В последние годы в Китайской Народной Республике сырые шкуры тигров принимались по цене от 10 до 34 юаней, а выделанные продавались по 70—150 юаней, причем особенно ценятся уссурийские тигры, добываемые в северо-восточных провинциях.

Не меньшую ценность, чем шкуры, представляли и туши этого хищника, которые экспортировались в Китай, где скупались аптеками. Так, по данным В. Герна (1891), китайцы в Семиречье и Кульджинском крае охотно покупали и дорого ценили сердце и кости тигра. В 1929—1930 гг. на советском Дальнем Востоке тигровые туши принимались по 3 рубля 50 копеек за килограмм живого веса, кости — по 15 рублей за килограмм. В то же время в Маньчжурии за 16 *кг* туши платили 10 мексиканских долларов (Байков, 1928). Таким образом, охотник за убитого взрослого тигра получал более 1000 рублей.

Китайские медики особенно дорого ценили туши взрослого самца, а из отдельных ее частей — вибриссы («усы»), сердце, кровь, глаза, кости лап, когти, желчь, печень, а также половой орган. Из этих частей тела приготовляли порошки, отвары и студни, которыми лечили от различных хронических заболеваний, а также от трусости, бессилия и т. д. В прежние годы на Дальнем Востоке добытого зверя не потрошили, а целиком замораживали и в таком виде отправляли в ближайший город. Чтобы не повредить отдельные части тела, тушу плотно, в несколько рядов обматывали крепкой материей. Все добытые звери скупались китайцами и отправлялись через Чифу и Шанхай на внутренние рынки Китая, но главным образом в Пекин и Тяньцзин. Наиболее длинные вибриссы свертывали в кольцо и носили в виде амулета на шее или зашивали в борт мужского костюма. По существовавшему поверью, обладатель его имел неограниченную таинственную власть над женщинами (Соверби, 1925; Байков, 1925). Такой вибрисс стоил до 10 мексиканских долларов. Как амулеты же, китайцы носили зубы и кости тигра, считая, что они охраняют обладателя от дурного человеческого глаза. В Индии вибриссы тигра также считали амулетом, с помощью которого легко покорять женщин, когти же этого хищника оправляли в серебро и носили как ожерелье или браслет (Жердон, 1874). Интересно отметить, что в середине прошлого века и казахи, по словам Г. С. Карелина, имели обыкновение отрезать когти у добытого тигра и пришивать их к платью своих детей, считая их талис-

маном, имеющим такую же силу удалять от ребенка злых духов, как и перья филина. Китайцы будто бы собирали экскременты тигра и, высушив, добавляли их в различные лекарства.

Посетив в 1958 г. Китай, мы были свидетелями все еще широкого использования отдельных частей туши и органов тигра для лечения самых разнообразных заболеваний. Во всех уездах, где еще сохранились тигры, государственно-кооперативные заготовительные организации выпускают красочные плакаты, с помощью которых население информируется о закупке различных органов тигра и о способах их консервировки (рис. 32). Специальные заготовительные конторы скупают кости описываемого хищника, которые весят иногда до 30 *кг*. Особенно ценятся кости лап, а главное — коленные чашечки. Так, если килограмм костей лап стоит 20—24 юаня, то такое же количество коленных чашечек принимается за 240 юаней. В аптекарских же магазинах килограмм чашечек стоит уже 550 юаней. Кости консервируются следующим образом. Их тщательно очищают от мяса (варить нельзя!), а затем высушивают над дымящим костром, закапчивая их. Заготавливают также глаза, пара которых в высушенном виде стоит 6 юаней, затем желудок, половой орган.

Из костей тигра приготовляют специальное лекарство, называемое «ху-ку-тю» или «хугумугуацзю» («вино из костей тигра с тыквой»), которым лечат суставной ревматизм, подагру, туберкулез костей, некоторые виды параличей, дают его также при ушибах, переломах и тяжелых ранениях. «Вино из костей тигра» продают во всех аптеках Китая, обычно в полулитровых бутылках с красочной этикеткой. Стоит такая бутылка 2 юаня 70 фынь. Описываемое лекарство приготовляют следующим образом. Высушенные кости заливают крепкой водкой (60°) и кипятят на медленном огне. После того как водка испарится кости ею заливают вторично и вновь начинают выпаривание, которое таким образом повторяют до 20—30 раз. Полученную вытяжку разбавляют водкой, добавляя в нее толченые кости, оставшиеся после их предварительной выварки.

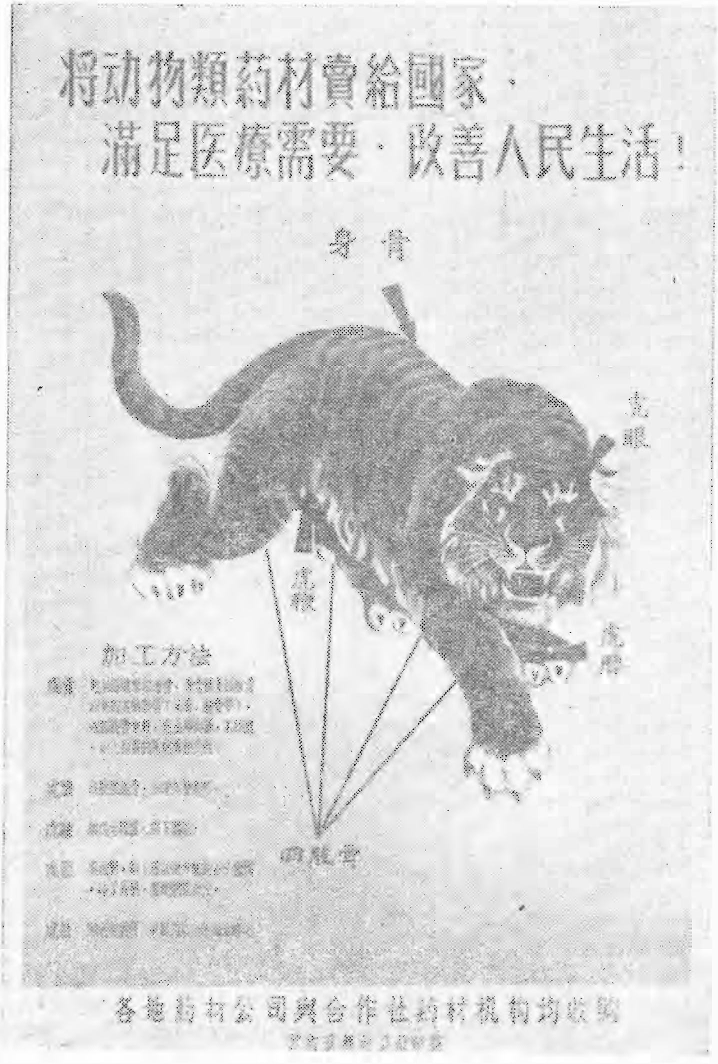


Рис. 32. Современный китайский красочный плакат с изображением тигра, изданный одной из торгующих организаций. Стрелками показаны части тела, которые заготавливают (глаза, позвонки, кости суставов ног, половой орган). Описаны способы их первичной обработки и консервировки. ***Из коллекции автора.***

«Вино из костей тигра» принимают длительное время перед сном, выпивая на прием 2,5 *г* лекарства (для детей доза 1,25 *г*). По-видимому, это сильнодействующее средство, так как его нельзя пить беременным женщинам и во время курса лечения есть чеснок, жирное мясо, рыбу, сырые овощи и т. д. Глаза тигра будто бы используются для лечения глазных болезней, а половой орган употребляется как средство, помогающее при заболевании почек.

Различные части тела тигра употреблялись и в корейской медицине. Так, его лопатки, истертые в порошок, будто бы помогают лечить старческое слабоумие. В Корее, как только охотники убьют тигра, они об этом сообщают старостам ближайших селений и те получают по чашке жидкости из полости его тела. Кровь тигра, по представлению корейцев, обладает бо́льшим омолаживающим эффектом, чем экстракт из пантов пятнистого оленя (Харпер, 1945).

Мясо тигра китайцы и корейцы употребляют в пищу. По одним данным, оно довольно нежное, вкусное и без специфического запаха; в жареном виде по вкусу будто бы напоминает свинину. Однако К. Г. Абрамов (устное сообщ.), пробовавший это мясо, приготовленное в полевых условиях, нашел его мало привлекательным. Оно имело специфический неприятный запах.

Тигры, благодаря красивой окраске меха, силе и ловкости, с древнейших времен привлекали внимание человека. Их ловили живьем и показывали в цирках или содержали при дворцах в зверинцах. При императоре Гордионе III в римском зверинце содержали 32 слона, 60 львов, 30 леопардов, 10 тигров, столько же жирафов, лосей, гиен, бегемотов, носорогов и много мелких животных. Все они были предназначены для боев. В древнем Риме в цирках демонстрировали массовые бои гладиаторов и бестиариев[1] с крупными зверями (слонами, львами, пантерами, тиграми). Например, во время празднества по случаю открытия храма Маркелла гладиаторы, сражаясь с крупными хищниками, убили в цирке 268 львов и 300 пантер. Во время

[1] Бестиарии — звероборцы, люди, которые на лошадях или пешие сражались со зверями коротким мечом или копьем.

этого торжества в Риме впервые показывали тигра, которого потом умертвили в клетке, так как самые отважные гладиаторы побоялись с ним сражаться («Лесной журнал», № 4 за 1835 г.). Римляне и греки познакомились с тигром лишь во время своих походов в Персию. Позднее, при императорах, тигров в Риме показывали довольно часто, их привозили из Индии, Армении и Гиркании. Уже в то время описываемого хищника умели хорошо дрессировать. Например, Гелиогабал, выступая в цирке в роли Бахуса, выезжал на колеснице, запряженной тиграми. В связи с этим событием интересно отметить, что римский император Антоний катался по улицам города в колеснице, запряженной львами. И до сих пор целые группы хорошо дрессированных тигров демонстрируются в наших и зарубежных цирках и «играют» в кино. Например, в самом большом в Европе цирке Карла Кроне была труппа из 50 тигров. Известный дрессировщик хищников Отто Зусков говорил: «Проще всего обстоит дело с дрессировкой тигров. Тигр труслив, но очень способен к обучению. Если же он бросается на дрессировщика,

Рис. 33. Тигр-«киноартист». Зверь уходит от собак.
Фото В. Г. Торопова.

то, в противоположность льву, всегда сзади. Значит, дрессировщик не должен допускать, чтобы тигр увидел его спину». Кинозрителям особенно запомнились фильмы «Акбар», «Человек и зверь» и «Полосатый рейс», где укротители и укротительницы проделывают с тиграми сложные и опасные трюки. Особенной популярностью как «киноактер» в последние годы пользуется крупный бенгальский тигр Пурш, родившийся в Рижском зоопарке. В фильме «Полосатый рейс» Пурш своей «игрой» часто вызывал дружный смех зрителей всех возрастов. При съемке этого фильма Пурш свободно разъезжал на легковой машине по г. Баку с укротительницей Маргаритой Назаровой.

В средние века дрессированных тигров применяли для охоты на крупную дичь (Симашко, 1851). В 1260—1280 гг. в Китае с тиграми охотился внук Чингис-Хана Хубилай (Кублай). Марко Поло (1955), описывая охоту этого хана, говорит: «Много у великого хана гепардов, прирученных к охоте и зверей ловить; и волков у него множество, и они славно приучены

Рис. 34. Тигр-«киноартист». Сцена нападения собак.
Фото В. Г. Торопова.

ловить зверей. Много у него тигров больших, покрупнее тех, что в Вавилоне. Прекрасная на них шерсть, отличной масти, черными, рыжими и белыми полосами. Приручены они ловить диких кабанов, диких быков, диких ослов, оленей, косуль и других зверей. Залюбуешься, когда везут они дикого зверя (тигра. — *А. С.*) в клетке, на телеге, а подле (него) маленькая собачка».

ОХОТА НА ТИГРОВ

С древнейших времен в Закавказье, Средней Азии и Казахстане на тигров охотились ради спортивного интереса и с целью истребления хищников, опасных для стад. В древнем Азербайджане, Армении и Грузии цари, князья и другая знать устраивали облавные охоты, во время которых охотились и на тигров. Например, о грандиозных охотах загоном, устраиваемым с помощью многокилометровых изгородей и десятков тысяч загонщиков монгольскими правителями Ирана на Талыше в XIV столетии, рассказывает иранский летописец Рашид-ад-дин. В Средней Азии и Казахстане на тигров охотились ханы, правители и батыры.

Спортивная охота на тигров была очень распространена в период господства монголов. На Сыр-Дарье, Аму-Дарье и в других местах монгольская знать и военные отряды специально преследовали тигров, совершенствуя военное искусство и воспитывая у воинов храбрость. В средние века монголы, как и многие другие народности, считали тигра сверхсуществом и боялись его. На приказах, в верительных и охранных грамотах монголов, выдаваемых особенно влиятельным лицам,— пайцзах, которые отливались из золота в форме овальной пластины, кроме текста приказа изображали дерущихся тигров или голову этого хищника (Греков, Якубовский, 1950). На пайцзах Чингис-хана голова разъяренного тигра означала повеление хана «Все должны повиноваться хранителю этой пайцзы, как будто мы сами приказываем». Интересное описание пайцз Кублай-хана (Хубилай-Каана) оставил Марко Поло (1955): «У того, кто поставлен над сто тыся-

чами или начальствует главным, большим войском, — говорит этот путешественник, — дщица золотая и весит четыреста saies; на ней написан приказ: «По воле великого бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана, и да погибнут и исчезнут все ослушники». На пайцзе еще были указаны права того, кому она выдана, и что он может делать в своих владениях. Внизу пайцзы был изображен тигр, а вверху солнце и луна. «Когда тот, у кого эта важная дщица, едет, то над головой у него всегда теремец, и значит это, что важный он господин, а сидит он всегда на серебряном стуле».

После ликвидации крупных ханств охота на описываемого хищника пришла в упадок; однако с приходом русских в Среднюю Азию в XIX в. она вновь приняла широкие размеры. Тигров начинают преследовать военные из пограничных частей, специальные военно-охотничьи команды и отдельные охотники-промысловики. Выслеживание и добывание тигров (а также кабанов) помогало воспитывать у казаков и солдат смелость и боевую ловкость. «Постоянная охота на Сыр-Дарье за кабанами и тиграми имела превосходное влияние на дух местного гарнизона, — писал «Верненский гражданин» (1880), — она развила в солдатах отвагу и боевую ловкость; привыкнув к борьбе с опасностями, они сделались неустрашимыми и впоследствии прославили себя во многих знаменитых битвах на Сыр-Дарьинской линии».

Местное население в Средней Азии на тигров охотилось, настораживая на тропе или у задранной им скотины «пружок» с ножом. Гибкий шест с привязанным на конце ножом притягивали к земле и настораживали таким образом, чтобы зверь, задев за симку[1], освобождал шест и он, выпрямляясь, поражал бы зверя снизу ножом. На Аму-Дарье применялся крупный самолов типа северных кляпцов. В тугой ременный гуж вставлялся небольшой шестик, вооруженный несколькими остро отточенными ножами. Гуж закручивался, а шестик прижимался к земле, где и крепился с помощью насторожек. Тигр, стронув насторожку,

[1] Симка — тонкая бечевка, применяемая при настораживании различных ловушек.

спускал гуж, в результате шест с ножами бил его в бок. Казахи изредка устраивали из бревен кулемы, насаживая на давящее бревно гвозди и ножи. Все эти способы были, как правило, мало эффективны и обычно зверь уходил раненым, но все же кляпцами добывали одного-двух хищников в сезон (А. И., 1888). Чаще тигров ловили крупными капканами с привязанными к ним потасками. Тигра, попавшего в капкан, достреливали из ружей.

Наиболее распространенным способом охоты на тигра было настораживание у остатков его добычи одного, чаще же нескольких ружей или ружейных стволов, которые стреляли, если он сбивал симку. Как и при описанных выше способах добычи, могучий зверь, попав под выстрелы настороженных ружей, на месте погибал редко, а уходил, как правило, раненым.

Казахи иногда добывали тигров путем отравления остатков его добычи ядом, получаемым из корней кшалы (*Eminium Lehmanni*). Они же добывали тигров, карауля их у остатков добычи или на тропе в засидке, защищенной со всех сторон кереге — деревянными решетками остова юрты. Кереге крепились к кольям, прочно вбитым в землю. Из такой засидки тигра стреляли, и если он бросался на кереге, его изнутри убивали найзой (копьем) или просто большим ножом. Иногда, писал В. Герн (1891), казахи связывали три звена кереге, сверху прикрепляли палки — ук, вершины которых скрепляли. На верх получившейся клетки привязывали кошму. В клетку заходило до десяти человек, вооруженных ружьями и холодным оружием, они шли к логову зверя, неся над собой вышеописанное защитное приспособление. По данным Э. Эверсмана (1850), казахи охотились на могучего хищника верхом на лошадях, собравшись партиями в 30—40 человек, и убивали его стрелами из лука; далее этот исследователь отмечает, что тигров добывали в основном богатые люди — баи.

Казаки из русских гарнизонов на Сыр-Дарье и Аму-Дарье охотились на тигров настораживая ружья или стреляли в выгнанного из зарослей зверя сидя верхом на лошади, но нередко небольшие команды ходили на него в настоящую штыковую атаку. Почти

каждая такая охота сопровождалась гибелью или ранением солдат и офицеров.

На Дальнем Востоке до проникновения туда в XIX в. китайцев и русских, охотники из местных народностей (удэгейцы, эвенки, орочи и другие) на тигра не охотились, считая его священным животным, и добывали лишь в исключительных случаях. В. К. Арсеньев (1950) рассказывает о факте, когда удэгейцы, убив тигра, который неоднократно нападал на их стойбище, его не взяли, а зарыли в снег и около него выставили колья со стружками, что означало запретность данного места, а сами перекочевали в другой район. Удэгеец Моха, у которого тигр утащил лучшую собаку, согласился с В. К. Арсеньевым преследовать этого зверя, говоря, что это не он идет его убивать, а русский.

Китайцы и русские стали добывать тигра, настораживая луки и самострелы из ружей, стреляя с подхода зверей, задержанных собаками, реже этих хищников травили стрихнином и подрывали, закладывая в остатки добычи специальные патроны со взрывчаткой. Последний способ принадлежит китайцам. Русские охотились на тигра главным образом настораживая ружья. На тигровую тропу или след клали приманку — убитого кабана или косулю. Чаще же приманкой служила живая молодая собака, которую привязывали к дереву так, чтобы она не могла лечь. Собака, оставшись одна, начинала выть и скулить, чем и привлекала к себе тигра. Вокруг собаки устанавливали несколько заряженных ружей или стволов. Нападая на собаку, тигр задевал симку, и в него стреляло одно или несколько ружей (Кулагин, 1923). Раненные различными самострелами звери часто нападали на преследовавших их людей; иногда тигры-калеки становились людоедами.

На северо-востоке Китая тигров добывают теми же способами, что и в наших пределах, на юге же, например в провинции Юньнань, их ловят в ямы, вырытые на тропе, или убивают из луков-самострелов, которые стреляют стрелами с наконечниками, отравленными ядом «е-шу», известным также под названием «анчар», добываемым из дерева *Antiaris toxicaris*. Луки (иногда

до десяти), настораживали у входа в бамбуковую клетку, в которую садят живую приманку (бычка или козу). Такими же способами на тигра в основном охотятся также в Бирме, Лаосе и Вьетнаме. На острове Амое (Китай) охотники садятся в бамбуковую клетку и берут с собой для приманки козу. Когда тигр подходит к клетке, в него стреляют из луков, целясь в брюхо, или колют трехзубой острогой (Аллен, 1938).

В Корее местное население убивало тигров, делая маленькие мины. Позднее этот способ был запрещен полицией. Их также ловили в ловушки, у входа в которые настораживали бревна или большие камни. В этой стране добывание животных ядами запрещено. Во время японской оккупации корейцы, лишенные огнестрельного оружия, вынуждены были охотиться на тигров, нападавших на их скот, с факелами и копьями, собираясь большими группами (Харпер, 1945).

В Индии раньше широко практиковали охоты на тигров со слонов. В этой стране на описываемого хищника теперь часто охотятся с лабаза (махана), устраивая его на деревьях возле привязанной живой приманки (обычно молодого бычка). Хищника, подошедшего к приманке, убивают из винтовки или ружья. Реже тигров ловят большими стальными капканами с потаском. На них также устраивают облавы и загоны, ловят ямами и другими ловушками.

В Непале охота на тигров со слонов широко практикуется и в настоящее время. Место, где укрылся тигр, окружает большое количество пеших загонщиков, которые постепенно двигаются к центру. В цепи загонщиков идут и слоны, иногда до 80 голов, как, например, во время королевских охот. Участок, где укрылся тигр (или тигры), обтягивают сплошной полосой светлой хлопчатобумажной материи, которая удерживает зверя в окладе, затем в образовавшийся небольшой круг заходят несколько слонов с сидящими на них охотниками. Охотники, заметив тигра, стреляют в него залпами до тех пор, пока не убьют. Этот способ охоты несколько напоминает практикуемые у нас охоты на хищников с флажками.

С добытого тигра шкуру снимают ковром. Выде-

Рис. 35. Охота на тигра со слонов в Индии.
По Л. Бертэну (1954).

ланные шкуры шли на ковры и полости. Об использовании других частей туши говорилось выше.

ОТЛОВ ТИГРОВ

Отлов тигров живьем практиковался уже давно. Выше говорилось о том, что в древний Рим живых тигров привозили из ряда стран, в том числе и из Армении. В XVIII в. этих хищников доставляли в русские царские зверинцы из Бухары. По-видимому, тогда ловили молодых животных в возрасте до трех лет включительно, так как П. И. Рычков (1762) писал, что тигров ловят молодыми; пока их кормят старые, они безопасны, только бы старых при этом не было.

Рис. 36. Выход на отлов тигрят бригады охотников в горах Сихотэ-Алиня. *Фото В. П. Сысоева.*

В. К. Арсеньев (1949), путешествуя по Уссурийскому краю в 1902—1906 гг., застал уже там русских тигроловов, ловивших тигрят живьем. «Среди крестьян, — писал этот путешественник, — были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали веревками».

Рис. 37. Момент поимки молодого тигра бригадой тигроловов, возглавляемой И. Т. Трофимовым. Тигр сбит и прижат рогулинами к земле. И. Т. Трофимов (крайний справа) связывает ему лапы. Зима 1952—1953 гг. Красноармейский район, Приморский край. *Фото Н. Назарова.*

Особенно большой спрос на живых уссурийских тигров, которые шли в наши зоопарки и цирки, а также экспортировались, появился в 20-х годах текущего столетия. Известная фирма Карла Гагенбека в то время платила за взрослого уссурийского тигра-самца 1000 английских фунтов стерлингов (около 10 000 золотых руб.) и за молодого в возрасте до года — 100 фунтов (около 1000 золотых руб.) Значительный спрос на живых тигров внутри страны и за границей существует и в настоящее время. За молодого уссурийского тигра последние годы платили до 500 рублей и больше. Даже только за сообщение о свежих следах тигрят «Зооцентр» выдавал охотникам премию 50—100 рублей. На международном рынке уссурийский тигр теперь стоит около 4000 долларов, южнокитайский — около 3000 долларов. Наличие большого спроса на живых тигров привело к тому, что ежегодно вылавливался почти весь молодняк и дальнейшее воспроизводство этого хищника фактически прекратилось.

В начале текущего столетия тигров особенно успешно ловили с помощью собак братья Худяковы (Соловьев, 1925), причем, по словам Н. А. Байкова (1925), на тигра, остановленного собаками, охотники будто бы набрасывали сеть, а когда он в ней запутывался, связывали его. В последние годы молодых тигров ловили без сетей.

Группа охотников в четыре-пять человек, найдя следы тигрицы с тигрятами, начинает их тропить, причем преследование выводка часто продолжается по нескольку дней. Близко подойдя к тиграм, охотники всей бригады по команде с криками и выстрелами в воздух пускаются в погоню за ними, стремясь отбить самку от тигрят, и гонят их так иногда 5—10 *км*. В результате погони более слабые молодые начинают отставать от матки, а та уходит вперед. За ней посылают одного охотника, который продолжает ее преследовать и пугать, периодически стреляя вверх. В некоторых случаях охотник, отогнав самку, возвращается к товарищам, которые ловят тигрят, и страхует их от ее случайного возвращения и нападения, стоя в стороне с заряженной винтовкой и зорко наблюдая за окружающим лесом. Потеряв из вида матку, перепу-

ганные тигрята сбиваются с ее следа и уходят в сторону. С этого момента по их следам пускают собак, которых до сих пор вели на поводках. Если тигрята еще маленькие (годовалые), собакам одевают намордники, на крупных же тигрят их пускают без намордников. Две-три собаки, пущенные по следу, быстро настигают тигренка и загоняют его под карчу (вывернутое с корнями дерево), валежник, в скалы и в другие укрытия. Подбежав к задержанному собаками зверю, охотники тут же вырубают шесты толщиной в руку и длиной в два-три метра с рогулиной на конце. С рогулинами наготове охотники, став в ряд локоть к локтю, бросаются на зверя, стараясь его сбить, т. е. свалить на землю и прижать к ней (рис. 37). Одной рогулиной тигренка обычно за шею прижимают к земле, а другими удерживают его заднюю часть в паховой области. Когда тигр будет свален и прижат к земле, важно, чтобы все его лапы оказались в воздухе, тогда их можно связать. После короткой борьбы, как только удастся свалить тигра, охотники набрасывают ему на лапы ременные или веревочные петли и связывают. Затем

Рис. 38. Тигр, прижатый рогулинами к земле. Одну из них он схватил зубами и перегрыз.
Фото В. Г. Торопова.

ему надевают намордник, заготовленный заранее. Обезвредив таким образом хищника, лапы ему связывают специальными путами, сделанными из полос прочной ткани, длиной в 60—70 *см*, на середине такой полосы завязывают узел, а оба конца надрывают. Лапы вяжут попарно, передние отдельно от задних (Абрамов, 1956). Иногда лапы вяжут мягкими, специально скрученными веревками.

Выше был описан «классический» способ поимки тигра живым, но нередко зверя приходится брать иначе. Иногда не бывает под рукой рогулин или их некогда вырубить, так как тигр уходит или он их сломал. В подобном случае остановленному зверю суют приклад винтовки, телогрейку или вещевой мешок, а пока он яростно на них бросается, другие ловцы наваливаются на зверя и, схватив его за загривок и лапы, прижимают к земле, после чего связывают (Шкляр, 1935; Реутов, 1957 и др.). Один из таких случаев описан тигроловом П. Реутовым (1957). «Пройдя менее полукилометра, — рассказывает этот охотник, — наткнулись на лежку тигра. Вскоре спустили собак и, услышав их лай, поспешили к ним на помощь. Утомленные псы с трудом сдерживали зверя. Увидя, что тигр отбивается и вот-вот уйдет, мы стали натравливать собак, указывая на зверя и крича: «Взять! Взять! Бери его...». Обе лайки яростно бросились на хищника, Черепанов предложил срубить вилашку — ведь нас было только двое. Боясь, что пока мы будем рубить дерево, тигр снова уйдет, я отклонил его предложение... В это мгновение тигр бросился на нас. Я привычно сунул ему в пасть приклад, но он лапой выбил винтовку из рук. Медлить было нельзя: исход борьбы решали доли секунды. Сунув в пасть тигра рукавицу, я не успел отдернуть руку. Хищник прикусил ладонь. Тут же я сунул ему в пасть ногу, обутую в лосиные олочи. Зверь прокусил и их, но тело не задел. Тем временем я одной рукой схватил его за загривок между ушей, а другой — за переднюю лапу. Черепанов навалился на вторую переднюю лапу зверя и придавил ногами его задние лапы. Вместе с нами с тигром боролись и обе собаки. Я лежал рядом со зверем, по мере сил помогая Черепанову вязать хищника. Он связал

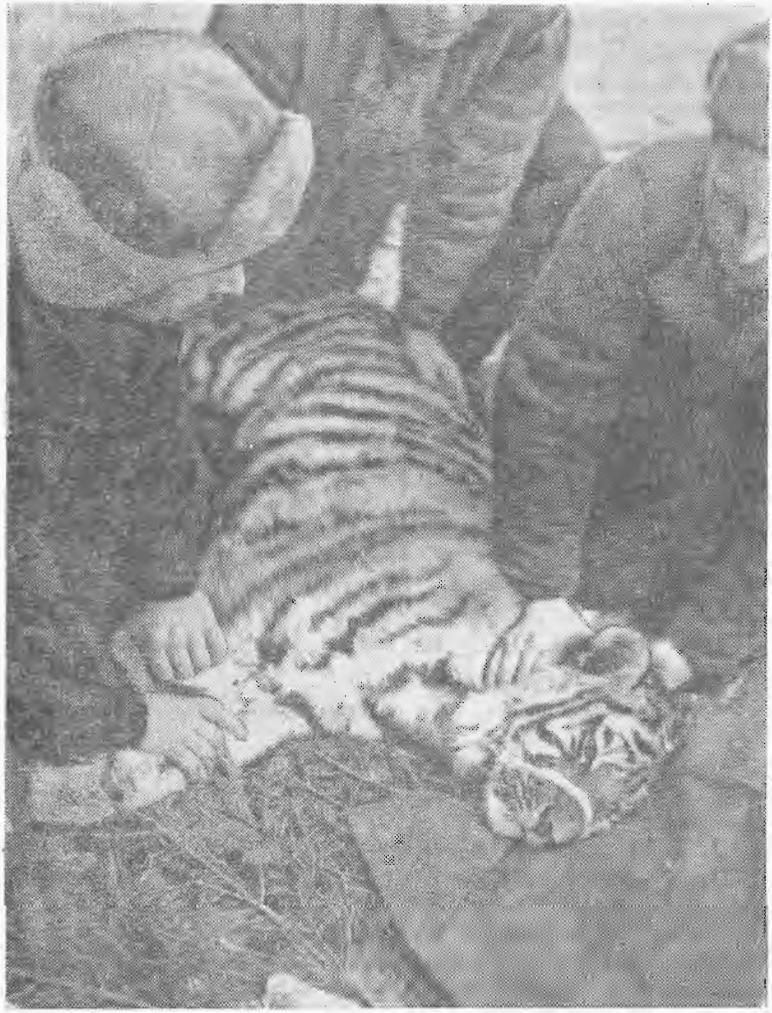


Рис. 39. Двухлетняя тигрица, пойманная в 1959 г. на р. Подхоренок (Хабаровский край). На передней части головы виден белый намордник. *Фото В. П. Сысоева.*

Рис. 40. Тигроловы с пойманными и связанными молодыми тиграми. Справа — известный тигролов И. Т. Трофимов. Зима 1952—1953 гг. Красноармейский район Приморского края. *Фото Н. Назарова.*

ему сперва передние, а затем задние лапы. Челюсти связывали вдвоем, с трудом освободив из пасти мою ногу.

Этого тигренка мы впихнули в большой мешок. Я взвалил ношу на плечи и потащил к табору. В тигренке было не менее семидесяти килограммов...»

Поймав первого тигренка из выводка, оставляют одного охотника караулить его, а остальные члены бригады начинают преследовать других тигрят, пока не переловят весь выводок. Редкому молодому зверю удается уйти от охотников. Например, группа приморских тигроловов за период с 1936 по 1957 г. обнаружила 17 выводков тигра, в которых было всего 48 тигрят, из них они поймали 45 (В. Абрамов, 1962).

Отлов тигров живьем описанными способами до

Рис. 41. Пойманного тигра тигроловы на нартах вывозят из тайги. *По В. П. Сысоеву (1955).*

Рис. 42. Пойманного тигренка тигроловы на носилках выносят из тайги. 1959 г. Вяземский район Хабаровского края. *Фото В. П. Сысоева.*

недавнего времени практиковался лишь русскими охотниками на советском Дальнем Востоке. В последние же годы упомянутыми приемами молодых тигров стали ловить и в северо-восточных районах Китая. О добычливости описанных способов отлова тигров можно судить по следующим данным. За период с 1930 по 1940 г. на одной только реке Иман с притоками было отловлено сорок тигрят и будто бы даже девять взрослых тигров (Сысоев, 1955а). На весь Советский Союз известны охотники-тигроловы братья Козины, поймавшие 21 и убившие 18 тигров (до 1935 г.), семьи Кулагиных, Богачевых, Трофимовых, Реутовых, а также охотник Т. Л. Черепанов. Например, в 1932 г. охотники бригады Козиных поймали четырех тигров и убили одного, кроме того, они добыли около 60 кабанов. И. П. Богачев поймал за свою жизнь 36 тигров, причем тридцать шестого зверя он добыл, когда ему было 73 года, но и позднее он со своими сыновьями продолжал заниматься любимым промыслом. П. П. Богачев

поймал 16 и убил 8 тигров. Тигроловы из с. Лоумо братья Трофимовы, Калугины и Т. Л. Черепанов за период с 1947 по 1955 г. поймали и сдали «Зооцентру» 24 тигра, из которых отдельные звери весили до 116 *кг*.

Тигрят ловят живыми до трехлетнего возраста включительно, когда они уже нередко весят более 100 *кг*. Связать такого «котенка», как говорят, голыми руками подстать лишь русским охотникам.

За последние десятилетия отлов тигрят живьем неоднократно описывали в художественной литературе (Шкляр, 1935; Сысоев, 1952, 1955, 1955а), в прессе (Алехин, 1956; Киселев, 1957 и многие другие) и в охотничьих журналах (Абрамов, 1956; Реутов, 1957). На эту же тему заснято несколько документальных фильмов, один из которых, «Тигроловы», удостоен на шестом международном кинофестивале в Венеции второй премии. Художники Зорин и Куриленко создали картину «Тигроловы», на которой изображено, как четверо отважных охотников вяжут тигра.

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ТИГРОМ

С древнейших времен все народы Восточной, Средней и Южной Азии считали тигра существом сверхъестественным, одаренным мудростью и другими качествами, свойственными человеку и богам. Под влиянием суеверного страха перед этим хищником во многих странах создали особый культ тигра, распространенный раньше среди народностей Дальнего Востока, а также в Китае, Вьетнаме, Японии, Монголии, Корее, Индии, Непале, Индонезии и других странах. Изображение этого зверя, наравне с изображением дракона, можно было видеть всюду: на предметах изящных искусств во дворцах правителей, в фанзах земледельцев, в убогих хижинах звероловов, на алтарях божниц и кумирен. Например, на Алтае при раскопке Пазырыкских курганов, относящихся к V—IV вв. до н. э., найдено несколько реалистических изображений тигра, а также мифических существ — грифонов с туловищем тигра или его головой на теле орла или грифа (Руденко, 1953). При раскопке дворца Торак-Кала в древнем

Хорезме в разных комнатах найдены фрагменты трех изображений тигров (Толстов, 1951). На Дальнем Востоке на стенах лесных кумирен, воздвигаемых в честь тигра и для его умилостивления местными звероловами и искателями жень-шеня, еще недавно можно было встретить такую надпись: «Прохожий! Остановись! Зажги свечу молитвы в честь горного князя, который был начальником в Су-Чжоу, и не бойся злых духов, живущих в этих лесах» (Байков, 1925).

Монгольские ханы, например Хубилай, для устрашения своих подданных и внушения им веры в свое божественное происхождение с успехом использовали и живых тигров. О подобном факте говорит Марко Поло (1955): «Расскажу вам еще о превеликом чуде: приводят перед великим государем большого тигра, завидит он великого хана и смиренно ляжет перед ним, словно как бы признает его за своего государя, и лежит без цепей. Есть чему подивиться!»

В связи с культом тигра китайская и тибетская медицина приписывала и приписывает в настоящее время различным частям его тела чудодейственную силу. По поверью китайцев, удэгейцев и других, тигр, имеющий на голове рисунок меха, похожий на иероглиф «Ван» (начальник), является вторичным воплощением человеческой души, искупающей собственные грехи или грехи своих предков. В тигра, по их поверьям, воплощается душа какого-нибудь известного правителя. Если тигр пожирал людей, то, очевидно, люди эти были грешны и должны пройти очищение в желудке «князя гор», как обычно называли тигра на Дальнем Востоке. Благодаря почитанию тигра, коренные жители Дальнего Востока раньше на него не охотились. Удэгейцы, орочи, эвенки и нанайцы воздавали тигру почести, как божеству, приносили ему жертвы в виде своей охотничьей добычи. Старые маньчжуры-звероловы избегали даже называть тигра его именем, а старались высказаться о нем иносказательно, веря, что сказать слово «тигр» (по-китайски «лао-ху», «лао-мао-цзы») опасно, так как можно навлечь на себя гнев «хозяина» или «властелина лесов». Суеверное отношение удэгейцев к тигру прекрасно описано В. К. Арсеньевым (1949, 1950), а также

Рис. 43. Изображение тигра, вытканное гладью на шелке. Рядом с изображением зверя текст умиротворяющей его молитвы. Китай. *Из коллекции автора.*

Д. Киманко (1956). Так, знаменитый спутник В. К. Арсеньева удэгеец Дерсу-Узала, услыхав рев тигра, начал волноваться и сказал: «Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба (тигр. — *А. С.*) сердится! Это его место». И далее: «Наша сейчас другое место ходи... Сердиться не надо!...». Удэгейский писатель Д. Киманко (1956) рассказывает о том, как тигр на одном стойбище утащил ребенка, но местное население этого хищника не тронуло. «Как его могут убить люди? Разве можно тигра убивать? — говорил шаман Иванса Кялундзюга.— Если убьешь — духи накажут. Надо только молиться на след его, просить духов, чтобы отогнали подальше. Тигр — священное животное. Он наш сородич».

Этнографы С. В. Иванов, М. Г. Левин и др. (1956) отметили, что раньше тигра удэгейцы убивали только в случае, если он нападал на стойбище. Культ тигра (куты мафа) у этой народности примыкал к культу «хозяев» природы — тайги, вселенной. С тигром были связаны мифы тотемистического характера.

Культ тигра был ярко выражен и у орочей. Тигр — это амба, начальник, хозяин всех зверей тайги. Они убивали его только в порядке родовой мести за растерзанных им сородичей. Кости убитого тигра специально хоронили так же, как и кости медведя. Орочи считали, что некоторые их роды состоят в родстве или свойстве с тигром. Например, род Еманки вел свое происхождение от тигра. Только представители этого рода имели право есть животных, убитых тигром.

У нанайцев тигр пользовался особым почитанием. С ним представители рода Актанки связывали свое происхождение.

Выше говорилось, что когти тигра народы Дальнего Востока и казахи носили как амулеты, можно еще добавить, что, по поверью китайцев, кости из пальцев передней лапы тигра приносят удачу во всяком деле. Засушенный тигровый глаз помогает видеть то, что скрыто от человеческого ока. Тигровая шкура уничтожает злую волю, действующую извне, и успокаивает нервы лежащего на ней человека. Д. Корбетт (1957) рассказывает, что когда он в Индии убил тигра, собралось все население окрестностей. Лапы и хвост

тигра были разрезаны на мелкие кусочки и распределены. Кусочки мяса и костей были употреблены для ожерелий, которые носят на шее дети горцев. Прибавление кусочка мяса или кости тигра к другим талисманам должно придать храбрость их носителю.

Во Вьетнаме, по Бертэну (1954), тигра называют «господином». Когда один хищник начал таскать у жителей скот, последние вывесили в лесу прошение с просьбой, чтобы он ушел и не тревожил бы их своими набегами. Все эти поверья указывают на ту большую роль, которую тигр играл раньше в жизни и мировоззрении народов средней, южной и восточной частей Азии.

За годы советской власти, в связи с бурным ростом культуры среди народностей Дальнего Востока, все эти поверья ушли в область предания.

Тигру уделялось много внимания в устном и письменном народном творчестве народов Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии. Почти в половине удэгейских, китайских и дунганских сказок этот хищник является главным персонажем. Часто он фигурирует и в народных сказках казахов, киргизов, уйгуров, узбеков, грузин и других народов. В этом отношении тигр может соперничать с медведем, лисицей, волком и зайцем — главными персонажами многих русских сказок, басен, пословиц и поговорок.

ТИГР И ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

Изображением тигра как олицетворением силы и власти в ранние века и позднее пользовались в Китае, а в средние века — в Монголии (см. выше). Прибегали к нему и в наше время. Так, некоторые султанаты и сеттльменты — бывшие в то время английскими колониями, выпустили интересные серии почтовых марок с изображением тигра. В 1891—1894 гг. марки с изображением тигра в прыжке выпущены султанатом Негри-Сембилан. В 1896—1897 гг. в этом же султанате появились марки с изображением головы тигра. Подобные же марки выпущены султанатом Селенгор — в 1891—1895 гг. и в 1895—1898 гг., Паханг — в 1892 г. и 1895—1896 гг., Перак — в 1891—1895 гг.

и 1892—1899 гг. и Сунгей Уйонг — в 1891—1894 гг. и в 1896 г. Марки Малайской Федерации с изображением тигра появились в 1900 и 1900—1901 гг. Свои марки имеют и сеттльменты Пенанг и Малакка. На большинстве марок Малайской Федерации рядом с головой тигра изображен портрет местного султана или английской королевы Елизаветы (рис. 44). Эти изображения как бы говорят: «Бойтесь султанов и королей так же, как вы боитесь тигров — они повелители».

С изображением бенгальского тигра в 1940 г. почтовую марку выпустило индийское княжество Бопал, а в 1959 г.— Танжер, находящийся в Африке. Последняя вошла в серию марок с изображением живот-

Рис. 44. Почтовые марки различных стран с изображением тигра. *Из коллекции автора.*

ных, которая выпущена, по-видимому, специально для коллекционеров.

Красивая многоцветная марка с изображением уссурийского тигра выпущена в 1959 г. в Советском Союзе. Она вошла в серию «Охраняйте животных», предназначенную для знакомства широких масс населения с нашими редкими, охраняемыми животными.

Вторично марки с изображениями тигра достоинством в 12 копеек у нас выпущены в 1964 г. в связи со столетием Московского зоопарка.

МЕРЫ ПО ОХРАНЕ ТИГРА

Тигр, как памятник природы и истории, имеет огромную научную ценность, которая с каждым годом увеличивается благодаря быстрому исчезновению этого зверя. Живые тигры всегда пользуются большим спросом внутри страны и, особенно, для зооэкспорта. Как вредитель различных отраслей народного хозяйства тигр теперь не опасен, мало опасен он и для человека. Очевидно, что нужно принять все меры к тому, чтобы не допустить полного истребления тигра. К таким мерам будут относиться следующие:

1. Полный запрет его отстрела и сильное ограничение отлова тигрят по всей территории СССР[1]. В связи с этим предложением следует отметить, что в Хабаровском и Приморском краях отстрел и отлов тигров был запрещен полностью с 1947 по 1954 г. В 1954 г. временно резрешили отлов тигрят. В Приморском крае «Правилами производства охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории Приморского края на 1956—1958 гг.» отстрел и отлов тигров запрещен в течение всего года и по всей территории края сроком на пять лет. За незаконную добычу тигра установлен штраф в сумме 5000 рублей (старыми деньгами). Еще раньше постановлением Крайкома от 23 января 1952 г. в этом крае был запрещен отстрел тигров.

[1] Отстрел отдельных тигров можно разрешать только в том случае, если они начнут серьезно вредить животноводству, и после специальной проверки фактов их вредной деятельности организациями, охраняющими природу.

Запрет на отстрел и отлов тигров в Хабаровском и Приморском краях сохраняется до настоящего времени. Однако начиная с 1960 г. Приморская зообаза каждую зиму по специальным разрешениям отлавливает по одному выводку тигрят. Например, в 1961 г. добыто два тигренка, в 1962 г. — два и в 1963 г. — три (И. А. Бельский). По сообщению газеты «Советкая Россия» от 4 июня 1961 г. в 1961 г. в Приморье одной бригадой отловлено три тигренка.

В 1964 г. в Приморье уже отловлено пять тигрят. В январе этого года бригада охотников под руководством К. С. Шевкунова из Среднеиманского зверопромхоза в долине р. Лючехезы отловила трех тигрят. Во время их отлова один звереныш забрался на высокий кедр и, чтобы его поймать, охотники срубили дерево (Якимов, 1964; Заставный, 1964). Второй выводок из двух тигрят отловлен тигроловами той же бригады в декабре 1964 г. в Красноармейском районе в верхнем течении р. Синанчи. Тигрята были весом около 100 *кг* каждый (Костин, 1964; Жарков, 1964).

Несмотря на существующий запрет охоты на тигров, ежегодно отмечаются случаи их отстрела браконьерами. С конца 1959 по 1963 г. включительно Приморской Госохотинспекцией установлено девять фактов незаконной добычи тигров, причем, как правило, убивали молодых хищников, недавно начавших самостоятельную жизнь. Обычно убившие их браконьеры сочиняют страшные истории о том, как на них напал тигр. Многие из браконьеров были разоблачены и соответственно наказаны. Например, А. Ф. Беруников из Артема, застреливший молодого тигра, по решению суда оштрафован на 500 рублей (газ. «Красное знамя», 11 июня 1963 г., Владивосток).

Принятые меры по охране дальневосточного тигра уже дали положительные результаты. Сокращение его численности, наблюдавшееся в последний раз в начале 50-х годов текущего столетия, прекратилось и поголовье тигров более или менее стабилизировалось.

В Закавказье и в республиках Средней Азии долгое время продолжали истреблять тигров, выплачивая даже премии за убитого зверя (Таджикистан). В Таджикистане отстрел и отлов тигра в течение круглого

года были запрещены лишь постановлением Совета Министров Таджикской ССР за № 257 от 4 сентября 1957 г., но это запрещение опоздало, и в этой республике тигров теперь нет.

2. Заключение международной конвенции по охране тигра с пограничными государствами, в которых еще сохранился этот зверь (Корея, Китай, Афганистан, Иран).

Необходимо в ближайшее время договориться о создании крупных заповедников для совместной охраны тигра в пограничных районах с Корейской Народно-Демократической Республикой, Китайской Народной Республикой, Афганистаном и Ираном. Подобные пограничные заповедники в наше время существуют в ряде стран, например Татры на границе Чехословакии с Польшей.

3. Относительные, а местами и абсолютные учеты его численности в тех районах, где он еще сохранился. Такие учеты необходимо проводить не реже одного раза в три года.

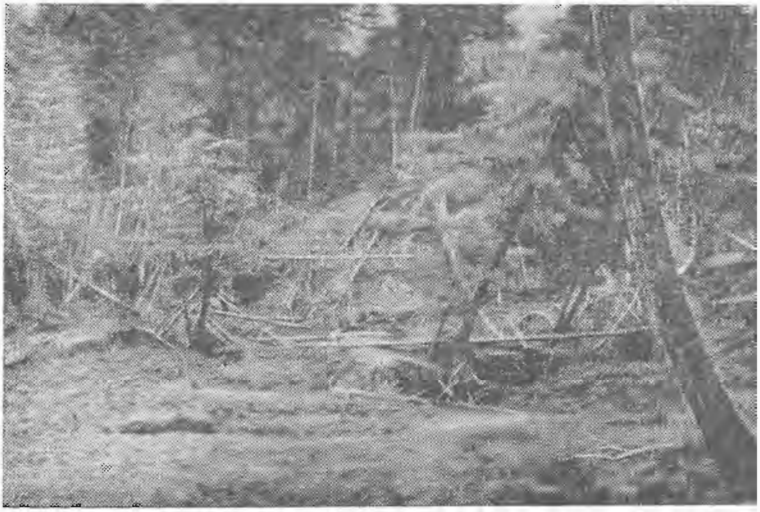


Рис. 45. Местообитание тигров. Верхний солонец на ключе Мутном (Колумбе), хребет Сихотэ-Алинь. Июнь, 1958 г. *Фото В. К. Абрамова.*

Рис. 46. Местообитание тигра. Кедрово-широколиственный лес. Супутинский заповедник, Приморский край. 1958 г.
Фото В. К. Абрамова.

Рис. 47. Местообитание тигра. Дубовый лес с примесью кедра в верховьях р. Себучара. *Фото В. К. Абрамова.*

Если учеты покажут, что численность тигров растет, можно будет разрешить отлов тигрят, но в количестве, не большем 20% от числа учтенных молодых в возрасте двух-трех лет. Разрешение на отлов тигрят необходимо выдавать на целый выводок и обязательно отлавливать всех молодых из одной семьи. Тигрица, потеряв детенышей, вскоре может быть покрыта вновь, если же при ней останется хотя бы один тигренок, возможно ее прохолостание в течение лишних одного года — двух лет.

4. Расширение территории заповедника Сихотэ-Алинь. Этот заповедник был учрежден в 1930 г. К 1936 г. его площадь выросла до 1800 тыс. *га*, и он оказался самым крупным в РСФСР. В настоящее время его площадь занимает только 426,6 тыс. *га*, и он состоит из двух далеко лежащих друг от друга территорий. Первая расположена на восточных склонах средней части хребта Сихотэ-Алиня (бывш. заповедник Сихотэ-Алинь), вторая — Судзухинский филиал — 173 тыс. *га* (бывш. Судзухинский заповедник — 329 тыс. *га*) — занимает южную часть указанного хребта. Этот заповедник играет серьезную роль в деле охраны и изучения тигра.

Следует добиваться расширения территории и Супутинского заповедника, расположенного в верховьях р. Супутинки, берущей начало на хребте Дадянь-Шань (западные отроги Сихотэ-Алиня). Современная площадь этого заповедника, созданного еще в 1932 г., всего 17 тыс. га. На его небольшой территории тигр может держаться лишь непродолжительное время.

Возможно, в будущем тигр будет жить и в Хинганском заповеднике, организованном в Хабаровском крае к северу от р. Амура, в южных отрогах Буреинского хребта (Малого Хингана), в междуречье рр. Урила и Хингана. Площадь его 58,3 тыс. *га*.

Нужно создать заповедник в Биробиджане, где уже существует заказник Шухи-Покто, с целью охраны тигра в районе хребта Шухи-Покто. Необходимы заказники в других местах, где еще сохранился тигр, для охраны в них копытных зверей, являющихся его добычей. Кроме того, следует регулировать отстрел крупных копытных (кабан, изюбр), чтобы не лишать

тигра корма. В районах, где встречается тигр, после многоснежных зим и малокормных для кабана сезонов охоту на этого копытного зверя следует запрещать совершенно, чтобы ускорить восстановление его численности. Кабан — важнейший вид добычи тигра.

5. Подкормка тигров в заповедниках в тяжелые для них зимы (высокий снежный покров, насты) живой добычей (например, беспородными собаками).

6. Необходимо организовать разведение тигров в неволе в заповедниках и в наших крупнейших зоопарках, создав в каждом из них племенные гнезда из зверей одного подвида. Следует также завести Всесоюзную Государственную племенную книгу (по типу ныне существующей для учета зубра и лошади Пржевальского) и заносить в нее всех тигров, содержащихся в наших зоопарках и зверинцах. Эту книгу должно вести Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. Выполнение данного мероприятия облегчается тем, что тигры сравнительно хорошо размножаются в неволе, например в Московском зоопарке уссурийские тигры начали размножаться с 1929 г. Лишь от одной тигрицы «Чижик» в этом зоопарке всего было получено 23 детеныша, а из 11 зверей этого подвида, содержавшихся в разное время в зоопарке, размножились пять самок и три самца (Афонская и Крумина, 1956).

7. В тех районах, где тигр сохранился до настоящего времени, особенно в заповедниках, необходимо продолжать изучение его экологии.

8. Широкая пропаганда среди населения сведений по биологии тигра, его отношений к человеку и домашним животным, роли в охотничьем хозяйстве. Идеи охраны описываемого зверя распространяются путем издания массовым тиражом красочных плакатов, листовок, научно-популярных книг и брошюр, выступлений по радио и телевидению, публикаций в газетах и журналах.

Своевременное и полное выполнение всех перечисленных мероприятий, а также, возможно, и других позволит сохранить этого интереснейшего зверя в нашей фауне, в противном случае он через несколько лет будет истреблен совершенно. Лишь осу-

ществив основные мероприятия по охране тигров, можно будет разрешить эксплуатацию их запасов, производя отлов тигрят.

Добывание тигрят следует разрешать лишь специальным бригадам опытных охотников, под контролем Госохотинспекции. Зообазы, принимающие тигрят от охотников, должны быть укомплектованы специалистами. Нельзя, чтобы на базах гибло большинство тигрят, принятых от охотников, как это имело место раньше. Например, в 1955—1957 гг. на Дальневосточной базе «Зооцентр» из 15 принятых ею тигрят погибло 13.

Тигр должен оставаться украшением нашей фауны.

Тигров теперь охраняют и во многих зарубежных странах. Так, в Китайской Народной Республике полностью запрещена охота на амурского тигра, населяющего северо-восточные провинции.

В Корейской Народно-Демократической Республике принимаются меры по охране корейского тигра.

В Индии бенгальского тигра охраняют в национальном парке Хейли (32 тыс. *га*, учрежден в 1935 г., штат Уттар-Прадеш) и Канхери (учрежден в 1950 г., штат Бомбей), а также в целом ряде долгосрочных заказников, имеющихся в княжествах или штатах: Ассам, Бихор, Мадхья-Прадеш, Уттар-Прадеш, Мадрас и других.

В Бирманском Союзе тигра охраняют в нескольких долгосрочных заказниках: в Пидаунг (71,4 тыс. *га*), учрежденном еще в начале текущего столетия на севере Бирмы в княжестве Качин, затем в Швезетто (54 тыс. *га*), созданном в 1940 г. в средней части бассейна р. Иравади (округ Минбу), Шве-у-Даунг (32 тыс. *га*), учрежденном в 1918 г. в центральной части Бирмы в княжестве Шань.

В Индонезии в заказнике Уджур-Кулон (35 тыс. *га*), расположенном в западной части острова Явы, охраняется яванский тигр. Там теперь живет около шестидевяти тигров.

Будем же надеяться, что совместные усилия ряда стран по охране тигра, спасут этого интереснейшего зверя современности от полного истребления.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамов К. Г. Отлов уссурийских тигров. «Охота и охотничье хозяйство», 1956, № 6, стр. 25.

Абрамов К. Г. Тигры в Приморском крае. «Охота и охотничье хозяйство», 1960, № 3, стр. 25—26.

Абрамов К. Г. Охрана тигра на Дальнем Востоке. В сб.: «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. 5. М., изд. АН СССР, 1960а, стр. 92—95.

Абрамов К. Г. К методике учета тигра. В сб.: «Вопросы организации и методы учета ресурсов фауны наземных позвоночных». М., изд. АН СССР, 1961, стр. 53—54.

Абрамов В. К. К биологии амурского тигра (*Panthera tigris longipilis* Fitzinger, 1868). Vesntnik Ceskoslovenske Spolecnosti Zoologicke, Sv. XXVI, Cislo 2, 1962, str. 189—202.

Алмазов И. Рассказы южноуссурийского охотника. «Природа и охота», 1890, апрель, стр. 73—103.

Алфераки С. Н. Тигры в Кульджинском районе. «Природа и охота», 1882, май.

Андерсон К. Черная пантера из Шиванипала. М., изд-во «Наука», 1964.

Арсеньев В. К. Охота на тигра. В сб.: «Встречи в тайге». М.— Л., Детгиз, 1950, стр. 98—110.

Афонская Р. И., Крумина М. К. К биологии уссурийских тигров. В кн.: «Московский зоопарк». Сборник трудов, вып. 1. Госкультурпросветиздат, 1956, стр. 51—60.

Байков Н. А. В горах и лесах Маньчжурии. Петроград. Изд. журнала «Наша охота», 1915.

Байков Н. А. Маньчжурский тигр. Харбин, изд. Общества изучения Маньчжурского края, секция естествознания, 1925.

Байков Н. А. Тигры на Дальнем Востоке. «Охотник», 1927, № 8, стр. 23—24.

Бельский И. Об уссурийском тигре. Газ. «Красное знамя», 1957, 6 января, Владивосток.

Бельский И., Бромлей Г. Уссурийский тигр. Газ. «Красное знамя», 1953, 11 января, Владивосток.

Бихнер Е. Млекопитающие. СПб, изд. Акц. об-ва Брокгауз — Ефрон, 1905, стр. 238—240.

Бромлей Г. Ф. и Гутникова З. И. Супутинский заповедник. Владивосток, Приморское книжное изд-во, 1955, стр. 29.

Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.— Л., изд. АН СССР, 1959, стр. 274—275.

Верненский гражданин. Мантык — истребитель тигров. «Природа и охота», 1880, т. IV, № 10 (октябрь), стр. 63.

Гедин С. В сердце Азии, т. 1. СПб, изд. А. Ф. Девриена, 1899, стр. 330, 341, 439 и т. II, стр. 20.

Гептнер В. Г. Фауна позвоночных животных Бадхыза (Южный Туркменистан). Ашхабад, изд. АН Туркменской ССР, 1956, стр. 125—136.

Герн В. Зоогеографические заметки по Акмолинскому уезду. Газ. «Семипалатинские областные ведомости», 1891, № 15, стр. 141—142; № 16, стр. 149—150; № 21—22, стр. 197—200, № 23, 24, 25.

Дементьев Г. П. К фауне наземных позвоночных юго-западной Туркмении. «Ученые записки Моск. гос. ун-та им. Ломоносова», 1945, вып. 83.

Дементьев Г. П., Рустамов А. К. Записки о некоторых видах кошачьих (*Felidae*) Туркмении. «Изв. АН Туркменской ССР», вып. 2, 1956, Ашхабад, стр. 75—78.

Динник Н. Я. Звери Кавказа, часть II, хищные. «Зап. Кавказского отд. Импер. русск. географ. об-ва», кн. XXVII, вып. 2, 1914, Тифлис, стр. 247—536.

Зарудный Н. А. Краткий очерк охотничьего промысла в Сыр-Дарьинской области. Отд. оттиск из кн.: «Туркестанское сельское хозяйство». Ташкент, 1915, стр. 26.

Ишунин Г. И. Тигр. В кн.: «Фауна Узбекской ССР», т. III. Млекопитающие (хищные и копытные). Ташкент, изд. АН УзбССР, 1961, стр. 119—123.

Капланов Л. Г. Тигр, изюбр, лось. «Материалы к познанию фауны и флоры СССР». М., изд. Моск. об-ва испыт. природы, 1948, стр. 18—49.

Каплин А., Иванов В., Патушенко М. Пушнина (рынок капиталистических стран). М., Внешторгиздат, 1955, стр. 18.

Киманко Д. Там, где бежит Сукпай. М., Изд. «Молодая гвардия», 1956, стр. 98.

Корбетт Дж. Кумаонские людоеды. М., Географгиз, 1957, стр. 205.

Корнеев Н. Тигр в Могочинской тайге. Газ. «Забайкальский рабочий», 1954, 7 января, Чита.

Кривопуск Н. Схватка двух лесных великанов. «Бюлл. Окруж. совета ВВОО ДВО», 1957, № 1 (5), март. Хабаровск, стр. 39—42.

Кулагин Н. А. Богатства России. Русский пушной промысел. Петроград, изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923, стр. 51.

Лагидзе Л. В защиту леопарда. Газ. «Вечерний Тбилиси», 1964, 20 июня.

Марко Поло. Книга Марко Поло. М., Географгиз, 1955, стр. 103, 114—115.

Михайлов Н. Тигр в Биробиджанском районе. Газ. «Биробиджанская звезда», 1951, 6 октября, Биробиджан.

Никольский А. М. Путешествие в Алтайские горы летом 1882 г. Тр. СПб об-ва естествоисп., т. XIV, вып. 1, 1883.

Никольский А. М. О фауне позвоночных животных дна Балхашской котловины. Тр. СПб об-ва естествоисп., т. XIX, 1887.

Никольский А. М. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. Прил. к т. LX «Зап. АН», № 5, 1889.

Новиков Г. А. Хищные млекопитающие фауны СССР. М.— Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 266—270.

Огнев С. И. Звери СССР и прилежащих стран, т. III. М.— Л., Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1935, стр. 271—305.

Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб, 1773, стр. 349.

Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., Гос. изд-во географ. лит., 1949.

Покровский В. О распространении туранского тигра. В сб.: «Охрана природы», № 13, М., 1951, стр. 117—121.

Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг., 1-ое изд., 1870; изд. 2-ое, М., гос. изд-во географ. лит., 1947, стр. 194—195.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, т. I. СПб, изд. Импер. русск. географ. об-ва, 1875, стр. 121.

Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. «Изв. Русского географ. об-ва», 1878, т. XIII, вып. 5, стр. 195—329.

Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб, изд. Импер. русск. географ. об-ва, 1888.

Реутов П. Тигроловы. «Охота и охотничье хозяйство», 1957, № 1, стр. 48—49.

Родин В. Тигр амурский. Газ. «Биробиджанская звезда», 1956, 24 марта, Биробиджан.

Руковский Н. Н. Современное распространение тигра в Приморском крае. Первое Всесоюзн. совещ. по млекопитающим, тезисы докладов, в. I. М., 1961, стр. 140.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». 1762, январь — ноябрь. СПб.

Салмин Ю. А. К распространению, биологии и промыслу амурского тигра *Felis tigris longipilis* Fitzin. в горной стране Сихотэ-Алинь. Научно-методич. зап. М., изд. Глав. упр. по заповед., зоопаркам и зоосадам, 1940, стр. 251—254.

Сатунин К. А. Млекопитающие Кавказского края, т. I. «Зап. Кавказского музея, серия А», 1915, № 1. Тифлис, стр. 303—322.

Северцов Н. А. Тигр. «Вестник естественных наук», 1855, т. II, № 15, стр. 449—467; № 16, стр. 499—520; № 17, стр. 546—554; № 19, стр. 612—615.

Северцов Н. А. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. «Изв. Об-ва люб. естествозн., антроп. и этнограф.», 1873, т. VIII, М.

Сельский И. Ответ на вопрос Гумбольдта о появлении тигра в Северной Азии. «Записки Сиб. отд. Русск. географ. об-ва», 1856, кн. 1, СПб.

Силантьев А. А. Хищные (*Cornivora*). В сб.: «Естественные производительные силы России», т. VI. Животный мир, вып. 1. Петроград, 1919, стр. 7—28.

Симашко Ю. Русская фауна, или описание и изображение животных, водящихся в империи Российской. 1851, стр. 570.

Слудский А. А. Пушные звери Казахстана. Алма-Ата, Казгосиздат, 1939, стр. 136—141.

Слудский А. А. О редких и новых видах млекопитающих для Казахстана. «Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы, отд. биологии», 1950, т. V, вып. 2, стр. 11—14.

Слудский А. А. Тигр в СССР. «Изв. АН Казахской ССР, серия биологическая», 1953, вып. 8, стр. 18—43.

Смирнов Е. Т. Охота на тигров на р. Сыр-Дарье. «Журнал охоты», 1875, т. II, № 1, стр. 16—24; № 2, стр. 1—7.

Смирнов Е. Т. Тигры под Ташкентом. «Природа и охота», 1879, № 5, стр. 169—176.

Смирнов Е. Т. Тигры в Чирчикской долине. Газ. «Туркестанские ведомости», 1880, № 30—32.

Строганов С. У. Тигр в Средней Азии. «Охота и охотничье хозяйство», 1961, № 12, стр. 22—24.

Строганов С. У. Звери Сибири. Хищные. М., Изд. АН СССР, 1962, стр. 427—443.

Суханов Н. Меткий выстрел. Газ. «Комсомольская правда», 1954, 14 января.

Сысоев В. П. Тигроловы. Хабаровское книжное изд-во, 1955, стр. 11—29; 44—52; 58—67.

Сысоев В. П. В дальневосточной тайге. М., Гос. изд-во географ. лит., 1955а, стр. 70—85.

Сысоев В. П. Схватка медведя с тигром. Газ. «Сельская жизнь», 1960, 12 мая, М.

Флеров К. К. Хищные звери (*Fissipedia*) Таджикистана. В кн.: «Звери Таджикистана». М.—Л., изд. АН СССР, 1935, стр. 131—200.

Чернышев В. И. Распространение тигра, леопарда и ирбиса в Таджикистане. «Сообщения Таджикского филиала АН СССР», 1950, вып. XXV. Сталинабад, стр. 21—23.

Чернышев В. И. Фауна и экология млекопитающих тугаев Таджикистана. Сталинабад, изд. АН Таджикской ССР, 1958, стр. 78—84.

Черкасов А. Записки охотника Восточной Сибири 1856—1863, изд. 2-ое. СПб, Изд-во А. С. Суворина, 1884, стр. 351—359.

Шерешевский Э. И. Краткое руководство по разведению кошачьих в зверинцах. В сб.: «Размножение диких животных в зверинцах». Научн. отд. Зооцентра. М., 1940, стр. 14—37.

Шнитников В. Н. Млекопитающие Семиречья. М.— Л., изд. АН СССР, 1936, стр. 110.

Эверсман Э. История млекопитающих животных Оренбургского края. 1850, стр. 6—7.

Янковский М. Пятнистые олени, барсы и тигры Уссурийского края. «Изв. Вост-Сиб. отд. географ. об-ва», 1882, XIII, № 3, стр. 42—43.

Allen G. M. The mammals of China and Mongolia. (Natural History of Central Asia), vol. XI, part. I. New York, 1938, 480—488.

Barclay F. The Manchurian Tiger. The gun at home and abroad. The big game of Asia and North America. London, 1915, 225—233.

Bertin L. La vie des Animaux. T. second. Librairie Laιousse. Paris, 1954.

Brandt J. F. Untersuchungen über die Verbreitung des Tigers (Felis tigris) und seine Beziehungen zur Menschheit. «Mém. de l'Academia Imp. Sci. St.-Petersbourg», 1859, 8, 2, Ein Sendschreiben an den Herrn Baron A. v. Humboldt von J. F. Brandt, St. Petersburg, 1856.

Harper F. Extinct and Vanishing Mammals of the Old World. New York, 1945, 300.

Jerdon T. C. The Mammals of India. London, 1874.

Meissner H. O. Der Bali-Tiger — ein Märchen? «Säugetirkunde Mitt.», 1958, 6, № 1, 13—17.

Meyendorff G. Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'ets de la mer d'Aral et au dela de l'ancien Jaxartes. Revu par Amédée Jaubert, Paris, 1826, 59—61.

Pocock R. I. The Fauna of British India, including Ceylon end Burma, vol. I. Mammalia. London, 1939.

Perry R. The World of the Tiger, Cassell. London, 1964.

Radde G. Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859, incl. v. I, 1862, 106—113.

Reed T. H. Queen of an Indian Place, a Rare Whita Tigress comes to Washington. «Jour. National Geographie Society», v. 119, 1961, № 5, pp. 628—641.

Schwarz E. Zwei neue Lokalformen des Tigers aus Central-Asien. Zool. Anzeiger», 1916, vol. 47, 12, 351—354.

Sowerby A. C. The naturalist in Manchuria, vol. 2. Mammals. Tientsin, 1923, 191.

Шоу Т. Х. Иллюстрированное описание промысловых зверей Китая. Пекин, изд. АН Китая, 1958. [На китайском яз.].

Шоу Т. Х., Ся У-пин, Пэн Хун-шоу, Ван Сун, Эньянь-мэй. Доклады об исследованиях млекопитающих Северо-Восточного Китая. Пекин, изд. АН Китая, 1958. [На китайском яз.].

СОДЕРЖАНИЕ

Чем интересен тигр и почему его теперь охраняют . . . 8

Рассказы об охоте на тигра

Д. Корбетт. Чампаватский людоед 9
А. Коптелов. Как 25 сибиряков на тигра ходили . . 37
Е. Смирнов. Охота на тигров на Сыр-Дарье . . . 42
Верненский гражданин. Мантык — истребитель тигров 61
Наталья П. Три охоты на тигра 102
К. Кузнецов. Разведчики 3-ей сотни 4-го Оренбургского казачьего полка на тигровой охоте 107
Эль-Регистан. Джульбарс — владыка джунглей . . 116
Н. А. Байков. Тигровые ночи 151
Н. А. Байков. Охота на тигра 166
В. К. Арсеньев. Охота на тигра 176
И. Алмазов. Рассказы южноуссурийского охотника 188
В. П. Сысоев. Тигролов 218
В. П. Сысоев. Снова на тигров 233

А. А. Слудский. Что мы знаем о тигре

Систематическое положение тигра и разнообразие его форм 247
Описание тигров, встречающихся в СССР 254
Распространение и численность тигров в разных странах 265
Распространение и численность тигров в СССР . . . 282
Места обитания 294
Питание 302
Тигры-людоеды 307
Способы охоты тигра 309
Участок обитания 314
Устройство жилищ и временных убежищ 318
Суточный цикл активности и поведение 319
Миграции, выселения и кочевки 322
Размножение, развитие тигрят и продолжительность жизни 324
Способность к гибридизации 332
Враги, паразиты, болезни, смертность, конкуренты . . 333
Динамика численности 336
Практическое значение 338
Охота на тигров 350
Отлов тигров 354
Суеверия, связанные с тигром 363
Тигр и почтовые марки 367
Меры по охране тигра 369
Основная литература 377

599. 74 + 639. 11

СЛУДСКИЙ АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ВЛАДЫКА ДЖУНГЛЕЙ

Редактор *Д. М. Глазырина*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *З. П.Ророкина*
Корректоры *В. А. Пичкунова, Э. Е. Жармухамедова*
Обложка художника *А. Н. Комарова*

* * *

Сдано в набор 22/X 1965 г. Подписано к печати 11/I 1966 г. Формат 84×108[1]/32. Физ. л. 24. Усл. печ. л. 19,68. Уч.-изд. л. 21,75. Тираж 75 000. УГ 00604. Цена 1 руб.

Набрано в типографии Издательства «Наука». Отпечатано и сброшюровано в Полиграфкомбинате г. Алма-Аты.
Зак. 229.

1 руб.